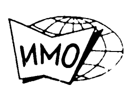
Н. И. ЛЕБЕДЕВ

Падение диктатуры Антонеску

Н. И. ЛЕБЕДЕВ

Падение диктатуры Антонеску

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ“
МОСКВА • 1966

Правление фашистского диктатора Иона Антонеску — мрачный период в истории Румынии, когда страна, находясь в гитлеровской кабале, участвовала в антисоветской войне.

На основе богатого документального материала, взятого из архивов, в книге освещается этот период. В ней вскрываются противоречия в фашистской румынской верхушке, отношение Гитлера к соперничеству между И. Антонеску и „Железной гвардией", видное место уделяется исследованию процесса вызревания революционной ситуации в Румынии, вооруженному восстанию 23 августа 1944 г. и последующей борьбе под руководством компартии за приход к власти демократического правительства. В книге показывается решающая роль СССР в освобождении Румынии от фашистского ига.

Представляя собой научное исследование, книга вместе с тем написана живо и интересно и привлечет внимание широкого круга читателей.

$\frac{1-6-3}{11-66}$

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ И ВКЛЮЧЕНИЕ РУМЫНИИ В ГИТЛЕРОВСКИЙ БЛОК

Глава 1

ПРИХОД К ВЛАСТИ ГЕНЕРАЛА АНТОНЕСКУ И „ЖЕЛЕЗНОЙ ГВАРДИИ"

30 августа 1940 г. в Бельведерском дворце в Вене Риббентроп и Чиано приняли румынских и венгерских делегатов, чтобы объявить арбитражное решение по крайне обострившемуся летом 1940 года спору Венгрии и Румынии из-за Трансильвании. Эта территория была присоединена к Румынии по версальскому мирному урегулированию после окончания первой мировой войны. «Господа,— ледяным голосом сказал Риббентроп румынским делегатам, показывая на карту, где синим карандашом была проведена новая румынско-венгерская граница в Трансильвании, — по приказу фюрера мы предлагаем вам две альтернативы: или вы безоговорочно принимаете эту границу, или германские войска вместе с венгерскими войсками вступят в Румынию» [1].

Установленная «венским арбитражем» новая граница отторгала от Румынии северную часть Трансильвании площадью в 43 тыс. *кв. км* с населением 2,6 млн. человек, из которых более половины составляли румыны [2]. На территории Северной Трансильвании находилась при-

---

[1] A. Easterman, King Carol, Hitler and Lupescu, L., 1942, p. 212.

[2] Institutul de istorie a partidului de pe lîngă CC al PCR, «Lectii în ajutorul celor care studiază istoria PMR», Buc., 1961, p. 405 (далее: «Lectii...»).

мерно треть крупных промышленных предприятий Румынии, около 30% — мощностей цветной металлургии, 22 — химической промышленности, 36% — лесной и т. д.[3] В тексте так называемого решения о Трансильвании говорилось: «Окончательной границей между Румынией и Венгрией будет считаться граница, указанная на прилагаемой карте»[4]. От Румынии потребовали в 14-дневный срок очистить территорию, отходившую к Венгрии, и передать ее в полном порядке. Румынское население передаваемой части Трансильвании должно было в 6-месячный срок решить вопрос о своем гражданстве и в соответствии с этим остаться либо в составе венгерского государства, либо переселиться в Румынию. Такое же право предоставлялось венгерскому населению Южной Трансильвании, остававшейся за Румынией.

Венским диктатом гитлеровская Германия преследовала цель углубить противоречия между Венгрией и Румынией, привязать их правителей к себе и иметь возможность шантажировать их. Королевская Румыния потеряла большую часть своей территории, что не могло не вызывать недовольства в стране. Хортистская Венгрия, несмотря на приобретения, все же осталась неудовлетворенной. Полученная от Румынии территория составила только две трети той площади Трансильвании, на которую они претендовали. Зато у Гитлера появилось мощное средство давления на правящие круги Румынии и Венгрии, чтобы включить их в предстоящую войну фашистской Германии против СССР. Позднее Гитлер обещал румынским и венгерским фашистам пересмотреть в их пользу решения «венского арбитража», если они будут активно участвовать в антисоветской войне. Риббентроп следующим образом определил смысл «венского арбитража»: «Основная цель нашей политики по отношению к Венгрии и Румынии состояла в том, чтобы держать обе стороны в состоянии постоянного напряжения, подогревая их аппетиты, с тем чтобы решать все вопросы в интересах Германии, в зависимости от развития событий»[5].

---

[3] A. Braun, Lupte şi jertfe pentru Ardeal, Braşov, 1944, pp. 220—226.

[4] «Известия», 1 сентября 1940 г.

[5] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 1, Воениздат, 1960, стр. 302.

Расчленив Румынию, фашистские правители Германии и Италии лицемерно заявили, что после принятия Румынией «венского арбитража» они готовы «гарантировать неприкосновенность территории румынского государства». Эти «гарантии» были не чем иным, как предложением румынским господствующим классам включиться в антисоветский поход фашистских держав, в результате которого Румыния захватила бы Бессарабию и другие советские территории. Ближайший сотрудник Риббентропа Кордт признавал, что «гарантии», дававшиеся Румынии одновременно с «венским арбитражем», были явно враждебным актом в отношении Советского Союза[6]. Об этом пишет также бывший румынский министр иностранных дел Г. Гафенку[7].

Правительство королевской диктатуры подчинилось венскому диктату. 30 августа 1940 г. состоялось заседание коронного совета, большинство которого высказалось за принятие «венского арбитража», в их числе был лидер румынских фашистов-железногвардейцев Хориа Сима[8]. Реакционный генералитет дал аргумент для такого решения. Бывший начальник румынского генерального штаба и военный министр генерал Ион Антонеску, поддерживавший тесные связи с германским посланником в Румынии Фабрициусом, с одобрения последнего направил королю Каролю доклад, в котором требовал уступки Северной Трансильвании хортистской клике под предлогом того, что румынская армия дезорганизована и демобилизована и не в состоянии вести войну в защиту румынской территории[9]. К тому же обнаружилось, что граница с Венгрией фактически не была укреплена: ослепленные ненавистью к СССР румынские правители весь период после окончания первой мировой войны готовились к войне против него, возводя на своей восточной границе военные сооружения и т. п., к строительству же оборонительной линии было приступлено лишь перед самым началом второй мировой войны. Несмотря на лихорадочные темпы строительства, создать сильно укреп-

---

[6] См. A. Toynbee, The Initial Triumph og the Axis, L., 1958, p. 381.

[7] См. G. Gafencu, Prelude to the Russian Campaign, L., 1944, pp. 58, 70.

[8] См. A. Easterman, op. cit., p. 213.

[9] См. Arhiva CC al PMR, fond 1, dos. 7939, ff. 8—9.

ленную линию обороны на венгерской границе не удалось, она была скорее воображаемой, чем реальной. Поэтому ее называли насмешливо именем, созвучным с названием французской «линии Мажино»,— «линия Имажинеску» (от французского слова «имажинасьон» — воображение).

Румынские правящие круги пошли на принятие «венского арбитража» и «гарантий» в надежде на то, что им будет представлена в будущем соответствующая компенсация за счет советских территорий.

Для оправдания совершенного ими акта национального предательства король-диктатор и его окружение распространили версию о «безвыходном положении» Румынии, которой якобы угрожал в это время Советский Союз. Румынские газеты распространили клеветнические слухи о том, что СССР будто бы готовит нападение на Румынию. Стране угрожает военный разгром, пугали фашисты, а посему единственный-де способ спасения Румынии — отдать Венгрии часть Трансильвании и получить от Германии и Италии гарантии «территориальной целостности» и «независимости» румынского государства.

Разоблачая эти клеветнические утверждения, призванные оправдать акт национального предательства, совершенный эксплуататорскими классами Румынии, газета «Правда» писала: «Окружение Кароля уже несколько времени назад вело переговоры, в которых подготовлялась передача Венгрии значительной части Трансильвании, а также получение от Германии и Италии гарантий государственной территории Румынии. Каролю нужны были какие-нибудь внешние поводы, чтобы оправдать перед общественным мнением Румынии эти подготовлявшиеся решения. В этих целях окружение Кароля пошло на создание провокационных инцидентов на советско-румынской границе... Кароль, конечно, правильно рассчитывал, что нападение румынских частей на советскую пограничную охрану не может остаться без ответа. Все это было использовано для того, чтобы распространять заведомо ложные слухи о том, что, якобы, Советский Союз готовит нападение на Румынию...»[10]. Бывший министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку, которого никак

[10] «Правда», 9 сентября 1940 г.

нельзя заподозрить в расположении к Советскому Союзу, в своих мемуарах пишет, что в середине августа 1940 года при посещении НКИД СССР он получил категорические заверения в том, что Советский Союз не имеет претензий к Румынии и желает развивать с ней мирные, добрососедские отношения. Он признает также, что, хотя во время «венского арбитража» румынскую делегацию шантажировали угрозой русского нападения в случае отказа Румынии согласиться с ним, Советский Союз не проявил агрессивности по отношению к своему румынскому соседу [11]. СССР решительно выступал против «венского арбитража», осуждая его, как типично империалистическую сделку [12].

В румынских архивах есть документ, имеющий прямое отношение к характеристике советской позиции в период «венского арбитража». В этом документе указывается, что «венским арбитражем» Германия, игравшая главную роль в его подготовке и осуществлении, хотела обеспечить себе военную позицию на юго-востоке Европы и румынскую нефть для войны против СССР. При выполнении этого плана с самого начала было зафиксировано свержение политического режима короля Кароля, в которого Германия не верила. Спешка при подписании «венского арбитража» и срочная эвакуация уступленной территории, подчеркивает далее упомянутый документ, «объясняется боязнью, что Советы ускоренным действием могут предупредить и сорвать германские намерения. Этим и объясняется то, что первоначальное посредничество, которое должно было протекать в обстановке тишины и спокойствия, превратилось в обязательный арбитраж ультимативного характера с требованием немедленного выполнения его. Сама форма, в которой Румынии был навязан этот арбитраж, носила элемент наказания Румынии за политику нахождения в противоположном лагере» [13]. Таким образом, само фашистское правительство Антонеску, составившее этот документ, признавало,

---

[11] G. Gafencu, op. cit., pp. 51, 56—57, 59.

[12] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 1, стр. 302.

[13] Историко-дипломатический архив МИД СССР. Микрофильмы румынских документов, ф. МИД Румыния, д. 300, л. 40 (далее: ИДА).

что позиция СССР не содействовала, а, напротив, препятствовала «венскому арбитражу».

«Венский арбитраж» вызвал возмущение в Румынии, усилив антигерманские настроения среди населения. «Все проклинали немцев»,— свидетельствует очевидец тех событий. Даже такой прогермански настроенный реакционный деятель, как Куза, выступил с осуждением позиции Германии в трансильванском вопросе и голосовал в коронном совете против принятия «венского арбитража» [14]. Гитлеровцы в этой связи пытались представить дело так, что ответственность за «венский арбитраж» лежит не на Германии, а на Италии, которая оказала поддержку Венгрии, и что Германия в будущем все сделает для восстановления территориальной целостности румынского государства.

Гнев народных масс обрушился на королевскую диктатуру, которая своей политикой капитуляции перед фашистским агрессором и превращения страны в плацдарм для будущего нападения на СССР привела не только к экономическому подчинению Румынии германскому империализму, но и к ее расчленению. 30 августа 1944 г., в день подписания «венского арбитража», на улицах Клужа, являвшегося исторической столицей Трансильвании, под лозунгами компартии прошла демонстрация протеста. «Долой диктатуру Кароля — диктатуру голода и террора!», «Долой империалистический венский диктат!», «Хотим дружбы со свободными народами Советского Союза!», «Хотим народное правительство!» — требовали участники массовой демонстрации.

В Тимишоаре под руководством окружного комитета КПР 2 сентября прошла забастовка железнодорожников: на следующий день состоялась многотысячная демонстрация протеста против принятия «венского арбитража», во время которой возмущенные демонстранты побили стекла в германском и итальянском консульствах. Местные власти с помощью вооруженных фашистов пытались помешать этой демонстрации, но потерпели провал. Под руководством Коммунистической партии Румынии массовые народные выступления против акта национального предательства, совершенного королевской диктатурой, охватили многие города страны — Брашов, Яссы

---

[14] См. A. Easterman, op. cit., p. 218.

и др. Демонстрации брашовских рабочих беспрерывно шли с 1 по 4 сентября 1940 г.

Румынские патриоты протестовали против капитуляции королевской диктатуры, требовали отвергнуть «венский арбитраж». «Не отдадим Ардял (Трансильванию. — *Авт.*)», «Мы будем сражаться!» — заявляли демонстранты в Бухаресте, Араде, а также в других городах Трансильвании. Германский посланник в Бухаресте Фабрициус доносил 3 сентября 1940 г. в Берлин, что румынская армия не хочет подчиняться приказу об оставлении Северной Трансильвании [15].

Бурное выступление народных масс против короля-диктатора и его внутренней и внешней политики решили в это время использовать румынские фашисты-железногвардейцы. У них был свой счет к Каролю II, по приказу которого в конце 1938 года были убиты «при попытке к бегству» заключенные в тюрьму руководители «Железной гвардии» во главе с Кодряну.

Дискредитация короля-диктатора, явившаяся следствием потери Румынией Северной Трансильвании, нарастание волны народного гнева против предательства, совершенного монархией в сообщничестве с буржуазно-помещичьей верхушкой, позволили румынским фашистам-железногвардейцам подняться на гребне этой волны. Выдавая себя за жертв королевского террора, мучеников, якобы страдавших ради блага румынского народа, железногвардейцы требовали отречения Кароля, угрожали убить его. В выпущенной 1 сентября 1940 г. железногвардейцами листовке их новый главарь Хориа Сима со свойственной ему претенциозностью изложил историю взаимоотношений «Железной гвардии» с королем: «Когда Кароль освободил меня из заключения, я предоставил ему последний шанс спасения страны... Я потребовал восстановления «Железной гвардии», взамен взяв на себя обязательство гарантировать трон и династию. Я даже согласился на определенные положения, означавшие уменьшение моего престижа и нашего движения. Но король не послушался и продолжал прежнюю политику. Агент масонства и иудаизма, слуга Англии и погибшей демократии, виновник гибели страны должен уйти с румынского трона! Король должен отречься!»

[15] См. «Documente on German Foreign Policy 1918—1945» (далее: DGFP 1918—1945), Series D, vol. 11, Wash., 1956, p. 11.

1 Заказ № 103

Гитлеровская Германия подстрекала действия своей железногвардейской агентуры в Румынии, ибо была заинтересована в устранении Кароля от управления страной. Несмотря на то что королевская диктатура после разгрома Франции поставила себя полностью в услужение германскому фашизму, гитлеровская клика не доверяла Каролю II. Именно этим недоверием объяснял позднее Риббентроп румынским фашистским правителям решение об отторжении Северной Трансильвании. Королевское правительство Румынии, утверждал он, не давало «достаточных гарантий стоять рядом с Германией» [16], то есть окончательно и бесповоротно войти в блок фашистских государств.

Тесно связанный с монополистическими кругами Запада Кароль II не мог быть для Гитлера тем человеком, на которого он мог бы положиться в период, когда для германского империализма наступала решающая фаза борьбы за мировое господство. К тому же скомпрометировавшая себя принятием «венского арбитража» королевская диктатура стала бесполезной для Гитлера. Она не могла обеспечить выполнение страной гитлеровских предписаний, ибо была крайне слаба, чтобы одолеть демократическую оппозицию, являвшуюся антигерманской и антифашистской. Королевский престиж в армии резко упал, исключив возможность беспрекословного подчинения ее Каролю, являвшемуся главой румынских вооруженных сил. А румынская армия очень интересовала гитлеровцев в связи с их решением напасть на СССР. Поэтому фашистская клика Германии стремилась поставить у власти в Румынии правительство, сформированное из своей агентуры. По их указке «Железная гвардия» усилила антикоролевские выступления, стремясь угрозами заставить его отречься от престола.

Чтобы подавить движение возмущенных народных масс и укрепить румынскую монархию, Кароль II решил поручить формирование нового правительства королевской диктатуры генералу Иону Антонеску, отъявленному реакционеру, который слыл человеком «твердой руки».

И. Антонеску был отнюдь не новой фигурой на политической арене Румынии. Еще в 1907 году, участвуя в

---

[16] Arhiva Ministerului Afacerilor Externe al RPR (далее: Arhiva MAE), fond Germania, vol. 85, non paginata (n/p).

подавлении крестьянского восстания, он зарекомендовал себя кровавым палачом румынского народа. Вместе с другими реакционными русскими генералами И. Антонеску в 1917 году разоружал революционизировавшиеся русские войска на румынском фронте в Молдове. Под его командованием королевские войска Румынии принимали участие в подавлении Венгерской Советской Республики. В послевоенные годы он был военным атташе Румынии в Великобритании, являлся начальником румынского генерального штаба, входил в качестве военного министра в правительство профашиста О. Гога, а затем в первое правительство королевской диктатуры, возглавлявшееся митрополитом Мироном Кристя.

Будучи ярым антисемитом, И. Антонеску осуждал Кароля II за то, что он приблизил к себе крупных капиталистов-евреев М. Аушнита и др. Внешняя политика Кароля II не удовлетворяла генерала Антонеску, считавшего необходимым давно прекратить «игру на двух столах» и связать страну союзом с гитлеровской Германией. Значительны были его расхождения с правительством королевской диктатуры и по другим вопросам. В июле 1940 года И. Антонеску был арестован и заключен в Быстрицкий монастырь за посылку королю письма, содержавшего недозволенную критику недостатков в вооружении и снабжении армии, на поставках которой наживалась королевская камарилья. За этими внешними причинами антикоролевских выступлений генерала Антонеску скрывалось его безграничное честолюбие и желание установить свою диктатуру по образцу Гитлера и Муссолини.

Кароль II был вынужден просить И. Антонеску сформировать правительство, ибо, по его мнению, только генерал Антонеску мог справиться с этим поручением: он пользовался влиянием в армейских кругах, его авторитет признавали в «Железной гвардии», с которой он был тесно связан еще с 30-х годов [17], к тому же кандидатуру

---

[17] Газета «Тимпул» писала в момент прихода И. Антонеску к власти, что он давно связан с «Железной гвардией», которой оказывал покровительство в трудное для нее время. Будучи вызван в качестве свидетеля на процесс К. Кодряну и других вожаков «Железной гвардии» в 1938 году, он открыто выступил в их защиту. Когда его спросили, можно ли считать «капитана» (главаря) железногвардейцев предателем румынских интересов, И. Антонеску театрально от-

Антонеску, известного прогерманца, положительно воспримут в гитлеровском рейхе, мнение которого нельзя было не учитывать. Чтобы остаться у власти, Кароль II был готов выполнить любое условие гитлеровцев. По требованию германской миссии, с которой через посредство прогермански настроенного национал-либерала Г. Братиану генерал Антонеску, будучи под арестом, оговорил вопросы, связанные с будущим управлением страной, он был освобожден из заключения [18]. Фабрициус сообщал 5 сентября 1944 г., что совместно с итальянским посланником он «советовал И. Антонеску взять себе диктаторские полномочия, ибо только крепкая рука может спасти страну от хаоса» [19].

Получив в полдень 5 сентября предложение сформировать новое правительство, И. Антонеску в 9 часов вечера того же дня заявил королю, что не сможет создать правительство, если Кароль II не отречется от престола в пользу своего девятнадцатилетнего сына Михая. Угрожая революцией и гражданской войной, возможностью покушений на жизнь Кароля II, И. Антонеску ультимативно потребовал от него до 6 часов утра следующего дня выполнить это требование. «Если Вам дорога ваша жизнь, — подчеркнул генерал Антонеску, — то оставьте пределы Румынии, пока для этого имеется возможность» [20]. Подкрепляя угрозы Антонеску, железногвардейцы в период 3—5 сентября совершили нападение на жандармский участок в Боде, сделали попытку захватить радиостанцию в Бэняса, собирались перед королевским дворцом и стреляли по нему и т. п.

В течение ночи Кароль II, пребывая в состоянии паники, встречался с различными военными и политическими деятелями, чтобы заручиться их поддержкой. Г. Бра-

---

ветил: «Я не подаю руки предателям» и, решительно подойдя к Кодряну, демонстративно пожал ему руку («Timpul», 11 sept. 1944). В 1937 году, войдя в состав правительства О. Гога, он ставил вопрос о приглашении туда главаря румынских фашистов-железногвардейцев К. Кодряну. После убийства Кодряну и других руководителей «Железной гвардии» действиями железногвардейцев, их выступлениями против короля в 1939—1940 годах, по утверждению английского автора, руководил фактически генерал Антонеску (см. A. E a s t e r m a n, op. cit., p. 16).

[18] См. «Procesul marii trădări naţionale», Buc., 1946, pp. 234—235.

[19] DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, p. 22.

[20] «Memorial Antonesco», vol. 1, P., 1950, p. 61.

тиану, Куза, Манойлеску и др. советуют ему отречься. Лишь генералы Михаил и Теодореску высказывались за то, чтобы Кароль II оставался на престоле. Чувствуя свою изолированность и видя желание господствующих сил вручить свою судьбу в руки генерала-диктатора, король утром 6 сентября 1940 г. подписал акт самоотречения и передал управление государством генералу Антонеску, снабдив его диктаторскими полномочиями. Вскоре после этого Кароль вместе со своей любовницей тайно покинул Бухарест. Когда его поезд подходил к Тимишоаре, направляясь в Югославию, железногвардейцы обстреляли его. Так бесславно закончилась власть королевской диктатуры.

Первым актом И. Антонеску, ставшего «кондукэторулом» — фюрером, руководителем румынского государства, было его обращение с письмом к Гитлеру, которого он благодарил и заверял в своей верности[21]. В связи с приходом И. Антонеску к власти германский посланник в Румынии убеждал Берлин в том, что в лице этого генерала найден человек, «который преисполнен решимости исполнить наши требования здесь»[22]. К этой аттестации Антонеску, вскрывающей его предательскую сущность, трудно что-либо добавить.

12 сентября И. Антонеску обращается с призывом к «дорогим легионерам», приглашая «Железную гвардию» сотрудничать с ним в руководстве румынским государством. При этом он не преминул вспомнить о своих заслугах перед железногвардейским движением, о той помощи, которую он оказал в свое время легионерам-железногвардейцам, стремясь таким путем завоевать их расположение. И. Антонеску был вынужден сделать это по двум причинам. Во-первых, потому, что у диктатуры Антонеску не было собственной массовой базы и она опиралась на военные круги, где И. Антонеску имел влияние и авторитет. Привлечение «Железной гвардии», которая благодаря своей типично фашистской демагогии имела известное влияние среди населения, в особенности в мелкобуржуазной среде, давало диктатуре некоторую базу. Во-вторых, такого сотрудничества желали гитлеровцы, считавшие, что коалиция генерала Антонеску с легионе-

---

[21] См. «Universul», 8 sept. 1940.
[22] DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, p. 24.

рами, духовно родственными германским фашистам и зарекомендовавшими себя верными слугами гитлеровской Германии, явится гарантией сохранения германского контроля над Румынией.

Хотя легионеры-железногвардейцы верой и правдой служили фашистской Германии и были готовы безоговорочно выполнять все ее требования, гитлеровская клика не добивалась создания чисто легионерского правительства. По мнению гитлеровцев, «Железная гвардия» после потери своих главарей не имела лидера, достаточно авторитетного не только для страны в целом, но и для самих легионеров. Поэтому решено было наладить сотрудничество железногвардейцев с генералом Антонеску, который был весьма известной фигурой в стране и мог опираться как на армию, так и на определенные круги буржуазии и помещиков.

16 сентября в румынских газетах был опубликован декрет за подписью короля Михая и «руководителя румынского государства и председателя совета министров генерала Антонеску», извещавший о нижеследующем: «Румынское государство объявляется национал-легионерским государством. Легионерское движение является единственным официально признанным политическим движением нового государства. Генерал Антонеску является руководителем национал-легионерского государства и главой легионерского движения. Хориа Сима является командиром легионерского движения»[23]. Таким образом, Румыния была официально объявлена фашистским государством, управляемым военно-легионерской диктатурой. Обращает на себя внимание в цитированном документе тот факт, что генерал Антонеску формально становился руководителем «Железной гвардии», копируя фашистские режимы Германии и Италии, где Гитлер и Муссолини являлись фюрерами государств и фашистских партий. В действительности же «Железная гвардия» оставалась под главенством своего «командира» Хориа Сима.

В состав правительства военно-легионерской диктатуры были включены железногвардейцы: Хориа Сима стал заместителем председателя совета министров, М. Стурдза возглавил министерство иностранных дел,

---

[23] «Universul», 16 sept. 1944.

ставленник «Железной гвардии» Петровическу оказался во главе министерства внутренних дел, а Гика был назначен начальником государственной полиции. Наряду с генералами, ставленниками И. Антонеску, в правительство вошли также гражданские лица, рекомендованные буржуазно-помещичьими партиями — национал-либеральной и национал-царанистской, официально находившимися в оппозиции к диктаторским режимам Кароля II и Антонеску. Лидер национал-либералов Д. Братиану просил И. Антонеску назначить его кандидатов в министерства экономики и финансов, а лидер национал-царанистов Ю. Маниу — в министерство сельского хозяйства и министерство юстиции. Так, в правительстве военно-легионерской диктатуры оказались национал-либералы Оттулеску, Леон, Крецяну и др., национал-царанисты Джерота, Петреску и др.[24]

Как свидетельствуют факты, лидеры буржуазно-помещичьих партий, объявлявшие себя защитниками демократии, на деле явились пособниками И. Антонеску в установлении фашистской диктатуры в стране. Когда в конце августа — начале сентября 1940 года вся страна пришла в движение и народные массы рвались в бой, чтобы свергнуть королевскую диктатуру, не допустить расчленения Румынии и установить демократическое правление страны, эти лидеры «демократии» сделали все, чтобы сбить волну народного гнева. Маниу выступил с публичным заявлением, призвав членов своей партии воздерживаться от участия в уличных демонстрациях. «В связи с обращением к стране генерала Антонеску, руководителя румынского государства и председателя совета министров, считая, что в настоящий момент высшим долгом является не давать повода для нарушения спокойствия и внутреннего порядка, — говорилось в коммюнике, подписанном председателем национал-царанистской партии Ю. Маниу, — собрание протеста против уступки части Трансильвании, назначенное на воскресенье 15 сентября, откладывается»[25]. Этот призыв к «спокойствию», сделанный в тех условиях, означал помощь только что установившейся диктатуре.

Лидеры буржуазно-помещичьих партий не хотели

---

[24] См. «Procesul marii trădări naţionale», p. 186.
[25] «Universul», 15 sept. 1940.

свержения королевской диктатуры при помощи народных масс в период острого политического кризиса в августе—сентябре 1940 года, ибо это несло в себе опасность для эксплуататорских классов: массовое движение могло не остановиться на простой смене правительства, а навязало бы глубокие социальные и экономические реформы, которые осуществило бы порожденное народным движением правительство; это же правительство немедленно осуществило бы сближение и союз с СССР, который защитил бы Румынию от фашистской агрессии и гарантировал бы ее территориальную целостность. Эти опасения и определили позицию национал-либеральной и национал-царанистской партий, решивших, что наилучшим выходом в то время будет осуществление дворцового переворота и установление военно-фашистской диктатуры, способной защитить интересы эксплуататорских классов, подавить освободительное народное движение, а также установить тесные отношения с державами «оси» в целях совместной вооруженной борьбы против Советского Союза.

Поэтому Маниу и Братиану приняли активное участие в осуществлении передачи власти из рук королевской диктатуры в руки генерала Антонеску, которого они считали «сильной личностью», человеком «твердой руки». На встрече с И. Антонеску 3 сентября 1940 г. они договорились о совместных действиях и общей линии поведения в связи с возникшим острым политическим кризисом. Д. Братиану не скрывал своей радости по поводу назначения генерала Антонеску главой правительства. Кроме того, по его собственному признанию, он рекомендовал ему ввести легионеров в новое правительство. Лидер национал-либеральной партии Д. Братиану и лидер национал-царанистской партии Ю. Маниу заверили генерала-фашиста, что не будут чинить ему препятствий в управлении страной, в осуществлении его внешнеполитического и внутриполитического курса [26]. Национал-либералы получили от своего руководителя указание «помочь (генералу Антонеску) в восстановлении порядка и реорганизации страны». Взамен этой поддержки лидеры буржуазно-помещичьих партий просили у Антонеску разрешения на деятельность этих партий, которые, как говорил Д. Бра-

[26] «Universul», 28 sept. 1940.

тиану, могли оказать «серьезную помощь в борьбе против угрожавшей монархии» [27].

Доверие правительству диктатуры Антонеску и готовность сотрудничать с ним выразили также правосоциалистическое руководство, предававшее интересы румынского рабочего класса, и находившиеся под влиянием правых социалистов деятели профсоюзных корпораций — фашизированных реформистских профсоюзов.

Румынская монархия в лице короля Михая стала составной частью национал-легионерского, фашистского режима. Главарь «Железной гвардии» не случайно заявлял, что «Михай олицетворяет символ молодого легионера». Да и сам Михай в тот период не скрывал своего полного согласия с военно-легионерской диктатурой. В приветственной телеграмме на имя И. Антонеску по случаю парада «Железной гвардии» в Бухаресте 6 октября 1940 г. он писал: «Поздравляю Вас, господин генерал, с началом перестройки страны совместно с легионерами. Желаю Вам лично и легионерскому движению полного успеха на благо румынизма» [28].

Только Коммунистическая партия Румынии выступила против «венского арбитража» и установления военно-фашистской диктатуры в стране, призвав народ бороться за свободу и независимость. Разоблачая «патриотизм» железногвардейцев и «великого патриота» генерала Антонеску, компартия в изданной 10 сентября 1940 г. брошюре «Наша точка зрения» писала: «Был ли дворцовый переворот «Железной гвардии» во главе с реакционно-фашистским генералом Антонеску и «капитаном» Хориа Сима протестом против «венского арбитража» и его принятия королевской диктатурой? — Нет! «Железная гвардия» согласилась с этим решением и потребовала его принятия. Это сказал и Дину Братиану, открыто поддержавший военно-железногвардейскую диктатуру генерала Антонеску, и сам Хориа Сима, главарь банды железногвардейцев, который заявил представителям германской прессы, что легионерская Румыния сделает все для национал-социалистской Германии» [29].

---

[27] ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 336, л. 4 (143)

[28] A. Garneaţa, Adevarată istorie a unei monarhii, Buc., 1948, p. 123.

[29] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», Buc., 1953, p. 331.

Компартия вскрыла в этом документе причины замены королевской диктатуры диктатурой Антонеску, указав, что это произошло в связи с обострением политического положения в стране, усилением освободительного движения. Королевская диктатура оказалась не способной остановить революционную борьбу масс. Для этой цели необходима была открытая военно-фашистская диктатура, которая усилила бы террор в отношении демократических сил, уже проводившийся диктатурой Кароля, которая заручилась бы союзничеством германских фашистов в борьбе против румынского народа. «С этой целью, именно с этой целью,—подчеркивалось в брошюре,—была установлена жестокая военно-гвардейская диктатура агента германо-итальянского империализма — генерала Антонеску». Компартия предупреждала, что фашистский режим, ставя себя на службу империалистическим интересам, «готов сыграть роль аванпоста возможных антисоветских военных провокаций» [30]. Поэтому теперь, больше чем когда бы то ни было, румынский народ должен проявлять бдительность и неустанно бороться против империалистического господства, в защиту Советского Союза, «ибо, защищая Советский Союз, мы в то же время защищаем жизнь трудового румынского народа» [31].

Из-за отсутствия единства рабочего класса и патриотического антифашистского фронта румынскому народу не удалось помешать установлению режима военно-фашистской диктатуры, при помощи которой эксплуататорские классы смогли продлить свое господство, причинив трудящимся новые бедствия и страдания. Но сам факт установления военно-фашистской диктатуры, целиком порывавшей с методами буржуазного парламентаризма в управлении румынским государством, свидетельствовал о слабости позиций буржуазии и помещиков, вынужденных для сохранения своего господства прибегать к крайним мерам, к установлению открытой фашистской диктатуры. Военно-фашистский режим, доведя до предела политику национального предательства и обострив до максимума противоречия буржуазно-помещичьего строя, явился последним этапом этого строя.

---

[30] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», p. 331.

[31] Ibid., p. 332.

Фашистский режим в Румынии, как, впрочем, и других странах, где он установился, являлся диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических и агрессивных кругов крупной буржуазии и помещиков. Диктатура Антонеску и легионеров в Румынии была в то же время инструментом порабощения страны германским фашизмом. Эта диктатура не имела массовой базы в стране, поскольку железногвардейцы, несмотря на их разнузданную демагогию, не смогли обеспечить себе влияния в народе. Поэтому с первых же дней своего существования военно-легионерская диктатура стала искать поддержку извне, добиваясь присылки гитлеровских войск в Румынию, чтобы с помощью их штыков сохранять свое господство. «Мы — с державами оси и будем с ними до конца...» [32], — клялись при этом румынские фашисты.

Но это было излишним, поскольку гитлеровская клика сама стремилась ввести германские войска в Румынию, чтобы еще сильнее подчинить ее и использовать в качестве плацдарма для военных операций на Балканах и против СССР. 20 сентября 1940 г. немецкое верховное командование издало директиву, в которой говорилось о целях посылки в Румынию сухопутных и военно-воздушных сил. Одной из таких целей было оказание «помощи Румынии, нашему другу, в организации и обучении ее вооруженных сил» [33]. Другие цели, которые предписывалось сохранять в строжайшей тайне, состояли в том, чтобы путем ввода немецких войск обеспечить охрану румынских нефтепромыслов и регулярное поступление горючего для гитлеровской военной машины, а также «сделать вооруженные силы Румынии способными выполнять определенные задачи в соответствии с планом, разработанным Германией», и подготовить почву для совместных действий немецких и румынских войск с территории Румынии «в случае, если мы будем вынуждены вступить в войну с Советской Россией» [34]. Само собой разумеется, ввод германских войск в Румынию должен был укрепить положение гитлеровской агентуры в стране, помочь легионерам и генералу Антонеску в удушении демократических сил.

---

[32] Arhiva MAE, fond Gegmania, vol. 80, n/p.
[33] DGFP 1918—1945, Series D. vol. XI, p. 144.
[34] Ibid., p. 145.

В действительности речь шла об оккупации Румынии германскими войсками, но это всячески пытались скрыть гитлеровцы. В сугубо секретной директиве Гитлера командующему германскими сухопутными и военно-воздушными силами, направляемыми в Румынию, особо подчеркивалось: «В силу того что Румыния занимает ключевую позицию на Балканах.., следует избегать самой малейшей видимости военной оккупации Румынии»[35]. Гитлеровцы опасались, что грубая, незавуалированная оккупация Румынии может создать им трудности в последующих действиях на Балканах, насторожив другие балканские государства и, возможно, толкнув их в английский лагерь (имелась в виду прежде всего Югославия). По соображениям политики и камуфляжа германской оккупации Румынии, говорилось далее в директиве фюрера, командующие немецкими сухопутными и военно-воздушными силами в этой стране будут именоваться «командующими миссиями сухопутной армии и воздушных сил Германии и Румынии»[36]. Одновременно с посылкой своих войск в Румынию гитлеровцы согласились также поставить вооружение для румынской армии[37], которую они намеревались использовать в своей войне против СССР.

Численность германских войск, направлявшихся в Румынию якобы для «инструктирования» румынской армии, стала быстро расти и к декабрю составила более 500 тыс. человек. Чтобы оправдать наличие крупных немецких сил, расположившихся в важнейших стратегических пунктах страны и фактически оккупировавших ее, германские и румынские фашистские правители стали утверждать, что наличие этих войск есть следствие выполнения Германией данных ею гарантий Румынии по защите от нападения Англии, стремящейся захватить или уничтожить румынские нефтепромыслы. Берлинский корреспондент одной румынской газеты писал по этому поводу: «В ответственных кругах заявляют, что посылка немецких войск в государство, которому Германия и Италия дали гарантии, представляет собой вполне логичное явление. И Англия в свое время дала Румынии га-

---

[35] DGFP 1918—1945, Series D. vol. XI, p. 281.

[36] Ibid.

[37] К. Типпельскирх, История второй мировой войны, ИЛ, 1956, стр. 136.

рантии, но, как она их выполнила, об этом пусть будет судить история. Между тем гарантии, которые даны Германией, представляют собой реальную силу, а не кусочек бумаги. Поэтому логично, что выполнение этих гарантий надо обеспечить». Далее в корреспонденции говорилось о намерениях Англии уничтожить румынскую нефтяную промышленность и необходимости по этой причине иметь в Румынии германские войска, которые не допустят этого [38].

Тогдашний румынский посланник в СССР Г. Гафенку сообщает, что 10 октября 1940 г. германский посол в Москве объяснял посылку немецких частей, их размещение в Бухаресте и на всем протяжении Дуная целями «инструктирования» румынской армии. На замечание, что количество «инструкторов» слишком велико, он, упомянув о германских гарантиях Румынии, сказал о намерении рейха защищать эту арену, столь важную для германской экономики, против британского нападения [39]. Но ссылки на возможное английское вторжение на Балканы были слишком надуманными, ибо в тот период Англии было не до того: ей надо было думать о том, как защитить собственную территорию метрополии от гитлеровцев, захвативших всю западную Европу.

Некоторые реакционные круги на Западе предприняли клеветническую попытку представить германскую оккупацию Румынии в качестве результата якобы договоренности между Германией и Советским Союзом. Давая отпор этим грязным измышлениям, ТАСС опубликовал тогда опровержение заявления датской газеты, будто Москва заранее была информирована о количестве немецких войск, посылаемых в Румынию [40]. Посылка германских войск в Румынию, так же как и «венский арбитраж» и «гарантии», по верному замечанию американского историка-балканoведа, была следствием германского решения от 31 июля 1940 г. о нападении на Советский Союз весной 1941 года [41].

Германская оккупация Румынии вызвала определенное недовольство итальянской фашистской клики: на словах предоставляя Италии политическое господство

[38] «Timpul», 8 si 9 oct. 1940.
[39] См. G. Gafencu, op. cit., p. 73.
[40] См. «Правда», 25 октября 1940 г.
[41] L. Stavrianos, The Balkans since 1453, N. Y., 1958, p. 750.

на Балканах, Гитлер своими действиями лишал Муссолини возможности осуществить это господство[42]. Вот что писал об итальянской реакции на оккупацию Румынии германский посол в Риме Макензен: «В кругах, близких к Чиано, говорят, что метод, каким Германия разрешила этот вопрос, может отравить атмосферу в Риме. Германское действие было своевременным, но оно было предпринято вне общих рамок политики оси». В целях обеспечения своих признанных Германией прав и поддержания авторитета, продолжал далее Макензен, ссылаясь на сведения, полученные от своего информатора, не исключена возможность, что итальянский министр иностранных дел граф Чиано «попытается добиться появления некоторых итальянских подразделений, пусть даже очень мелких, рядом с германскими войсками в Румынии»[43]. Но, поскольку такая акция не могла изменить сложившейся ситуации в Румынии, оказавшейся под монопольным господством гитлеровской Германии, Муссолини, чтобы взять реванш за свое политическое поражение в Румынии, в конце октября напал на Грецию. На этот раз он поставил перед совершившимся фактом самого Гитлера, который в августе 1940 года отговорил его от этого шага.

Военно-фашистская диктатура целиком связала свою судьбу и судьбу Румынии с блоком фашистских государств. «Мы ориентируемся на ось Рим — Берлин стопроцентно.., — говорил И. Антонеску на одном из первых заседаний легионеро-фашистского правительства. — Мы вступили на этот путь и не будем оглядываться направо или налево»[44]. Подчеркивая, что «Румыния (ее фашистское правительство и господствующие классы. — *Авт.*) по собственной инициативе вступила в политическую сферу Германии и Италии», румынский фюрер дал указание прессе ни в коем случае не нападать на политику держав «оси». В отношении западных держав он считал необходимым занимать «сдержанную позицию», но очень скоро изменил это мнение, следуя линии фашистских держав не только в вопросе борьбы против коммунизма, но и в вопросе борьбы против западных демократий.

---

[42] См. Royal Institute of International Affairs. «On the Eve of the war», L., 1951, p. 463.
[43] DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, p. 324.
[44] «Trei ani de guvernare», Buc., 1943, p. 72.

28 сентября 1940 г. И. Антонеску выступил на совещании командующих военными соединениями Румынии с разъяснениями относительно необходимости и важности союза с фашистскими державами — Германией и Италией. «Я выбрал: мы должны опираться на ось, в особенности на Берлин — действительно решающий фактор на континенте»[45]. Он говорил, что союз с Германией больше всего подходит для буржуазно-помещичьих кругов Румынии, ибо, наряду с обеспечением их экономических интересов, этот союз поведет борьбу против «панславизма и коммунизма», то есть этот союз даст возможность румынским правителям осуществить захват советских территорий. Гитлеровцы с первых же дней правления Антонеску давали ему понять, что они заинтересованы в усилении Румынии за счет СССР. Сообщая в Бухарест о беседе с Риббентропом 11 сентября 1940 г., румынский посланник в Германии отмечал удовлетворение рейха фактом прихода «Железной гвардии» к власти в Румынии, «создающим наилучшие условия не только для экономического, но и политического сотрудничества между Румынией и рейхом». В ходе этой беседы Риббентроп подчеркнул германскую решимость «автоматически» (взято в кавычки в тексте телеграммы) выполнить обязательства, взятые в отношении Румынии в период «венского арбитража», и сказал, что «молодая, здоровая, новая Румыния скоро станет больше, чем была прежде»[46].

Спустя два месяца после своего прихода к власти И. Антонеску предпринял поездку в Рим и Берлин, чтобы обсудить вопросы сотрудничества Румынии с державами «оси», определить ее место в «новом порядке в Европе» и заручиться поддержкой Гитлера и Муссолини румынского требования о возврате Северной Трансильвании и румынских захватнических планов в отношении СССР.

Прибыв в Рим 13 ноября 1940 г., И. Антонеску и сопровождающие его лица, в том числе министр иностранных дел М. Стурдза, в течение нескольких дней вели переговоры с Муссолини и Чиано. В своих заметках об этих переговорах И. Антонеску писал, что главными темами были укрепление армии и развитие экономики Румынии, которая должна будет «по первому требованию

---

[45] ИДА, ф. Военный кабинет Румынии, д. 300, л. 38.
[46] Arhiva MAE, fond Gemania, vol. 80, n/p.

«оси» внести свой эффективный вклад» в политической области, то есть подготовиться к вступлению в войну на стороне фашистских держав, а в области экономической — быть в состоянии дать им как можно больше сельскохозяйственных продуктов и нефти [47]. Румынский диктатор стремился предоставлением экономических выгод завоевать расположение итальянских фашистов. С услужливой готовностью он «просил Италию указать нам (генералу Антонеску и его клике. — *Авт.*), что ее интересует в банковской, торговой и промышленной областях» [48].

Одобряя агрессивную политику итальянских фашистов на Балканах, представители легионерской Румынии предлагали им выработать общую линию для обеспечения совместных интересов на Балканах. Это звучало почти призывом не уступать германскому давлению и самостоятельно в интересах Италии и Румынии решать балканские проблемы. Но такой призыв был явно не ко времени: терпя поражение в войне против Греции, итальянские фашисты нуждались в военной помощи гитлеровской Германии. К тому же фашистские правители Румынии, кроме выдвижения своих территориальных претензий на Балканах, ничего конкретно не предлагали для осуществления этой общей линии [49].

В ходе беседы И. Антонеску с Муссолини и Чиано были затронуты также вопросы военного положения на Балканах и в восточной части Средиземноморья. Генерал И. Антонеску считал необходимым усилить военные действия держав «оси» в этом районе. Он настаивал на скорейшем уничтожении английских баз на острове Лемнос и в Салониках, аргументируя это необходимостью устранения опасности английских воздушных налетов на нефтяные районы Румынии. «В противном случае «ось» лишится нефти и не сможет победить», — утверждал И. Антонеску, стремясь поднять румынские акции в фашистском блоке. Интересно отметить также, что Антонеску с предельным цинизмом раскрывал причины перехода румынских правящих кругов из англо-французского лагеря в гитлеровский. Без всяких ссылок на общность

---

[47] См. ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 300, л. 58.
[48] ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 308, л. 9 (62).
[49] ИДА, ф. МИД Румынии, д. 300, л. 124.

фашистских идеологий и т. п. он сказал, что этот переход вызван мощью Германии. В 1940 году обнаружилась слабость Франции и Англии, оказавшихся, по словам Антонеску, «цирковыми артистами, которые на глазах публики поднимали огромные тяжести, являвшиеся в действительности пустыми»[50]. Считая Англию обреченной на поражение, диктатор Румынии хотел ускорить его приближение.

Само собой разумеется, не был забыт и трансильванский вопрос. Генерал Антонеску заявил, что «Румыния понимает невозможность возврата Северной Трансильвании сейчас и будет ждать окончания войны»[51]. Говоря яснее, он фактически отказался от претензий на эту территорию, зная, что итальянские правители поддержали хортистскую Венгрию в период «венского арбитража». Но вместе с тем, чтобы подчеркнуть свои претензии на эту территорию, фашистский диктатор Румынии просил поддержать его в предоставлении румынскому населению Северной Трансильвании статута, аналогичного статуту немецкого национального меньшинства, который был принят во время «венского арбитража». Будучи заинтересованы в укреплении отношений с кликой Хорти, итальянские фашисты не могли связывать себя многообещающими заявлениями в пользу Румынии. Но не желая отталкивать фашистских правителей Румынии, поставлявшей Италии нефть, Муссолини счел нужным попытаться оправдать итальянскую позицию в «венском арбитраже» ссылкой на недоверие к Каролю и его правительству. «Когда ко мне приехали Джигурту и Манойлеску, я им сказал: „Как мы можем верить, что Румыния изменила свою политику? У вас правят те же государственные деятели, та же администрация, тот же король"».

После визита в Италию, длившегося с 13 по 16 ноября 1940 г., фашистский главарь Румынии прибыл 22 ноября 1940 г. в Берлин для подписания документа об официальном вступлении страны в Тройственный пакт. Во время этого посещения произошла первая встреча Гитлера с Антонеску, оставившая у германского фюрера самое наилучшее впечатление о румынском «кондукэторуле». После этой встречи Гитлер с восторгом говорил Муссоли-

---

[50] «Memorial Antonesco», vol. I, p. 38.
[51] ИДА, ф. МИД Румынии, д. 300, л. 61.

ни, что И. Антонеску — «настоящий фанатик» [52]. «Если бы в Европе нашелся второй такой Антонеску, — заявил он своему министру иностранных дел Риббентропу, — все пошло бы как нельзя лучше». Чем же заслужил румынский диктатор столь лестную характеристику? Ответ на этот вопрос дают переговоры, которые вел Антонеску с руководителями гитлеровского рейха.

И. Антонеску, которого буржуазные авторы пытаются представить равноправным партнером Гитлера и Муссолини, называя его «третьим человеком оси» [53] и расписывая его якобы независимое поведение в блоке фашистских государств, на деле не был таким. Уже первая встреча с Гитлером показала раболепие и прислужничество генерала Антонеску перед германским рейхом, зависимость от которого он и румынские правящие круги в целом отлично понимали. Ради обеспечения своих классовых интересов румынские капиталисты и помещики и их приказчик И. Антонеску предавали и продавали национальную независимость страны.

Еще при встрече на вокзале, после формальных приветствий, которыми обменялись Гитлер и Антонеску, Риббентроп как бы в шутку сказал: «Чтобы Румыния смогла найти путь в Берлин, понадобилось оккупировать Париж». Это прозвучало и упреком, и напоминанием о том, кто является хозяином положения. Пытаясь сохранить независимый вид, генерал Антонеску ответил, как ему показалось, достойным образом: «Я приехал в надежде, что с вашей стороны есть желание сотрудничать». Но на этом и закончилось проявление его «независимости», ибо вскоре он стал доказывать, что румынские правящие круги традиционно тянулись к Германии, ища сотрудничества с ней. Если же они и находились порой в лагере, враждебном Германии, то это было не по их воле. В этой связи Антонеску напомнил Гитлеру слова румынского премьер-министра И. Братиану, сказанные в период первой мировой войны: «Мы ведем войну против Венгрии, как против врага; против Австрии — безразлично; и с сожалением — против Германии».

---

[52] DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, p. 1145.

[53] «Memorial Antonesco le troisième homme de l'Axe», P., 1950, P. Schmidt, Hitler's interpreter, N.Y. 1951. Личный переводчик Гитлера пишет, что Антонеску находится с Гитлером «даже в более близких отношениях, чем Муссолини» (P. Schmidt, op. cit., p. 205).

Характеризуя позицию легионерской Румынии, И. Антонеску в беседе с Гитлером и Риббентропом 22 ноября 1940 г. заявил: «В настоящее время Румыния безоговорочно идет вместе с осью... Она готова пролить свою кровь за ось на полях битвы»[54]. Румынский диктатор выразил готовность вступить в войну на стороне гитлеровской Германии и фашистской Италии. Чтобы придать вес своему предложению, Антонеску сослался на возможное вступление США в войну, которое, по его мнению, приведет к тому, что война будет длиться долго. В этих условиях, подчеркнул он, видя, что его предложение не вызвало энтузиазма у собеседников, «Румыния сможет быть очень полезной»[55].

Гитлеровская Германия проявила заинтересованность в том, чтобы румынская армия приняла участие в подготовлявшейся войне против Советского Союза. Уже во время ноябрьской встречи Гитлер дал обещание генералу Антонеску помочь в получении от Советского Союза Бессарабии и других территорий. И хотя тогда не были сказаны слова «война против СССР», румынским правителям стало ясно, что она готовится. Состоявшаяся в этот же день беседа И. Антонеску с Кейтелем по вопросу укрепления румынской армии в целях использования ее в будущих совместных операциях дала ему понять, что война против СССР — дело недалекого будущего. Встречаясь на следующий день — 23 ноября 1940 г.— вновь с Гитлером, румынский фашистский диктатор дал ответ на немой вопрос: он заявил, что к весне 1941 года румынская армия будет готова к действию.

Чтобы воодушевить правящую румынскую верхушку на еще большее сотрудничество и подчинение страны интересам гитлеровского рейха, фашистские правители Германии намекнули И. Антонеску в период переговоров в Берлине (ноябрь 1940 г.) на возможный пересмотр «венского арбитража» в будущем. Гитлер сказал, что «венский арбитраж» не является, конечно, идеальным решением и что он понимает чувства генерала Антонеску, но считает, что время для его пересмотра еще не наступило[56]. Подчеркнув, что история не остановится на

---

[54] DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, p. 654.
[55] Ibid.
[56] См. DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, pp. 654—655.

1940 годе, Гитлер двусмысленно заявил: «Последняя страница Трансильвании еще не написана». Если румынские правящие круги будут беспрекословно подчиняться гитлеровскому рейху, то они могут надеяться на пересмотр в свою пользу «венского арбитража», в противном случае они могут лишиться большего — таков смысл этого заявления Гитлера. Кстати сказать, аналогичный шантаж велся в отношении правителей хортистской Венгрии.

23 ноября 1940 г. И. Антонеску подписал протокол о присоединении Румынии к Тройственному пакту, заключенному 27 сентября 1940 г. тремя главными фашистскими державами — Германией, Италией и Японией. Румынское присоединение к союзу фашистских агрессоров произошло по предложению гитлеровской Германии, заинтересованной в создании блока государств, которые должны были принять участие в ее войне против Советского Союза. Чтобы ускорить этот шаг, гитлеровцы оказали косвенное давление на Румынию. Они поставили ее в известность относительно того, что «венгерское правительство, стремясь обеспечить себе некоторые выгоды», предприняло демарши с целью его допущения в Тройственный пакт. «Видя эти старания, а также горячее желание углубить отношения с осью, Германия сделала известное предложение Румынии, ибо не хотела создавать Венгрии формально более выгодное положение, чем Румынии» [57], — так разъяснялось в письме германского министерства иностранных дел предложение румынскому правительству присоединиться к Тройственному пакту.

В тексте протокола говорилось, что Румыния присоединяется к Тройственному пакту, подписанному в Берлине 27 сентября 1940 г. Германией, Италией и Японией. «Когда совместные комиссии, предусмотренные ст. 4 пакта, начнут обсуждать вопросы, затрагивающие интересы Румынии, — гласила ст. 2 протокола, — ее представители примут участие в этом обсуждении» [58]. Присоединением к Тройственному пакту румынская реакция включалась в борьбу против СССР и западных демократий, чтобы внести свой вклад в создание «нового порядка» в Европе, в установление мирового господства фашизма. При подписании протокола И. Антонеску сделал заявле-

---

[57] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 81, n/p.
[58] ИДА, ф. МИД Румынии, д. 300, л. 8.

ние, в котором подчеркнул, что присоединение не является «дипломатической формальностью», а представляет собой «глубокий акт новой ориентации румынского государства», являясь свидетельством стремления способствовать «перестройке Европы и всего мира»[59]. Он указал также на органическую и естественную связь между движением легионеров в Румынии, национал-социализмом в Германии и фашизмом в Италии. Присоединение к Тройственному пакту было отмечено проведением в Бухаресте военного парада румынских и немецких войск, который принимали генерал Антонеску и король Михай. При объезде войск, выстроившихся для парада, германский посланник Фабрициус сидел в одной машине с Хориа Сима, афишируя близость железногвардейцев к гитлеровцам.

Присоединение Румынии к Тройственному пакту завершило ее политическое подчинение гитлеровскому рейху. Беседуя 24 ноября 1940 г. с румынским министром иностранных дел Стурдзой, Риббентроп подчеркнул, что теперь характер отношений между Румынией и Германией полностью изменился: «Теперь нет недоверия, теперь есть полное доверие»[60].

Глава 2

КОНФЛИКТ В ФАШИСТСКОЙ ВЕРХУШКЕ

Если во внешней политике военно-фашистская диктатура Антонеску окончательно и бесповоротно связывала себя с гитлеровским блоком, то во внутренней политике она вела курс на превращение Румынии в легионерское, типично фашистское государство по итало-германскому образцу. Свой внешнеполитический и внутриполитический курс И. Антонеску выразил в нескольких словах на заседании правительства 18 сентября 1940 г.: «Наша точ-

---

[59] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 80, n/p.
[60] I b i d., vol. 81, n/p.

ка зрения такова: во вне — ось, внутри — легионерский режим»[61]. В соответствии с этим в стране был установлен режим незамаскированной фашистской диктатуры. Этот режим отличался от королевской диктатуры не только формой фашистской диктатуры, но и характером — еще более террористическим и кровавым. Страна была превращена в огромную тюрьму. В сентябре 1940 года в Румынии насчитывалось 35 основных лагерей и тюрем, куда были брошены лучшие сыны румынского народа. Дорвавшиеся до власти «железногвардейцы» развернули массовый террор, бандитскими методами расправляясь со своими политическими противниками.

В отличие от королевской диктатуры военно-фашистский режим Антонеску не счел нужным сохранять подобие парламентаризма. Он отменил действие конституции, ликвидировав все гражданские права. Многие промышленные предприятия были милитаризированы, по отношению к рабочим и служащим там применялась военная дисциплина, а нарушителей предавали суду военного трибунала. Отражая заинтересованность наиболее реакционной верхушки румынской буржуазии и помещиков в подавлении народной борьбы с помощью германских фашистов, военно-легионерская диктатура с самого начала стала опираться на гитлеровские штыки.

С провозглашением Румынии национал-легионерским государством «Железная гвардия» стала руководящей силой нового режима. Ее органы и организации приобрели большой вес в государственной жизни. Специальным правительственным распоряжением от 23 сентября 1940 г. власти на местах обязывались сотрудничать с легионерским движением и были предупреждены, что за невыполнение указаний префектов-легионеров последует снятие с работы и наказание[62]. Став правящей партией и к тому же единственной партией, деятельность которой разрешалась военно-фашистским режимом, «Железная гвардия» увеличила свою численность и заметно усилила свое влияние среди части населения, в особенности в мелкобуржуазных кругах. Этому способствовал генерал Антонеску, надеявшийся подчинить себе «Железную гвардию», сделать ее массовой опорой своей диктатуры.

---

[61] Военный кабинет, д. 300, л. 39.
[62] См. «Universul», 24 sept. 1940.

В угоду легионерам были произведены аресты бывших политических деятелей, сторонников англо-французской ориентации и виновных в преследовании железногвардейцев. 7 сентября 1940 г. И. Антонеску назначил комиссию по пересмотру судебных процессов за последние восемь лет, имея в виду реабилитировать осужденных в свое время деятелей «Железной гвардии». Дело главаря этой фашистской организации Корнелия Кодряну было вновь направлено в суд, он был признан невиновным в предъявленных обвинениях и оправдан. Такой же оправдательный приговор был вынесен и другим легионерам. Останки Кодряну и его друзей были перенесены из двора тюрьмы, где они были расстреляны по приказу Кароля II «при попытке к бегству», и были преданы торжественному погребению. При этой церемонии румынский диктатор возложил венок на могилу «капитана» — руководителя «Железной гвардии», были возложены также венки от Гитлера и Муссолини и других видных германских и итальянских фашистов. Газеты стали создавать культ Кодряну, объявив его святым.

«Железная гвардия», или легионерская партия, как она стала именоваться после прихода к власти, получила неограниченную возможность пропаганды своих взглядов, используя огромные государственные средства. По декрету-закону, подписанному генералом Антонеску 30 сентября 1940 г., в ее распоряжение перешли все фонды королевской молодежной фашистской организации «Стража цэрий» на сумму приблизительно 1 млрд. лей, из которых только наличные деньги составляли 221 млн. лей. На голову населения обрушились волны легионерской демагогии, призванные затушить огонь революционной борьбы, которую вели трудящиеся во главе с компартией.

Образчиком этой социальной демагогии служит брошюра под названием «Легионерское движение и рабочие», выпущенная после прихода «Железной гвардии» к власти. Насквозь пропитанная ядом антикоммунизма брошюра излагает основные положения легионерского «социализма». В ней содержится обещание рабочим права на труд, сформулированное следующим образом: «Национальная коллективность (?!) должна предоставить рабочим возможность применить их труд в экономической об-

ласти и обеспечить их существование»[63]. Брошюра говорила о «справедливой оплате» труда рабочих путем их участия в прибылях. Декларировались права на охрану здоровья, на культуру, на социальное обеспечение от государства, обещалось «полное разрешение рабочего вопроса», установление минимума заработной платы и т. п.

Резко критикуя капиталистическое общество, где основным мерилом человеческого достоинства являются деньги, богатство, при помощи которых можно достать и службу, и права, и почет и т. п., легионерская брошюра провозглашала труд «главным фактором» в румынской нации. «Труд станет обязанностью для всех...». Все должны жить одинаково: если плохо, то всем плохо, если хорошо, то всем хорошо, «а не так, как в буржуазном государстве во время экономических кризисов, когда хозяевам жилось хорошо, а рабочие голодали». Если кто-нибудь разбогатеет незаконно, в ущерб другим, то правительство должно вмешаться и наказать такого нахлебника. Легионеры обещали ни много, ни мало, как «устранить социальную несправедливость и раз и навсегда покончить с эксплуатацией человека человеком». Не забыта была и спекуляция на националистических чувствах. «Наша страна богата, но все ее богатства уходят в карманы иностранцев». В легионерском государстве, сулила брошюра, все богатства будут принадлежать государству, «то есть всем румынам». Проповедуя классовый мир, брошюра призывала всех румын независимо от социального и классового происхождения стать братьями, носить одну и ту же униформу — зеленую легионерскую рубашку. Легионерская идеология — типично фашистская идеология, основным оружием которой является социальная демагогия. Если рабочим Румынии легионеры обещали уничтожение безработицы и «справедливую оплату труда», то крестьянам они сулили ликвидацию налогов и долгов, а также землю в соответствии с лозунгом «Омул ши погонул» (полгектара земли на душу).

Идя в ногу со своими, так сказать, «идейными вождями», румынский фашистский диктатор также отдал дань социальной демагогии. В коммюнике о программе правления от 7 сентября 1940 г. он сказал, что будет обеспечивать

---

[63] Traian Herseni, Mişcarea legionară şi muncitorimea, Buc., 1940, p. 3.

подъем крестьянства путем административных и санитарных мер, что государство займется организацией как производства, так и продажи продуктов крестьянского труда. Он обещал «поддержку рабочих путем социальных реформ и реорганизации предприятий промышленного производства», служащим — обеспечение зарплаты, необходимой для существования. Глава фашистского правительства говорил также о чистке государственного аппарата, об искоренении коррупции и др.[64] Военно-легионерская диктатура вынуждена была прибегать к социальной демагогии, чтобы держаться не только на штыках и терроре.

«Фашизму, — отмечал в свое время Г. Димитров, — удается привлечь массы потому, что он демагогически апеллирует к их особенно наболевшим нуждам и запросам»[65]. Румынская сигуранца в донесении от 25 октября 1940 г. отмечала, что часть населения, «разочаровавшись в партиях, невыполнявших свои обещания», — национал-либеральной и национал-царанистской,— оказалась под влиянием легионеров[66]. Это замечание важно тем, что наглядно показывает возникновение и рост румынского фашизма как результат банкротства буржуазных партий и системы парламентаризма, неотъемлемой частью которого они были. Из того же донесения явствует, что влияние «Железной гвардии» проявлялось в основном среди наиболее отсталой части населения и деклассированных элементов, которые вступали в эту организацию в надежде получить пост в национал-легионерском государстве, быстро обогатиться и т. п. Основная же масса рабочих и крестьян, как признавала сигуранца, не проявляла интереса к «Железной гвардии».

Во время своего пребывания у власти железногвардейцы и генерал Антонеску неоднократно предпринимали демагогические диверсии, имевшие целью создать иллюзию, что национал-легионерский режим проявляет заботу о трудовом люде. Специальным коммюнике румынский диктатор известил о том, что из своего фонда, составлявшего 5 млн. лей ежемесячно, «которые до 6 сентября расходовались неизвестно на что» (это был намек

---

[64] См. «Universul», 8 sept. 1940.

[65] Г. Димитров, Статьи и речи, М., 1937, стр. 8.

[66] См. ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 336, л. 1.

на бесконтрольность расходов королевской диктатуры), он приобрел и передал под студенческую столовую здание стоимостью в 5 млн. лей, а также санаторий для матери и ребенка стоимостью 21 млн. лей [67]. Легионеры развернули благотворительную кампанию под названием «легионерская помощь», названную ими «отправным пунктом гигантского действия по спасению нации» [68]. Они просили, а порой вымогали или даже просто отбирали у богатых (последнее применялось к нерумынам — евреям и др.) средства, которые, как они говорили, шли на оказание помощи бедным — на содержание столовых, где обеды отпускались по дешевой цене или бесплатно, и др. Таким путем «Железная гвардия», проповедовавшая идеи «социальной гармонии», пыталась разрешить проблему нищеты, ликвидировать классовое неравенство. Ясно, что эти попытки были обречены на провал. Никакими благотворительными мерами нельзя было устранить нужду и голод трудящихся масс. К тому же «легионерская помощь» на деле превратилась в операцию по обогащению железногвардейской верхушки, руководившей ею. Сбор и распределение средств «легионерской помощи» проходили бесконтрольно; «многие руководители легионеров, — констатировалось в официальном докладе, — присвоили себе крупные суммы из собранных средств» [69].

Военно-легионерское правительство генерала Антонеску ввело на всех крупных и средних промышленных предприятиях институт комиссаров, которые якобы должны были ограничить власть хозяев предприятий: все интересующие рабочих вопросы подлежали теперь разрешению с этими легионерскими уполномоченными. Спекулируя на введении института легионерских комиссаров и представляя его как торжество труда над капиталистической эксплуатацией, газета «Рабочий-легионер» писала: «Впервые производитель-труженик будет иметь преимущество над своим эксплуататором. Это первая большая победа справедливости» [70]. Однако положение рабочих фактически не изменилось, ибо продажные легионерские комиссары становились на сторону предприни-

[67] «Universul», 4 ian. 1941.
[68] «Timpul», 21 sept. 1940.
[69] «Pe marginea prăpăstiei», vol. 1, Buc., 1941, p. 135.
[70] «Muncitorul legionar», 15 ian. 1941.

мателей. Этот факт отметил на одном из заседаний правительства генерал Антонеску, заявивший, что некоторые комиссары вошли в сговор с хозяевами. В связи с тем что институт комиссаров на предприятиях дискредитировал себя, министр национальной экономики Мирча Канчиков призывал к ликвидации его. Легионерские комиссары, сказал он, «совершили много краж и запачкали режим».

Принятое военно-фашистским правительством некоторое повышение зарплаты рабочим и установление минимума заработной платы не могло улучшить положения трудящихся, по-прежнему подвергавшихся жестокой капиталистической эксплуатации. Длительность рабочего дня оставалась на усмотрении предпринимателей. Правительственное распоряжение о минимуме заработной платы почти не соблюдалось. Безудержный рост инфляции в связи с массовыми закупками прибывших в Румынию германских войск свел на нет повышение заработной платы. Рабочие были лишены права отстаивать свои экономические права, ибо их профсоюзные гильдии, существовавшие при королевской диктатуре, сейчас были распущены. Всякая попытка организованного выступления рабочих пресекалась жесточайшими мерами. Только за три месяца — с августа по ноябрь 1940 года — стоимость жизни выросла на 20% [71].

Таким образом, под прикрытием социальной демагогии военно-фашистская диктатура усиливала эксплуатацию пролетариата монополистическим капиталом, интересы которого она защищала и обеспечивала.

Созданные правительством Антонеску комиссии по проверке того, каким путем — законным или незаконным, «справедливым» или «несправедливым» — было приобретено имущество бывшими государственными чиновниками и членами королевского правительства, должны были показать массам, что национал-легионерский режим преследует тех, кто нечестным путем стал богатым. На проверку же вышло, что под видом борьбы с коррупцией и несправедливостью легионерские вожаки прибирали к своим рукам конфискованное имущество своих политических противников. Подобные действия румынских фашистов, подвергавших экспроприации отдель-

---

[71] «Excelsior», 26 ian. 1941.

ных представителей буржуазии, не могли не вызвать недовольства и беспокойства эксплуататорских классов Румынии.

Стремлением легионерской верхушки обогатиться за счет части буржуазии и занять ее место было продиктовано выдвижение ею лозунга «руководимой экономики» в противоположность «либеральной экономики, несовместимой с легионерским движением». Одним из элементов создания «руководимой экономики» было учреждение института легионерских комиссаров; другим элементом — переход в руки правительства легионеров и Антонеску некоторых предприятий. Уже в конце сентября 1940 года под предлогом борьбы с саботажем в государственное управление перешло семь нефтяных компаний, принадлежавших английскому капиталу или связанных с ним.

Резко усилилась в это время так называемая «румынизация» национальной экономики. Еще при королевской диктатуре было принято «положение о евреях», вошедшее в действие в августе 1940 года. В результате «румынизации» еврейская буржуазия лишалась собственности и устранялась из экономической жизни страны. «Румынизация» еврейского капитала вылилась в форменное ограбление: евреев принуждали за бесценок продавать движимое и недвижимое имущество, «дарить» его и т. п. Во многих случаях легионеры совершали убийства евреев с целью захвата их имущества. Даже в самом легионерофашистском правительстве раздавались голоса против таких методов «румынизации». По подсчетам правительственных органов, «Железная гвардия» заставила «продать» себе промышленные предприятия и торговые заведения стоимостью более 1 млрд. лей за 216 млн. лей, но и из этой условленной суммы собственникам было уплачено лишь 52 млн. лей, то есть одна двадцатая действительной стоимости этих имуществ [72].

Жертвами легионерской «румынизации» явились не только евреи, но и румыны из числа политических противников «Железной гвардии». Лидер национал-либеральной партии и бывший премьер Д. Братиану был вынужден «продать» легионеру Боеру свою фабрику «Летя», оценивавшуюся в 50 млн. лей, за 5 млн. лей, из которых он получил лишь символическую сумму в

[72] ИДА, «Белая книга», т. 4, стр. 28.

500 тыс. лей. В Карансебеше и других местах железногвардейцы подвергали «румынизации» даже отдельные немецкие семьи. Но, как правило, железногвардейцы тесно сотрудничали с немецким национальным меньшинством, руководимым национал-социалистической партией, и зачастую выступали их подставными лицами для приобретения «румынизируемой» еврейской собственности. В результате этого «румынизация», по признанию правительственных органов, приводила к германизации капитала, усиливая позиции гитлеровцев в румынской экономике[73]. Германский посланник сообщал в январе 1941 года из Бухареста о том, что многие немцы стремятся захватить еврейские фирмы[74].

«Румынизация,— говорил И. Антонеску на заседании правительства 13 декабря 1940 г.,— превосходная идея». Но вместе с тем он выразил опасение, что проведение ее железногвардейскими методами «приведет к катастрофе». Это заявление было отражением недовольства румынской буржуазии грубой и опасной формой экспроприации еврейских капиталов. Дело в том, что еврейский капитал тесно переплетался с румынским капиталом и порой было невозможно отделить один от другого. Экспроприация еврейского капитала и использование его на непроизводительные расходы, как это делали легионеры, могло нанести и наносило ущерб румынскому капиталу, который сотрудничал с ним. Достаточно напомнить о капитале, вложенном крупными румынскими банками в промышленные и торговые предприятия евреев, чтобы понять, какое воздействие могла оказывать бандитская экспроприация еврейских предприятий на румынский капитал. Не случайно поэтому против нее возражали в свое время определенные круги румынской буржуазии. Но политические соображения господствовавшего режима определили проведение «румынизации»; таким путем разжигались националистические инстинкты, чтобы отвлечь массы от классовой борьбы. «Румынизация» продолжалась и после того, как легионеры утратили свои позиции в правительстве Антонеску. К марту 1942 года общее количество экспроприированных еврейских предприятий достигло 2000 с капиталом в 20 млрд. лей. К кон-

[73] См. Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8098, f. 275.
[74] См. DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, p. 1050.

цу 1941 года было экспроприировано 36 492 *га* пахотной земли, 55 179 *га* леса и т. д. При помощи экспроприированной еврейской земельной собственности фашистское правительство Румынии пыталось укрепить кулацкую прослойку в деревне, создавая так называемые «семейные владения», аналогичные «наследственным дворам» в нацистской Германии.

Буржуазно-помещичьи партии национал-либералов и национал-царанистов могли одобрять «румынизацию» лишь при условии, что она не затрагивает их собственных интересов и не нарушает экономической жизни страны. Информируя фашистскую верхушку относительно реакции населения на проводимую «румынизацию», секретный бюллетень сигуранцы приводил высказывание видного национал-либерала Слана (из группы либералов, возглавлявшейся Г. Братиану), который сказал, что ему нравится «румынизация», но легионерские комиссары, назначенные для осуществления ее, ведут дело к парализации промышленности [75]. Явное недовольство «румынизацией» высказывал лидер национал-либеральной партии Д. Братиану, который в письме к И. Антонеску отмечал, что устранение еврейского капитала ведет к усилению не румынского, а германского капитала, который прибирает к своим рукам еврейские предприятия и банки.

Действия легионеров по «румынизации» и созданию «руководимой экономики» дезорганизовали и подорвали хозяйственное положение страны. На заседании совета министров 13 декабря 1940 г. выявилось, что экономика страны находится в тяжелом положении: ощущался недостаток продовольствия, сырья, товаров, кредитов и т. п. [76] Было высказано мнение о необходимости «устранить все плохое в администрации государства и экономики» (подразумевалось некомпетентное и вредное вмешательство «Железной гвардии»). И. Антонеску заявил тогда, что он уже договорился об этом с Хориа Сима, но последний промолчал, несмотря на то что Антонеску обернулся к нему, ожидая подтверждения своих слов.

Хориа Сима не только не думал об отказе от вмешательства легионеров в экономическую жизнь, а, напротив,

---

[75] См. ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 309, л. 00439.
[76] См. Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8225, ff. 10—16.

добивался, чтобы и хозяйственные министерства перешли под руководство «Железной гвардии». В одном из писем к генералу Антонеску в октябре 1940 года лидер железногвардейцев упрекал румынского диктатора в том, что он сохранил у руководства экономикой страны «либеральную буржуазию». Чтобы спасти хозяйство страны от катастрофы, писал Хориа Сима, необходимо поставить во главе министерства национальной экономики человека «Железной гвардии». На это требование румынский диктатор ответил длинным посланием, в котором обвинил легионеров в действиях, дезорганизующих всю жизнь страны. Касаясь утверждения Х. Сима о том, что Румыния должна брать пример с Германии и Италии, где «главный упор делается на политический момент, ради которого перестраивается вся экономика», то есть экономические позиции переходят в руки фашистов, И. Антонеску возражал: «Ни фашистская революция в Италии, ни национал-социалистическая революция в Германии не подрывали, а, напротив, поддерживали буржуазную экономику. Я не могу наносить ущерб еврейской экономике и либеральной одновременно, поскольку они составляют румынскую экономику» [77]. В этом же письме глава военно-легионерского фашистского правительства резко поставил вопрос о прекращении легионерского вмешательства в экономическую жизнь.

Конфликт между Антонеску и «Железной гвардией» в области экономической политики военно-фашистского правительства косвенно отражал определенные противоречия, существовавшие между буржуазно-помещичьей верхушкой Румынии и румынскими фашистами, которых она поставила у власти отнюдь не для нанесения ущерба собственным интересам, а, напротив, для увеличения своих доходов. Буржуазно-помещичью верхушку могла удовлетворить только такая экономическая политика фашистской диктатуры, которая обеспечивала достижение этой цели. Действия же легионерских комиссаров по «румынизации», использование ими служебного положения в целях личного обогащения нарушали хозяйственную жизнь страны, сам процесс капиталистического производства. Правящие румынские круги были недовольны проводившейся «Железной гвардией» резкой антитрес-

[77] ИДА, «Белая книга», т. 4, стр. 509—513.

товской, антикапиталистической пропагандой и проповедью «легионерского социализма», которые при всей их демагогичности ставили под сомнение незыблемость буржуазного общества.

Некоторые круги буржуазии и помещиков Румынии были настолько перепуганы социальной демагогией и действиями легионеров, что истошно призывали генерала Антонеску положить конец «развитию коммунизма», «прекратить сеять анархию и коммунизм» в стране. Показательно в этом отношении обращение реакционной националистической тайной организации «Ардялул» к главе военно-легионерского режима. В обращении говорилось, что с Антонеску связывали надежды на лучшие времена, что на его правление смотрели как на «могучий барьер против ветра безумства и анархии». Но время рассеяло эти иллюзии. Организация «Ардялул» обвиняла Антонеску в том, что он молчит и бездействует, в то время как его компаньоны по правлению под его эгидой «продолжают коммунизировать страну». «В своем сладком сожительстве с легионерами вы играете роль Керенского... Вы — предшественник коммунистической революции в Румынии». Обращение призывало румынского фашистского диктатора: «Измените коммунистическую и антикапиталистическую структуру вашего режима. Сделайте основательную чистку среди всех одержимых этими принципами... Очистите режим от социальной накипи, залившей его». Само собой разумеется, что в действиях румынских фашистов-легионеров не было ни грана социализма. За криками о «коммунистической опасности» скрывалось недовольство эксплуататорских классов крайностями легионерского движения.

Конфликт возник также и в политической области. Военно-легионерская диктатура была призвана жесточайшим террором потопить в крови революционную борьбу трудящихся за свое освобождение от капиталистической эксплуатации. Но легионеры не ограничились кровавым террором в отношении коммунистов и других представителей демократических сил: они использовали свое пребывание у власти для сведения личных счетов с некоторыми буржуазными политическими деятелями, бывшими сторонниками англо-французской ориентации и потому выступившими в свое время противниками «Железной гвардии», открыто и безоговорочно ориентировавшейся на

гитлеровскую Германию. Орудием этой мести была легионерская полиция, действовавшая независимо от Антонеску, от государственной полиции и министерства внутренних дел. Легионерская полиция — банды железногвардейцев, одетых в зеленые рубашки, — грабила, избивала и убивала своих политических противников.

Обеспокоенный тем, что жертвой легионерского бандитизма становились также представители буржуазно-помещичьих кругов, И. Антонеску сделал в начале октября 1940 года попытку ограничить деятельность легионерской полиции. В органы государственной полиции была послана шифрованная директива, разъяснявшая, что легионерская полиция не имеет права производить аресты, а может лишь сигнализировать об установленных ею нарушениях закона. Директива требовала арестовывать тех легионеров, которые не соблюдали ее. 5 октября 1940 г. генерал Антонеску выступил с заявлением, опубликованным в газете «Универсул», где он, не называя легионеров, резко выступил против них. Личности, одетые в зеленые рубашки, терроризируют население и вымогают деньги, говорилось в этом заявлении. Они, мол, не являются настоящими железногвардейцами, если нарушают порядок и законы страны. «Никто не может вести следствие и наказывать, кроме соответствующих государственных органов» [78], — подчеркнул И. Антонеску.

Под давлением главы правительства «капитан» железногвардейцев Х. Сима был вынужден выступить с «Коммюнике легионерского движения» 30 октября 1940 г., в котором говорилось, что «легионерская полиция является вспомогательной к государственной полиции». Но, поясняя ее «вспомогательный» характер, главарь «Железной гвардии» сказал, что «легионерская полиция ведет расследования, реквизиции и т. п. *с помощью* (выделено мной. — *Авт.*) офицеров государственной полиции» [79]. Таким образом, вспомогательная роль отводилась государственной полиции, которая, как видно из упомянутого коммюнике, должна была помогать легионерской полиции во всех ее действиях. Ясно, что после такого коммюнике легионеры не прекратили самоуправных действий.

---

[78] «Universul», 5 oct. 1940.
[79] «Universul», 30 oct. 1940.

«Железная гвардия», открыто выступая агентурой германского фашизма, установившего свое господство в Европе, чувствовала себя хозяином положения в румынском национал-легионерском государстве. Своими бандитскими грабежами, убийствами и жестокостями она, по словам одного из членов военно-фашистского правительства, настолько запугала население, что слово «легионер» вызывало страх в любой деревне. Обстановка в стране становилась все более напряженной. Руководство «Железной гвардии», надеясь на поддержку своих покровителей-гитлеровцев, требовало от генерала Антонеску исключить «либеральную буржуазию» из правительства, сделав его полностью легионерским. Становилось совершенно очевидным, что надежды И. Антонеску на подчинение себе легионерского движения и создание из него массовой базы своей фашистской диктатуры не оправдались. Ни зеленая рубашка, на которую он сменил мундир генерала, ни другие заигрывания с легионерами не помогли ему подчинить их себе. Железногвардейцы сами хотели подчинить себе генерала Антонеску, сделать его своим орудием. Главными расхождениями между боровшимися за власть группировками военно-фашистского режима были внутриполитические.

В области внешней политики принципиальных расхождений не было: и железногвардейцы, и генерал Антонеску стояли за полное подчинение страны германскому империализму, за участие с ним в захватнической войне против Советского Союза.

В начале ноября 1940 года генерал Антонеску резко поставил вопрос о том, чтобы железногвардейские вожаки перестали оспаривать его единоличное право руководить страной. В письме к Х. Сима он писал: «Два дирижера не могут одновременно управлять оркестром. В первую очередь надо отделить правительство от партии». Поэтому он настаивал, чтобы легионерская партия «занималась воспитанием молодежи», а все свои требования и пожелания в области государственного правления излагала через Х. Сима, являвшегося заместителем фашистского премьера. Антонеску требовал от руководства «Железной гвардии» признания принципа, что основные решения и действия национал-легионерского режима вырабатываются «с согласия и одобрения Антонеску, который окончательно решает вопрос об их принятии и вы-

полнении» [80]. Борьба за власть внутри фашистского режима между Антонеску и Х. Сима все более усиливалась, принимая открытый характер.

В связи с новыми актами легионерского террора в отношении представителей румынских буржуазно-помещичьих кругов положение в стране обострилось. В ночь с 26 на 27 ноября 1940 г. группа легионеров во главе с Думитру Гроза, прибыв в тюрьму Жилава, зверски убила там 64 бывших деятелей королевского режима, арестованных по обвинению в преследовании «Железной гвардии» и ожидавших рассмотрения их дела в суде. В числе убитых были бывший начальник сигуранцы и его помощники, которые в свое время использовали железногвардейцев, в том числе и Х. Сима, в качестве своих платных агентов для борьбы против демократических сил. Убийством этих лиц железногвардейцы устраняли возможность нежелательных показаний в будущем процессе. 27 ноября 1940 г. три легионера забрали бывшего премьер-министра Н. Иоргу из его дома в Синайе под предлогом отправки на допрос в Бухарест и, отведя в лес, зверски убили его. Такая же участь постигла и другого видного политического деятеля буржуазно помещичьей Румынии В. Маджару. Обещание главарей «Железной гвардии» о «трех кровавых днях» начало осуществляться. В тот же день легионерская полиция арестовала еще ряд деятелей старого режима, которых спасло от смерти лишь вмешательство румынского диктатора, только что вернувшегося из поездки в Берлин.

Злодейские убийства, в особенности Н. Иорги и В. Маджару, являвшихся не только видными политическими деятелями, но и учеными с мировой известностью (Н. Иорга был известен как историк, а В. Маджару — как специалист по исследованию румынской экономики), вызвали возмущение действиями легионеров и внутри страны, и за границей. В связи с этим военно-легионерская диктатура была вынуждена опубликовать специальное заявление о том, что «генерал Антонеску, правительство и легионерское движение осуждают этот акт» [81]. Был принят особый закон, предусматривавший смертную казнь за преступления против общественного порядка, а

[80] ИДА, «Белая книга», т. 4, стр. 521.
[81] «Universul», 30 noembr, 1940.

покушения на свободу личности и на жилища карались каторжными работами на срок от 5 до 10 лет.

И. Антонеску пытался воспользоваться этими событиями для того, чтобы избавиться от конкуренции легионеров, но вмешательство Гитлера заставило его сохранить железногвардейцев в правительстве [82]. Германские фашисты одобряли действия «Железной гвардии» по физическому истреблению ее противников, являвшихся сторонниками англо-французской ориентации. Потому-то германское информационное бюро утверждало, что убийства в Жилаве якобы «одобряются всем народом. Имена убийц установить не удалось, так как друзья не выдают их». Гитлеровцы считали, что сохранение «Железной гвардии» в правительстве Антонеску выгодно для Германии, тем более что, с их точки зрения, действия легионеров не давали основания для отстранения последних от управления румынским государством.

Однако дело не обошлось без потерь для «Железной гвардии». 30 ноября 1940 г. была официально распущена легионерская полиция, которой при этом все же была выражена благодарность «за оказанные услуги» [83]. 3 декабря 1940 г. было издано предписание о принятии строгих мер по борьбе с самоуправством легионеров. Публично отмежевываясь от злодейских актов, совершенных легионерами в конце ноября 1940 года, Х. Сима от имени «Железной гвардии» дал новую клятву в верности «кондукэторулу» Антонеску и легионерскому режиму. После ноябрьских событий лишился поста министра иностранных дел железногвардеец М. Стурдза.

Борьба за власть между генералом Антонеску и главарем легионерской партии после этого не только не прекратилась, а еще больше усилилась. Несмотря на официальный роспуск, легионерская полиция сохранилась в провинции и господствовала там. Министр внутренних дел Петровическу, ориентировавшийся на Х. Сима, не принял должных мер по выполнению строгих распоряжений по борьбе с самоуправными действиями железногвардейцев. Намереваясь продолжать физическое уничтожение своих политических противников, легионеры намечали в ночь под новый год убийство всех видных деятелей

---

[82] См. «Memorial Antonesco», vol. 1, p. 38.
[83] «Universul», 30 noembr. 1940.

периода правления Кароля II, с тем чтобы, как они говорили, «страна начала новый год, очищенный от проказы прошлого». Узнав об этом, И. Антонеску распорядился обеспечить охрану жизни и имущества бывших политических деятелей по всей стране. В связи с разоблачением плана новогоднего побоища Х. Сима отменил его и направил в газеты опровержение.

В борьбе за власть преимущество было на стороне генерала Антонеску. Во внешнеполитическом плане его шансы были, по крайней мере, равными шансам его соперника: гитлеровцы не имели никаких претензий к румынскому диктатору, который не за страх, а за совесть проводил политику полного закабаления Румынии и использования ее германским рейхом в своих захватнических целях. Внутри страны его позиции были сильнее легионерских: «Железную гвардию», подвергшую страну разграблению, ненавидели все. Действия легионеров за время их пребывания у власти создали разрыв даже между ними и буржуазно-помещичьей верхушкой, интересы которой был призван обеспечить фашистский режим в Румынии. Буржуазно-помещичьи круги отдавали предпочтение единоличной диктатуре генерала Антонеску, как более солидной и крепкой. Несомненным преимуществом генерала Антонеску была его тесная связь с военными кругами, на которые он мог опереться в своей борьбе за власть против «Железной гвардии».

Легионеры пытались подчинить себе румынскую армию. Но легионерская пропаганда встретила враждебное отношение со стороны офицерства, в особенности высшего. «Легионерский социализм» не мог привлечь это офицерство. Чтобы прибрать армию к своим рукам, легионеры после прихода к власти направили в воинские части своих комиссаров. Эта мера была встречена в штыки офицерством, у которого к недовольству крайностями железногвардейцев в экономической и политической областях прибавлялась уязвленная профессиональная гордость: «Нас пытаются контролировать неучи и преступники!». На этой почве возникали резкие конфликты между офицерами и легионерской полицией, о которых И. Антонеску неоднократно писал главарю «Железной гвардии» Х. Сима.

Румынский фашистский диктатор регулярно встречался с высшими чинами армии на ежемесячно проводи-

вшихся им совещаниях командующих крупными военными соединениями, информируя их о развитии своего конфликта с легионерами. Выступив на совещании 24 октября 1940 г. с большой речью, генерал Антонеску оправдывал устранение королевской диктатуры и установление национал-легионерского режима. Он назвал короля и его камарилью кучкой грабителей, наживавшихся за счет румынского народа. Кароль II отдавал капиталистам Аушниту, Малаксе и др. все выгодные военные заказы, а они, получая миллиардные доходы, выплачивали ему за это ежегодно 100 млн. лей. Критикой Кароля румынский диктатор преследовал цель перетянуть на свою сторону бывших сторонников изгнанного румынского короля, оставшихся в армии. Далее он подчеркнул свое право на единоличную диктатуру, сославшись на то, что фашистская «ось» считала его «единственно способным управлять Румынией», что его приход к власти произошел с одобрения Берлина и Рима. Объясняя причины привлечения им железногвардейцев к управлению румынским государством, И. Антонеску сказал: «Мне нужно было опереться на легионеров...». При этом он счел необходимым подчеркнуть отсутствие у него «политических связей» с легионерами, что он не разделяет и не одобряет их социальных идеалов и методов борьбы за их осуществление [84]. В заключение своего выступления 24 октября 1940 г. генерал Антонеску сказал, что армия не должна заниматься политикой, «даже политикой легионеров», то есть призвал военные круги не подчиняться его временному союзнику — «Железной гвардии».

Большой интерес для выяснения позиции военных кругов в конфликте И. Антонеску с легионерами представляет совещание командующих 28 ноября 1940 г. Его участники, находившиеся под впечатлением только что совершенных железногвардейцами убийств буржуазно-помещичьих политиков, решительно высказались в поддержку генерала-диктатора. Один из генералов, выступая, как он сам выразился, «с согласия всех», заверил Антонеску, что армия окажет ему «безусловную помощь». «Мы не можем смотреть спокойно на эту ситуацию. Когда почувствуете потребность, зовите армию. Она исполнит свой долг» [85]. Выступавший генерал требо-

[84] См. ИДА, ф. Военный кабинет, д. 309, лл. 3—4 (65—66).
[85] Там же, л. 16 (100).

вал, чтобы легионеры «уважали престиж армии», чтобы армию оградили от вмешательства легионерской полиции.

Заручившись поддержкой армейских кругов, генерал Антонеску в своем заключительном выступлении на совещании 28 ноября 1940 г. выступил с резким предупреждением в адрес «Железной гвардии», оспаривавшей у него власть: «Не легионерское движение, а генерал Антонеску руководит государством. И если интересы потребуют, то он будет делать это и без них и, если нужно, против них. Легионерское движение должно знать, что без генерала Антонеску оно ни на что не способно, что генерал Антонеску может обойтись и без легионерского движения». Давая сигнал к наступлению на своих конкурентов по борьбе за единоличную власть, генерал Антонеску сказал участникам совещания, что отныне он хочет получать не жалобы на действия легионеров, а рапорты о санкциях и мерах против них [86]. В конце декабря 1940 года генеральный штаб направил руководству легионерского движения требование сообщить о количестве оружия, находящегося у него, и представить список лиц, имеющих право на ношение оружия [87].

В условиях, когда Румыния была оккупирована немецкими войсками, а «Железная гвардия» являлась открытой агентурой германских фашистов, генерал Антонеску не мог устранить ее со своего пути без согласия гитлеровской клики. А ее позиция была такова: у власти в Румынии должны оставаться и генерал Антонеску, и «Железная гвардия». Германский посланник в Румынии Фабрициус в своей телеграмме в Берлин от 1 ноября 1940 г. отмечал необходимость сотрудничества «Железной гвардии» с генералом Антонеску. Сама «Железная гвардия», указывал он, слишком слаба, чтобы восстановить подорванную последними событиями социально-экономическую жизнь Румынии, а генерал Антонеску является для нас гарантией спокойствия и порядка в стране [88]. В. Типпельскирх, ведший по уполномочию германского командования переговоры с И. Антонеску о посылке в Румынию новых контингентов немецких войск,

---

[86] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 309, л. 17 (101).

[87] См. ИДА, ф. Генеральный штаб румынской армии, д. 304, л. 18.

[88] См. DGFP 1918—1945, vol. X, p. 445.

также благоприятно отзывался о нем: «...Генерал Антонеску превосходит руководителя «Железной гвардии» своей силой воли и интеллектом»[89].

Во время встречи с Гитлером 14 января 1941 г. в присутствии фельдмаршала Кейтеля, генерала Иодля, Фабрициуса и фон Киллингера, нового германского посланника в Румынии, генерал Антонеску поднял вопрос о «Железной гвардии», заверив фюрера в своей верности делу фашистской «оси». Румынский диктатор заявил тогда о готовности участвовать в гитлеровской войне против СССР, отметив, что «отдает себе отчет в риске наступательных или оборонительных операций и не испытывает колебаний в этом деле». И. Антонеску подчеркнул, что союз с Германией вызван не только «мотивами военной и социальной безопасности» (этими словами маскировались захватнические планы в отношении СССР), но и «решительным осознанием необходимости органической связи с Германией в будущем», то есть стремлением и впредь оставаться в экономическом и политическом подчинении гитлеровского рейха. Условием всего этого он ставил предоставление ему права навести порядок внутри страны, сделать его тем, кем он был провозглашен сентябрьскими декретами, — единым руководителем как государства, так и легионерского движения, ибо «за последние четыре месяца стало совершенно очевидным, что собственными силами «Железная гвардия» не может себя реорганизовать», оставаясь неспособной управлять государством и оказывая разлагающее влияние.

Косвенно упрекая гитлеровцев за вмешательство во внутриполитическую борьбу в Румынии, И. Антонеску высказал пожелание, чтобы национал-социалистская партия Германии поддерживала связь с «Железной гвардией» только через его посредство. «Легионерское движение должно следовать (за генералом Антонеску. — *Авт.*) в деле перестройки государства и самого себя, переходя с базы мистики и оккультных действий к серьезной программе, чтобы подготовить свои руководящие кадры»[90]. Эти слова свидетельствовали о намерении генерала Антонеску иметь в своем распоряжении фашистскую партию, наподобие тех, во главе которых стояли Гитлер и Муссолини.

---

[89] См. DGFP 1918—1945, vol. XI, p. 126.

[90] ИДА, ф. Военный кабинет Румынии, д. 300, лл. 143—145.

И. Антонеску хотел, чтобы ему позволили убрать «неспособные элементы» (легионеров) из управления государством. Он подчеркивал, что только правительство военных может «спасти страну», то есть обеспечить ее полное использование в интересах фашистской Германии.

Гитлер, отвечая румынскому диктатору, утверждал, будто Германия всегда использовала свое влияние, чтобы указать «Железной гвардии», что И. Антонеску является единственно способным управлять страной. Если же, несмотря на это, отношения с «Железной гвардией» не улучшились, а ухудшились, то их следует прекратить [91]. Заботы генерала Антонеску понятны мне, сказал он, ибо 6—7 лет назад я был вынужден устранить мешавшие мне элементы. «Не исключено, что и генерал Антонеску будет вынужден проделать подобную операцию». Стремясь подчеркнуть свое расположение к И. Антонеску, германский фюрер рассказал ему о письме, полученном от Х. Сима. В этом письме в целях компрометации главы румынского фашистского правительства говорилось, что И. Антонеску — в душе англофил, что он вынужденно проводит политику сближения с Германией и предаст Германию при удобном случае. В подтверждение этого Х. Сима приложил отрывки из выступления И. Антонеску в Лондоне, когда он, покидая свой пост румынского военного атташе, заверял английское правительство в своих симпатиях. Гитлер заверил И. Антонеску в своей поддержке, ибо, как он выразился, его «интересует в Румынии лишь армия. Она должна в очень скором времени сыграть важную роль».

Таким образом, соображения использования армии Румынии, а также ее экономического потенциала в предстоящей войне против Советского Союза определили выбор гитлеровской клики в пользу генерала Антонеску, а не в пользу родственной национал-социалистам «Железной гвардии». Легионеры не только не сумели завоевать себе популярность в сколько-нибудь широких кругах населения, но вызвали к себе всеобщую ненависть, и их власть, не обладая ни силой, ни авторитетом, не смогла бы обеспечить полное осуществление германских желаний в Румынии. Однако, выдав генералу Антонеску мандат на монопольное управление румынским государством,

[91] См. DGFP 1918—1945, vol. XI, p. 1087.

гитлеровцы вместе с тем считали нужным сохранить свою железногвардейскую агентуру в Румынии как средство давления на румынского фашистского диктатора.

Глава 3

ЛЕГИОНЕРСКИЙ МЯТЕЖ (ЯНВАРЬ 1941 г.)

После январской встречи с Гитлером генерал Антонеску мог действовать решительно, добиваясь полного подчинения себе «Железной гвардии». Он выступил с грозным предостережением в адрес легионеров, продолжавших бесчинствовать и нарушать порядок в национал-легионерском государстве. В своем письме к Хориа Сима 15 января 1941 г. глава фашистского режима подчеркнул: «Во время вчерашней встречи фюрер сказал мне: „Любое нарушение порядка внутри страны, кем бы ни было оно совершено, не может быть терпимо...''» [92]. Однако это предостережение не дало желаемого эффекта, ибо легионеры во главе со своим «капитаном», надеясь на поддержку германских фашистов, вели в это время подготовку к свержению генерала Антонеску и сосредоточению всей власти в руках «Железной гвардии». Слова Гитлера о том, что Германия всегда советовала румынским железногвардейцам подчиняться генералу Антонеску, очевидно, не соответствовали действительности.

Меры по обузданию легионерской стихии, принимавшиеся генералом Антонеску по требованию господствующих классов, недовольных и испуганных эксцессами «Железной гвардии», вызвали резкую реакцию с ее стороны. Ликвидация института комиссаров по «румынизации», представлявшего собой узаконенную форму обогащения легионерской верхушки за счет ограбления некоторых собственников, озлобила экстремистские круги легионерского движения. Железногвардейцы выражали свое воз-

---

[92] ИДА, письмо Антонеску к Х. Сима от 15 января 1941 г.

мущение устранением М. Стурдзы с поста министра иностранных дел, заменой легионерских префектов офицерами, преданными Антонеску, и другими действиями «кондукэторула», которые укрепляли его диктатуру, ослабляя позиции «Железной гвардии» в государственном управлении и подрывая ее престиж.

Лидеры легионерского движения оказывали упорное сопротивление стремлению Антонеску установить монополию на власть, сделаться человеком, олицетворяющим фашистский режим в Румынии. В декабре 1940 года в беседе с одним иностранным дипломатом генерал Антонеску обмолвился, что легионеры в государственном аппарате не выполняли его распоряжений, упомянув в качестве примера министра иностранных дел железногвардейца Стурдзу. В обход руководителя национал-легионерского государства главарь «Железной гвардии», будучи заместителем Антонеску, пытался назначить легионера Гречану, румынского посланника в Берлине, на пост министра иностранных дел. Декрет о роспуске легионерской полиции фактически не был выполнен, она продолжала существовать не только в провинции, но и в столице. Конфликт между генералом Антонеску и верхушкой «Железной гвардии» зашел так далеко, что в начале января 1941 года легионер Гика, являвшийся префектом полиции Бухареста, отдал распоряжение не выполнять указания генерала Антонеску, а действовать только по его собственным приказам [93].

С самого начала преследуя цель захватить в свои руки всю полноту власти, легионеры готовились к возможному вооруженному выступлению против тех, кто стал бы сопротивляться этому. После прихода к власти в сентябре 1941 года они вооружили свой актив и создали военизированные отряды. Используя государственные деньги, руководство «Железной гвардии» через своих ставленников приобрело значительное количество оружия. Х. Сима направил специальное письмо министру внутренних дел Петровическу, креатуре легионеров, с просьбой дать как можно больше оружия железногвардейцам. Командование «Железной гвардии» издало инструкцию по военной подготовке своих членов, овладению ими различными видами оружия и т. п. «Начиная с 5 де-

---

[93] См. DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, doc. 631.

кабря 1940 г., — говорилось в этой инструкции, — все легионеры в стране должны посещать группами по 150 человек в течение 60 дней курсы по овладению всеми видами оружия». Легионеры намеревались создать собственные вооруженные силы, способные воевать против румынской армии, оказавшейся на стороне Антонеску.

У главаря железногвардейцев Х. Симы были намерения воспользоваться для переворота поездкой «кондукэторула» румынского государства в Рим в ноябре 1940 года. План был таков: как только генерал Антонеску пересечет румынскую границу, Х. Сима соберет заседание совета министров, чтобы низложить Антонеску и провозгласить себя «руководителем»— фюрером румынского государства. Однако этот план остался нереализованным. Одной из причин были разногласия внутри легионерского движения, в котором ясно определились две группы. Первая группа, во главе которой стояли Х. Сима и другие вожаки фашистской «Железной гвардии», получившие теплые места в военно-фашистском правительстве генерала Антонеску, выступала за создание целиком железногвардейского правительства. Вторая группа, возглавлявшаяся Ионом Зеля Кодряну, отцом убитого вожака «Железной гвардии» Корнелиу Кодряну, включала в себя легионеров, бывших в изгнании в Германии и оказавшихся по этой причине не у дел. Эта группа считала себя обойденной при дележе мест в национал-легионерском государстве и потому выступала против группы Х. Сима. Свое недовольство группа И. Кодряну пыталась приподнять до уровня «теоретических» разногласий. И. Кодряну утверждал, что его погибший сын не хотел прихода к власти «Железной гвардии» до тех пор, пока она не окрепнет, а сейчас она еще слаба, чтобы управлять страной. Отец бывшего «капитана» легионеров называл Х. Сима «узурпатором» и обвинял в том, что он увел «Железную гвардию» с пути, намеченного его сыном. Во время визита генерала Антонеску в Рим группа легионеров во главе с Ионом Кодряну посетила Х. Сима и имела с ним острый разговор, который, вероятно, сыграл свою роль в отказе от немедленного осуществления плана смещения Антонеску и сформирования правительства только из одних легионеров.

Однако подготовка к этому продолжалась, особенно усилившись после принятия генералом Антонеску мер в

связи с ноябрьскими террористическими действиями железногвардейцев. Она велась через легионерскую прессу, в частности через газеты «Бируинца» и «Буна вестире». В декабре 1940 года были проведены и специальные собрания легионеров в городах Алба Юлия, Констанца, Бузэу, Тимишоара, Лугож, Карансебеш и др.[94] 13 января 1941 г. Х. Сима совещался с легионерскими руководителями бухарестского студенчества. «Железная гвардия» искала повод для вооруженного выступления против генерала Антонеску. И этот повод нашелся.

В ночь с 18 на 19 января 1941 г. неизвестно кем был убит работник штаба германской военной миссии в Румынии майор Деринг. В дипломатических кругах румынской столицы утверждали, что убийство Деринга — дело рук легионеров, которые таким путем хотели поссорить немцев с «руководителем» государства и показать, что он не способен обеспечить безопасность и порядок в стране. Главарь «Железной гвардии» решил воспользоваться убийством Деринга в качестве повода для начала мятежа, который должен был привести к достижению намеченной цели. 19 января 1941 г. в Бухаресте было проведено секретное совещание легионерских руководителей со всей Румынии. Во многих местах начались легионерские манифестации против генерала Антонеску, которого обвинили в создании условий, делающих возможными убийства германских офицеров. Легионерские вожаки требовали немедленной расправы с коммунистами, евреями и «масонами» (этим именем они называли сторонников западной демократии, сторонников Англии и Франции). Было выдвинуто требование образования чисто легионерского правительства, единственно способного, как утверждали железногвардейские заправилы, преобразовать румынское государство в духе национал-социализма.

Чтобы снять с себя ответственность за деятельность румынских органов по обеспечению безопасности и государственного порядка, чтобы доказать свою преданность гитлеровцам, генерал Антонеску сместил министра внутренних дел Петровическу и начальника сигуранцы — государственной полиции Гика, обвинив их в том, что они, во-первых, допустили убийство германского офицера, во-

---

[94] См. ИДА, ф. Военный кабинет, Обобщающий доклад о процессе мятежа, лл. 51—55.

вторых, не проявили инициативы для расследования убийства. Кстати сказать, второе обвинение в известной мере подтверждает слухи об организации убийства Деринга железногвардейцами. Глава фашистского правительства заверил Гитлера, что впредь подобные случаи с германскими военнослужащими будут абсолютно невозможными. Смещение Петровическу и Гики, являвшихся ставленниками «Железной гвардии», и назначение на их места сторонников генерала Антонеску означали переход в решительное наступление против экстремистских кругов легионерского движения. В сообщении совета министров изменения в составе правительства мотивировались стремлением «укрепить внутренний порядок, который в последнее время требует новых мер спокойствия и авторитета для прекращения анархических актов присвоения имущества с личной целью, которые ведут к экономическим беспорядкам» [95]. Были сняты с постов и другие легионеры.

В тот же день в Бухаресте перед зданием совета министров легионеры устроили демонстрацию против решения генерала Антонеску. 3000 легионеров, собравшись вечером 20 января 1941 г., требовали восстановить всех смещенных и уволить нелегионера Рошану с поста министра внутренних дел. А в провинции в это время легионеры уже выступили с оружием, заняв важнейшие общественные здания, радиостанции, склады оружия и т. п. В Бузэу они сменили префекта полиции. Новый префект-легионер направил во все коммуны указание: «На заре 23 января во всех церквах справить службу в честь легионерской победы. Попы должны сказать населению, что генерал Антонеску объединился с коммунистами Молдовы. Главой государства является теперь Хориа Сима». Попытки железногвардейцев захватить власть были предприняты в Браиле, Констанце, Джурджу, Плоешти, Кымпине, Крайове и других городах.

Утром 21 января 1941 г. началось вооруженное выступление легионеров в Бухаресте. Легионерские группы стали захватывать казармы, здания полицейских участков, административных учреждений и т. п. Смещенный генералом Антонеску префект бухарестской полиции Миронович отказался уйти со своего поста. Х. Сима напра-

[95] «Universul», 20 ian. 1941.

вил своих парламентеров во главе с профессором Панаитеску к главе правительства, потребовав от него вывести войска из столицы и сформировать чисто легионерское правительство из лиц, которых ему назовет руководство «Железной гвардии». В этом правительстве И. Антонеску был бы просто марионеткой легионерской верхушки.

В первые дни легионерского мятежа генерал Антонеску не решался действовать силой оружия против железногвардейцев, ограничиваясь призывами к ним прекратить беспорядки. И армия фашистского диктатора, и силы мятежных легионеров находились в Бухаресте лицом к лицу, не нападая друг на друга. Не встретив противодействия со стороны войск генерала И. Антонеску, легионеры стали хозяевами положения в столице и организовали там грабежи, кровавые убийства и погромы. Легионерское выступление с целью захвата власти явилось поводом для новых грабежей и злодеяний. Они вооружили даже 14—15-летних мальчишек, натравливая их на своих противников. Многие десятки жителей столицы пали жертвой легионерских убийц. Только за три дня железногвардейского мятежа было разграблено имущества на сумму более 100 млн. лей[96]. Так называемая «легионерская революция» вылилась в бандитские действия, маскировавшиеся лозунгами антикоммунизма.

Выжидательная позиция генерала Антонеску объяснялась тем, что он не знал, какую позицию по приказу Берлина займут германские войска, находившиеся в Бухаресте и на всей румынской территории в связи с предстоящими военными операциями на Балканах и против СССР. Трудно было представить, что мятеж «Железной гвардии», этой преданной агентуры гитлеровцев в Румынии, мог начаться без ведома и одобрения германских фашистов. Во время мятежа немецкие части в Бухаресте были приведены в боевую готовность, но не показывали, на чьей стороне они выступят. Все это наводило на мысль, что договоренность, достигнутая с Гитлером во время недавней встречи (14 января 1941 г.), потеряла свою силу. Может быть, гитлеровцы перерешили и предпочли сделать ставку исключительно на «Железную гвардию», чтобы положить конец соперничеству в румынской фаши-

---

[96] ИДА, ф. Военный кабинет, Обобщающий доклад о процессе мятежа, л. 64.

стской верхушке? Ответить на это мог только Берлин. Позиция же его поначалу была неясной.

Если верить письменным свидетельским показаниям главы германской военной миссии в Румынии генерала Ганзена на состоявшемся в июне 1941 года процессе участников легионерского мятежа, то германские военные представители делали попытки разубедить железногвардейцев, надеявшихся на поддержку немецких войск в своем выступлении против генерала Антонеску. Ганзен сообщил, что за несколько часов до путча Х. Сима посетил его, проинформировав об обстановке и возможном развитии событий. О том, насколько убедительно Ганзен «отговаривал» вожака «Железной гвардии» от бунта против главы румынского фашистского правительства, можно судить по самому факту развернувшегося вскоре легионерского мятежа.

Во всяком случае у генерала Антонеску и его сторонников долго сохранялось убеждение в том, что бунт легионеров являлся результатом германского влияния на «Железную гвардию». В ноябре 1941 года Риббентропу было с упреком сказано, что «волнения в январе 1941 года объясняются... вмешательством германских войск, которые подогрели страсти и ввели в заблуждение некоторые подрывные элементы» [97]. Об этом говорили материалы расследования железногвардейского мятежа.

Бывший руководитель легионерской группы «Огненная свастика» показал, например, что его уверяли в получении от германского правительства заверения о поддержке легионеров немецкими войсками в Румынии. 22 января 1941 г. железногвардейцы-мятежники распространяли среди германских войск листовку на немецком языке следующего содержания: «Германские друзья! Франкмасоны и жидовство вновь подняли голову... Они замышляют заговор против держав оси и легионерского движения. Германские друзья! Враги легионеров являются также врагами национал-социалистской Германии... Давайте сражаться вместе за общий идеал, за новый порядок в Европе!». Второй отдел румынского генерального штаба в секретном докладе, озаглавленном «Германские войска в Румынии», отмечал, что отдельные герман-

---

[97] ИДА, ф. МИД Румынии, д. 300, Переговоры Риббентропа — М. Антонеску 26 ноября 1941 г., л. 17 (40).

ские офицеры в период легионерского мятежа самым бесцеремонным образом вмешивались в конфликт внутри правящей фашистской верхушки Румынии, требуя отчета от румынских частей о мерах, предпринимаемых в отношении железногвардейцев, добиваясь освобождения задержанных легионеров и даже оказывая им вооруженную помощь [98].

Начальник германской разведки Шелленберг в своих мемуарах заявляет, что организация заговора легионеров Х. Сима против генерала Антонеску является делом рук видного гитлеровского деятеля Гейдриха [99]. Гитлеровцы, оказавшие помощь легионерам-мятежникам, преследовали, по всей вероятности, цель попугать генерала Антонеску, сделать его еще более послушным, заставить крепче держаться за Гитлера. Как показали последующие события, правители германского фашистского рейха не изменили своего мнения о том, что И. Антонеску более подходит для обеспечения немецких целей, чем железногвардейская верхушка во главе с Х. Сима.

22 января 1941 г. Гитлер в разговоре по телефону с генералом Антонеску подчеркнул необходимость быстрого восстановления порядка в Румынии, являвшейся плацдармом для операций германской армии на Балканах и против Советского Союза. В случае необходимости И. Антонеску мог обратиться к главе германской военной миссии в Румынии генералу Ганзену, которому, как заявил Гитлер, даны указания быть в распоряжении главы румынского фашистского правительства. В журнале боевых действий германской армии, который вел генерал Гальдер, запись за 21 января 1941 г. гласила: «Сообщения о волнениях в Бухаресте и в Румынии. Военная миссия получила указание не вмешиваться в вопросы внутренней политики, но в случае необходимости поддержать Антонеску военной силой (если ее попросят)» [100].

Свою позицию в отношении легионеров-путчистов рейхсфюрер Германии аргументировал следующими словами: «Мне нужна здоровая румынская армия, а не фанатики». Еще во время визита И. Антонеску в Берлин в январе 1941 года было принято решение направить по-

[98] См. ИДА, ф. Военный кабинет, д. 324, л. 5.
[99] См. W. Schellenberg, The Labyrinth, N. Y., 1960, p. 82.
[100] DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, doc. 691, p. 1169.

сланником Германии в Бухарест фон Киллингера с задачей «утихомирить» легионерское движение, которое все больше и больше приводило в хаотическое состояние экономическую жизнь Румынии, ставя под угрозу гитлеровские планы использования экономических и людских ресурсов Румынии в войне против СССР. Гитлеровская клика, не верившая в силу «Железной гвардии», решила принести ее в жертву интересам предстоящей антисоветской войны, участие румынской армии в которой мог гарантировать лишь генерал Антонеску.

В тот же день, когда имел место телефонный разговор Гитлера с Антонеску, министр иностранных дел гитлеровской Германии составил инструкцию для германского посланника в Бухаресте, которая шифрованной телеграммой была отправлена только в 3 часа дня 23 января 1941 г. Ниже следует перевод этого документа, представляющего большой интерес и важность для характеристики германской позиции и ее отношений с фашистским диктатором Румынии.

«Лично для посланника.

В связи с телефонным разговором, который только что состоялся.

Мы рекомендуем следующие действия генералу Антонеску:

1. Поскольку между генералом Антонеску и легионом имели место кровопролития, не может быть речи о полумерах. Цель может быть достигнута только чрезвычайными мерами. (Генерал Антонеску в качестве главы государства должен объявить восставших легионеров бунтовщиками и заявить, что не вступает в переговоры с мятежниками.

Затем генерал должен потребовать немедленного вывода и роспуска формирований легиона. Если это не будет выполнено, он должен обеспечить господство в столице и в стране всеми находящимися в его распоряжении средствами принуждения) [101].

Генерал Антонеску должен (немедленно провозгласить еще до наступления следующего дня чрезвычайное или военное положение) [102] взять под арест всех руководителей, замешанных в восстании.

---

[101] и [102] Взятое в скобки было вычеркнуто по телефонному распоряжению Риббентропа до отправки телеграммы.

2. Генерал Антонеску должен немедленно провозгласить себя руководителем легиона.

В такой прокламации генерал Антонеску должен сказать приблизительно следующее:

Он был другом Кодряну и знает его политическое завещание. Он преисполнен решимости выполнить его вопреки любому сопротивлению. Он боролся и был в заключении за легион. Он вынудил короля Кароля отречься и тем самым открыл путь легиону к власти под своим руководством. Он твердо намерен в этот решающий для страны период вести Румынию к лучшему будущему. Он знает, что главная роль в этом принадлежит легиону Кодряну. Но после смерти Кодряну легион практически не имел руководителя. Безответственные элементы, действуя по эгоистическим мотивам или будучи платными агентами Англии, использовали это для происков против румынского государства.

С целью вернуть легион на правильный путь его руководителя Кодряну он становится теперь во главе легиона. В качестве руководителя легиона он призывает всех истинных легионеров в серьезную для Румынии минуту сплотиться вокруг него и бок о бок с державами оси Германией и Италией воссоздать Румынию. Да здравствует легионерская Румыния!

После того как генерал Антонеску выпустит прокламацию и станет хозяином положения, он должен сформировать кабинет, в который он может включить до конца лояльных ему легионеров.

Устное дополнение: марксистов нужно лишать жизни. Идеалистов выслать в Германию при условии, что они воздержатся от всякой политической деятельности, в противном случае они будут возвращены назад как преступники.

Конец инструкции.

Дополнение: прошу сохранить для себя эту инструкцию и приступать к ее выполнению лишь после моего личного указания по телефону или телеграфу.

Риббентроп»[103].

---

[103] DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, doc. 691.

Инструкции Риббентропа, направленные германскому посланнику в Бухаресте в связи с разразившимся вооруженным конфликтом между двумя конкурирующими группами румынского фашистского режима, показывают полнейшую зависимость и Антонеску, и «Железной гвардии» от гитлеровцев, которые решают их судьбу. Генералу Антонеску предписывается вплоть до малейших деталей, как он должен вести себя и что он должен делать в создавшейся обстановке. Составляя такую инструкцию, гитлеровская клика хорошо знала, что И. Антонеску, которому она в собственных целях пыталась создать в Румынии славу «независимого человека», «равноправного партнера», «третьего человека в оси», в действительности был послушным орудием в ее руках.

Гитлеровцы дали румынскому диктатору разрешение на подавление легионерского мятежа. Однако они не хотели уничтожения своей верной агентуры — «Железной гвардии», находившейся в родстве с национал-социалистской партией Германии. Взятые в скобки пассажи вышеприведенной инструкции были вычеркнуты из окончательного текста как слишком категорические, создающие опасность полной ликвидации генералом Антонеску своих конкурентов из «Железной гвардии». Фашистская Германия хотела, чтобы сотрудничество Антонеску с «лояльными» железногвардейцами было сохранено. Полное устранение «Железной гвардии» лишило бы гитлеровскую клику одного из средств давления на румынского фашистского диктатора. Она сама теперь предлагает то, чего Антонеску добивался от Гитлера во время встречи в январе 1941года,— назначение его руководителем железногвардейского легиона, считая, что таким путем «Железная гвардия» сохранится и будет иметь вес в Румынии, будет оказывать свое воздействие на генерала Антонеску.

Убедившись в том, что правители фашистской Германии заинтересованы в скорейшем восстановлении порядка в Румынии и готовы оказать ему необходимую помощь в прекращении легионерского мятежа, генерал Антонеску 22 января 1941 г. отдал приказ армии приступить к восстановлению порядка. Чтобы избежать упреков со стороны гитлеровцев за принятие суровых мер против своих политических соперников, он решил объявить их... коммунистами. «Легионерское движение в целом было

лишь коммунистическим. Они оделись в зеленые рубашки, чтобы ввести в заблуждение»[104],— говорил позднее Антонеску на одном из заседаний совета министров. Мстя легионерам, стремясь подорвать их политический авторитет, румынский фашистский диктатор упразднил наименование Румынии национал-легионерским государством[105]. Верные генералу Антонеску войска стали решительно подавлять мятежных легионеров.

Спасая свою железногвардейскую агентуру, взбунтовавшуюся против генерала Антонеску, германские военные и дипломатические представители выступали в качестве посредников между столкнувшимися фашистскими группировками Румынии. Глава германской военной миссии генерал Ганзен явился к румынскому диктатору с предложением от легионеров, что они освободят все занятые ими учреждения и общественные места, если им будет гарантирована жизнь. Антонеску согласился, но через четыре часа вооруженные легионеры, оставив помещение бухарестской префектуры, напали на училище связи и другие объекты. 23 января вечером Нейбахер, временный поверенный в делах, замещавший германского посланника Фабрициуса, сообщил генералу Антонеску о своей встрече с Х. Сима. Нейбахер сказал, что лидер железногвардейцев принял его совет немедленно отказаться от борьбы против «руководителя» румынского государства и сделал следующее заявление: «Принимая во внимание специальные интересы рейха в восстановлении порядка в Румынии, я отдам немедленный приказ о прекращении борьбы».

Эти посреднические действия германских представителей вызвали недовольство Антонеску, считавшего, что наступил благоприятный момент покончить с опасной конкуренцией легионерской верхушки, которая оспаривала у него власть. Свое недовольство румынский фашистский диктатор открыто выразил Нейбахеру, заявив, что намерен «наказать легионеров», превратившихся, по его словам, в «коммунистов». Нейбахер сказал тогда генералу Антонеску, что он не знал об этом намерении и думал, что остается в силе договоренность о сотрудничестве с

---

[104] ИДА, ф. Совет министров Румынии, Протокол заседания 9 сентября 1941 г., л. 17.

[105] «Universul», 22 ian. 1941.

«Железной гвардией», именно поэтому он вел переговоры с легионерами о прекращении борьбы. Временный поверенный в германских делах просил главу румынского фашистского правительства «прислушаться к голосу человека, который прибудет сегодня в Бухарест наделенный фюрером полномочиями» (речь шла о приезде нового германского посланника в Румынии фон Киллингера). Отказавшись вести переговоры с Х. Сима, генерал Антонеску заверил, однако, германского поверенного в делах, что он не будет менять «существующий режим». «Я сохраню легионерский режим, но только с настоящими легионерами. Вот мое слово!» [106],— сказал он.

В отличие от германских коллег итальянские дипломаты не играли сколько-нибудь существенной роли в развитии конфликта между генералом Антонеску и «Железной гвардией». Считая Румынию зоной политического и экономического влияния германского рейха, правители фашистской Италии фактически безразлично отнеслись к январским событиям в этой стране, не проявляли симпатии к той или другой соперничающей группировке внутри румынского фашизма.

Легионеры, не получившие ожидаемой помощи от германских войск в Румынии, были вынуждены 23 января 1941 г. прекратить сопротивление правительственным войскам. Во время легионерского мятежа было ранено 254 и убито 236 человек. Легионерское восстание, как подчеркнул в обвинительной речи генеральный прокурор Румынии, было прекращено не по причине упомянутого обращения Х. Сима, а только потому, что «не удалось привлечь германские войска на сторону железногвардейцев» и румынская армия не пошла за ними [107]. Многие железногвардейцы были схвачены, в том числе и Х. Сима, но генерал Антонеску побоялся расправиться с ним и передал под стражу в гитлеровскую Германию, где главарь румынских легионеров оставался до последних дней войны. Гитлеровская клика дала убежище многим легионерам, тайно вывезя их из Румынии в воинских эшелонах. Железногвардейцы, нашедшие приют в фашистской Германии, использовались ею в качестве средства

---

[106] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 307, л. 33 (12).

[107] См. ИДА, ф. Военный кабинет, Обобщающий доклад о процессе мятежа, л. 33.

давления на румынского «кондукэторула», когда он по той или иной причине проявлял непослушание.

После ликвидации легионерского путча по приказу Антонеску были проведены многочисленные аресты членов «Железной гвардии» и уволены те из них, которые занимали ответственные должности в государственном аппарате. Еще раз была запрещена деятельность всех политических партий, в том числе и легионерской, которая до того была единственной легальной партией. Легионерское движение перестало существовать как организованное движение: верхушка сбежала в Германию, часть легионеров ушла в подполье, а другая часть перешла на сторону Антонеску.

Исключив легионеров из состава правительства, генерал Антонеску создал из своих сторонников новое правительство, в котором из 12 министерских постов 9 находились в руках генералов. Лишь во главе министерств пропаганды, правосудия и социальных работ стояли гражданские лица. В руки высшего офицерства перешел весь административный аппарат и органы государственной безопасности. На пресс-конференции для румынских и иностранных журналистов в феврале 1941 года И. Антонеску сказал, что теперь в Румынии «военный режим» [108]. Новый режим лишь по форме отличался от прежнего национал-легионерского режима. Смена названия и удаление железногвардейцев из правительства не изменили фашистского характера диктатуры Антонеску, ее внутриполитического и внешнеполитического курса. В циркулярной телеграмме от 29 января 1941 г. в дипломатические представительства Румынии за границей, подписанной генералом Антонеску, говорилось: «Целью правительства военных является окончательная ликвидация мятежа, наказание виновных и подавление всякой новой попытки нарушения государственного порядка. Главной миссией этого правительства является, таким образом, обеспечить возврат к нормальным условиям. Во внешней политике правительство, в котором я взял себе также портфель министра иностранных дел, продолжает без колебаний политику на стороне держав оси» [109].

---

[108] См. «Curentul», 24 feb. 1941.

[109] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 82, n/p.

Неправильны утверждения некоторых буржуазных авторов о том, что гитлеровская Германия якобы предала фашистский режим в Румынии, встав на сторону генерала Антонеску[110]. Фашистский режим, режим военно-фашистской диктатуры, сохранился в Румынии, он принял лишь более персонифицированный характер, олицетворяясь единовластием генерала Антонеску. Можно согласиться с тем, что германские фашисты предали «Железную гвардию». Но они сделали это потому, что легионеры были не способны обеспечить порядок в стране, которая становилась важной базой операций гитлеровского вермахта против Советского Союза.

Фашистская газета «Франфуртер цейтунг» в обширной статье, посвященной январским событиям в Румынии, следующим образом разъясняла германскую позицию в отношении двух враждующих группировок в Румынии. Газета подчеркивала, что как легион, так и государственное руководство и армия выступали и выступают за союз с державами «оси». «Разногласия между руководством легионеров и государственным руководством касались, по сути дела, внутриполитических проблем. Однако они в значительной степени определялись личными притязаниями на власть со стороны руководителей легионеров, которые, игнорируя важные задачи политического воспитания народа, стремились к полному завоеванию государственной власти...». Указывая на отрицательные результаты руководства железногвардейцев в экономической области, эта газета признавала, что «легион не располагал в экономической области ни достаточным числом голов, ни достаточным опытом для того, чтобы собственными силами осуществить внутреннее строительство и руководить им. Дело в том, что комиссары, назначенные легионом, не обладая должной подготовкой, создавали заминки в хозяйственной жизни и были смещены... Сегодня право контроля над предприятиями принадлежит исключительно министерству хозяйства». Но критика руководства легиона, подчеркивала газета, не означает осуждения самого легионерского движения, которое, по ее словам, «принадлежит к разряду революционных движений, определяющих сегодня облик Европы». Газета утверждала, что «дрожжи легиона остаются необходимыми, и генерал

---

[110] См. A. Waldeck, Athenee Palace. N. Y., 1943, p. 275.

Антонеску это сознает. Новый кабинет, состоящий почти целиком из генералов, мыслится лишь как временное решение для ликвидации кризиса» [111].

В гитлеровских кругах выражалось опасение, что полное устранение «Железной гвардии» от управления румынским государством может иметь отрицательные последствия для германских позиций в Румынии. Германские офицеры, сообщала сигуранца Тимишоары, объясняя поддержку Германией генерала Антонеску военными и экономическими интересами рейха, вместе с тем говорили, что им не может нравиться военная диктатура в Румынии, ибо они хорошо знают антигерманские настроения в румынской армии [112]. Став единоличным диктатором, генерал Антонеску получал возможность известного маневрирования в отношении гитлеровской Германии в целях поднятия своего авторитета в румынских господствующих классах.

Железногвардейский мятеж и его исход имели таким образом для гитлеровской клики свои плюсы и минусы. Но совершенно ясно, что ликвидация организованного легионерского движения, запрещение легальной деятельности открытой агентуры германского фашизма в Румынии были чувствительной потерей. Поэтому Риббентропу было поручено выяснить причины столь несвоевременного выступления легионеров и выявить виновных в этом. Уже 25 января 1941 г. он направил посланнику Киллингеру телеграмму, в которой говорилось: «Принимая во внимание все обстоятельства, которые способствовали недавним событиям в Румынии, встает вопрос, как оказалось возможным, что легионерское движение решило приступить к действиям именно в момент, когда происходит концентрация крупных соединений германских войск». Поскольку лидеры легионеров очень хорошо знали, что их судьба целиком зависит от Германии, их выступление совершенно непонятно. Поэтому Риббентроп предложил Киллингеру произвести расследование, чтобы установить, «не имелись ли в Румынии и внутри самой Германии официальные органы или лица, которые, вопреки ясным и недвусмысленным директивам фюрера, могли дать понять легионерам, что при проведении их путча они могут

---

[111] «Frankfurter Zeitung», 5. Febr. 1941.

[112] См. ИДА, ф. Военный кабинет, д. 311 (21), л. 4.

в конечном итоге рассчитывать на одобрение высших германских властей». Утверждая, что, вероятно, в этом деле не обошлось без «коммунистического и английского влияния», Риббентроп требовал скорейшего выяснения вопроса в интересах германской политики в Румынии, чтобы «не возлагали вину за жертвы легионерского движения на Германию или НСДАП (национал-социалистскую партию.— *Авт.*)» [113].

После подавления легионерского мятежа гитлеровцы выступили адвокатами «Железной гвардии», добиваясь от Антонеску сохранения сотрудничества с ней. Новый германский посланник фон Киллингер признавал, что «Германия симпатизировала легионерскому движению, считая его родственным национал-социализму, но это движение причинило ей разочарование. Однако Германия не стоит за устранение или уничтожение легионерского движения, а желает сохранить и поддержать его» [114]. 24 января 1941 г. немцы потребовали от Антонеску включить легионеров в правительство, поскольку они, мол, образумились. На следующий день Риббентроп послал фон Киллингеру новое указание добиваться сохранения «Железной гвардии». «Немедленно подскажите Антонеску, чтобы он не делал глупостей,— приказывал гитлеровский министр иностранных дел.— ...По нашему мнению, легионерское движение может быть рассматриваемо как возможная политическая база этого нового государства» [115].

Причина настойчивости германских фашистов в этом вопросе ясно указана в донесении Фабрициуса в Берлин от 24 января 1941 г., где он сказал, что железногвардейцев надо сохранить, ибо «они являются гарантией того, что и в будущем политика Румынии будет вестись в интересах Германии и Италии». Эти же мысли высказывал Нейбахер в письме к Клодиусу: «Для меня совершенно определенно, что теперь и в будущем легионеры являются нашим единственным другом в Румынии, на которого мы можем полагаться, я не говорю лично об Антонеску, в лояльности которого у меня нет и тени сомнения». Доверяя генералу Антонеску, гитлеровцы считали свои позиции недостаточно гарантированными без опоры на срав-

---

[113] DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, doc. 706.
[114] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 317, л. 23.
[115] DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, doc. 705, p. 1186.

нительно многочисленную «Железную гвардию», которая в случае необходимости могла заменить румынского фашистского диктатора, чтобы обеспечить продолжение политического курса, диктуемого из Берлина.

Стремясь добиться своей цели, правящие германские круги использовали различные средства воздействия на Антонеску. По неофициальным каналам было передано пожелание Гитлера, чтобы генерал привлек к себе тех легионеров, которых он считает возможным использовать, чтобы он не отталкивал их всех от себя, потому что после войны «Железная гвардия» по примеру национал-социалистской партии может явиться «противоядием большевизму». 22 марта 1941 г. Х. Сима направил письмо генералу Антонеску с выражением согласия сотрудничать с ним и уполномочил Ясинского для ведения переговоров по этому вопросу.

Антонеску не согласился с германским требованием о восстановлении «Железной гвардии»: организованное легионерское движение представляло угрозу его единовластию, своими эксцессами оно вызывало также недовольство буржуазно-помещичьих кругов. Вместе с тем он решил привлечь на свою сторону ту часть легионеров, которая готова подчиняться ему. На заседании совета министров 4 апреля 1941 г. при обсуждении вопроса о легионерах было сообщено, что уже осуждено около двух с половиной тысяч участников легионерского мятежа, что главари «Железной гвардии» бежали из Румынии. В связи с этим было решено оставшихся железногвардейцев не преследовать, а, напротив, привлекать на свою сторону; если они не слишком провинились, то не изгонять их из администрации и государственного аппарата [116]. Отвечая на письмо Х. Сима, опубликованное в румынских газетах 15 апреля 1941 г., глава фашистского правительства осудил его и других руководителей мятежа, но сказал, что согласен сотрудничать с «честными» легионерами, которые дадут обещание не выступать против нынешнего правительства. По распоряжению Антонеску отпускались на свободу легионеры, подписывавшие клятву соблюдать закон и подчиняться «кондукэторулу».

Помилование железногвардейцев-мятежников вызывалось стремлением консолидировать силы румынской

---

[116] См. Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8265, f. 27.

реакции в связи с предстоящим участием в войне против Советского Союза.

К весне 1941 года гитлеровская клика перестала настаивать на включении легионеров в правительство и восстановлении организованного легионерского движения в Румынии. Правители фашистской Германии были вынуждены считаться с мнением буржуазно-помещичьей верхушки Румынии, испуганной правлением «Железной гвардии» в сентябре 1940 — январе 1941 года и не желавшей повторения подобного эксперимента. К тому же оставление генерала Антонеску у власти одного, без «Железной гвардии», открыто выступавшей агентурой германских фашистов, создавало видимость сохранения румынской независимости, облегчавшей осуществление германской политики в Румынии фашистской кликой Антонеску. Эта клика служила одновременно и верхушке монополистической буржуазии и помещиков Румынии, и германскому империализму, олицетворяя собой их общность и противоречивые интересы. Формально независимая, управляемая «собственным» правительством, а не открытой агентурой Гитлера, Румыния могла быть полнее использована в интересах гитлеровской войны против СССР.

Получив свидетельства верности Антонеску, гарантировавшего румынское участие в антисоветском походе, правители фашистской Германии сделали широкий жест в отношении «кондукэторула» Румынии. По поручению Гитлера германский посланник в Бухаресте сообщил генералу Антонеску о готовности Германии передать ему «Хориа Сима и всех легионеров, находящихся в Германии, если генерал Антонеску этого желает» [117]. Затем его заверили, что от всех румынских легионеров в Германии потребовали сделать заявление и взять письменное обязательство не предпринимать политических актов, предупредив, что в противном случае они будут немедленно выданы генералу Антонеску. Вскоре Гитлер еще раз демонстративно подчеркнул свое полное доверие к румынскому диктатору, не ответив на поздравление Х. Сима по случаю своего дня рождения.

22 мая 1941 г. румынские газеты опубликовали полуофициальное заявление, направленное против «водопада

[117] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 82, n/p.

фальшивых слухов», имевших целью породить «веру в возможность восстановления легионерского движения» при помощи Германии. В доказательство лживости этих слухов было приведено заявление Киллингера о том, что «для Гитлера и германского народа только Антонеску является представителем румынского государства, которого Германия будет поддерживать во всех его действиях, направленных на благо отечества и для поддержания германо-румынской дружбы» [118].

Но гитлеровская Германия так и не отказалась от своей железногвардейской агентуры и в годы антисоветской войны неоднократно использовала ее для оказания давления на Антонеску, когда он пытался отстаивать интересы буржуазно-помещичьей верхушки Румынии в ущерб интересам германского империализма. В тот или иной момент активизируя деятельность железногвардейцев, гитлеровцы напоминали тем самым генералу Антонеску о наличии опасного конкурента, могущего заменить его у кормила государственного правления Румынии.

Глава 4

НАКАНУНЕ АНТИСОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ

После устранения «Железной гвардии» военно-фашистская диктатура Антонеску продолжила и углубила антинародный и антинациональный курс во внешнеполитической области. Она безоговорочно связала свою судьбу с фашистскими державами, целиком подчинив страну агрессивным планам гитлеровской Германии.

Буржуазно-помещичья верхушка Румынии, интересы которой выражала диктатура Антонеску, стремилась воспользоваться установившимся после разгрома Франции господством стран Тройственного пакта в Европе для того, чтобы осуществить свои планы территориальных захватов. Подкрепляя захватнические планы правящих

[118] «Universul», 22 mai 1941.

кругов, фашистская румынская пропаганда объявила «историческим пространством» Румынии треть территории Сербии, всю Албанию, Тимок, Мораву, Крайну, Македонию, правый берег Дуная, половину Боснии, побережье Далмации. В качестве аргумента, который должен склонить в пользу румынских фашистов державы «оси», перекраивающие карту Европы, выдвигался затасканный тезис превращения Румынии в «антиславянский и антикоммунистический бастион». Фашистские круги Румынии выдвигали также планы создания так называемого румыно-албанского государства в географических границах Албании и Македонии. Это государство должно было находиться под протекторатом итальянской фашистской империи.

Открыто ставя себя на службу гитлеровской агрессии на Балканах и против СССР, клика Антонеску в начале 1941 года подготовила документ, в котором говорилось следующее: «Румыния является для Германии центром и базой политического господства в Восточной и Юго-Восточной Европе. При развитии дипломатических и военных событий весной 1941 года Румыния может стать в центре военных акций. Сознавая свою роль и географическое положение.., Румыния готова оказать Германии полное сотрудничество. Именно поэтому Румыния вступила в Тройственный пакт; она разрешила проход германских войск через свою территорию, чтобы показать эффективность своего присоединения к пакту. Румыния готова, если потребуется, присоединиться к военным действиям на стороне Германии». В документе указывалось, что в случае немецкой атаки с румынского плацдарма на юг, в глубь Балканского полуострова, румынская армия будет оставаться в обороне на левом фланге. В случае же войны против Советского Союза, подчеркивалось в документе, «Румыния хочет участвовать всеми своими силами в военных действиях» [119].

Военно-фашистская диктатура Антонеску считала небезопасным втягивание в операции немецко-фашистских войск на Балканах. Когда 31 марта 1941 г. Муссолини сделал предложение генералу Антонеску принять участие в нападении на Югославию, чтобы «осуществить свои права на югославский Банат», то румынский фашистский

---

[119] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 321, лл. 84—85.

правитель отказался, сославшись на боязнь советского выступления в защиту Югославии. Однако Антонеску повторил территориальные притязания румынских господствующих классов, сказав, что в случае нарушения политической структуры на Балканах Румыния скажет свое слово относительно банатских румын и румын долины Тимокулуй и Македонии.

Заключение Советским Союзом договора о дружбе и ненападении с Югославией 5 апреля 1941 г. еще более укрепило румынского диктатора в его решении не нападать на Югославию. В шифрованной телеграмме миссиям в Берлине и Риме он ставил в известность, что из-за позиции СССР Румыния не примет участия в военных операциях против Югославии[120]. Хотя фашистская клика Румынии и воздержалась от присоединения к начавшейся вскоре агрессии германских, итальянских и венгерских войск против Югославии, она не думала отказываться от претензий на югославский Банат до рек Морава и Тисса. Захватив Югославию, гитлеровцы обещали удовлетворить претензии своих румынских партнеров, заявив, однако, что «раздел Югославии будет произведен после войны». В действительности фашистская Германия не собиралась уступать захваченное и уже выдвигала планы создания зависимого от нее так называемого Дунайского государства, включающего югославскую, венгерскую и румынскую части Баната со столицей в Тимишоаре.

Отношения Румынии с Советским Союзом продолжали оставаться напряженными, хотя ликвидация «бессарабского конфликта» создавала благоприятные условия для налаживания политического и экономического сотрудничества в целях обеспечения мира и защиты интересов двух государств. В октябре 1940 года на Бухарестской конференции по урегулированию судоходства на Дунае Советский Союз, отстаивая общие интересы двух стран, предлагал, чтобы дельта Дуная управлялась только Румынией и Советским Союзом, примыкавшим к ней. Тогдашний румынский посланник в Москве Г. Гафенку сообщал своему правительству, что Советский Союз желает укрепления советско-румынских политических и экономических отношений. В донесении от 4 декабря 1941 г. он писал: «Прием, оказанный в первые две неде-

[120] См. Arhiva MAE, fond 71, vol. 82, anul 1941, n/p.

ли советскими властями румынской экономической делегации в Москве, и ряд знаков специального внимания, а также отношение г-на Микояна, народного комиссара внешней торговли, указывают на особую благожелательность Советского правительства к Румынии»[121]. Фашистское правительство Антонеску, взявшее курс на войну против СССР, отказывалось от улучшения румыно-советских отношений. Оно провоцировало конфликты на границе, создавало ненормальные условия работе нашего посольства и т. п.

Совместно с Гитлером румынский диктатор вынашивал каннибальские планы ликвидации первого в мире социалистического государства и физического истребления советских людей. Гитлер, намеревавшийся уничтожить несколько десятков миллионов русских, говорил генералу Антонеску, что рассчитывает на него «как на первого помощника». Антонеску целиком соглашался с отводившейся ему ролью и готовился к ее выполнению. На заседании румынского совета министров 26 ноября 1941 г. он заявил, что Румыния в благоприятный момент приступит к решению «проблемы восточной границы», действуя с теми, кто «одинаково заинтересованы в славянском и большевистском вопросе».

Готовясь к войне против СССР, фашистское правительство Антонеску дало согласие на использование румынской территории в качестве плацдарма гитлеровских войск. В Румынию прибывали все новые германские соединения. В связи с увеличением количества германских войск в Румынии верховное командование гитлеровского вермахта издало специальный приказ, в котором предлагалось маскировать проводившуюся концентрацию вооруженных сил Германии ссылками на необходимость не допустить англичан на Балканы и обеспечить безопасность Румынии — члена Тройственного пакта[122]. Клика Антонеску обязалась подготовить для нужд гитлеровской войны против СССР нужное количество румынских войск и одновременно увеличить поставки нефти и продуктов сельского хозяйства в фашистскую Германию. В целях обеспечения бесперебойного снабжения гитлеровской военной машины румынской нефтью германское верховное

[121] «Procesul marii trădări naţionale», p. 15.
[122] См. DGFP 1918—1945, Series D, vol. XI, p. 938.

командование усилило охрану румынского нефтеносного района, издав 26 марта 1941 г. специальный приказ. Подчеркивая, что этот район является «жизненно важным для ведения войны Германией», приказ предписывал возложить охрану его на достаточно крупные силы, которые должны поддерживать связь с гестапо и другими германскими и румынскими органами по борьбе с саботажем. Помимо этого, в нефтепромысловом районе предлагалось иметь подвижные ударные группы, в том числе моторизованные, на случай борьбы с воздушными десантами противника [123].

Установление военно-фашистской диктатуры и включение Румынии в антисоветские планы фашистского блока было с удовлетворением встречено империалистическими кругами США и Англии. Английская газета «Таймс» отзывалась о генерале Антонеску как о «самом уважаемом» в армии среди царанистов и членов «Железной гвардии», подчеркивая, что его целью, «несомненно, будет создание как можно более твердого правительства для предупреждения будущих волнений» [124]. Другая английская газета обращала особое внимание на ярко выраженный антикоммунизм румынского «кондукэторула» и напоминала в этой связи, что «лавры разгрома большевизма в Венгрии (подавление Венгерской Социалистической Республики в 1919 г.— *Авт.*) принадлежат Антонеску». В таком же одобрительном духе отзывалась об установившемся в сентябре 1940 года военно-фашистском режиме в Румынии американская буржуазная пресса. «Нью-Йорк таймс» представляла генерала Антонеску «спасителем» Румынии и, основываясь на статье из румынской реакционной газеты «Универсул», заявляла, что его прихода к власти желала якобы вся страна [125]. «Железную гвардию», эту махровую фашистскую организацию, сборище уголовных элементов и других подонков общества, американская газета характеризовала как «преданную интересам народа». В беседах с Антонеску американский посланник в Бухаресте Мотт Гюнтер выражал одобрение политическому курсу румынского диктатора. Империалистические круги США были увере-

[123] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 1, стр. 364.

[124] «Times», Sept. 6, 1940.

[125] «New-York Times», Sept. 7, 1940.

ны, что режим Антонеску обеспечит участие Румынии в гитлеровском антисоветском походе, к подготовке которого они приложили свою руку. Дипломатический представитель США 18 февраля 1941 г. лично поздравил И. Антонеску с победой над его соперниками-легионерами. В этом поздравлении заключалось неодобрение американских правящих кругов практики «легионерского социализма», дезорганизовавшей румынскую капиталистическую экономику и приведшей к крайней политической нестабильности в буржуазно-помещичьей Румынии. Румынский фашистский диктатор заявил тогда американскому посланнику о своем убеждении в отсутствии у Советского Союза агрессивных намерений в отношении Румынии или какой-либо другой страны. После такого признания военные приготовления Румынии, концентрация германских войск на советской границе должны бы были вызвать осуждение официального американского представителя, правительство которого постоянно декларировало свое стремление положить конец фашистской агрессии. Но этого не произошло.

Американский посланник М. Гюнтер фактически поощрял агрессивные намерения Румынии, готовившейся совместно с Германией к нападению на Советский Союз. Во время встречи 8 января 1941 г. глава фашистского правительства Румынии, выясняя позицию правительства США в отношении СССР, спросил М. Гюнтера, какую политику он вел бы на месте Антонеску в «русском вопросе». «Американский посланник,— говорится в записи этой беседы,— ответил, что он вел бы именно такую политику...» [126]. Когда И. Антонеску просил его «сказать откровенно, что сделал бы господин Гюнтер, если бы распоряжался судьбой Румынии? Может быть, он считает, что политика Румынии должна идти в другом направлении, чем то, по которому она идет сейчас? Гюнтер признался, что не считает этого». Более откровенного одобрения антисоветского курса румынских фашистов правительством США трудно придумать.

Английское правительство занимало несколько иную позицию в отношении Румынии, ставшей участницей Тройственного пакта — союзницей гитлеровской Германии и фашистской Италии, которые вели войну против

---

[126] «Studii», 1958, N 2, p. 83.

Британской империи. Опасность поражения в этой войне заставляла английские правящие круги принимать меры к тому, чтобы ограничить возможности снабжения гитлеровской военной машины румынской нефтью. Используя свои мощные позиции в румынской нефтяной промышленности, англичане предприняли ряд мер в этом направлении. В 1939—1940 годах ими были организованы диверсии на нефтепредприятиях. Правительство Антонеску ответило на это арестами среди английских подданных, созданием для них таких условий, при которых они были вынуждены покинуть Румынию. В феврале 1941 года последовал разрыв Англией отношений с Румынией. Но английские правящие круги, так же как и правящие круги США, поощряли антисоветские намерения фашистской клики Антонеску. Для английских империалистов война Гитлера против СССР, в которой наряду с другими сателлитами Германии собирались принять участие румынские фашисты, была вдвойне желательна: эта война, отвечавшая антисоветским устремлениям реакции, отводила в то же время смертельную опасность, нависшую над Англией.

Составной частью подготовки к антисоветской войне было подчинение румынской экономики германскому империализму. Гитлеровцы стремились к тому, чтобы сделать Румынию поставщиком продовольствия и сырья для нужд своей военной машины. Промышленное развитие Румынии они считали ненужным и вредным для интересов германского рейха. В рамках «нового порядка» промышленность Румынии подлежала ликвидации. Военно-фашистская диктатура Антонеску целиком разделяла эти взгляды на характер экономических отношений между Румынией и Германией. На заседании правительства 4 октября 1941 г. генерал Антонеску заявил, что он хочет самых тесных экономических связей с гитлеровской Германией, и в этой связи выступил за ликвидацию румынской металлургической промышленности, назвав ее «паразитической», и за развитие пищевой промышленности в целях удовлетворения потребностей [127]. Солидаризируясь с гитлеровской доктриной, согласно которой развитие промышленности в Румынии является якобы противоестественным делом, что ее призвание — разви-

[127] См. Arhiva CC al PCR, fond 103, Stenograma din 17 octombrie 1940, f. 57.

тие сельскохозяйственного производства, министр пропаганды национал-легионерского режима заявлял представителям печати: «Румынская экономика будет решительно базироваться на своей естественной основе, то есть на сельском хозяйстве. Румыния является сельскохозяйственной страной, производящей сырье».

4 декабря 1941 г. было подписано соглашение о претворении в жизнь 10-летнего плана «экономического сотрудничества», предусмотренного румыно-германским договором от 23 марта 1939 г. Это соглашение полностью закабаляло Румынию, обрекая ее на положение аграрно-сырьевого придатка гитлеровской Германии. По этому соглашению Румыния взяла на себя следующие обязательства: 1) сотрудничать с Германией в развитии сельского и лесного хозяйства, развивать его в соответствии с интересами гитлеровского рейха; 2) развивать промышленность в рамках «нового европейского порядка», то есть настолько, насколько это выгодно германскому империализму; 3) реорганизовать свои пути сообщения в соответствии с «естественными направлениями сбыта продукции румынского хозяйства», то есть в направлении на Германию; 4) принять немецких экономических специалистов-советников, то есть поставить румынскую экономику под их контроль; 5) экспортировать свою продукцию в гитлеровскую Германию по установленным ценам, «не зависящим от мировых цен и экономических кризисов», то есть по ценам, продиктованным гитлеровской кликой.

Включение Румынии в гитлеровский «новый порядок в Европе» означало увековечение экономической отсталости страны, ее промышленную деградацию. Тем не менее определенные буржуазно-помещичьи круги одобряли экономическое соглашение от 4 декабря 1941 г. Комментируя это соглашение, экономическая газета «Аргус» писала, что реорганизация промышленности направлена на устранение «опасной гипертрофии», под которой она подразумевала тяжелую промышленность, неспособную выдержать конкуренцию[128]. И. Антонеску вообще считал, что все отрасли должны развиваться как дополнение сельскохозяйственного производства, являвшегося доминирующим в румынской экономике.

---

[128] «Argus», 9 dec. 1940.

Соглашение от 4 декабря 1940 г. значительно повысило курс немецкой марки по отношению к румынской лее — с 50 до 60 лей за одну марку. Разыгрывая из себя румынского патриота, И. Антонеску незадолго до этого на заседании совета министров заявлял, что не согласится на повышение курса марки, и даже угрожал уйти в отставку, если немцы будут настаивать на своем требовании. Но этого приступа демагогии хватило не надолго: уже на следующем заседании правительства его глава сообщил о принятии требования о повышении курса марки по отношению к лее. В результате изменения курса марки обесценивалась румынская лея, увеличивалась убыточность для Румынии торговли с Германией, монополизировавшей румынский рынок. В 1940 году доля Германии в румынском экспорте составляла 43,6%, а в импорте — 56,6% [129]. Включенная в систему «центрального клиринга», Румыния потеряла возможность в сколько-нибудь значительных размерах вести торговлю со странами на основе расчетов свободной валютой. Дальнейшее обесценение леи создало благоприятные возможности для захвата — скупки румынских предприятий германским капиталом. Если за период с 23 марта 1939 г. до 4 декабря 1940 г. возникло 35 смешанных румыно-германских обществ, капитал которых составил 146,5 млн. лей, то только за три месяца 1941 года — 12 таких обществ с общим капиталом 68,4 млн. лей [130].

Под контроль гитлеровцев и их полное распоряжение перешли наиболее важные металлургические предприятия и вся торговля железом. Это произошло в результате создания общества «Роджифер», участниками которого явились румынское государство и немецкий концерн «Герман Геринг верке». К «Роджифер» перешли заводы одного из крупнейших румынских промышленников Н. Малакса, который оказался замешанным в бунте легионеров. В связи с этим по приказу И. Антонеску его арестовали и заставили уступить государству 50% его огромного имущества. Другие 50% были национализированы с выплатой Н. Малаксе полной стоимости его за-

[129] T. Savin, Economia romînească sub jugul imperialismului german, Buc., 1946, pp. 75—76.

[130] F. Codrescu, Capitalurile germane in Romînia, Buc., 1941, pp. 17—18.

водов [131]. Деятельность общества «Роджифер», контролировавшегося немцами, имела катастрофические последствия для национальной экономики, приведя к закрытию ряда заводов и т. п. Объясняя позднее мотивы, по которым правительство пошло на заключение соглашения о создании «Роджифер», заместитель румынского фашистского диктатора М. Антонеску говорил: «Обстановка была настолько неспокойна, мнения в Германии о Румынии были настолько различны, неуверенность в позиции Румынии настолько велика... Это соглашение дало базу для германской заинтересованности в сохранении порядка в Румынии и выразило волю двух стран сотрудничать в период, предшествовавший войне против России» [132]. Таким образом, ценой передачи гитлеровцам почти целой отрасли национальной экономики фашистские румынские правители покупали себе доверие и поддержку гитлеровской клики, право участия в преступной антисоветской войне.

В начале марта 1941 года в Вене состоялись переговоры между И. Антонеску и Герингом, на которых, по признанию западногерманского историка Хильгрубера, были выработаны условия «включения Румынии в экономическое пространство под господством гитлеровской Германии» [133]. Румынская экономика была поставлена в полное подчинение и под контроль фашистского германского рейха.

Гитлеровцы использовали различные пути проникновения в румынскую экономику, установления своего господства над ней. Позиции германского капитала в Румынии стали господствующими в результате прежде всего захвата акций французского, бельгийского, чехословацкого, голландского и другого иностранного капитала в Румынии. Это произошло в связи с оккупацией немецкими войсками Франции, Чехословакии и других стран, потерпевших поражение в войне против фашистской Германии. Другим важным путем усиления позиций германского капитала в румынской промышленности, торговле и финансах был переход в его руки доли румынского национального капитала, находившегося во владении

---

[131] См. «Bursa», 23 febr. 1941.
[132] «Studii», 1959, N 6, pp. 15—16.
[133] H i l l g r u b e r, op. cit., p. 161.

еврейского населения Румынии. Проводившаяся военно-фашистским режимом генерала Антонеску так называемая «румынизация» экономической жизни — лишение евреев их собственности — в действительности оказалась германизацией капитала, ибо еврейские предприятия, банковские учреждения и торговые фирмы за бесценок скупались зачастую буржуазными дельцами из немецкой этнической группы в Румынии или германскими подданными. Министр внутренних дел Петровическу докладывал 18 декабря 1940 г. о возмущении части населения в Тырнава Маре тем, что проживающие здесь немцы «не допускают даже мысли о возможности приобретения румынами еврейского имущества». Под давлением буржуазно-помещичьих кругов, недовольных ущемлением своих интересов германским империализмом, румынский фашистский диктатор 30 мая 1941 г. предложил государственному секретариату по «румынизации» «в будущем препятствовать переходу еврейской собственности в руки иностранцев без ведома и одобрения государства»[134]. Сделанная оговорка фактически вела к сохранению существовавшей практики захвата еврейских предприятий гитлеровцами, ибо Антонеску не мог отказать своим покровителям, когда они обращались за разрешением. Германский капитал с участием национального капитала образовывал также новые общества, но эта форма проникновения в румынскую экономику не получила большого развития из-за нежелания гитлеровцев делать собственные значительные капиталовложения в хозяйство Румынии.

При пособничестве фашистских прислужников в Румынии гитлеровцы глубоко проникли в экономику страны, сделавшись хозяевами положения в основных отраслях промышленности, в торговле и финансах. В румынских архивах имеется немало документов, свидетельствующих об этом. В одном из них, озаглавленном «Германизация капитала», показаны изменения в позициях иностранного и национального капитала Румынии в период 1938—1941 годов, когда в связи с политикой королевской диктатуры, а затем фашистского режима Антонеску гитлеровская Германия, используя благопри-

---

[134] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 319, л. 122.

ятную международную обстановку, ускоренными темпами закабаляла румынскую экономику[135].

Во время правления Кароля II в румынской экономике и финансах господствовал иностранный капитал — английский, французский, американский, голландский, чехословацкий и др., владевший нефтяной промышленностью, производством газа и электричества, заготовкой и переработкой леса, химической промышленностью и т. п. Под контролем иностранного капитала в 1939 году находилось 17 банков с общим капиталом более 2 млрд. лей, что составляло одну треть всего банковского капитала Румынии. На его долю приходилось свыше 70% капитала страховых обществ страны. Национальный капитал был представлен четверкой крупнейших румынских капиталистов (Малакса, Аушнит, Джигурту и Бужой), возглавлявшейся королем и укрепившейся в тяжелой и военной промышленности, а также группой буржуазии, сконцентрировавшейся вокруг национал-либеральной партии Д. Братиану, которая располагала сильными позициями в области банковского капитала и промышленности товаров широкого потребления. Следует заметить, что и национальный румынский капитал был теснейшим образом связан с иностранным капиталом и зачастую выступал лишь его агентом.

Начавшееся еще до 1939 года вытеснение еврейского элемента с господствующих позиций в экономике Румынии имело своим результатом устранение Аушнита, Шапиро, Маргулиуса и др. из промышленности, Бланка и Кауфмана — из банковской сферы. Вскоре утратили свои руководящие позиции в экономике Малакса, Бужой, Джигурту, Арджетояну и другие лица из королевской камарильи, обвиненные в казнокрадстве или связях с легионерскими мятежниками. Позиции вытеснявшихся румын и евреев переходили к государству, во главе которого стоял генерал И. Антонеску, оказываясь в конечном итоге в распоряжении фашистской Германии. В результате захвата Чехословакии, Франции, Бельгии и Голландии к германским империалистам перешли активы этих стран в Румынии. Что касается английского и американского капитала в Румынии, то он также оказался в распоряжении фашистской Германии. Еще в 1939 го-

---

[135] См. Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8098, ff. 258—261.

ду между американским трестом «Стандарт ойл» и германским концерном «ИГ Фарбениндустри» была заключена конвенция о разделе сфер влияния, предусматривавшая также, что в случае войны каждое из этих монополистических объединений примет на себя защиту интересов партнеров в тех зонах, где в силу сложившихся условий один из партнеров не сможет непосредственно управлять своими предприятиями. В соответствии с этой конвенцией германский монополистический капитал взял под защиту американские предприятия в Румынии, введя на основе договоренности с американцами своих представителей в административные советы обществ «Ромына американа» и др. Таким же путем оказался в полном распоряжении германского капитала ряд английских предприятий.

Перед началом войны против Советского Союза германский капитал занимал доминирующее положение в сфере румынских банков. Из четырех крупнейших банков только Национальный румынский банк не находился под его официальным контролем. Что касается «Румынского банковского общества» («Сочиетатя банкара ромына»), то оно было филиалом Дрезденского банка. «Румынский коммерческий банк» («Банка комерчиала ромына»), до весны принадлежавший группе франко-бельгийских банков — «Банк де Л'Юнион Паризьен», «Сосиете женераль», «Банк Д'Анвер» и др., полностью перешел к «Дейче банк». Под контроль румынского фашистского правительства, а следовательно немцев, перешел «Банк румынского кредита» («Банка де кредит ромын»), ранее находившийся в руках Кароля II.

В металлургической и военной промышленности положение было аналогичным. На заводах «Решица» гитлеровцам формально принадлежало 40% капитала (доля австрийского, чехословацкого и французского участия, перешедшая Германии), а румынское государство, национализировавшее собственность капиталистов Малаксы и Аушнита, располагало теоретически 60% капитала. Другая группа предприятий, принадлежавшая исключительно Н. Малаксе и именовавшаяся заводами Малакса, как упоминалось выше, также перешла в собственность государства, а затем стала частью смешанного румыно-германского общества по производству и торговле железом «Роджифер», делами которого заправлял

немецкий концерн «Герман Геринг верке». Третья группа предприятий, являвшаяся собственностью только Аушнита, — заводы «Титан — Надраг — Калан» — также находилась в руках румынского фашистского государства, то есть в распоряжении гитлеровской Германии. Румынские и германские фашисты добивались от Аушнита отказа от права собственности на эти заводы, обещая взамен освободить его из заключения. «Это была бы самая дорогая жизнь, — отмечалось в одном румынском архивном документе, — ибо стоимость заводов равнялась многим миллиардам лей».

Отвлекаясь от показа германских позиций в румынской экономике, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что как в период господства королевской диктатуры, так и особенно в годы военно-фашистского режима Антонеску в Румынии усилились тенденции государственно-монополистического капитализма, одним из проявлений которого был переход в собственность румынского буржуазного государства почти всей металлургической и военной промышленности. Особенностью государственно-монополистического капитализма в Румынии в годы фашистской диктатуры и господства гитлеризма было то, что он использовался не только в интересах румынской верхушки монополистического капитала, но и в интересах германского империализма, с помощью которого эта диктатура сохранялась в стране.

В нефтяной промышленности немцы установили свой контроль путем создания «Континенталь оел гезельшафт», к которому перешли захваченные гитлеровцами акции нефтяных предприятий Румынии, принадлежавших французским, бельгийским, голландским и другим собственникам. Германские фашисты опирались также на значительные позиции немецкой этнической группы в Румынии, в частности в текстильной и продовольственной промышленности.

Подводя итог процессу германизации капитала, уже упоминавшийся румынский архивный документ приходил к заключению, что немцы захватили все господствующие позиции и поставили под свой контроль всю экономическую жизнь Румынии, ее промышленность и финансы.

Само собой разумеется, что господство германского империализма в румынской экономике ущемляло интересы значительной части румынской буржуазии. Связанная

долгими годами тесного сотрудничества с англо-французским капиталом часть румынской буржуазии была недовольна политикой правительства Антонеску, в результате которой англо-французский капитал вытеснялся германским, происходило огосударствление целого ряда предприятий, переходивших таким образом под германский контроль, а ей самой наносился большой ущерб. Вразрез с интересами румынской буржуазии шли германские планы аграризации Румынии и перестройки ее хозяйства в соответствии с потребностями гитлеровского рейха. Призывы ликвидировать «искусственно насаждавшуюся», «паразитическую» промышленность и вернуться к «спокойному сельскому труду», получая необходимые товары из Германии, не находили благоприятного отклика в душе румынской буржуазии, которая сама хотела получать прибыль от продажи изготовленных в стране промышленных товаров. Односторонняя внешнеторговая ориентация на Германию, убыточная торговля по ценам, продиктованным немцами, безналичный клиринговый расчет, лишавший возможности свободно распоряжаться суммами за поставленные в Германию товары, — все это причиняло значительный убыток той части румынской буржуазии, которая, потеряв «хорошо плативших» контрагентов из англо-французского лагеря, не смогла обеспечить себе льгот и выгод при правлении фашистской диктатуры Антонеску. Часть румынской буржуазии, лишившаяся своих капиталовложений в Северной Трансильвании в связи с передачей ее хортистской Венгрии, например буржуазия из национал-царанистской партии Маниу, также была недовольна гитлеровцами и их послушным слугой генералом Антонеску.

Таким образом, даже с точки зрения чисто экономических интересов румынской буржуазии причин для ее недовольства германским господством и политикой диктатуры Антонеску было немало. Однако это недовольство не выходило за рамки того, что называют фрондой; оно не шло дальше антиправительственных и антигерманских высказываний без малейшего намека на призыв к каким-либо действиям против германской оккупации и предательского режима Антонеску. Та часть румынской буржуазии, интересы которой оказались ущемленными, не думала о борьбе против фашистского диктатора и его германских покровителях, а хотела компромисса с ними,

чтобы отстоять свои позиции. Такая линия поведения была характерна для буржуазии, группировавшейся вокруг национал-либеральной и национал-царанистской партий. Лидер национал-либералов Д. Братиану в меморандуме на имя И. Антонеску от 18 декабря 1940 г. высказывал опасения по поводу того, что Германия уготовила Румынии роль своего аграрно-сырьевого придатка, исключая промышленное развитие страны. Однако он не предложил в этой связи покончить с германским подчинением, а высказал лишь пожелание «примирить интересы». То есть национал-либеральная и национал-царанистская буржуазия хотела бы пользоваться теми же благами, которые режим Антонеску предоставил буржуазно-помещичьей верхушке, сотрудничавшей с гитлеровцами. Но это было невозможно: фашистская диктатура по своей сущности была диктатурой верхушки монополистической буржуазии и помещиков, направленной не только против трудящихся, но и также против части самого класса буржуазии.

Буржуазно-помещичьи круги Румынии, связанные в прошлом политическим сотрудничеством с Англией и Францией, не одобряли безоговорочного и бесповоротного включения страны в блок фашистских государств, ведший войну против Англии. Маниу и Братиану в письме к И. Антонеску выражали опасение, что присоединение к Тройственному пакту может втянуть Румынию «в войну против тех, кто до сих пор были нашими друзьями», заставить отойти с позиций нейтралитета и занять враждебную Англии позицию. Их беспокоило то, что ставка на фашистскую Германию может оказаться битой. В ряде своих посланий главе румынского фашистского правительства лидер национал-либералов настойчиво рекомендовал сохранять нейтралитет в войне между Германией и Англией, проявить осторожность и воздержаться от выступления на стороне Германии, ибо «результат войны еще неизвестен». По мнению Д. Братиану, следует проводить «политику равновесия между двумя великими державами». В условиях расширявшейся мировой войны он считал необходимым добиться благоволения США, «самой сильной державы мира». Ни в коем случае не стоит ставить все на одну карту, предупреждал Д. Братиану. «Как и в прошлом, оставим за собой право воспользоваться выгодной обстановкой, которая может

возникнуть... До того времени не предпринимать ничего»[136].

Руководство «исторических партий» не было против кабального сотрудничества с Германией. Напротив, оно считало его необходимым для спасения от революции, а также для осуществления захватнических планов румынских правящих кругов в отношении Советского Союза. В письме к генералу Антонеску 8 апреля 1941 г. лидер национал-либералов прямо писал, что он не будет возражать против войны «за восстановление территории страны», то есть против совместной с Германией войны за захват советских территорий, на которые претендовали румынские капиталисты и помещики.

Режим военно-фашистской диктатуры, имевший своей главной целью подавление революционного движения и сохранение эксплуататорского строя, поддерживался буржуазно-помещичьими кругами. «Исторические партии» считали его «единственно возможным в нынешних условиях», отмечалось в коммюнике национал-царанистской партии от 28 января 1941 г. Одобряя назначение генералов в правительство, коммюнике указывало, что «установление военного правительства в его нынешней форме должно рассматриваться как начало энергичного правления». В таком же духе давалась оценка военно-фашистской диктатуре в циркулярном письме руководства национал-либеральной партии от 14 февраля 1941 г.: «Теперь мы имеем правительство генералов. Это — наилучшее решение, которое мы можем дать современному кризису. Решение, которое обеспечивает порядок стране, когда с помощью армии и под руководством «кондукэторула» в государстве будут подавлены анархистские тенденции и разрешены многие из трудных проблем, стоящих на повестке дня». В циркулярном письме обращалось внимание на то, чтобы по окончании войны или при уходе германских войск из Румынии не установился коммунистический режим. Признавая возможность социальной революции, руководители «исторических партий» полагали, что диктатура генерала Антонеску предотвратит ее победу. Именно поэтому в циркулярном письме говорилось об И. Антонеску следующее: «Он является единственным, кто может управлять страной при современ-

[136] ИДА, письма Д. Братиану к И. Антонеску от 24 февраля и 20 мая 1941 г.

ной внутренней и внешней обстановке. Мы обязаны оказать ему всяческую помощь, которая в наших силах, выполняя патриотический долг». Самому фашистскому диктатору главари буржуазно-помещичьих партий заявляли, что о его замене на посту руководителя правительства не могло быть и речи, потому что ко всему прочему он пользовался также доверием Гитлера.

«Исторические партии», на словах осуждавшие тоталитарные формы правления государством и кичившиеся своим «демократизмом», не вели и не хотели вести борьбы против режима кровавой военно-фашистской диктатуры, ибо эта диктатура с очень важных точек зрения удовлетворяла их: режим Антонеску беспощадно подавлял освободительное движение, возглавлявшееся коммунистами, он обеспечивал участие страны в предстоящей гитлеровской войне против Советского Союза. Этим объяснялся формальный характер оппозиции буржуазно-помещичьих партий к диктатуре Антонеску, которая запрещала деятельность всех политических партий и организаций, в том числе национал-либеральной и национал-царанистской партий. Информационный бюллетень второго разведывательного отдела 1-й армейской группы, расквартированной в Молдове, сообщал осенью 1940 года о настроениях в кругах этих партий: «Члены бывших национал-царанистской и национал-либеральной партий ничем себя не проявляют. Руководители этих партий заняты сейчас составлением папок для укрепления своих прав на имущество, которым они владеют»[137]. Отказываясь от борьбы против фашистского господства, буржуазно-помещичьи партии приспосабливались к новой обстановке, проявляя готовность отречься от своих принципов. Информационная служба румынского совета министров доносила, что один из руководителей национал-царанистской партии предлагал «приспособить программу и идеологию национал-царанистской партии к современной политической реальности» и что его предложение поддерживалось видными деятелями этой партии[138].

Маниу и Братиану добивались от румынского диктатора разрешения на деятельность своих партий, заверяя его в том, что она не будет направлена против военно-

[137] Arhiva MFA, dos. 86, ff. 496—497.

[138] См. ИДА, ф. Совет министров, Информационный бюллетень от 7 ноября 1941 г., лл. 00065—00066.

фашистского режима. Сохранение и возобновление деятельности буржуазно-помещичьих партий, внушали они Антонеску, диктуется необходимостью иметь политический резерв в стране на случай падения его режима. Уже в то время лидеры «исторических партий» считали нужным предпринять меры к реорганизации силы перед лицом революционного движения. В момент прихода к власти в сентябре 1940 года И. Антонеску, получивший поддержку от лидеров национал-либеральной и национал-царанистской партий, был склонен разрешить в известных рамках деятельность этих партий. Но затем, по-видимому под давлением легионеров, отказался от этой мысли. Когда же Антонеску стал полновластным, единоличным правителем Румынии, устранив из правительства «Железную гвардию», он счел ненужным допускать деятельность буржуазно-помещичьих партий, которая к тому же могла усилить недовольство гитлеровской Германии в связи с запрещением организованного легионерского движения.

Недовольные тем, что Антонеску не сдержал своего слова, Маниу и Братиану в январе 1941 года обратились к нему с новым письмом: «В аудиенции, которую Вы нам дали, мы просили, чтобы не создавали трудностей в деятельности национал-царанистской и национал-либеральной партий... Мы показали Вам, что, наряду с народившимися в стране анархическими течениями, хорошо, когда существуют националистические организации, сохраняющие нашу государственную жизнь, организации, которые, обладая в своей среде элементами, необходимыми национальной экономической и политической жизни Румынии, смогут бороться с кризисом. Мы сообщили Вам, что далеки от мысли создавать трудности в Вашем правлении... мы не откажем в техническом содействии... Вы признали полезность наших партий и обещали дать свободу действий нашим центральным и уездным организациям, исключая агитационные и пропагандистские собрания в деревнях, которые могли бы вызвать некоторые контрманифестации». Вновь обещая не чинить препятствий его правлению и подчеркивая свою готовность поддержать Антонеску, они просили его удовлетворить их просьбу.

Часть национал-либералов (Г. Братиану и др.) вообще выступала за полное подчинение страны гитлеровской

Германии в надежде на то, что таким путем будут достигнуты как укрепление буржуазно-помещичьего господства в Румынии, так и осуществление внешнеполитических планов румынских эксплуататорских классов. Барбу Штирбей уговаривал Д. Братиану не выступать единым фронтом с национал-царанистами в вопросе ориентации на англо-американский блок, а занять позицию выжидания. В конце 1940 года секретная информационная служба румынского совета министров сообщала о возможном открытом выступлении национал-либеральной партии в пользу сотрудничества с немцами и легионерским режимом[139].

Глава 5

БОРЬБА КПР ПРОТИВ ВТЯГИВАНИЯ СТРАНЫ В АНТИСОВЕТСКУЮ ВОЙНУ

Единственной политической партией, которая решительно выступила против принятия «венского арбитража» и установившейся в стране военно-фашистской диктатуры Антонеску — Сима, была Коммунистическая партия Румынии. Она с самого начала разоблачила антинациональный и антинародный характер национал-легионерского режима и призвала массы на борьбу против него, в защиту своих жизненных интересов, за спасение независимости и суверенитета страны.

10 сентября 1940 г. компартия выпустила важный документ под заглавием «Наша точка зрения», который разъяснил смысл событий, имевших место в августе — сентябре 1940 года, и помог коммунистам правильно сориентироваться в те трагические для судеб Румынии дни. В этом документе подчеркивалось, что установление совместными усилиями гитлеровской дипломатической миссии и румынской буржуазно-помещичьей верхушкой диктатуры генерала Антонеску и «Железной гвардии» было продиктовано боязнью того, что скомпрометированная королевская диктатура «не сможет остановить от-

[139] См. ИДА, Информационный бюллетень совета министров Румынии от 12 ноября и 3 декабря 1940 г.

мечавшийся подъем революционной борьбы, что рабочие и крестьяне под руководством Коммунистической партии, свергнув королевскую диктатуру, нанесут удар и по буржуазно-помещичьему режиму»[140]. Отмечая, что коммунисты и члены Союза коммунистической молодежи, революционные рабочие и крестьяне проявили в борьбе против королевской диктатуры подлинный героизм и самоотверженность, документ призывал их: «Напрягите вашу силу и энергию! Идите в самую гущу масс, встаньте во главе их! Организуйте их борьбу за экономические требования. На борьбу против железногвардейских банд... Организуйте единый народный фронт трудящихся для свержения тиранической военно-легионерской диктатуры...».

Областной комитет КПР Молдовы в Яссах распространил в сентябре 1940 года листовку с разоблачением предательской антинациональной политики правящих румынских кругов и призвал бороться против втягивания Румынии в войну, против голода и дороговизны, за правительство, избранное народом, за дружбу с Советским Союзом — «За мир, хлеб, землю и свободу!»[141]. Указывая пути восстановления национальной независимости, газета «Скынтейя», центральный орган ЦК КПР, писала 8 октября 1940 г.: «...Ни Румыния, ни Венгрия не являются отныне независимыми странами. Румынский народ и народ венгерский, балканские народы могут завоевать национальную независимость перед лицом империалистических держав только совместной борьбой и при поддержке великой страны социализма — СССР». Газета звала на борьбу против «Железной гвардии», против военно-легионерской диктатуры, против нашествия армии германских оккупантов. Призывы компартии находили горячий отклик среди патриотов, антифашистов, в рабочих массах, где коммунисты пользовались большим влиянием[142]. Румынская сигуранца проявляла сильную

---

[140] «Scinteia», 17 sept. 1940.

[141] Arhiva MFA, dos. 8B — Contrinformaţii, f. 453.

[142] Известный английский балкановед профессор Х. Сетон-Уотсон признавал, что румынские рабочие в своем подавляющем большинстве придерживались политических взглядов коммунистов, что социал-демократы никогда не имели большого влияния в рабочем классе. См. H. Seton-Watson, The East Europeen Revolution, L., 1946, p. 213.

озабоченность в связи с этим. «Многие рабочие Решицы симпатизируют коммунистам»,— констатировала в своих донесениях сигуранца.

Компартия, возглавившая борьбу за восстановление национальной независимости и демократических свобод, против гитлеровской оккупации и военно-фашистской диктатуры Антонеску, оказывала свое влияние на рядовых членов других политических партий, руководство которых фактически встало на путь сотрудничества с врагами румынского народа. Коммунисты, сообщала сигуранца 1 декабря 1940 г., устанавливают связь с «низовыми кадрами национал-царанистской партии, которые действуют вопреки воли Маниу». Несмотря на свою разнузданную демагогию, легионерское движение не смогло охватить рабочие массы, выступавшие решительными противниками фашизма. На бухарестском заводе «Вулкан» рабочие дали отпор докладчику-легионеру, пытавшемуся убедить их в том, что легионерский режим заботится о благе рабочих и ведет их к «социализму». Рабочие заявили, что германские войска объедают страну, обрекая население на голод, что жизнь становится все тяжелее.

На второй день после установления военно-фашистской диктатуры, 7 сентября 1940 г., более тысячи рабочих завода «Малакса» в Бухаресте устроили собрание, на котором потребовали повышения заработной платы и прекращения произвола легионеров. Рабочие выразили волю бороться против фашистского правительства, за установление демократического правительства народа. Комментируя это выступление рабочих, газета «Скынтейя» обращала внимание на необходимость создания на всех предприятиях групп рабочей самообороны для отпора легионерским бандам, совершавшим вооруженные нападения на рабочие собрания и митинги протеста [143]. В сентябре — октябре 1940 года, несмотря на легионеро-полицейский террор и арест сотен рабочих бухарестских предприятий, имели место рабочие выступления на заводах «Вулкан», «Вольф», «Воина», «СЕТ», «Пиротехника арматей», «Леонида» и др., а на заводе «Металлоглобус» и 17 текстильных фабриках прошли забастовки. В знак протеста против «венского диктата» и предательского

[143] См. «Scinteta», 17 sept. 1940.

фашистского режима мощные рабочие выступления, организованные компартией, проходили в то время не только в Бухаресте, но и в других важных промышленных центрах — Брашове, Араде и т. д. В Брашове несколько дней подряд проходили рабочие демонстрации с требованием народного правительства и установления дружбы с СССР. Солдаты, посланные на подавление этих демонстраций, отказались стрелять в рабочих[144].

Характерным для рабочих выступлений того времени была тесная связь их экономических и политических требований. Борясь за повышение заработной платы, за человеческие условия труда, против милитаризации предприятий, рабочий класс выступал против самого фашистского режима и его антинародной и антинациональной политики. В начале октября 1940 года прошли забастовки на металлургических и военных предприятиях «Решица» в городах Анина и Решица, заставившие представителей правительства срочно прибыть на место и принять требования рабочих. В том же месяце более 2 тыс. рабочих кирпичного завода в Жимболии организовали забастовку и демонстрацию, добиваясь улучшения условий труда и установления народного правительства. Подобные выступления были организованы также на лесоразработках в Валя Мурешулуй, на судостроительных верфях Галаца, на предприятиях Браилы и др. Рабочие различных национальностей выступали единым фронтом против хозяев и фашистских властей, демонстрируя пролетарский интернационализм. На вагоностроительном заводе «Астра» в Араде румынские рабочие провели забастовку протеста против увольнения рабочих-венгров. Осенью 1940 года жены мобилизованных в армию устроили внушительную антивоенную демонстрацию в Яссах, требуя помощи и освобождения мужей от военной службы.

Массовые выступления трудящихся, забастовки и собрания рабочих, свидетельствовавшие о ненависти к национал-легионерскому режиму, пугали румынских фашистских правителей. Генерал Антонеску на одном из заседаний правительства говорил: «Все это грозит пожаром. Нужно предупредить его». Боясь, что компартия

---

[144] См. «Studii», 1964, N 4, p. 762.

организует новые крупные антиправительственные выступления по случаю празднования 23-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, он предложил принять предупредительные меры в городах Бухаресте, Брашове, Плоешти, Галаце, Тимишоаре, Араде и др., использовать для борьбы против демонстрантов все виды оружия.

Антонеску потребовал ускорить создание концентрационных лагерей, куда он намеревался заключить всех коммунистов и антифашистов. Но это не могло остановить антифашистской борьбы масс во главе с КПР.

По случаю празднования Октября компартия Румынии провела много собраний, распространила тысячи листовок, брошюр и т. п. 3 ноября 1940 г. на площади Обор в Бухаресте коммунисты организовали большую манифестацию, прошедшую под лозунгами: «Долой фашизм!», «Долой террор!», «Хотим хлеба, а не войны!», «Долой правительство военно-легионерской диктатуры!», «Дружба с СССР!», «Да здравствует Советский Союз!». Участники требовали также удаления немецких войск из Румынии, прекращения вывоза продовольствия в Германию, с тем чтобы обеспечить питанием население страны и др.

Организованные компартией многочисленные митинги, собрания и забастовки рабочих в знак протеста против военно-фашистской диктатуры и ее внутренней и внешней политики угрожали подрывом военного производства, срывом снабжения гитлеровской Германии необходимыми ей румынскими продуктами. Сигуранца в ноябре 1940 года сообщала, что коммунисты преследуют цель вызвать всеобщую забастовку в металлургической и военной промышленности [145]. На предприятиях участились случаи саботажа производства, выражавшиеся в порче оборудования, поджогах и т. п. На нефтепромысле в Бэйкой, например, в октябре вспыхнул пожар. В Бухаресте сгорела фабрика красителей. В декабре 1940 года произошел взрыв резервуаров с горючим, подготовленным обществом «Ромына американа» для отправки в фашистскую Германию; тогда же был выведен из строя нефтепровод Плоешти — Бузэу. 24 марта 1941 г. была разрушена прядильная фабрика в Галаце, выполнявшая воен-

[145] См. «Studii», 1964, N 4, p. 764.

ные заказы, и т. д.[146] Правительство Антонеску приняло решение о мерах борьбы с диверсиями на производстве. Рабочие в Плоешти отказывались работать на заводах, перешедших в руки немцев и выполнявших заказы гитлеровской Германии. В этой связи германская военная миссия обратилась к румынскому военному командованию с требованием заставить 49 рабочих, самовольно покинувших предприятие, вернуться на работу[147].

Методами жесточайшего террора против коммунистов военно-фашистское правительство Антонеску — Сима стремилось подавить освободительную антифашистскую борьбу в стране. Аресты следовали один за другим. Сигуранца информировала правительство, что в ночь с 4 на 5 ноября 1940 г. в Яссах была обнаружена типография коммунистов, в Бухаресте арестовано 15 членов организации коммунистической молодежи, а также раскрыта подпольная типография. 12 ноября 1940 г. полиция города Дева арестовала двух коммунистов, направленных в Хунедоару для организации антиправительственной деятельности. «Адвокат коммунист Атанасе Жожа,— сообщалось в сводке, — недавно освобожденный из лагеря в Каракале, возобновил свою деятельность в коммунистическом движении»[148]. В бюллетене информационной службы совета министров Румынии от 29 ноября говорилось об аресте коммунистического пропагандиста — сержанта 3-й авиаэскадрильи и о передаче его дела в военный суд.

Полиция и легионеры беспощадно расправлялись с захваченными коммунистами и антифашистами. В январе 1941 года железногвардейскими бандитами при пособничестве государственной полиции был убит в лесу под Бухарестом борец-коммунист Константин Давид. В результате обвала тюрьмы Дофтана, где содержались политические заключенные, погибли в ноябре 1940 года 14 коммунистов, в том числе член ЦК КПР Илие Пинтилие, Янош Хербак и др. Хотя этот обвал произошел во время землетрясения, всю ответственность за гибель ком-

---

[146] См. A. Mezincescu, Rumania over two years of German Domination, A. Chronology of Unrest and Sabotage, Oxford, 1943, pp. 6—9.

[147] См. Arhiva MFA, dos. 248/51, f. 234.

[148] ИДА, Информационный бюллетень совета министров Румынии от 12 ноября 1940 г., лл. 00189, 00216, 00239.

мунистов и многих других заключенных несут буржуазно-помещичьи правители Румынии. Ведь еще в 1921 году был составлен доклад, в котором говорилось об опасности обвала тюрьмы, одна из стен которой начала проваливаться в оползневом грунте. После первого подземного толчка 22 октября 1940 г. стены дали такие трещины, что стала совершенно очевидной опасность пребывания заключенных в камерах. Несмотря на протесты заключенных, военно-фашистское правительство не стало переводить их в другое место, сознательно обрекая на гибель.

Вопрос борьбы с антифашистским движением, руководимым коммунистами, неоднократно обсуждался на заседаниях военно-легионерского правительства. Так, например, на заседании совета министров 13 декабря 1940 г., на котором присутствовали Антонеску, его заместитель X. Сима, министр национальной экономики Мирча Канчиков, министр внутренних дел К. Петровическу, министр юстиции Михай Антонеску, министр иностранных дел М. Стурдза, министр финансов Георге Крецяну и др., первым вопросом было принятие репрессивных мер против коммунистов, которые готовили массовые выступления по случаю годовщины расстрела демонстрации трудящихся перед зданием национального театра 13 декабря 1918 г. Министр внутренних дел Петровическу сообщил, что в городе Рэдэуци было арестовано 37 мужчин и 12 женщин. Петровическу докладывал, что в Галаце и других городах коммунисты разбрасывали написанные от руки листовки размером с этикетку спичечной коробки, призывавшие бороться против легионеров, продавших страну Гитлеру. На вопрос И. Антонеску: «Не говорится ли в них обо мне?», министр внутренних дел ответил, что в них говорится о правительстве убийц и содержатся требования хлеба и т. п.[149] Глава фашистского правительства потребовал применения максимальной меры наказания к арестованным, чтобы, как он выразился, «дать пример» другим.

На заседании кабинета 17 декабря 1940 г. вновь было заслушано сообщение министра внутренних дел К. Петровическу, который сказал, что за период с 15 января до 15 декабря 1940 г. арестован 141 человек за составление, печатание и распространение коммунистических листо-

---

[149] См. Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8225, ff. 2—3.

вок, за сбор денег для коммунистической деятельности, за содержание типографий для печатания коммунистических листовок, за словесную пропаганду, за хранение коммунистической литературы и др. В ночь с 16 на 17 декабря 1940 г. произошел взрыв резервуаров нефтеочистительного завода в городе Брази, в результате которого сгорело около 15 цистерн нефти. Антонеску отверг объяснение этого взрыва последствиями землетрясения, имевшего место за месяц до этого. Он выразил недовольство вынесенными приговорами и потребовал усилить репрессии. На этом же заседании в связи с информацией о катастрофе на шахтах в Лупени, при которой погибло 56 человек, говорилось, что долина Жиулуй является областью, где легче всего может вспыхнуть революционный пожар.

Компартия мобилизовывала на борьбу против фашистского господства трудящееся крестьянство, положение которого в это время, по признанию властей, было крайне тяжелым. Бедность и нищета, в тисках которых находилось крестьянство, вызывали рост недовольства существовавшими порядками, делали их «дерзкими», как отмечает румынская сигуранца. В уездах Ильфов, Брашов, Бузэу, Мусчел, Текучи, Путна, Тимиш-Торонтал, Арад, Хунедоара и др. компартия распространила листовки, призывавшие крестьян бороться против легионеров и Антонеску, за конфискацию помещичьих земель, создание крестьянских комитетов, которые организовали бы массовое сопротивление крестьян реквизициям и принудительным работам в помещичьих имениях. Крестьяне многих коммун в уездах Яломица, Браила и др. не подчинились приказу о сдаче сельскохозяйственных продуктов государству, а в уезде Арджеш крестьяне не вышли на дорожные работы[150]. В ряде мест произошли кровавые столкновения крестьян с жандармами, заставлявшими подчиниться фашистским властям. В деревнях Кыржа и Рэурешть на берегу Прута крестьяне захватили 600 *га* помещичьей земли и, несмотря на прибытие жандармов, отказывались вернуть ее помещику. 30 крестьян забаррикадировались в доме и стали отстреливаться, после того как жандармы открыли по ним огонь. Два крестья-

---

[150] См. «Analele», 1963, N 4.

нина были убиты, а остальные арестованы и преданы суду военного трибунала.

Возмущение народных масс вызывало присутствие германских войск на территории Румынии. Приглашенные румынским диктатором якобы для «обучения румынской армии» войска германского вермахта фактически оккупировали страну, своими штыками поддерживая ненавистный румынскому народу фашистский режим. Гитлеровские оккупанты вели себя в Румынии, являвшейся официально союзницей фашистских держав по Тройственному пакту, так же бесцеремонно и заносчиво, как и в завоеванных ими странах Европы, оскорбляя национальные чувства. Начальник секретной службы информации докладывал Антонеску 25 октября 1940 г., что население против пребывания немецких войск в стране. Такие же настроения отмечались в румынской армии. Присутствие германских войск вызывало среди румынского населения и в армии опасение того, что страна будет втянута гитлеровцами в войну, чуждую национальным интересам Румынии [151].

Ближайшим результатом ввода германской армии в Румынию было резкое ухудшение финансово-экономического положения страны, условий жизни трудящихся масс. Как признал позднее И. Антонеску, «прибытие и проход германских войск через румынскую территорию в 1940—1941 годах ознаменовались серьезным расстройством экономического порядка». Так называемая германская военная миссия, которая первоначально руководила германскими войсками, «инструктировавшими» румынскую армию, затем стала органом по обеспечению и снабжению германских войск, расположившихся в Румынии или проходивших через ее территорию для агрессии против других стран. Правительство Антонеску выделило огромную сумму на содержание немецких войск. Эти деньги были использованы германскими военнослужащими для скупки продовольствия и товаров легкой промышленности, которые отсылались ими на родину. Служба информации 7-го армейского румынского корпуса отмечала сильное недовольство населения пребыванием германских войск, в результате которого резко по-

---

[151] См. ИДА, Информационный бюллетень совета министров Румынии от 25 октября 1940 г.

дорожала жизнь, ухудшилось снабжение продовольствием и товарами ширпотреба. В донесении приводились такие слова: «Нам не остается и куска хлеба, потому что все забрали и отдали немцам» [152].

Солдаты и офицеры румынской армии тяжело переносили униженное положение, в которое поставил их румынский фашистский диктатор, всячески подчеркивавший превосходство германского военнослужащего над румынским. Антонеску утверждал, что «специфические условия жизни германской расы» требуют снабжать немецких солдат в Румынии лучше, чем румынских. В то время как германский солдат получал ежемесячно 1000 лей, а его семья 8000 лей ежемесячно, румынскому солдату давали всего 60 лей в месяц. Немецкие войска в Румынии питались мясом и белым хлебом, а румынский солдат ел черный хлеб и картошку. Информационный бюллетень румынской армии отмечал в этой связи недовольство румынских солдат и младшего офицерского состава тем, как размещены и снабжаются германские солдаты, подчеркивая, что это создает благоприятные условия для коммунистической пропаганды.

Румынский генеральный штаб в докладе, озаглавленном «Заключения о настроении в армии в связи с пребыванием германских войск в Румынии в период с 10 октября 1940 г. по 1 февраля 1941 г.», указывал на то, что германские военнослужащие вмешивались во внутренние румынские дела, оспаривали действия властей, брали под защиту нарушителей закона — немцев из этнической группы, легионеров и т. д. Они буквально издевались над румынскими солдатами и голодающим населением; бросая на землю папиросы, хлеб и т. п., немцы делали унизительные снимки румын, подбиравших все это. Генеральный штаб признавал, что население и румынская армия враждебно относились к германским войскам. Возникали многочисленные столкновения между румынскими и немецкими военнослужащими. В Бухаресте и Плоешти были случаи разоружения и избиения германских солдат и офицеров, оскорбительно ведших себя по отношению к румынам. Население деревни Влашка отказывалось продавать немцам продукты питания. Рабочие завода «Стандард» 9 декабря 1940 г. подожгли на стан-

---

[152] Arhiva MFA, dos. 225/64, f. 29.

ции Теляжен бензохранилище со 150 вагонами бензина, предназначенного германской авиации.

Военно-фашистская диктатура, обеспокоенная участившимися случаями нападения на германских военнослужащих в Румынии, издала строгие распоряжения по этому поводу. Министр внутренних дел Петровическу 18 января 1941 г. потребовал «дружеского и уважительного отношения» к немецким войскам на румынской территории, предупредив, что они пользуются правом экстерриториальности и что нападение на них будет строго караться [153]. 22 января 1941 г. в газетах был опубликован декрет-закон о смертной казни за преступления против германских военнослужащих. Но и после этого положение не изменилось. Жандармерия нефтепромыслового района, сообщая о бесчинствах гитлеровцев, писала, что «население возбуждено и могут иметь место инциденты» [154]. Генеральный штаб румынской армии в приказе от 24 апреля 1941 г. отмечал, что имеются офицеры, «проявляющие полное непонимание» того, как следует относиться к германским военнослужащим: вместо того чтобы при всяком случае выказывать чувства «настоящего товарищества», они стремятся подчеркнуть свою германофобию.

Как свидетельствуют материалы специальных информационных служб румынской армии, Коммунистическая партия вела интенсивную пропагандистскую работу среди солдат и офицеров. В целях борьбы с коммунистической пропагандой в армии фашистский режим предпринимал специальные меры. В качестве таких мер предлагалось во всех звеньях — от армейского корпуса до роты — выделить шпионов-информаторов из числа офицеров и солдат для выявления коммунистических пропагандистов, создать значительные денежные фонды для поощрения этой слежки, наладить тесное сотрудничество с соответствующими территориальными гражданскими учреждениями — сигуранцей, жандармерией и т. п. [155]

Самые широкие круги румынского населения выражали недовольство тем положением, которое создалось в

---

[153] См. Arhivele Statului, Prefectura judetului Ilfov, dos. 213, 1941, vol. 1, ff. 425—426.

[154] Arhiva MFA, dos. 248/51, f. 69.

[155] См. Arhiva MFA, dos. 220/70, ff. 36, 81, 83—86.

связи с установлением военно-фашистской диктатуры и оккупацией страны войсками гитлеровской Германии. В информационном бюллетене румынского правительства за январь 1941 года отмечалось, что «рабочие с заводов жалуются на тяжелую жизнь по причине дороговизны», что в стране чувствуется нехватка кукурузы, сахара, хлопка, одежды и обуви. Поставки в гитлеровскую Германию и для немецких войск в Румынии опустошали страну, лишая население элементарных средств существования. Антигитлеровские настроения охватили не только рабочих и крестьян, но и часть государственных служащих, страдавших от экономических трудностей, вызванных гитлеровским грабежом. Многие чиновники высказывали пожелание, чтобы Германия потерпела поражение в войне, распространяли антигерманские слухи. По этому поводу Антонеску издал специальный приказ всем чиновникам категорически воздерживаться от всякой антигерманской пропаганды или дискуссии, угрожая суровыми наказаниями нарушителям этого приказа.

Исходя из того, что против военно-фашистской диктатуры выступали как трудящиеся слои населения, так и часть буржуазии, интересы которой ущемлялись германизацией румынской экономики и планами превращения Румынии в аграрно-сырьевой придаток гитлеровского рейха, компартия добивалась создания единого антифашистского фронта. В январе 1941 года она опубликовала документ под названием «За мир и национальную независимость румынского народа», в котором предложила платформу для объединения антифашистских патриотических и демократических сил.

В этом документе разоблачался военно-легионерский режим Антонеску — Сима, включивший страну в Тройственный пакт и превративший ее в вассала германского империализма. Компартия подчеркивала, что военно-фашистская диктатура установлена в интересах крупных капиталистов и помещиков, что для поддержания этой реакционной диктатуры приглашены германские оккупационные войска. «Господствующие классы подвергают румынский народ и угнетенные национальности острой опасности вовлечения в империалистическую войну, которая распространяется на Балканах.., подстрекают против Советского Союза, говорят, что весной пойдут вместе

8*

с немецкой армией против России»[156]. Единственным выходом из опасного положения, созданного политикой господствующих классов, компартия считала путь решительной борьбы за экономические, политические и национальные требования трудящихся, за установление режима, который будет служить интересам народных масс, поведет борьбу против империалистов за национальную независимость, ликвидирует легионерские и другие враждебные народу организации, осуществит земельную реформу.

Предложенная компартией платформа объединения антифашистских сил включала следующие пункты: 1) борьба за мир и национальную независимость румынского народа, за политику тесной дружбы с Советским Союзом; 2) борьба за политику дружбы со всеми балканскими народами и Венгрией, за мирное разрешение всех спорных вопросов с соседними странами; 3) борьба за уничтожение национального угнетения, за равноправие национальностей в политической, экономической и культурной областях; 4) борьба за политическую амнистию; 5) борьба за полную свободу собраний, печати, организаций трудящихся, всеобщее избирательное право для граждан, достигших 18-летнего возраста, без различия национальности, вероисповедания и пола; 6) реальное улучшение положения трудящихся, прекращение реквизиций; 7) прекращение военных сборов.

Компартия подчеркнула свою готовность сотрудничать в достижении любого частичного требования платформы, ставя единственным условием какого бы то ни было сотрудничества борьбу за национальную независимость румынского народа. Ориентация на империалистические державы, говорилось в документе КПР, является предательством национальной независимости Румынии. «Только политика тесной дружбы с Советским Союзом, его поддержка могут спасти румынский народ от катастрофических последствий империалистической войны, гарантировать национальную независимость страны и сохранить мир народам Румынии»[157].

Платформа борьбы, предложенная Коммунистичес-

---

[156] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», p. 334.

[157] Ibid., p. 336.

кой партией Румынии 15 января 1941 г., включала в себя общедемократические задачи, связанные с главной — завоеванием национальной независимости и предупреждением втягивания Румынии в антисоветскую войну. Требования платформы отражали устремления всего румынского народа, в их осуществлении были заинтересованы различные социальные слои и политические группировки.

После того как И. Антонеску устранил из своего правительства легионеров-железногвардейцев, Коммунистическая партия Румынии выпустила в феврале 1941 г. брошюру «От легионерского режима к военной диктатуре». В этой брошюре компартия развеяла иллюзии тех, кто считал создание нового правительства генералом Антонеску 26 января 1941 г. началом нового курса политики господствующих классов Румынии. «Крупные румынские капиталисты и помещики,— говорилось в брошюре,— для спасения общих интересов господствующих классов в нынешней катастрофической обстановке, являющейся следствием банкротства их политики, установили режим военной диктатуры»[158]. Страна покрылась сетью казарм, тюрем и концлагерей. Военно-фашистская диктатура Антонеску по-прежнему стояла на позициях предательства национальных интересов Румынии, силой оружия стремилась подавить борьбу рабочих за хлеб и свободу, хотела уничтожить компартию — авангард рабочего класса и всего румынского народа. Компартия снова призвала к борьбе за свержение военно-фашистской диктатуры Антонеску, к объединению антифашистских патриотических сил на базе своей платформы от 15 января 1941 г., содержавшей жизненные требования народных масс: «Борьба за мир... Борьба против превращения Румынии в придаток германского империализма, за национальную независимость румынского народа от всех империалистических стран, за политику тесной дружбы с Советским Союзом».

Реализация линии КПР на создание широкого патриотического антигитлеровского фронта натолкнулась на антинародную позицию руководства национал-царанистской и национал-либеральной партий, а также правого

---

[158] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», p. 338.

руководства социал-демократической партии. Но призыв компартии бороться против фашистского режима и закабаления страны гитлеровцами, против использования Румынии в военных планах фашистской Германии нашел отклик в массах рабочих, крестьян и антифашистской интеллигенции. Деятельность компартии, мобилизовывавшей рабочий класс и весь народ на борьбу против военно-фашистской диктатуры, являлась существенным элементом политического положения в стране. Признавая этот факт, генеральный инспекторат полиции отмечал в апреле 1941 года, что «никогда еще коммунистическое движение не было так активно, как в последние 10 месяцев», и что компартия пользуется поддержкой масс.

Для румынского рабочего класса весной 1941 года были характерны боевые антифашистские настроения. Сигуранца сообщала о растущем недовольстве среди железнодорожников, отмечая их «демократические убеждения» и враждебность к германским войскам в стране. Рабочие выражали солидарность с югославским и греческим народами, подвергшимися гитлеровской агрессии, и выражали уверенность, что в конечном итоге фашизм будет разбит. «Железнодорожники враждебны фашизму и очень близки к левым», — доносила секретная информационная служба. Повсеместно проходили выступления рабочих против милитаризации предприятий, против введения военной дисциплины и т. п. Металлурги Решицы отказались носить номера и отличительные знаки на спецодежде, протестовали против удлинения рабочего дня до 12 часов. «Пусть по 12—14 часов работают те, кто носит гитлеровскую униформу», — говорили они.

Несмотря на жестокий режим военной диктатуры, румынский пролетариат продолжал забастовочную борьбу против фашистского господства и гитлеровской кабалы, против приготовлений к антисоветской войне, за свои жизненные права. Об этом свидетельствуют официальные статистические данные, несомненно, преуменьшающие размах рабочих забастовок: за первые шесть месяцев 1941 года в забастовках принимало участие более 11 тыс. рабочих, то есть в четыре раза больше, чем за весь 1939 год [159].

---

[159] «Trei ani de guvernare», Buc., 1943, p. 212.

Крупнейшим выступлением рабочих в период, предшествовавший началу войны против Советского Союза, была руководимая коммунистами забастовка шахтеров Петрилы, Аниноасы, Лупени, Лони и других мест. Эта забастовка, длившаяся с 15 апреля по 5 мая 1941 г., вызвала серьезное беспокойство в правящей фашистской верхушке. Министр внутренних дел, докладывая Антонеску о все еще продолжавшейся забастовке, подчеркивал, что «если такое положение будет еще 24 часа, то копям будет угрожать опасность». Забастовка шахтеров долины Жиулуй угрожала сорвать снабжение углем промышленности, работавшей на подготовку к ведению антисоветской войны. По мнению министра труда фашистского правительства Антонеску, «так называемый трудовой конфликт в долине Жиулуй тщательно организован и подготовлен для дезорганизации данного производства и расстройства нынешнего порядка в государстве».

Забастовщики требовали повышения заработной платы на 50%, сокращения длительности рабочего дня, человеческих условий труда, медицинской помощи, ликвидации карцера и других видов наказания, введенных военным командованием шахт, уважения человеческого достоинства шахтеров и т. п. Фашистские власти угрозами применения оружия, арестами коммунистов и другими террористическими мерами пытались заставить шахтеров возобновить работу. Но шахтеры твердо стояли на своем. Для подавления забастовки, угрожавшей перекинуться на другие отрасли промышленности, правительство направило войска и жандармерию, было послано большое число агентов сигуранцы и специальной разведывательной службы при совете министров, была направлена также правительственная комиссия для «урегулирования» трудового конфликта. Однако забастовка продолжалась. «Санкции, предусмотренные инструкцией генерального штаба и декретом-законом о пресечении экономического саботажа, не дали результатов»,— сообщалось в донесении правительству. Антонеску отдал специальный приказ о принятии мер против бастующих рабочих. Он потребовал арестовать и жестоко наказать «подстрекателей». «Если нет оснований для осуждения, — указывал он, — то заключите их в концентрационные лагеря со строгим режимом».

Несмотря на то что забастовка в Валя Жиулуй была в конце концов подавлена, а над ее руководителями и передовыми рабочими была учинена расправа, она имела большое значение. Забастовка шахтеров наносила прямой удар по военно-фашистскому режиму, причиняя ущерб снабжению углем военной промышленности и транспорту. Она явилась примером для рабочих всей страны в их борьбе против нищеты и голода, против террора и военных приготовлений к нападению на Советский Союз.

Против военных приготовлений режима Антонеску выступало румынское крестьянство, оказывая сопротивление конфискации земель под аэродромы для гитлеровской армии, реквизиции скота и сельскохозяйственных продуктов, уклоняясь от мобилизации и т. д. Префектура Ясской области сообщала в министерство внутренних дел, что крестьяне неодобрительно относятся к военным сборам и говорят, что если государство имеет армию, то пусть оно и содержит ее, а не сажает на нашу шею. Указывалось, что сельское население очень недовольно мобилизацией мужчин, пребыванием армейских соединений в области, свидетельствовавшем о скором вступлении в войну против Советского Союза. Командир 1-го армейского корпуса незадолго до начала войны против СССР получил письмо, в котором рассказывалось об антигерманских и антивоенных настроениях крестьян. «Лучше пойдем против немцев, чем против русских» [160], — заканчивалось письмо.

В последние недели перед началом гитлеровской агрессии против СССР румынские фашистские власти провели массовые аресты среди коммунистов, мобилизовывавших широкие массы народа на борьбу против антинациональной политики режима Антонеску. Несмотря на эти аресты, коммунистическая пропаганда, по признанию сигуранцы, не прекратилась. В информационном секретном сообщении о настроениях гражданского населения за апрель 1941 года отмечалось: «Как и в прошлом, коммунистическая пропаганда стремится показать «роковые последствия» германо-румынской дружбы, в особенности с экономической точки зрения. Нынешний хозяйственный кризис и недостаток предметов первой

---

[160] Arhiva MFA, dos. 1/21, f. 875.

необходимости способствуют успеху этой пропаганды, развитию антигерманских настроений в первую очередь в рядах рабочих. С политической точки зрения деятельность коммунистов, их пропаганда, ведущаяся от человека к человеку, расклеивание и распространение лозунгов и листовок имеют целью показать, что политика союза Румынии с Германией приведет в будущем и к другим отрицательным результатам»[161]. Компартия разъясняла массам, что участие страны в войне противоречит интересам румынского народа и будет служить лишь целям германской политики. В этом же документе указывается, что компартия всеми средствами пытается саботировать экономическую жизнь страны, организуя забастовки и конфликты, подобные тому, который был в Валя Жиулуй, добиваясь сокращения рабочего дня и т. п. В другой секретной информации о настроении гражданского населения за май 1941 года сообщалось, что деятельность коммунистов ведется по линии усиления антигерманских выступлений, экономического саботажа и ориентации населения на дружбу с СССР.

В июне 1941 года по всей стране отмечался рост борьбы рабочих за свои жизненные права — за повышение заработной платы, человеческие условия труда, улучшение снабжения продовольствием и одеждой и др. Особенно часто выступали рабочие текстильной и всей легкой промышленности, где из-за недостатка сырья, поглощавшегося военным производством или вывозившегося в Германию, предприятия работали неполный день, а в ряде случаев закрывались. Забастовки и рабочие конфликты не прекращались и на военных предприятиях. В Брашове на авиационном заводе «ИАР», чтобы предупредить забастовку, администрация решила увеличить заработную плату на 25%, но рабочие не согласились с таким увеличением, требуя повысить заработную плату на 50%. На заводе «Пиротехника арматей» в Бухаресте рабочие пригрозили провести забастовку, если не будут удовлетворены их требования. Выступления рабочих проходили вплоть до 22 июня 1941 г., когда германские и румынские фашисты начали войну против СССР. Эти выступления были выражением недовольства рабочих тяжелыми условиями труда, нищенским уровнем зара-

---

[161] Arhiva MFA, dos. 733/57, f. 20.

ботной платы, фашистским террором и приготовлениями к участию Румынии в антисоветской войне[162]. Против политики диктатуры Антонеску, втягивавшей Румынию в войну на стороне гитлеровской Германии против СССР, протестовали представители демократической интеллигенции, студенчества и др. Студенты университета в Сибиу, сообщала сигуранца, намеревались провести 15 июня 1941 г. демонстрацию «против современного режима и держав оси»[163].

Активные антифашистские действия рабочих под руководством Коммунистической партии, выступления крестьян и других слоев населения против политики диктатуры Антонеску свидетельствовали о наличии в стране предпосылок для создания широкого патриотического антигитлеровского фронта. Но из-за противодействий руководства буржуазно-помещичьих партий и правосоциалистических лидеров этот фронт не был создан. Определенную роль сыграла в этом также слабость КПР, подвергшейся ударам изнутри и извне: предательские элементы в руководстве компартии во главе с Форишем, действуя заодно с сигуранцей, вели работу по разложению и ликвидации партийных организаций. В этих условиях фашистская клика Антонеску при поддержке и одобрении лидеров «исторических партий» смогла ввергнуть страну в войну гитлеровской Германии против СССР.

---

[162] См. «Studii», 1964, N 4, pp. 770—771.
[163] Arhiva MFA, dos. 1/121, f. 771.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРИЗИСА ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ АНТОНЕСКУ

Глава 1

УЧАСТИЕ В ГИТЛЕРОВСКОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР

22 июня 1941 г. фашистское правительство генерала Антонеску при поддержке короля Михая и лидеров буржуазно-помещичьих партий ввергло Румынию в войну против СССР. 1 июля 13 дивизий и 9 бригад румынской армии вместе с 7 немецкими дивизиями развернули наступление с территории Румынии. Вступление румынских правящих кругов в антисоветскую войну явилось логическим завершением их предшествующей антинациональной политики вражды и ненависти к первому в мире социалистическому государству, которое одним фактом своего существования оказывало революционизирующее воздействие на трудящихся всего мира.

Главной целью антисоветской войны как германские, так и румынские правящие круги считали уничтожение советского социалистического государства. В беседе с Гитлером 27 ноября 1941 г. М. Антонеску, заместитель румынского фашистского диктатора, говорил о необходимости занять «непоколебимую позицию» в этом вопросе. Гитлер, как известно, утверждал, что единственное решение «русской проблемы» состоит в «колонизации и биологическом устранении» [1], то есть в ликвидации СССР и истреблении его населения, положившего конец капиталистической эксплуатации. Крича о «вечной опасности

---

[1] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 85, n/p.

с Востока», румынская фашистская пропаганда требовала «уничтожить Россию как государство».

Буржуазно-помещичьи круги Румынии давно вынашивали планы войны против Советского Союза, готовясь вступить в нее при первом удобном случае. Газета «Универсул» 20 августа 1941 г. признала, что вступление в антисоветскую войну произошло бы даже в том случае, если и не пришлось бы летом 1940 года возвратить Советскому Союзу оккупированную Румынией Бессарабию. В войне против СССР правящие румынские круги преследовали цель захватить обширные советские территории, нажиться на грабеже советского народа. Обещание Гитлера при встрече с И. Антонеску 11 июня 1941 г. предоставить Румынии за ее участие в антисоветской войне «территории до Днепра» вызвали неописуемый восторг правящей румынской верхушки. Крупнейший румынский аграрий и финансист К. Арджетояну, отмечая в своем дневнике этот факт, радостно восклицал: «Пишу и спрашиваю себя: не сон ли это?» [2]. Гитлеровцы не скупились на посулы, лишь бы обеспечить активное участие Румынии в антисоветской войне. Гитлер заявлял в беседе с И. Антонеску 27 ноября 1941 г.: «Ваши права и власть на Востоке неограничены: берите столько, сколько считаете необходимым».

Идея перенесения румынской границы на Днепр усиленно пропагандировалась буржуазными газетами Румынии. Газета «Униря» требовала установить границу «на Днепре или дальше». Осенью 1942 года, когда немецкие и румынские войска дошли до Волги, аппетиты румынских господствующих классов разгорелись еще больше. Румынская фашистская газета «Курентул» стала настаивать на том, чтобы граница Румынии на востоке проходила... по Уралу. Румынским фашистским захватчикам рисовалась радужная картина «Великой Румынии» — «румынской империи до ворот Азии».

Для обоснования захватнической политики румынских господствующих классов были пущены в обиход всевозможные псевдонаучные геополитические и геоисторические теории. Г. Братиану выдвигал аргументацию так называемого «пространства безопасности» румын-

---

[2] Arhiva CC al PCR, fond 104; Argetoianu, C., Insemnări zilnice 1938—1941, p. 10311.

ского государства, фактически повторяя основные тезисы германских фашистов о «жизненном пространстве». Другой «теоретик» утверждал: «Распространение румын и их численность гораздо больше, нежели можно судить по цифрам истории, географии и политики... Кроме Балканского полуострова, страны Панопия, Дакия и Украина, то есть все пространство, занятое дакофраками, хилирами и скифами, было заселено или заселено и поныне либо компактными массами, либо островками румынского населения. Это их историческое пространство».

Клика Антонеску лелеяла надежду активным участием в антисоветской войне завоевать расположение гитлеровской верхушки и стать ее приказчиком в Юго-Восточной Европе, обеспечив себе таким образом видное место в «новом порядке». 11 июня 1941 г. Риббентропу был направлен румынский меморандум, в котором излагались выгоды для Германии иметь Румынию в качестве своей опоры в этой части Европы. Румыния, во-первых, является важным стратегическим пунктом, обеспечивающим господство на Дунае, в черноморских проливах и на Балканах. В результате военного сотрудничества с Германией Румыния становится стратегическим центром действий против славян, а также в Малой Азии. Во-вторых, экономическое германо-румынское сотрудничество делает Румынию центром снабжения фашистского рейха сырьем и дешевой рабочей силой. «Румыния,— подчеркивалось в меморандуме, — искренне включаясь в новый европейский порядок, жаждет стать инструментом этого порядка и путем самого тесного сотрудничества во всех аспектах обеспечить проведение политики великого рейха в этом районе». Он выразил надежду, что буржуазно-помещичьей Румынии будет предоставлена «естественная роль регионального господства» [3]. Эти пожелания были повторены И. Антонеску при его встрече с Гитлером в Мюнхене 12 июня 1941 г. Стремясь заручиться поддержкой фашистской Италии в этом вопросе, румынский диктатор послал вышеупомянутый меморандум также и Муссолини. Чтобы подороже запродать свое участие в антисоветской войне, румынское правительство 21 июня 1941 г. передало правительству германского рейха новый меморандум по этому вопросу.

[3] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 83, n/p.

Румынская реакция надеялась, что Гитлер оценит «вклад Румынии» в дело фашистской «оси» и оплатит ее участие в войне против СССР не только территориями на востоке, но и на западе. Правительство Антонеску заявляло о своих притязаниях на сербский Банат и Южную Добруджу, настаивало на создании в долине рек Тимоки и Вардар «румынской области» под румыно-германо-итальянским кондоминиумом (в эту область должна была войти территория от болгарской границы до Белграда, Ниша, Скопле и далее на юг в направлении на Салоники)[4]. Румынские правящие круги полагали, что их активное участие в войне гитлеровской Германии против СССР склонит Гитлера в пользу Румынии в вопросе о Трансильвании. Гитлер оберегал эти иллюзии и при встречах с Антонеску многозначительно подчеркивал, что к вопросу о Северной Трансильвании можно будет вернуться позднее, само собой разумеется, при условии, что Румыния будет оказывать военную помощь Германии в войне против Советского Союза[5].

Фашистская Германия, заинтересованная в продолжении Румынией войны против СССР, на словах поддерживала захватнические планы румынских правителей. В действительности же гитлеровская клика стремилась к тому, чтобы всеми плодами войны воспользовались только германские монополисты. Гитлер прямо заявил об этом на секретном совещании со своими приближенными 16 июля 1941 г., намекнув также на возможное расширение германского рейха за счет румынской территории. «Наши отношения с Румынией сейчас хороши,— говорил он, — но кто знает, как они сложатся в будущем? Поэтому надо быть готовым ко всему, в том числе и вопросу о границах». Германские фашисты имели собственные виды на Трансильванию и Банат. В одной из бесед с румынским диктатором Геринг как бы в шутку сказал: «В конце концов почему вы ссоритесь с Венгрией из-за Трансильвании, которая в настоящий момент в большей степени немецкая, чем румынская или венгерская?». Однако это не было шуткой. В Берлине вынашивались планы создания из Трансильвании и Баната

---

[4] См. Arhiva MAE, fond Germania, vol. 82, n/p.

[5] См. «Trial af the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Nuremberg, 1946», vol. VIII, Nuremberg, p. 305 (далее: «Trial...»).

немецкого дунайского государства —«Донауланда», призванного войти в состав германского фашистского рейха. Поэтому-то румынский посланник в Германии Босси с беспокойством писал в Бухарест 3 декабря 1942 г.: «Тот факт, что правительственные органы позволяют и поощряют публикацию книг и статей о «Зибенбюргене», в которых полным молчанием обходится наличие румынского и венгерского элемента (в Трансильвании и Банате. — *Авт.*), укрепляет меня в убеждении, что речь идет об официальном курсе, реализация которого последует в подходящий момент»[6]. Гитлеровская пропаганда усиленно обрабатывала немецкое население Трансильвании и Баната, обещая ему райскую жизнь в национал-социалистском «Донауланде».

Толкая страну в пучину антисоветской войны, эксплуататорские классы Румынии надеялись также разрешить обострившиеся внутренние противоречия. Захват советских земель рассматривался как средство разрешения аграрного вопроса без затрагивания интересов помещиков. Разгулом шовинизма в связи с войной буржуазия и помещики хотели отвлечь трудящиеся массы от революционной борьбы. Монополистические круги рассчитывали также, что военная конъюнктура выведет румынскую экономику из кризисного состояния, оживит промышленность. Ведение войны должно было создать в стране обстановку, которая предоставляла господствующей верхушке монополистической буржуазии и помещиков огромные возможности обогащения путем еще большего использования государственного аппарата в целях усиления эксплуатации трудящихся и ограбления всего румынского народа.

Участие в антисоветской войне дало возможность правящим румынским кругам временно добиться достижения некоторых их целей. К Румынии были официально присоединены Бессарабия и Северная Буковина. 14 августа 1941 г. Гитлер предложил И. Антонеску занять зону между Днестром и Днепром под предлогом «обеспечения ее безопасности», потребовав взамен, чтобы румынские войска участвовали в военных действиях к востоку от Днепра[7]. Антонеску охотно принял его пред-

---

[6] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 90, n/p.
[7] См. ИДА, ф. Военный кабинет, д. 43, л. 36.

ложение, попросив Гитлера дать распоряжение о том, что германские войска не будут вмешиваться в управление территорией между Днестром и Бугом. Эта область была названа «Транснистрией». Административным центром ее стала Одесса. Территория между Бугом и Днепром оставалась под германской администрацией и экономически эксплуатировалась исключительно германским рейхом, на долю же Румынии по германо-румынскому соглашению от 30 августа 1941 г. выпала жандармская функция — поддержание там «порядка».

Румынские фашисты организовали в массовом масштабе ограбление временно оккупированных советских районов. С этой целью была создана правительственная организация — «Одесское управление захвата и сбора трофеев». В соответствии с разработанным планом с советской территории вывозились промышленные предприятия, культурные, научные, исторические и художественные ценности [8]. Общая стоимость награбленного румынскими фашистами имущества в Советском Союзе, по румынским данным, составила к концу войны около 948 млрд. лей в довоенной валюте. Румынские фашисты не гнушались личными вещами и домашней утварью советских граждан, тащили все, что попадалось под руку.

Щедрость Гитлера, который по тактическим соображениям и в силу военной необходимости временно уступал своим румынским вассалам часть захваченных советских территорий, пропадала по мере того, как война на востоке складывалась не в пользу фашистских агрессоров. Наступление коренного перелома в ходе войны и обнаружившийся в этой связи крах широких завоевательных планов в отношении СССР привели к тому, что Гитлер фактически потребовал устранения румынской администрации из «Транснистрии»: в письме на имя Антонеску от 25 октября 1943 г. он объявил эту территорию зоной военных операций германской армии и потребовал передачи в германские руки управления всех железных дорог в ней.

---

[8] См. «Правда», 10 мая 1944 г. Сообщение Совинформбюро о планомерном ограблении временно оккупированной территории румынскими войсками.

Успокаивая румынских правителей, лишавшихся в связи с этим важного источника обогащения, Гитлер подчеркивал, что его требования продиктованы якобы чисто военными соображениями и «в конечном итоге служат делу сохранения Транснистрии за Румынией». Решение Гитлера вызвало явное недовольство фашистских правителей Румынии, расценивших его как стремление гитлеровцев прибрать к своим рукам Транснистрию. В своем ответе Гитлеру от 15 ноября 1943 г. И. Антонеску высказался против перехода железных дорог Транснистрии под германское управление. «Вся румынская администрация Транснистрии будет парализована изъятием железных дорог из ее ведения» [9], — с горечью констатировал он. Само собой разумеется, эти протесты были бесполезными.

С наступлением коренного перелома в ходе войны и развернувшимися в этой связи боевыми операциями Красной Армии по очищению советской территории от фашистских оккупантов обнаружился крах захватнической политики румынских правящих кругов в отношении Советского Союза. Создать румынскую империю за счет территориальных захватов на востоке не удалось. Точно так же оказались несбыточными их надежды на возвращение Северной Трансильвании, основывавшиеся на том предположении, что Гитлер вознаградит румынских правителей за исключительные «заслуги» в антисоветской войне. Газета «Универсул» писала: «Мы знаем, что наш вклад в войну принесет осуществление законных прав Румынии, которая ведет борьбу, не жалея своих сил». Румынские правящие круги заявляли, что присоединение советских территорий ни в коем случае не может рассматриваться в качестве компенсации за потерю Северной Трансильвании. В шифрованной телеграмме на имя румынского посланника в Германии, отправленной министерством иностранных дел Румынии 15 августа 1941 г., подчеркивалось, что «продвижение на Восток не имеет никакого отношения к правам на Западе» и что Румыния «будет воевать против кого угодно и на стороне кого угодно ради восстановления своих прав на Трансильванию».

Гитлер же не спешил с выполнением обещания пере-

---

[9] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 67, л. 61.

смотреть «венский арбитраж», чтобы не лишать себя возможности шантажировать румынских и венгерских вассалов германского рейха. Этот шантаж хорошо отражен в одном политическом анекдоте, имевшем большое хождение в Бухаресте в годы войны. На очередном свидании с Антонеску Гитлер требует посылки на советско-германский фронт новых румынских дивизий и, взяв в руки бумагу, зачитывает названия городов, которые он обещает передать Румынии, если она удовлетворит его требование. Услышав наименования городов Арад, Брашов, Тимишоара и др., изумленный Антонеску восклицает: «Но эти города находятся в той части Трансильвании, которая осталась у Румынии!». «Чорт возьми! — в сердцах бросает Гитлер. — Эти дураки-канцеляристы все перепутали, дав мне бумагу, которую я велел заготовить для встречи с Хорти».

В связи с обострением румыно-венгерских отношений из-за Трансильвании весной — летом 1942 года Гитлер и Муссолини решили любой ценой не допускать вооруженного конфликта между этими странами до тех пор, пока не закончится вторая мировая война. Германский посланник в Бухаресте предупредил румынское правительство и венгерского посланника в Румынии, что «рейх не потерпит даже ограниченной войны в этом районе Европы» [10]. Он подчеркнул решимость Германии не допустить каких бы то ни было территориальных изменений там до окончательного разрешения «кардинальных проблем», то есть до окончания войны. Румынский военный атташе 1 сентября 1942 г. сообщил из Берлина о намерении германских кругов поставить всю Трансильванию под свой протекторат в целях прекращения румыно-венгерской розни, отвлекающей гитлеровских союзников от главной задачи — войны против СССР [11]. Эта «временная» оккупация Трансильвании немецкими войсками могла стать началом присоединения ее к «великой семье германцев».

«План Барбаросса» первоначально отводил Румынии вспомогательную роль в гитлеровской войне против Советского Союза. Она должна была своими войсками поддержать атаку южного германского фронта, а затем осуществлять вспомогательную службу в тылу фронта. Но

---

[10] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 85, n/p.
[11] См. ИДА, ф. Военный кабинет, д. 304, л. 515.

уже через два месяца после вероломного нападения на СССР германское военное командование, осознав всю тяжесть войны против Советского Союза, поставило вопрос о расширении масштабов участия в ней союзников фашистской Германии. В середине сентября 1941 года Гитлер направил личное послание И. Антонеску с требованием того, чтобы Румыния не ограничилась захватом советских территорий до Буга, а повела бы войну дальше на Востоке, вплоть до достижения победы над СССР. Свое требование он объяснял тем, что в момент нападения на Советский Союз недооценил силы Красной Армии.

После того как были захвачены Бессарабия, Северная Буковина и «Транснистрия», в правящих кругах Румынии стали раздаваться голоса за прекращение военных действий румынскими войсками на восточном фронте. И. Антонеску не стал прислушиваться к этим голосам и как верный прислужник германского фашизма поспешил удовлетворить требование Гитлера. Численность румынских войск на советско-германском фронте увеличилась по сравнению с началом войны. В течение 1941 года там находились 24 пехотных и 2 мотомеханизированные дивизии, 4 бригады и несколько специальных частей румынской армии. В конце 1941 года глава румынского фашистского правительства выразил готовность «многочисленными дивизиями принять участие в весеннем наступлении» 1942 года на восточном фронте. Раболепие И. Антонеску пришлось по душе германскому фюреру, поэтому во время встречи с М. Антонеску он подчеркнул свое расположение к румынскому диктатору: «В стране (в Румынии. — *Авт.*) может быть только один кондукэторул, а не два, и, пока И. Антонеску находится у власти, глупым является стремление Х. Сима стать кондукэторулом. У меня отличные отношения с маршалом Антонеску». 1 января 1942 г. Гитлер послал И. Антонеску новогодний подарок — легковую машину в знак признания «заслуг в борьбе против большевизма».

Решение Антонеску продолжать в еще больших масштабах войну против СССР проистекало из убеждения, что в 1942 году немецко-фашистские войска нанесут полное поражение Красной Армии, разобьют Советский Союз. Когда же обнаружилась полная несостоятельность подобных расчетов, И. Антонеску в апреле 1943 года в выступлении в высшей военной школе следующим обра-

зом оправдывал свое решение: «Мы не могли остановиться на Днестре. Мы дорого заплатили бы за это» [12]. Гитлеровцы, несомненно, располагали достаточными средствами, чтобы сделать послушными продажных румынских правителей, но в тот период в этом не было необходимости. Опьяненные временными успехами немецко-фашистских войск румынские правители сами жаждали продолжения антисоветской войны.

Первоначально румынские войска, действовавшие в составе группы немецко-фашистских армий «Юг», пользовались известной самостоятельностью и имели собственное главное командование во главе с И. Антонеску, который 21 августа 1941 г. произвел себя из генералов в маршалы. В письме к И. Антонеску от 19 июня 1941 г. Гитлер определил характер отношений между германским и румынским командованием на период совместной войны против СССР. Он подчеркнул, что руководство будет осуществляться из одного центра — из ставки Гитлера, который будет сообщать румынскому диктатору свои «пожелания». Эти «пожелания»-приказы будут поступать командованию 11-й германской армии, которая, указывал Гитлер, «будет своего рода рабочим генштабом Вашей ставки, превращающим их в военные приказы, наиболее важные из которых будут распространяться за Вашей подписью». В дальнейшем румынские войска, действовавшие на советско-германском фронте, стали получать приказы от германского командования непосредственно.

В 1941 году на советско-германском фронте действовали 3-я и 4-я румынские армии. Немецко-фашистское командование в августе 1941 года бросило 4-ю румынскую армию на взятие Одессы. Вместе с румынскими войсками наступление на Одессу вели немецкие части. Героические защитники Одессы на длительное время сковали свыше 18 дивизий противника и нанесли ему большой урон [13]. По материалам судебного процесса над И. Антонеску и его сообщниками, потери румынских войск под Одессой составили 71 585 человек. В ноябре 1941 года численность румынской армии под ружьем

---

[12] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 21, л. 209.

[13] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 2, Воениздат, 1961, стр. 118.

достигла наивысшего уровня, составив 700 тыс. человек. В дальнейшем численный состав румынской армии значительно уменьшился как по причине больших потерь на фронте, так и в результате декретного сокращения армии в связи с выполнением в основном захватнических планов румынских правящих кругов в отношении СССР. В декабре 1941 года в румынской армии насчитывалось 470 тыс. человек, а в январе 1942 года еще меньше — 430 тыс. [14]

Готовясь к летнему наступлению 1942 года, фашистская Германия потребовала от Румынии, Венгрии и Италии посылки 40 дивизий на советско-германский фронт. Фашистское правительство Румынии, страстно желавшее разгрома и уничтожения СССР, предоставило в распоряжение германского командования 26 дивизий и заверило Гитлера в том, что Румыния будет участвовать до победного конца в войне на стороне гитлеровской Германии. Этот акт прислужничества румынской фашистской верхушки удивил даже германское командование, которое, как свидетельствует бывший румынский военный атташе в Берлине генерал Ион Георге, не ожидало столь широкого участия румынских войск в военной кампании 1942 года [15]. Группа генералов и высших офицеров румынской армии во главе с начальником генерального штаба Якобичем встала в оппозицию к И. Антонеску, который, безоговорочно выполняя приказы Гитлера, вел дело к уничтожению румынской армии. В июле 1942 года эти оппозиционно настроенные генералы и офицеры были смещены со своих постов, уволены в отставку.

Румынские фашистские войска были использованы германским командованием в летнем наступлении 1942 года на южном фронте. Они вели бои под Керчью и Севастополем. Армейский румынский корпус под командованием генерала Драгалина принимал участие в военных операциях под Харьковом, на Донце, в Осколе. Как и в 1941 году, румынский флот, усиленный немецкими и итальянскими подводными лодками и торпедными катерами, обеспечивал коммуникации фашистов на Черном море. Наступая вместе с немецко-фашистскими войска-

---

[14] MFA, doc. 733/57, ff. 35, 135, 188.

[15] J. Gheorghe, Rumaniens Weg Zum Satteliten Staat, Heidelberg, 1952, S. 230.

ми, 3-я и 4-я румынские армии, действовавшие в 1942 году на советско-германском фронте, дошли до Кавказа и Волги. В ходе этого наступления румынские войска понесли новые тяжелые потери. По данным румынского генерального штаба, потери убитыми и пропавшими без вести в 1942 году составили 128 233 человека [16].

Война против Советского Союза была непопулярной среди румынского народа, связанного с великим русским народом узами многовековой дружбы и совместной борьбой против турецких поработителей. С помощью России Румыния освободилась от турецкого ига и провозгласила национальную независимость. Поэтому официальная румынская пропаганда в начале войны заявляла, что румынские войска не ведут войны против СССР, а заняты якобы «освобождением румынских провинций». Усиленно подчеркивалось, что они не пойдут дальше Днестра. Румынские фашисты обещали легкую и скорую победу. В связи с захватом Одессы И. Антонеску объявил, что «фактически война победоносно завершена». По этому поводу в Бухаресте состоялся «парад победы» румынской армии, частично вернувшейся на родину. Однако в новогоднем приказе 1942 года И. Антонеску по армии было объявлено: «Наш долг состоит в ведении войны до конца». А конца этой войны не было видно.

Затянувшаяся война, в которой румынский народ по воле своих правителей проливал кровь и отдавал жизни за чуждые ему интересы немецко-фашистских захватчиков, привела к огромному росту дезертирства в румынской армии. Не желая участвовать в антисоветской войне, население уклонялось от призыва в армию. К. Арджетояну в своем дневнике сообщает, что уклонение от мобилизации с самого начала войны приняло угрожающие размеры. Так, например, на места сбора 6-го армейского корпуса явился лишь 51 % солдат. Солдаты и офицеры не проявляли никакого энтузиазма в связи с войной и при первом удобном случае покидали поле битвы. Тот же Арджетояну отмечает: «В боях под Одессой наши солдаты не только не хотели продвигаться вперед, наступать, а, напротив, массами бежали назад» [17]. Дезертирство буквально разъедало румынскую армию, приняв уже в

[16] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 12, лл. 1—2.

[17] Arhiva CC al PCR, fond 104, C. Argetoianu Insemnări zilnice, pp. 10213, 10215.

1941 году массовый характер. Из циркуляров и приказов главного военного прокурора Румынии явствует, что большое количество румынских солдат и младших офицеров не возвращались из отпусков, дезертировали.

Очень часты были случаи дезертирства из частей, направлявшихся на фронт, о чем свидетельствуют документы румынского генерального штаба. В июле 1942 года из 5-го полка связи сбежало много солдат перед его отправкой на фронт. Из 58-го горного полка в декабре 1942 года дезертировали 172 солдата. Меры борьбы с дезертирством, заключавшиеся в осуждении дезертиров и посылке их на фронт, оказывались неэффективными. По этой причине командование частей требовало принятия более суровых мер. В строго секретном докладе коменданта гарнизона в городе Роман за номером 480 от 23 января 1943 г. указывалось: «В полку много дезертиров, направленных военными трибуналами для перевоспитания. Но система перевоспитания путем направления на фронт не дает ожидаемых результатов. Многие из посланных в полк для перевоспитания бежали снова. Бич дезертирства можно вырвать только принятием радикальных мер — приговорами к смертной казни» [18]. Фашистская диктатура широко использовала смертные приговоры для борьбы против дезертирства, но и эта мера мало помогала. В апреле 1943 года румынское правительство было вынуждено принять специальный закон по борьбе с дезертирством. В этом законе, между прочим, указывалось на необходимость выжигать на ладонях обеих рук пойманных дезертиров букву «Д» (что означало — дезертир).

Нежелание идти на фронт заставляло солдат прибегать к самострелам. Солдаты на фронте стремились в первом же бою, перестрелке получить легкое ранение, чтобы отправиться в госпиталь. В одном из приказов (сентябрь 1941 г.) И. Антонеску обращал внимание на этот факт: «Число раненых в левую руку и нижнюю часть ног — огромно. Теоретически невозможно, чтобы кто-то, находясь в положении лежа или на коленях, был ранен в левую руку, а пуля не вошла бы в корпус. Предполагаю, что солдаты поднимают руку или ногу вверх, когда лежат, и, получив ранение, эвакуируются» [19].

---

[18] Arhiva MFA, dos. 217/112, f. 194.
[19] «Analele», 1960, N 1, p. 72.

Были случаи, когда отдельные румынские подразделения отказывались от продолжения антисоветской войны. В июле 1942 года румынскому диктатору докладывали, что 3-й батальон горных стрелков, отправлявшийся 30 июня с вокзала города Брашов на советско-германский фронт, «проявил недисциплинированность»: солдаты кричали, что не будут сражаться на восточном фронте, и в знак протеста против отправки на фронт стреляли в воздух. «Зачем воевать против русских, какое отношение к нам имеет Харьков и другие города?» — заявляли солдаты, выражая готовность сражаться за освобождение Северной Трансильвании.

По мере продолжения антисоветской войны румынские солдаты и офицеры все отчетливее представляли себе антинациональный характер войны, ведшейся против СССР. Служба информации румынской армии сообщала о настроениях в одном из полков следующее: «Из разговоров с солдатами ясно, что войска не хотят воевать, что солдаты не понимают целей войны и говорят, что незачем сражаться на чужой территории...» [20]. Румынские фашистские круги признавали, что боеспособность румынских войск все более падала, а «моральное состояние оставляло желать лучшего». Дух пораженчества в румынских войсках вынудил министерство национальной обороны издать специальный приказ о борьбе с пораженческими настроениями внутри армии. Развитию антивоенных настроений в румынской армии способствовали героическая Красная Армия, наносившая жестокие удары по войскам фашистских захватчиков, а также разъяснительная работа Коммунистической партии Румынии среди солдат и офицеров. В ряде воинских частей — в полку воздушной связи, полку воздушной разведки и др. — имелись ячейки компартии, в которые входили отдельные офицеры [21].

Пассивное сопротивление фашизму и антисоветской войне — дезертирство, самострелы и т. п. — дополнялось фактами активной антифашистской борьбы некоторых румынских военнослужащих. В Брэиле был задержан солдат, перерезавший тормозные шланги у 10 вагонов германского эшелона, направлявшегося на восточный

---

[20] Arhiva MFA, dos. 2/93, f. 204.

[21] См. Arhiva centrală a Institutului de istorie a partidului (далее: Arhiva Inst.), dos. 2099—3011, ff. 239—245.

фронт[22]. Румынские солдаты переходили на сторону советских войск, вступали в партизанские отряды на временно оккупированной территории в Крыму и на Украине.

Уже в первые дни боев на советско-германском фронте был развеян в прах миф фашистской пропаганды о «братстве по оружию», «боевом содружестве» румынской и немецкой армий. Гитлеровцы пренебрежительно относились к румынам, считая их людьми низшей расы. Румынские солдаты и офицеры были обязаны первыми отдавать честь немецким офицерам. В то время как правительство Антонеску выплачивало огромные суммы на содержание германских войск, снабжение румынской армии было скудным, а семьи румынских военнослужащих влачили жалкое существование. Германское командование плохо снабжало фронтовые румынские части продовольствием, сокращая и без того нищенские рационы. В октябре 1942 года эти рационы были уменьшены на 60%, что заставило румынское фашистское правительство по дипломатическим каналам обратиться в Берлин с просьбой исправить положение[23]. Отношения между немецкими и румынскими военнослужащими были чрезвычайно напряженными, часто возникали острые конфликты. Так, в марте 1942 года имела место стычка между румынскими солдатами 11-го стрелкового батальона и немцами, осенью того же года две роты 5-го пехотного румынского полка вели форменный бой с германской воинской частью. Командующий 3-й румынской армией издал приказ, в котором требовал от командиров подчиненных ему частей не реже одного раза в сутки посылать ему донесения об убийствах, драках и прочих инцидентах между румынскими и немецкими солдатами. Столкновения проходили и на фронте, и в тылу. На Южном Буге, по которому проходила так называемая граница румынских и немецких «интересов», была установлена пограничная служба, в обязанности которой входила проверка пропусков. Если румыны пытались проникнуть на немецкую сторону без соответствующего разрешения, им тотчас устраивали порку плетьми в немецких стражницах. Но и румыны не оставались в долгу. Оказался немец в пределах румынских интересов без пропуска, зазевался, счи-

---

[22] См. Arhiva MFA, dos. 457/482, f. 48.
[23] См. Arhiva MAE, fond Germania, vol. 90, n/p.

тай — пропал без вести... Возвращавшиеся с фронта румынские солдаты рассказывали о многих случаях, когда гитлеровцы стреляли в спину своих румынских союзников.

Видя растущее нежелание румынских солдат продолжать антисоветскую войну, германское командование все больше теряло веру в румынскую армию. Подчиненное положение в неравноправном румыно-германском «союзе», полная зависимость на фронте от германских генералов, ни во что ставивших жизнь румынских солдат, — все это крайне озлобляло румын. В целях укрепления морального духа румынских войск на советско-германском фронте гитлеровское командование в июне 1942 года предложило объединить после завершения операции за Доном немецкие и румынские армии, расположенные в районе Сталинграда и на Среднем Дону, создать из них группу армий под командованием самого Антонеску. Таким путем правящая гитлеровская клика надеялась крепче привязать буржуазно-помещичью Румынию к германской военной колеснице, заставить ее еще в большей степени напрячь силы для ведения антисоветской войны. И. Антонеску согласился занять этот пост. Однако мощное контрнаступление Красной Армии под Сталинградом сорвало затею гитлеровской ставки: на огромных просторах донских степей вместе с двумя немецкими и одной итальянской армиями были разгромлены две румынские армии.

Перейдя в контрнаступление под Сталинградом 19 ноября 1942 г., советские войска наносили удар по участкам, оборонявшимся румынскими частями, боеспособность которых уступала немецким. При этом учитывалось также политико-моральное состояние румынских войск. Основная масса румынских солдат не хотела бессмысленно проливать свою кровь в далеких от Румынии донских степях. Обследование, проведенное командованием 3-й румынской армии в октябре 1942 года, обнаружило большой рост количества дезертиров; дисциплина упала. Взаимоотношения с немцами настолько обострились, что командование 5-го армейского корпуса румын издало 5 сентября 1942 г. специальный приказ «всемерно укреплять товарищеские отношения и взаимопонимание» с «братьями по оружию»[24].

---

[24] Архив МО СССР, ф. 32, оп. 253349, д. 26, лл. 89—90.

После первых же дней наступления войска юго-западного фронта окружили в районе Распопинской дивизии 4-го и 5-го румынских армейских корпусов. Командующий окруженной группировки дивизионный генерал Ласкар, выполняя категорический приказ немецкого командования удерживать позиции и ждать помощи для выхода из окружения, бросал своих солдат в многочисленные бесплодные контратаки, в результате которых таяла численность румынских войск. Обеспокоенный фашистский диктатор Румынии направил 22 ноября 1942 г. письмо на имя Гитлера: «Генерал Ласкар, командующий группировкой, состоящей из четырех окруженных дивизий, докладывает, что у него нет боеприпасов, хотя ему они были обещаны, и что наступил последний момент, когда он мог бы попытаться вырваться из скружения с некоторыми шансами на успех. У него есть приказ от группы армий «Б» держаться, но он просит от меня прямого приказа»[25]. В своем ответе 23 ноября Гитлер сообщил Антонеску о том, что он дал указание о выходе румынских дивизий из окружения, и выразил благодарность генералу Ласкару, который «проявил себя как примерный солдат». «За его особые заслуги, — писал Гитлер, — я вчера наградил его, первого офицера наших союзных войск, „Дубовыми листьями к рыцарскому железному кресту"». Но было уже поздно: окруженная группировка перестала существовать, а «первый офицер союзных войск» сдался в плен. 24 ноября прекратила сопротивление вторая группа окруженных румынских войск во главе с бригадным генералом Стэнеску. Основные силы 3-й румынской армии были разгромлены. Армия перестала оказывать сколько-нибудь организованное сопротивление.

Это вызвало недовольство в правящих кругах фашистской Германии. В телеграмме от 27 ноября 1942 г. из Берлина румынский военный атташе полковник И. Георге сообщал: «...Совершенно секретно я узнал, что происшедшие в 3-й румынской армии события рассматриваются в немецких кругах как «первое большое разочарование» в румынских войсках, которые до этого расценивались выше, чем войска других союзников». По мнению германских военных, говорилось далее в телеграмме, «3-я румын-

---

[25] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 2, стр. 36.

ская армия имела фронт, достаточно эшелонированный в глубину, и располагала большими резервами для того, чтобы не допустить прорыва фронта на такую глубину». Не надеясь более на устойчивость румынских войск, немецко-фашистское командование расформировало ряд дивизий 3-й армии, а их личный состав включило в германские части. Начальником штаба 3-й румынской армии был назначен немецкий генерал Венк, взявший фактически все управление в свои руки.

Войска Сталинградского фронта в ходе двухдневных наступательных боев разгромили 1, 2 и 18-ю румынские дивизии. Две румынские дивизии оказались окруженными под Сталинградом вместе с 6-й и 4-й танковой армиями немцев.

Чтобы остановить наступающие советские войска и освободить окруженную группировку под Сталинградом, германское командование создало группу армий «Дон», в которую вошли наряду с немецкими войсками 4-я румынская армия и остатки 3-й румынской армии. Германский генерал Манштейн, поставленный во главе группы армии «Дон», с завидным оптимизмом писал в то время фашистскому правителю Румынии: «Я надеюсь, что вы поможете мне обратить кризис, который в настоящее время имеет место, в победу немецко-румынской группы армий. Я думаю, что моя личность служит Вам гарантией успеха, славу которого вместе с немецкими частями разделят и румынские войска» [26].

Однако немецко-фашистских захватчиков и их румынских сообщников постиг под Сталинградом бесславный конец. Подводя печальные итоги участия румынской армии в гитлеровской войне против СССР, И. Антонеску писал Гитлеру 15 ноября 1943 г.: «В 1942 году мы дали 26 дивизий с самым лучшим вооружением и послали почти всю тяжелую артиллерию. На Дону и под Сталинградом мы потеряли 18 дивизий, а остальные 8 дивизий были измолочены на Кубани. Мы потеряли более 250 тыс. человек и вооружение 24 дивизий. Семь наших дивизий в настоящее время отрезаны в Крыму». Потери румынской армии только убитыми и пропавшими без вести, как заявил И. Антонеску в своем выступлении перед слушате-

---

[26] ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 11098, л. 4.

лями высших военных курсов, к весне 1943 года достигли 179 тыс. человек [27].

Под Сталинградом, на Дону и Кубани румынские солдаты отказывались служить пушечным мясом для германского командования. В приказах командующего армейской группировкой «Б» генерал-полковника Вейхса отмечалось, что вопреки его указаниям румынские солдаты оставили Боковскую, а части 14-й румынской дивизии «без сопротивления до конца» покинули свои позиции. Командование 3-й румынской армии доносило, что «солдаты в большинстве своем уклоняются от выполнения боевого долга», имеются случаи убийства солдатами командиров, которые заставляли их оставаться на позициях, многие солдаты переходят на советскую сторону. Фельдмаршал Клейст обратился в генеральный штаб Румынии с жалобой на плохие действия румынских войск на Кубани и просил указать командирам дивизий на «необходимость выполнения ими своего долга». Для проверки его жалобы выезжал военный министр Румынии генерал Пантази, который по указанию И. Антонеску предоставил командирам корпусов и дивизий право самим утверждать смертные приговоры [28]. Но никакими драконовскими мерами нельзя было пресечь антивоенные настроения в румынской армии, в которой после Сталинградской битвы Гитлер отмечал «симптомы разложения».

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом положил начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. Он имел серьезнейшие последствия для Румынии, потерявшей на восточном фронте всю свою армию. Английский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн», оценивая влияние этого разгрома на страны фашистского блока, вполне справедливо отметил, что поражение на Волге «потрясло Румынию, может быть, сильнее, чем оно потрясло Германию» [29]. Паника и смятение охватили румынскую фашистскую клику, понявшую, что дни ее сочтены. Уже в 1943 году Антонеску, по его собственному признанию, понял, что война против СССР проиграна. В Румынии усилились антивоенные и антифашистские выступления, возросла оппозиция правительству и режиму Антонеску. «Государство качается», —жало-

[27] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 21, л. 209.
[28] См. Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725168, д. 1173, л. 45.
[29] «New Statesman and Nation», 1944, Apr., p. 236.

вался румынский диктатор на совещании высших военных чинов страны. Фашистская диктатура Антонеску, обанкротившаяся в военно-политической области, вступила в полосу острого и длительного кризиса.

Глава 2

ЭКОНОМИКА РУМЫНИИ В ГОДЫ АНТИСОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ

Участие в антисоветской войне привело фашистскую клику Антонеску к банкротству не только в военно-политической, но также и в экономической области. Надежды господствующих классов на то, что в ходе войны можно будет преодолеть кризисные явления и вывести румынскую экономику из состояния длительного застоя, не оправдались. В результате войны и экономического «сотрудничества» с гитлеровской Германией хозяйственное положение Румынии стало катастрофически ухудшаться.

Правда, военная конъюнктура обеспечила некоторый рост производства отдельных отраслей промышленности, работавших непосредственно на нужды фронта. По данным, приведенным И. Антонеску в его выступлении на высших военных курсах в апреле 1943 года, производство стали выросло на 16%, добыча угля увеличилась на 26% по сравнению с 1940 годом. Заметно повысился объем продукции военной промышленности.

Как видно из помещенной ниже таблицы, в эти годы наблюдался рост числа рабочих в основных отраслях румынской промышленности и объема производства (в стоимостном выражении) [30]:

Годы	Количество рабочих (в тыс.)	Объем продукции (в млрд. лей)	Объем продукции (в млн. *т*)
1940	199	83	4,2
1941	211	104	3,9
1942	270	125	3,6

[30] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 303, лл. 17, 209.

Увеличение стоимостного объема продукции румынской промышленности 1940—1942 годов в полтора раза не отражает, на наш взгляд, действительной динамики промышленного роста, преувеличивая его, и является в значительной степени результатом, по-видимому, роста отпускных цен. Ведь динамика промышленной продукции в весовом исчислении свидетельствует скорее о падении, чем о повышении его: в 1940 году объем промышленной продукции исчислялся 4,2 млн. *т*, в 1941—3,9 млн. *т*, а в 1942 году — 3,6 млн. *т*. Ссылками только на уменьшение веса деталей, улучшение качества и увеличение трудоемкости производства невозможно объяснить явного противоречия между данными о стоимостном и весовом выражениях объема промышленного производства Румынии в указанные годы.

Как видно из другого румынского архивного документа, промышленная продукция уже в 1941—1942 годах упала на 20—25% из-за недостатка сырья, износа оборудования (в большинстве своем ввезенного из Англии и Франции и потому не могущего быть отремонтированным с использованием германских запчастей), а также нехватки квалифицированной рабочей силы по причине произведенной мобилизации. «Вся промышленность, — указывается в документе, — уже в 1942 году переживала серьезный кризис, хотя военная конъюнктура и высокие цены на промышленные товары обеспечивали высокие прибыли и создавали впечатление процветания»[31].

Ограблением временно оккупированных советских территорий фашистская клика Антонеску пыталась также оживить промышленность, испытывавшую острую нехватку в сырье, поднять технический уровень сельского хозяйства Румынии. Из Кривого Рога вывозилась железная руда, из «Транснистрии», Бессарабии и Буковины — железный лом. По официальным данным фашистского правительства, к началу 1943 года в Румынии имелось более 4000 тракторов, захваченных в СССР. Режим Антонеску, стремясь привлечь на свою сторону широкие массы, заинтересовать их в ведении антисоветской войны, проводил дешевую распродажу и бесплатное распределение награбленного советского имущества. Через «Совет патронажа социальных деяний» (государственное

[31] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8098, f. 269.

учреждение, уполномоченное контролировать и координировать деятельность всех общественных и частных благотворительных учреждений) гражданским лицам было передано к 1943 году советского имущества на сумму около 13,5 млрд. лей (по подсчетам фашистских властей) [32]. Социальная демагогия фашистского режима, бросавшего населению крохи из награбленного в СССР, находила свое выражение также в организации бесплатных столовых для детей и рабочих столовых, где обеды отпускались по себестоимости. В период 1940—1942 годов фашистское правительство построило 267 многоквартирных домов для рабочих, была объявлена бесплатная медицинская помощь для государственных служащих, увеличены государственные пособия на детей и др.[33] И хотя эти демагогические меры не могли улучшить положения трудового народа, они давали возможность фашистской диктатуре Антонеску пытаться представить себя надклассовой, чтобы скрыть свою сущность — безграничное господство верхушки монополистического капитала и крупных помещиков страны.

Фашистское правительство в значительных размерах использовало в промышленности и сельском хозяйстве Румынии бесплатный труд советских военнопленных. Из докладов акционерного общества «Петрошень» видно, что на его угольных шахтах весной 1942 года работало более тысячи военнопленных, а в августе — декабре того же года их число увеличилось еще на 1155 человек [34]. Отвечая на запрос крупного помещика Н. Мареша, И. Антонеску с характерным для него цинизмом заявил на одном из заседаний совета министров: «Рабочие руки довольно дешевы, и имеется достаточное число военнопленных... Если они не работают, не давайте им есть». За период 1940—1942 годов Румыния получила из Германии и Италии 3 тыс. тракторов, а также машин и сельхозинвентаря на сумму в 560 млн. лей; в счет покрытия румынского вывоза нефти и сельхозпродуктов ей было передано 28,5 *т* золота. Однако все это не смогло предотвратить развала румынской экономики, несшей непо-

---

[32] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 18, л. 4.

[33] Там же.

[34] Arhiva CC al PCR, fond 16, dos. 3874, ff. 101—103; dos. 3941, ff. 8—10.

сильное бремя расходов, связанных с ведением антисоветской войны в союзе с гитлеровской Германией.

Документы румынского военного министерства говорят об огромных расходах на «борьбу с опасностью большевизма» — на подготовку и ведение войны против СССР. За период с марта 1939 года до 22 июня 1941 г. было израсходовано около 71 млрд. лей, за время ведения войны (с 22 июня 1941 г. по 31 апреля 1944 г.) сумма военных расходов — более 311 млрд. лей. Английский журнал «Экономист» оценивал прямые военные расходы Румынии за 1941—1942 годы суммой, равной ее расходам на военные нужды в предшествующие двенадцать лет [35].

Помимо собственных колоссальных расходов на ведение войны Румынии пришлось взять на себя частично и германские военные расходы путем финансирования проводившихся гитлеровцами закупок румынской нефти, продовольствия и т. п. Констатируя этот факт, румынский правительственный документ от 23 февраля 1944 г. подчеркивал, что в Румынии «созданы идеальные условия для удовлетворения германских потребностей» [36].

Германский империализм, используя антисоветскую агрессивность румынских правителей, полностью подчинил себе буржуазно-помещичью Румынию: в то время как румынские солдаты были посланы проливать кровь на советско-германский фронт, экономика страны превратилась в придаток экономики фашистского рейха. В ноте фашистского румынского правительства от 15 февраля 1944 г. под названием «Отношение Румынии к Германии по сравнению с другими оккупированными и союзными ей странами» указывалось: «Интересы воюющей Германии обеспечены в Румынии лучше, чем в какой-либо оккупированной или союзной стране». Оснований для такого утверждения было более чем достаточно.

При пособничестве клики Антонеску, верой и правдой служившей гитлеровцам, германский капитал глубоко внедрился в важнейшие отрасли румынской промышленности — нефтяную, металлургическую, химическую и военную, наложил руки на сырьевые источники и продовольственные ресурсы страны. По некоторым подсчетам, на его долю приходилось не менее половины всего акци-

---

[35] См. «Economist» (London), Jan. 23, 1943, p. 109.
[36] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 27, л. 28.

онерного капитала в Румынии. Германский трест «Континенталь оель АГ» располагал сильными позициями в нефтяной промышленности. Через смешанное румыно-германское акционерное общество «Роджифер», большинство акций которого принадлежало концерну «Герман Геринг», гитлеровцы контролировали и определяли развитие металлургической промышленности.

О значительном проникновении германского капитала в другие отрасли румынской промышленности свидетельствуют официальные статистические данные: за короткий период с 1 августа 1940 г. по 15 августа 1941 г. в торговой палате Бухареста были зарегистрированы 192 фирмы, принадлежавшие целиком или частично германскому капиталу. Эти данные не включают сведений относительно германских приобретений в нефтяной, тяжелой промышленности, а также в транспорте. В нефтяной промышленности гитлеровским монополиям принадлежало значительное число предприятий, они владели огромным капиталом — 1 759 800 000 лей [37].

Румынские капиталисты и фашистские правители страны стремились к углублению экономического «сотрудничества» с германскими монополистами в надежде на то, что таким путем еще больше увеличатся их доходы, усилится румынская роль в «новом порядке» в Европе. В начале 1942 года группа крупных румынских промышленников отправилась в Вену для установления новых форм сотрудничества с гитлеровскими монополиями. В инструкциях этой делегации указывалось, что правительство Румынии готово предоставить всевозможные льготы и выгоды немецкому концерну «ИГ Фарбениндустри», если этот концерн создаст свои предприятия в Румынии. Хотя в дальнейшем и велись румыно-германские переговоры по этому вопросу, германский концерн воздержался от строительства своих заводов на румынской территории.

Между германским и румынским капиталами, сотрудничавшими в деле эксплуатации румынского народа и ограбления богатств страны, имелись определенные противоречия, происходило столкновение противоречивых интересов. Засилье германского капитала вызвало недовольство румынской буржуазии, желавшей некоторого

---

[37] «Studii», 1959, N 6, pp. 27, 29.

ограничения экспансии гитлеровцев в экономику страны. Отражением этого явилось выступление румынского диктатора на заседании совета министров 4 февраля 1942 г. И. Антонеску выразил озабоченность тем, что Германия все больше подчиняет себе экономику Румынии, и в этой связи сказал о необходимости в каждой отрасли промышленности и в экономике в целом определить границы германского проникновения, установить уровень, выше которого германское проникновение нежелательно[38]. Лицемерно становясь в позу патриота Румынии, он напыщенно говорил: «Я не хочу, чтобы меня обвинили в том, что я продал интересы страны. Я — румын и хочу служить интересам румынской нации». В действительности же фашистская клика Антонеску служила верхушке монополистической буржуазии и помещиков Румынии и германскому империализму, олицетворяя собой общность и противоречивые интересы этих двух группировок.

По уполномочию румынского фашистского правительства заместитель румынского диктатора Михай Антонеску на переговорах с германской экономической делегацией 15 мая 1942 г. высказал пожелание об усилении роли румынского национального капитала, который, по его словам, ничего не выиграл от изменений, вызванных второй мировой войной, ибо позиции французского, чешского и других иностранных капиталов в Румынии перешли к германскому капиталу. «Румынизация» капитала, как это признавали сами фашистские правители Румынии, оказалась «германизацией». М. Антонеску просил Нейбахера, гитлеровского уполномоченного по экономическим делам, «установить окончательные (предельные) лимиты румыно-германского сотрудничества, чтобы не создалось впечатления одностороннего захвата»[39]. Его, как видно, беспокоила не судьба румынской экономики, а лишь неблагоприятное впечатление, которое создавалось от захвата и полного закабаления ее германским капиталом.

Румыния рассматривалась Гитлером в качестве аграрно-сырьевого придатка германского рейха. «Румыния,— говорил он в узком кругу, — должна в максимальной степени отказаться от идеи иметь собственную про-

---

[38] См. ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 307, л. 115.
[39] ИДА, ф. МИД Румынии, д. 18, л. 120.

мышленность и направлять богатства своей земли, в особенности зерно, на германский рынок. Таким путем исчезнет румынский пролетариат, зараженный большевизмом, и наша страна никогда и ни в чем не будет испытывать недостатка»[40]. Не будучи заинтересованными в промышленном развитии Румынии, гитлеровцы использовали производственные мощности, дешевую рабочую силу и запасы сырья румынских предприятий для обеспечения потребностей войны против СССР. Исчерпывая сырьевые ресурсы, они в ряде случаев добивались закрытия промышленных предприятий Румынии, переводили германский капитал в другие заводы. В 1943 году концерн «Герман Геринг» продал румынскому государству свою долю акций смешанного румыно-германского общества «Роджифер», получив взамен контроль над заводами «Решица» и судостроительными верфями Галаца, а также огромную сумму денег.

Многочисленными соглашениями, подписанными между румынскими и германскими правителями во имя укрепления «сотрудничества», на Румынию было возложено обязательство поставлять Германии в огромных количествах нефть, хлеб, масличные культуры, сырье и т. п. Для закупки сельскохозяйственных продуктов гитлеровцы при участии румынских финансистов и помещиков создали специальные общества — «Солагра», «Череальэкспорт», «Хортикола», «Хансерекс» и др., которые монополизировали румынский рынок сельскохозяйственных продуктов. В 1943 году в Румынии насчитывалось 829 немецких торговых фирм и 825 смешанных, но в действительности контролируемых германским капиталом.

Располагая огромными суммами, эти общества предлагали завышенные цены на продукцию сельского хозяйства, чтобы как можно больше закупить для отправки в Германию. В то время как правительство Антонеску установило цену за вагон пшеницы в размере 110 тыс. лей, германские торговые фирмы предлагали этот вагон пшеницы по 160 тыс. лей. М. Антонеску в переговорах с гитлеровскими представителями по экономическим вопросам 19 декабря 1941 г. жаловался в этой связи на немецкие общества, которые, как он сказал, рекомендуют румынским сельскохозяйственным производителям не

[40] «Hitler's secret conversations», N. Y., 1959, p. 43.

продавать продукты по установленной правительством цене, а подождать повышения цен. Он просил Нейбахера и Клугкиста оказать влияние на германские фирмы, которые своими действиями ставили под угрозу снабжение хлебом самой Румынии, ее населения. Закупками хлеба по повышенным ценам, говорил М. Антонеску, немецкие торговые общества вызвали «экономическое истощение» и «паралич» страны. Цена за вагон хлеба подскочила до 200 тыс. лей. Нелегальным путем было закуплено более 200 тыс. вагонов хлеба. Эффективным средством ограничения германских закупок было бы введение государственной монополии на закупки хлеба в Румынии. Но под давлением гитлеровских дипломатов, решительно предупредивших фашистское румынское правительство о недопустимости введения государственной монополии на закупку хлеба, румынские правители не пошли на принятие этой меры[41].

Официальные данные фашистского правительства не отражают действительных размеров вывоза Германией сельскохозяйственных продуктов из Румынии. Но даже и эти неполные данные дают представление о масштабах выкачивания немцами румынской сельскохозяйственной продукции: за период 1940—1944 годов в Германию было вывезено 1 378 450 *т* зерна и семенного материала, более 75 тыс. *т* мяса, а также много других продуктов[42]. В то время как, по признанию самого румынского фашистского диктатора, в стране царил «продовольственный кризис», не хватало хлеба, а мясо выдавалось «лишь один раз в месяц и к тому же в минимальных размерах»[43], в гитлеровскую Германию шли из Румынии бесконечные составы с продовольствием. Фашистское правительство в своем прислужничестве перед гитлеровской кликой шло так далеко, что поставляло в Германию продукты сверх объема, предусмотренного кабальными торговыми соглашениями. 5 июня 1942 г. М. Антонеску сообщил гитлеровскому уполномоченному по экономическим делам, что сверх плана Румыния поставила фашистскому рейху 20 тыс. голов крупного рогатого скота, 15 тыс. свиней,

---

[41] См. «Studii», 1959, N 6, p. 24.

[42] T. Savin, Economia romăneasca sub jugul imperialismului, german, pp. 43—44.

[43] «Procesul marii trădări naționale», p. 256.

100 тыс. овец, 2 тыс. вагонов пшеницы, 4 млн. куриных яиц, 1500 вагонов гороха.

Румынские фашистские круги похвалялись своим экономическим вкладом в ведение Гитлером антисоветской войны. Близкая к правительству Антонеску газета «Порунка времии» писала в 1943 году: «Румыния внесла в войну огромную и ценную дань. Кто не знает, что война оси ведется с помощью румынской нефти? Наш лес является важным элементом для авиационной и кораблестроительной промышленности. Зерно, разнообразное и многочисленное сырье увеличили богатство европейских наций. Чего только не дала Румыния для поддержки этой войны». Поставки румынской нефти, покрывавшие не менее трети потребностей германского рейха в горючем, имели исключительную ценность для гитлеровцев. Сокращая потребление нефтепродуктов внутри страны, фашистское правительство в огромных количествах экспортировало их в страны «оси». Только в 1940—1942 годах Румыния поставила державам «оси» 8 285 185 *т* нефти, из которых на долю фашистской Германии пришлось 6 135 252 *т*. По официальным румынским данным, экспорт нефти в 1941—1943 годах выглядел следующим образом [44]:

Вывоз Румынией нефти за границу в 1941—1943 годах
(в тыс. *т*)

Годы	Общее количество	Вывоз в Германию
1941	4072	2714,8
1942	3374	2163,6
1943	3159	2511,3

Действительные размеры румынских поставок нефти в Германию значительно превосходят официальные цифры, учитывающие только поставки с нефтепромыслов и заводов, ибо гитлеровцы получали нефтепродукты также из запасов румынской армии и специальных фондов. На

[44] Arhiva Statului Bucuresti, fond Presedintia Consiliului de Miniștri, dos. 129/1944, f. 1.

заседании фашистского правительства 25 мая 1942 г. М. Антонеску сказал, что «Румыния предоставила в распоряжение Германии 2672 тыс. *т* нефти, отдав последние запасы своей авиации» [45]. Материалы судебного процесса над И. Антонеску и его сообщниками показывают, что румынские прислужники Гитлера ежегодно поставляли фашистской Германии 3—4 млн. *т* нефти и нефтепродуктов.

Чувствуя себя хозяевами в Румынии, гитлеровцы бесцеремонным образом выговаривали румынскому правительству даже за самое незначительное увеличение внутреннего потребления нефти. В своем старании выслужиться перед гитлеровской кликой диктатор Румынии заявил Нейбахеру 12 февраля 1942 г., что для выполнения обязательств по поставке нефти германским и итальянским фашистам он не остановится даже перед прекращением снабжения нефтью румынской промышленности.

Взамен румынских поставок нефти, продовольствия и т. п. фашистская Германия поставляла Румынии оружие и некоторые виды промышленной продукции. Но эта «торговля» была лишь прикрытием безудержного грабежа страны германскими империалистами. Румынские товары должны были продаваться по довоенной цене, а германские товары поставлялись по повысившимся военным ценам. Румынское министерство экономики в докладе 1942 года отмечало, что цены на германские товары, поставляемые Румынии, поднялись по сравнению с 1939 годом на 50—150% и что «Румыния несет огромные потери, продавая нефть по довоенной цене и покупая товары по текущим ценам». По подсчетам румынских экономистов, фашистская Германия приобретала румынскую сельскохозяйственную продукцию по цене в три раза ниже мировых цен [46].

Но даже при таких грабительских условиях торговли германский ввоз не покрывал и малой части вывоза товаров из Румынии. Заставляя Румынию строго соблюдать обязательства по поставкам нефти, продовольствия и сырья, гитлеровская Германия из года в год сокращала свои и без того незначительные поставки в Румынию.

---

[45] Gh. Răvăs, Din istoria petrolului romînesc, Buc., 1955, pp. 277—278.

[46] «Scînteia», 25 apr. 1945.

В результате этого катастрофически быстро росла клиринговая задолженность Германии перед Румынией. На 31 декабря 1940 г. она составила 1050 млн. лей, на 31 декабря 1941 г. — 17 148 млн. лей, на 31 декабря 1942 г. — 25 192 млн. лей. К августу 1944 года клиринговая задолженность Германии выросла до 94 млрд. лей и равнялась двум годовым бюджетам Румынии. Убытки от «торговли» с Германией покрывались за счет налогоплательщиков, из которых выжимали деньги, переходившие в руки румынских экспортеров — крупной монополистической буржуазии и помещиков.

Возраставшая с головокружительной быстротой клиринговая задолженность Германии оказывала пагубное воздействие на румынскую экономику и финансы, усиливала инфляцию. Фашистские правители Румынии неоднократно обращались в Берлин с жалобами на несоблюдение Германией своих обязательств по поставкам товаров в Румынию. «Германские поставки не соблюдаются во всех областях», — констатировалось в одном из румынских правительственных документов. К 1 сентября 1942 г. вместо предусмотренных соглашениями 300 тыс. *т* железной руды Германия поставила Румынии всего лишь 1,5 тыс. *т*, поставки чугуна составили 25%, меди — 15, свинца — 20, алюминия — 23, проката — 15, стали — 7% и т. д.[47] Румынская фашистская клика обращала внимание гитлеровцев на то, что стране «угрожает серьезный экономический и финансовый кризис». В инструкциях, посланиях из Бухареста румынскому посланнику в Германии Босси следующим образом объяснялось создавшееся в Румынии в конце 1941 года положение: «18 млрд. лей не имеют обеспечения в Национальном банке. Теперь от нас требуют еще 16 млрд. лей на расходы германской армии в течение пяти месяцев, не говоря уже о 20 млрд. лей, необходимых для обеспечения экспорта зерна и нефти. Три дня тому назад от нас потребовали сокращения внутреннего потребления нефти и включения в общий план использования нефти в военных целях, изменения закона об охране недр в целях увеличения добычи нефти... Мы испытываем нужду в оружии, сельскохозяйственных машинах и сырье для металлургической промышленности. В то время как наши обязанности возрастают,

---

[47] ИДА, ф. МИД Румынии, д. 14, л. 19.

германский экспорт в Румынию вот уже несколько месяцев очень ограничен, мал»[48].

Еще в августе 1941 года германское правительство довольно ясно сказало румынским правителям, что оно не собирается покрывать клиринговую задолженность поставками немецких товаров в Румынию. Гитлеровский министр Функ заявил тогда румынскому посланнику Босси, что Германия не имеет возможности увеличить свой экспорт в Румынию и потому «не сможет помешать дальнейшему росту румынского кредитного сальдо в Германии». Видимо, теряя надежду на погашение Германией ее задолженности, румынские правители выражали готовность получить компенсацию другого рода. Уже цитировавшаяся инструкция румынскому посланнику в Берлине предлагала «найти экономическое решение, в результате которого был бы увеличен экспорт в Румынию и обеспечена финансовая гарантия Национального банка, или обсудить политические компенсации, ибо правительство (Румынии) с каждым днем возлагает на себя все большую ответственность, не имея никакого оправдания». Под «политическими компенсациями» подразумевался возврат Северной Трансильвании, поскольку Бессарабия и другие советские территории с согласия Гитлера уже были присоединены к Румынии.

26 и 27 ноября 1941 г. М. Антонеску при встрече с Гитлером поставил ряд вопросов, разрешение которых могло бы, по мнению румынских правителей, укрепить положение в стране. Он заявил, что без получения золота Румыния не сможет выполнить свои экспортные обязательства. Затем им были упомянуты вопрос румыно-венгерских отношений и связанная с этим проблема Трансильвании. В целях уменьшения бремени расходов, возложенных Германией на Румынию, М. Антонеску просил сократить численность немецких войск в стране[49].

Геринг, прервав румынского министра иностранных дел, спросил: «Поскольку румынская армия мобилизована и находится за Днестром, неужели вы не находите, что присутствие германских частей является гарантией внутреннего порядка? Разве вы покончили с коммунистами и легионерами?» М. Антонеску ответил, что румын-

[48] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 85, n/p.
[49] См. ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 25, л. 30 (62).

ское правительство якобы не нуждается в помощи германской армии для поддержания «внутреннего порядка» и что, коль скоро маршалу Антонеску предоставлена возможность одному управлять страной, без чьего бы то ни было вмешательства, он может заверить маршала Геринга, что без немецких солдат на румынской территории германские интересы в Румынии будут удовлетворяться еще лучше.

Ни одна из румынских просьб не была удовлетворена. Гитлер не захотел ослаблять своей хватки на шее румынского сателлита, облегчить его положение. Он не пошел навстречу в поднятых румынской фашистской кликой вопросах, будучи уверенным, что зависимые от него правители Румынии не посмеют ослушаться и будут по-прежнему снабжать Германию в кредит, чем бы это ни грозило экономике самой Румынии.

Поднятый М. Антонеску вопрос о сокращении германских войск на территории Румынии требует некоторого пояснения. С политической точки зрения его постановка на повестку дня в ноябре 1941 года объясняется тем, что фашистское правительство И. Антонеску, пришедшее к власти с помощью гитлеровцев и в предшествующий период опиравшееся на германские войска, теперь стало чувствовать себя увереннее. Шовинистическая волна, поднявшаяся в стране в связи с военными успехами на Востоке, захватом и присоединением обширных советских территорий, несколько укрепила фашистский режим. С экономической точки зрения это требование объясняется теми колоссальными расходами, которые Румыния выплачивала на снабжение германских войск, расположенных в стране.

Вступление и прохождение немецких войск через румынскую территорию в 1940—1941 годах вызвало, как писал И. Антонеску Гитлеру 15 ноября 1943 г., «серьезное нарушение экономического порядка». На ее содержание только в первые три месяца было выдано 2750 млн. лей. В июне 1941 года румынское министерство финансов выдало гитлеровскому командованию в Румынии 1180 млн. лей. В период октября — декабря 1941 года на содержание немецких войск было выплачено еще 7,8 млрд. лей. Несмотря на то что количество немецких войск в Румынии сократилось по сравнению с концом 1940 — началом 1941 года в несколько раз (по заявлению

Кейтеля, в начале 1942 г. их насчитывалось 40—50 тыс., а по румынским сведениям — 34 тыс. человек[50]), гитлеровское командование требовало каждый раз все большую сумму денег на их содержание. Вскоре эта сумма дошла до 30 млрд. лей. Для сравнения укажем, что содержание всей румынской армии в стране в то время обходилось в 12 млрд. лей.

Получаемые от румынского правительства огромные суммы денег гитлеровцы использовали для массовых закупок продовольствия, одежды, кожаных изделий и т. п., которые затем отправлялись в Германию. Немецкие войска как бы превратились в своеобразную закупочную фирму в дополнение к многочисленным германским торговым обществам в Румынии. Скупая по повышенным ценам продовольствие и другие товары на румынском рынке, немецкое интендантство совместно с немецкими торговыми фирмами усиливало инфляцию, лишало население Румынии возможности приобретать на свои скромные средства продукты питания и предметы первой необходимости. Фашистские власти были вынуждены признать, что закупки, производимые германской армией в Румынии, создавали такую ситуацию, при которой невозможно было бороться с рыночной стихией. Как ни странно, но вину за создавшееся положение фашистский диктатор возложил на румынское население, осудив его в специальном приказе от 1 сентября 1941 г.

Содержание немецких войск на румынской территории в период антисоветской войны обошлось в 67 млрд. лей. Вместе с огромной клиринговой задолженностью Германии эта сумма тяжелым грузом легла на государственный бюджет. Кроме того, фашистское правительство по требованию гитлеровской Германии выплачивало пенсии семьям 40 тыс. румынских немцев, призванных в германский вермахт. Только в 1944 году на это было истрачено 4 млрд. лей. Весь ущерб, причиненный стране экономическим «сотрудничеством» с Германией, оценивается румынскими экономистами колоссальной суммой, равной двенадцати годовым бюджетам Румынии[51]. Если к этому прибавить колоссальные расходы самой Румынии на ведение антисоветской войны, то станет ясным, какое не-

---

[50] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 37, л. 30.

[51] См. «Studii», 1959, N 4, p. 55.

посильное бремя было возложено на страну, ее экономику и финансы.

В силу того что Румынии приходилось нести не только собственные, но и в определенной степени и германские расходы на войну, ее государственный бюджет непомерно распух. Состояние румынских государственных финансов стало крайне тяжелым. Расходная часть государственного бюджета 1941—1942 годов, составлявшая сумму 160 млрд. лей, лишь на 46,3% покрывалась доходами. В 1942/43 бюджетном году расходы увеличились до 192 308 млн. лей, а источники доходов сократились [52].

Для покрытия огромного дефицита государственного бюджета фашистское правительство Антонеску прибегло к печатному станку. В 1941 году было выпущено банкнот на 12 млрд. лей, в 1942 году — на 6 млрд. лей. Необеспеченный выпуск бумажных денег усиливал инфляцию в стране. В начале 1942 года по официальному румынскому курсу 100 лей были равны 2,75 швейц. франка. В начале 1943 года в обращении находились сотни миллиардов лей бумажных денег, но обеспечение имелось лишь на 72 043 млн. лей денежного наличия. Причем эта сумма обеспечивалась золотым запасом только на 51%, ценными бумагами — на 10%. Остальные 39% обеспечения приходились на клиринговые немецкие марки, то есть на германскую задолженность. Таким образом, реальное обеспечение имели всего лишь 61% указывавшейся правительством суммы, а именно 43,9 млрд. лей денежного обращения.

В целях пополнения опустошенной казны и мобилизации внутренних ресурсов для финансирования расходов, связанных с участием Румынии в совместной с Гитлером войне против СССР, фашистская клика Антонеску выпустила заем «воссоединения», размещение которого среди населения приняло форму налога. Обложение населения прямыми и косвенными налогами было главным источником доходов государственного бюджета. В отчете Национального банка за 1942 год указывалось, что 63% бюджетных расходов покрывались за счет средств, собранных по налогам, а остальные — за счет займов [53]. Ар-

---

[52] «Economist», Jan. 23, 1943, p. 109; «Universul», 2 apr. 1943.
[53] См. «Universul», 27 febr. 1943.

хивы румынского совета министров говорят о том, что удельный вес налогов в бюджете был больше[54]:

Прямые налоги и их удельный вес	16,7 млрд. лей 18,7%	24,5 млрд. лей 17%	29,7 млрд. лей 17%
Косвенные налоги и их удельный вес	51,4 млрд. лей 59,5%	87 млрд. лей 60%	112 млрд. лей 60%

Из таблицы видно, что налоги давали не менее 77% бюджетных доходов. Обращает также на себя внимание тот факт, что общая сумма собираемых налогов росла из года в год. Если в 1941/42 бюджетном году было собрано в результате всех видов налогового обложения 68,1 млрд. лей, то в 1942/43 году — 111,6 млрд. лей, а в 1943/44 году — 141,7 млрд. лей. Налоговый пресс на население непрерывно увеличивался, неравномерно давя на различные классы. Прямые налоги — налоги на богатство — в это время увеличились на 13 млрд. лей, а косвенные налоги — налоги на потребление и т. п., ложившиеся всей тяжестью на массу трудящегося населения,— подскочили на 60,6 млрд. лей.

Война и гитлеровский грабеж подорвали всю хозяйственную жизнь страны. Нехватка сырья, затруднения с топливом и квалифицированной рабочей силой вызвали свертывание ряда отраслей румынской промышленности, непосредственно не работавших на нужды фронта. Вследствие недостатка сырья на некоторых предприятиях проводилось сокращение рабочих, уменьшение длительности рабочего дня, означавшие рост скрытой и открытой безработицы. Особенно остро недостаток сырья чувствовался в металлургической промышленности после того, как немецко-фашистские оккупанты лишились криворожской руды. Румынская пресса того времени писала, что «нормальное развитие промышленности нарушено».

В то время как крупные предприятия процветали, получая от фашистского правительства прибыльные военные заказы и пользуясь всевозможными льготами и преимущественными правами в снабжении сырьем, рабочей силой и т. п., мелкие и средние предприятия закрывались или поглощались более крупными. За период с августа 1940 года по апрель 1943 года, как сообщил И. Антонес-

[54] ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 664, табл. № 2.

ку в своем выступлении на высших военных курсах, число фабрик сократилось на 24% [55]. Процесс концентрации капитала был явным в Румынии и развивался быстрыми темпами.

Катастрофически ухудшалось положение в нефтяной промышленности. Принятие по требованию гитлеровской Германии 17 июля 1942 г. изменения закона об охране горнорудных богатств разрешило хищническую эксплуатацию нефтерождлений в целях увеличения добычи нефти, столь необходимой гитлеровской военной машине. Однако это не привело к желаемым результатам: хищническая эксплуатация, вызывая преждевременное истощение нефтепластов, даже снизила добычу нефти в Румынии. Если в 1942 году было добыто 5,6 млн. *т*, то в 1943 году — 5,3 млн. *т*, а в 1944 году — всего лишь 3,5 млн. *т*. Снижение добычи нефти не смогло остановить проводившиеся работы по бурению и вводу в строй новых скважин. В 1942 году было пробурено 344 тыс. *м* и введено в строй 224 новых скважины, что являлось самым высоким достижением в румынской нефтепромышленности 30—40-х годов. «Петролеум таймс» в статье о румынской нефтяной промышленности 24 января 1942 г. отмечала, что нефтеочистительные заводы загружены наполовину. Это было вызвано не только тем, что по сравнению с 1936 годом добыча нефти резко упала (в 1936 г. было произведено 8,7 млн. *т* нефти), но и вывозом сырой нефти в Германию. Секретная служба правительственной информации сообщала о «недовольстве нефтяных кругов тем, что Германия во все больших размерах вывозит сырую нефть, ведя дело к закрытию нефтеочистительных заводов» [56].

Сокращалась также из года в год добыча угля. В 1940 году она составляла 4,2 млн. *т*, в 1941 году — 3,9 млн. *т*, а в 1942 году — 3,6 млн. *т* [57]. Производительность труда на шахтах резко упала. Технический директор крупнейшего акционерного общества по добыче угля «Петрошень» писал, что снижение добычи вызвано «тяжелыми условиями труда, в особенности на шахтах Аниноасы и Лупени, недовольством рабочих в связи с пло-

---

[55] ИПА, ф. Военный кабинет, д. 303, л. 17.
[56] ИДА, ф. Совет министров, д. 84, л. 91.
[57] «Studii», 1964, N 1, p. 13.

хим снабжением и недостаточной заработной платой». В связи с тем что шахтеры под различными предлогами не выходили на работу, обеспечение угольной промышленности рабочей силой стало важной проблемой. Для работы на угольных шахтах правительство присылало советских военнопленных. Недостаток рабочей силы ощущался и в других отраслях румынской экономики. Тем не менее фашистская клика отправила на работу в Германию более 10 тыс. человек, где их подвергали каторжной эксплуатации. Включаясь в «тотальную мобилизацию», объявленную фашистским рейхом после сокрушительного поражения на Волге, М. Антонеску 2 февраля 1943 г. сказал, что румынское правительство готово закрыть промышленные предприятия в стране, чтобы послать квалифицированных рабочих на заводы и фабрики Германии.

В тяжелом положении оказалось сельскохозяйственное производство. Мобилизация в армию крестьян лишила сельское хозяйство необходимых ему рабочих рук. Для армии было взято из деревни конское поголовье. Заготовки мяса для нужд армии и вывоза в Германию сократили поголовье тяглового скота. Надежды правящих румынских кругов на то, что экономическое сотрудничество с Германией поможет поднять сельское хозяйство страны, не оправдались: гитлеровцы не удовлетворили потребностей Румынии в сельскохозяйственных машинах, химических удобрениях и т. п. Собственное румынское производство сельхозинвентаря сократилось в связи с войной [58]. Урон, понесенный производительными силами сельского хозяйства, имел своим результатом резкое сокращение производства сельскохозяйственной продукции. Газета «Универсул» в одной из передовых статей признала, что сельскохозяйственное производство «сильно упало» с началом войны и что «это почувствовало население» [59]. В 1942 году производство сахара сократилось на 5600 вагонов по сравнению с 1941 годом, растительного масла — на 1530 вагонов. Согласно официальным данным того времени, поголовье крупного рогатого скота в 1942 году снизилось по сравнению с 1941 годом на 38%, поголовье свиней — на 28%.

---

[58] См. Arhiva CC cl PCR, fond 6134, f. 267.
[59] «Universul», 3 apr. 1943.

Сокращение сельскохозяйственного производства и массовый вывоз продуктов питания в гитлеровскую Германию вызвали острый недостаток продовольствия в Румынии, которое стало распределяться населению скудными рационами. Рацион снабжения жирами, по словам самого диктатора Румынии, «не отвечал реальным потребностям населения». Трудности снабжения хлебом были усугублены тем обстоятельством, что по распоряжению германского «советника», сидевшего в министерстве сельского хозяйства, в стране проводилось расширение посевов необходимых рейху технических культур за счет сокращения площадей под зерновыми (пшеницей, рожью и др.). В 1941 году под технические культуры было занято 350 тыс. *га* земли.

Пресса фашистской Румынии довольно ясно говорила о причинах кризисного состояния сельского хозяйства. Газета «Универсул» писала 7 марта 1943 г.: «Трудности, которые переживает наше сельское хозяйство, складываются из следующих элементов: недостаток рабочих рук, тяглового скота и удобрений, дороговизна транспорта, недоступные цены на сельскохозяйственные машины и орудия и, наконец, множество различных налогов и обложений». Крестьянские хозяйства подвергались реквизициям, были обязаны выполнять транспортные и другие повинности государству, отрывавшие их от сельскохозяйственных работ. Они должны были сдавать почти весь урожай государству по принудительным низким ценам, оставляя себе не более 60 *кг* зерна на каждого члена семьи. В результате этого крестьянство не было заинтересовано в расширении своего хозяйства.

В связи с тем что положение в сельском хозяйстве становилось все более угрожающим, катастрофическим, в румынской печати стали настойчиво говорить о «необходимости серьезной реформы в сельскохозяйственном производстве» [60]. В целях выхода из тяжелого положения в сельском хозяйстве, являвшегося не только следствием войны, но и неразрешенности аграрного вопроса в стране, фашистское правительство прибегло к принятию особых мер. Крупные помещики получили возможность обрабатывать свои владения почти бесплатным трудом мобилизованных крестьян, а также путем исполь-

---

[60] «Universul», 22 febr. 1943.

зования советских военнопленных. В июне 1942 года фашистское правительство издало декрет о создании так называемых «крестьянских обществ», призванных снабдить крупных землевладельцев дешевыми рабочими руками. М. Антонеску говорил по поводу организации «крестьянских обществ» следующее: «Мы должны обеспечить сотрудничество между аграрным капиталом и сельскохозяйственным трудом, создавая ассоциации, в которых крупные землевладельцы предоставят свой капитал, а мелкое крестьянство — свой труд».

Деятельность «крестьянских обществ» заключалась в покупке или взятии напрокат машин и сельскохозяйственного инвентаря, в покупке или взятии взаймы семенного материала и т. п. Они могли покупать или арендовать землю. Крестьяне, входившие в эти общества, должны были продавать сельскохозяйственную продукцию совместно. Таким образом, созданием «крестьянских обществ» фашистский режим преследовал также разрешение проблемы заготовки сельхозпродуктов, необходимых для ведения войны и снабжения гитлеровской Германии.

Несмотря на то что этим обществом предоставлялись преимущественные права в получении от государства кредитов, распространения они не получили. По некоторым подсчетам, в «крестьянские общества» удалось объединить не более 3 тыс. крестьянских хозяйств, что составляло менее 0,1% их общего количества[61].

Война и гитлеровский грабеж, опустошавший страну, способствовали обогащению значительных кругов крупной буржуазии и помещиков, сотрудничавших с гитлеровцами. Эти круги увеличили свое богатство за счет ограбления временно оккупированных советских территорий и в результате военных поставок, высокооплачивавшихся режимом Антонеску. Огромные прибыли получали в годы войны румынские нефтепромышленники, владельцы заводов и фабрик, работавшие на войну, экспортеры, поставлявшие продовольствие и другие товары в Германию.

Нефтяная компания «Астра ромына» получила чистую прибыль в 1938 году в размере свыше 360 млн. лей, в 1941 году — 438 млн. лей, а в 1943 году ее прибыль поднялась до 840 млн. лей. Заводы «Решица» также увели-

---

[61] «Economist», jan. 23, 1943.

чили свои баснословные доходы: в 1939 году — 188 млн. лей, в 1941 году — 268 млн. лей, в 1942 году — 305 млн. лей. Эти цифры, взятые из официальных отчетов акционерных обществ, явно занижены по сравнению с действительным размером прибыльности предприятий, ибо их владельцы не хотели платить государству налога с полной суммы доходов. Именно этим объясняется то, что общество «Кредитул минтер» объявляло свои доходы в 1942 году равными 63 млн. лей и в 1943 году — 73,7 млн. лей. Но в то же самое время оно чрезмерно увеличило резервные и амортизационные фонды, подняв до 2 млрд. и таким образом почти амортизировав все капиталовложения, оценившиеся в 2527 млн. лей.

Велики были прибыли и у заправил финансового капитала. По данным официального отчета за 1942 год, «Банка Ромыняска» получил свыше 97 млн. лей прибыли на свой капитал в 605 млн. лей [62]. Этот банк являлся одним из активных пособников фашистского режима Антонеску, отдавшего страну на разграбление гитлеровцам. Лидер национал-либералов Д. Братиану, являвшийся председателем правления «Банка Ромыняска», на общем собрании акционеров банка в феврале 1943 года хвастался тем, что «банком сделано больше, чем позволял его капитал в прошедшем году, и это является достаточным доказательством наших добрых намерений» в отношении государственной политики Антонеску.

В то время как для верхушки румынской буржуазии и помещиков, чьи интересы выражала фашистская клика Антонеску, война была источником колоссального обогащения, для широких масс населения она была бедствием, несшим смерть, лишения и страдания. Пагубные последствия войны и гитлеровского грабежа сказывались не только на трудящихся, но и на тех кругах мелкой и средней буржуазии, которые оказались обделенными фашистским режимом.

Катастрофическое ухудшение экономического положения страны привело к дальнейшему росту нищеты трудящихся города и деревни, которые в годы войны подверглись жесточайшей эксплуатации. Работа на промышленных предприятиях проходила как служба в армии:

---

[62] «Universul», 1 febr. 1943.

во главе их стояли военные коменданты, располагавшие правом наказывать рабочих за любые провинности — опоздание или невыход на работу и др. О характере наказаний рабочих в годы военно-фашистской диктатуры можно судить по следующим фактам, зарегистрированным в архивных материалах. Полицейский инспектор области Альба-Юлия сообщал 4 октября 1943 г., что на шахтах Лупени введены «аресты, карцер и наказание 25 ударами»[63]. Режим наказанного рабочего, подчеркивалось в этом докладе, не отличается от режима, установленного в армии для лиц, отбывающих наказание: арестованный получает половину продовольственного рациона, а в карцере — лишь хлеб и воду. Стоимость содержания при отбывании наказания высчитывалась в дальнейшем из зарплаты рабочего. На донесении о том, что рабочие завода «Узинеле ромыне» ушли с работы на час раньше, И. Антонеску наложил резолюцию: «Заковать в цепи и без промедления наказать». Характеризуя отношения между рабочими и владельцами — руководителями предприятий, военные власти Петрошени вынуждены были признать, что эти отношения являются «отношениями между рабовладельцами и рабами»[64].

Рабочий день на военизированных предприятиях длился 10—14 часов. В донесении военных властей о положении шахтеров долины Жиулуй отмечалось: «Рабочий влачит жалкое существование, выполняя тяжелый и изнурительный труд, за который он получает плату, едва хватающую ему на то, чтобы прожить день, не говоря уже о содержании семьи»[65]. В другом донесении (ноябрь 1941 г.) говорилось о крайне бедственном положении рабочих — нефтяников и угольщиков, которые ходят буквально разутыми. Нищета рабочих была настолько очевидна, что И. Антонеску был вынужден заговорить о ней на заседании фашистского правительства 8 марта 1944 г., сообщив, что он «видел в Комэнешть шахтеров, шедших на работу разутыми и раздетыми, без обуви, без рубашек».

Английский журнал «19 сенчури энд афче» с полным основанием писал, что рост цен в Румынии был «самым

---

[63] Arhiva CC al PCR, dos. 2950, f. 509.
[64] Ibid., f. 366.
[65] Arhiva MFA, dos. 733/57, f. 69.

высоким в Европе» в годы войны[66]. Пытаясь регулировать рост цен, правительство своими распоряжениями устанавливало уровень, выше которого цены не должны были повышаться. Газеты чуть не ежедневно публиковали правительственные распоряжения о «максимумах цен». Интересно отметить, что в этом вопросе отмечались разногласия между буржуазией и помещиками, с одной стороны, и диктатурой Антонеску — с другой. Лидер национал-либеральной партии в своем письме в адрес министерства экономики от 25 сентября 1941 г. выразил недовольство тем, что правительство Антонеску устанавливает потолки цен. Этот конфликт режима Антонеску с буржуазно-помещичьими кругами являлся результатом того, что фашистская диктатура, чтобы держаться у власти не только на штыках, прибегала к демагогии, свойственной всем диктаторским режимам, пыталась представить себя якобы надклассовой силой, в равной мере защищающей интересы всех слоев нации.

Официальные цены на продовольствие, установленные правительственными распоряжениями, выросли с 1939 по 1944 год в восемь раз. Фактически цены были намного выше этих предельных цен. Уже к концу 1941 года, по данным Национального банка, индекс цен поднялся до 240 против 100 в январе 1939 года[67].

Рост цен в период 1935—1942 годов[68]

	Цены в 1935 г.	Цены в июне 1941 г.	Цены в декабре 1942 г.
Продовольствие	100	329	611,5
Одежда и обувь	100	313,4	641,2

Заработная плата росла в этот период несравненно медленнее. По закону-декрету от 3 января 1941 г. было установлено, что она не может быть повышена более чем на 30% к уровню на 1 апреля 1941 г.

---

[66] «19-th century and after», apr. 1944, p. 169.

[67] «Universul», 7 febr. 1943.

[68] Mitiţa Constantinescu, Politică economica aplicată, vol. 1, Buc., 1943, p. 357.

Абсолютный рост цен (в леях)[69]

	Декабрь 1942 г.	Июнь 1943 г.	Рост (в %)
Мука пшеничная	32	44	37
Сахар	110	140,50	28
Мыло хозяйственное . .	96	146	52
Картофель	15	25	67
Молоко	30	40	33
Соль .	4,50	7,50	67
Яйцо	9	13	41
Холст, полотно	320	728	127

Усиливавшаяся инфляция привела к тому, что пара ботинок, стоившая в 1939 году 1000 лей, в начале 1944 года стала стоить 10—15 тыс. лей, цена метра ткани поднялась за это время с 750 до 5000—6000 лей.

Заработок рабочего составлял примерно 2000—3000 лей. Ясно, что на эту заработную плату было невозможно прожить. Этот вывод делался официальными лицами фашистского режима, проводившими обследование материального положения персонала румынских железных дорог: «Тормозной кондуктор получает около 100 лей в день, из которых 90 лей он платит за двухразовое питание в станционной столовой, а на оставшиеся 10 лей он должен накормить семью, если ее имеет, одеть себя, допуская, что он ничего не ест по утрам». Румынский рабочий, как это было признано на заседании совета министров 2 марта 1943 г., жил в предельно нищенских условиях.

В связи с вывозом продовольствия в Германию и резким сокращением сельскохозяйственного производства трудящееся население городов снабжалось по нищенским рационам. Оно месяцами не видело мяса и жиров. Норма выдачи хлеба, который, по вынужденному признанию румынских буржуазных газет, «являлся основным, а во многих случаях и единственным продуктом питания населения», составляла всего 200—250 *г* в день. Его качество было отвратительным, ибо он изготовлялся из гнилой пшеницы и кукурузы, ранее предназначавшихся для производства сапожного клея и спирта.

---

[69] «Studii», 1964, N 1, p. 20.

Покупательная способность трудящегося населения города в военные годы снижалась непрерывно по той причине, что рост заработной платы сильно отставал от роста цен [70]:

	Зарплата	Цены	Покупательная способность
Август 1939 г.	100	100	100
Декабрь 1941 г.	168,5	412,1	40,8
Декабрь 1942 г.	212	712,1	29,8
Декабрь 1943 г.	275,5	1085,3	25,3

Из этой таблицы явствует, что покупательная способность трудящегося городского населения в концу 1943 года сократилась почти в четыре раза по сравнению с августом 1939 года. Резко упала также в годы войны покупательная способность трудящегося крестьянства, которая и до этого была одной из самых низких в Европе: миллионы крестьян ели настоящий, не кукурузный хлеб только по праздничным дням, сахар считался роскошью, три четверти сельского населения не имели обуви и т. д. Если взять уровень 1927—1929 годов за 100, то покупательная способность крестьянства в 1939 году составил 71,3, в октябре 1941 года — 58,2, а в 1942 году — 45,3 [71]. Налицо уменьшение покупательной способности крестьянства почти в два раза уже в первые годы антисоветской войны (по сравнению с довоенным периодом). Трудовые крестьянские хозяйства нищали в результате реквизиций, налогов и продолжавшегося разрыва в ценах на промышленные и сельскохозяйственные товары. По данным «Национального зоотехнического института», к началу 1943 года из общего количества 3,5 млн. крестьянских хозяйств 2 млн. не имели коров, более 1,6 млн. хозяйств не имели свиней, 250 тыс. крестьянских хозяйств не имели даже ни одной курицы.

Самые широкие слои населения, как это видно из секретных правительственных информационных бюллетеней, выражали резкое недовольство войной и ее тяготами. «Торговцы жалуются на рост налогов и дезорганизацию транспорта, промышленники — на недостаток сырья, рабочие — на низкую заработную плату. Крестьяне выра-

---

[70] «Scînteia», 22 sept. 1944.

[71] Mitiţa Constantinescu, op. cit., vol. 1, p. 434.

жают недовольство разрывом между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары и тем, что им оставляют лишь 60 килограммов зерна на душу из всего урожая. Население недовольно германскими союзниками» [72], — отмечалось в донесении главного директората полиции «Экономическое и политическое положение в стране за период 1 апреля 1942 г. — 1 апреля 1943 г.».

Растущее недовольство населения в связи с резким ухудшением материального положения в годы войны вызывало тревогу официальных кругов. В обобщающем докладе специального отдела румынского генерального штаба «Настроения населения с мая 1941 года по февраль 1942 года» прямо говорилось об «опасении, что голод вызовет революцию» [73]. Стремясь предупредить выступления, вызывавшиеся катастрофическим положением в экономике, официальные круги выпускали специальные публикации, брошюры и т. п. с оправданием создавшегося положения. Так, некто Макрин по заданию правительственных кругов выпустил книжку под заглавием «Трудности войны. Разъяснения» [74], призывая население проявить понимание и терпение по отношению к этим трудностям. Однако широкие массы населения не могли быть удовлетворены правительственными «разъяснениями». Понимая, что их страдания и бедствия проистекают от войны и гитлеровского грабежа, они включались в борьбу против фашизма.

Глава 3

КПР ВО ГЛАВЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ АНТИСОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ

Борьба против военно-фашистской диктатуры Антонеску усилилась после вступления Румынии в антисоветскую войну. Война обострила классовые противоречия

---

[72] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 307, л. 48.

[73] Arhiva MFA, dos. 733/57, f. 10.

[74] G. Macrin, Despre greutățiile razboiului (Lămuriri), Buc., 1943.

в стране, ускорила процесс вызревания революции, оказавшийся в неразрывной связи с борьбой всего румынского народа за освобождение от фашистского ига. В связи с войной объективно расширялась база антифашистского движения, в него втягивались теперь и те круги, которые ранее относились пассивно к фашистской диктатуре.

Румынскому народу были чужды антисоветская война и цели, преследовавшиеся в ней правящими кругами. Участие страны в войне на стороне германского империализма было оскорблением национальных чувств румынского народа, в памяти которого еще были живы воспоминания о немецкой оккупации Румынии в годы первой мировой войны, не говоря уже о «венском арбитраже», когда гитлеровцы, растоптав суверенитет Румынии, отторгли от нее и передали хортистской Венгрии Северную Трансильванию. Война, как признает даже А. Крецяну, дипломат фашистского правительства Антонеску, вызвала «глубокое недовольство диктаторским режимом, который послал сынов, мужей и отцов умирать вдали ради прихоти Гитлера». Война и связанный с ней гитлеровский грабеж страны несли подавляющей массе населения бедствия, лишения, нищету. Против войны, приведшей страну в лагерь, враждебный Англии, Франции и США, выступала часть румынской буржуазии, традиционно придерживавшейся внешнеполитической ориентации на эти державы.

Выражая отношение рабочего класса, всего румынского народа к антисоветской войне, в которую втянули страну фашистские правители, компартия в одной из своих листовок заявляла: «Мы все не хотели и не хотим этой разбойничьей войны против великого советского народа. Не великий советский народ является нашим врагом... Наш враг — это немецкий фашизм и его прислужники в стране во главе с генералом Антонеску» [75].

Главной силой антифашистской борьбы в это время выступил рабочий класс, являвшийся самым передовым и последовательно революционным классом, на долю которого в результате фашистского господства и антисоветской войны выпали самые тяжелые страдания. Под руководством компартии он объединял вокруг себя пат-

[75] Arhiva Inst., dos. 327, vol. 1, f. 77.

риотические силы из всех социальных слоев, которые стремились к освобождению страны от ига гитлеризма, прекращению антисоветской войны, свержению фашистского режима и установлению демократического строя. Жизненные интересы крестьянства делали его верным союзником пролетариата в борьбе против фашистской диктатуры и антисоветской войны. Поскольку политика режима Антонеску была направлена не только против рабочего класса и крестьянства, а также против основной массы мелкой буржуазии, интеллигенции и национальных меньшинств, эти значительные по своей численности группы населения оказывались в антифашистском лагере. Часть буржуазии, экономические интересы которой были ущемлены господством гитлеровцев и тяжелыми последствиями войны, должна была тоже выступать против антинациональной политики фашистской диктатуры Антонеску.

Историческую миссию объединения всех патриотических антифашистских сил взяла на себя Коммунистическая партия — единственная политическая партия в Румынии, решительно выступившая против участия страны в антисоветской войне. В специально выпущенном манифесте ЦК КПР разоблачил кровавую агрессию германских и румынских фашистов против СССР. Подчеркнув интернациональный характер войны, которую вел СССР за свободу советского народа и всех порабощенных фашизмом народов, ЦК КПР призвал румынский народ всемерно содействовать победе Красной Армии, бороться за изгнание фашистских оккупантов, против румынских прислужников германского фашизма, за единый фронт борьбы румынского народа против фашистского господства, за свободу и национальную независимость.

8 июля 1941 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Румынии направил циркулярное письмо к членам КПР, в котором давался анализ новой обстановки, сложившейся в результате вступления страны в войну против СССР, и определялись задачи партии, рабочего класса и всего румынского народа. Рабочие призывались к развертыванию борьбы за изгнание фашистских оккупантов и свержение фашистской банды Антонеску, за свои неотложные интересы, за хлеб, мир и свободу. Крестьяне, говорилось в этом письме, должны саботировать антисоветскую войну, снабжение гитлеровцев

сельскохозяйственными продуктами, ибо победа Гитлера означала бы для румынского крестьянства рабство и голод, кровавое иго германского фашистского господства и крупных помещиков. Солдаты призывались не сражаться на фронте ради интересов врагов страны, ради наживы германских фашистов и кучки крупных румынских капиталистов и помещиков.

В циркулярном письме подчеркивался справедливый, освободительный характер войны советского народа, от исхода которой зависела судьба всех народов Европы и мира, в том числе румынского народа, порабощенного фашистской Германией и ввергнутого в уничтожающую войну. «Задачей и исторической ответственностью Коммунистической партии Румынии является организация в Румынии совместной с великим советским народом и другими народами борьбы за разгром кровавого германского фашизма и его слуг во всех странах, за изгнание фашистских оккупантов из Румынии, за свержение власти предательской банды во главе с генералом Антонеску, за освобождение страны из-под кровавого германского ига, за победу Советского Союза, за свободную и независимую Румынию»[76]. Перед коммунистами ставилась задача создания единого фронта борьбы рабочего класса с участием рабочих социал-демократов, национал-царанистов и беспартийных, путем настойчивой работы завоевать массы рабочих, высвободить рабочую молодежь из-под влияния железногвардейцев. «Без единства рабочего класса невозможно организовать всеобщую борьбу за национальное освобождение румынского народа». Коммунисты должны были сконцентрировать все усилия на создание Единого национального фронта с участием социал-демократов, национал-царанистов, радикал-царанистов, либералов и широких масс, находившихся под их влиянием.

В этом и других партийных документах (манифест ЦК КПР, опубликованный в конце июля 1941 года, и документ под названием «Единый фронт свободолюбивых народов» от августа 1941 г.) компартия призывала к саботажу и партизанской борьбе, к созданию единого фронта всего народа против фашистских оккупантов[77].

---

[76] Arhiva Inst., cota AXXV—10, inv. 1580, f. 3.

[77] См. «Documente din istoria, partidului comunist din Romania», p. 345.

Партийные организации Валя Праховей, Брашова, Баната, Добруджи, Молдовы и других областей приняли меры к перестройке своей работы в новых условиях, создавшихся в результате вступления Румынии в антисоветскую войну. Коммунисты развернули пропагандистскую деятельность, разоблачая предательскую политику фашистской диктатуры, антинациональный характер гитлеровской войны и мобилизуя массы на борьбу. Несмотря на преследование, компартии удалось сохранить и укрепить свои позиции и связи на заводах, в деревнях, в армии и среди интеллигенции. Партийные ячейки действовали подпольно на крупных предприятиях Бухареста (железнодорожные мастерские Гривица, заводы «Леметр», «Малакса», «Леонида», «Вольф», «Гаджел», Военный арсенал, городской транспорт «СТБ» (Плоешти), нефтезаводы «Униря», «Ромыно-Американа», «Конкордия»), в Решице, на авиационном заводе «ИАР» и фабрике «Скиел» в Брашове, на нефтепромыслах в Морени, угольных шахтах Валя Жиулуй, судостроительных предприятиях Констанцы, Галаца и Турну Северина, на текстильной фабрике «Цесэтура» и железнодорожных мастерских «Николина» в Яссах и во многих других местах [78].

На развязывание войны румынские патриоты во главе с коммунистами ответили усилением антифашистской борьбы, срывом правительственных распоряжений, саботажем военного производства. Выходившая подпольно в Банате коммунистическая газета «Ромыниа либера» писала: «Каждый день возникают инциденты и стихийные антигитлеровские выступления, свидетельствующие о том, что страна пришла в движение». Вступление Советского Союза в войну и образование во главе с ним антигитлеровской коалиции вдохновили румынских антифашистов, придали им новые силы в борьбе, вселили уверенность в неминуемом разгроме фашизма. В августе 1941 года политическая полиция Баната обескураженно сообщала, что коммунисты продолжают сохранять уверенность в победе СССР и дела коммунизма. Вера коммунистов передавалась рабочему классу. «Рабочие верят в победу России» [79], — доносила летом 1941 года сигуран-

[78] См. «Scinteia», 31 iulie 1964.
[79] Arhiva Inst., dos. 40634, f. 65.

ца города Решица, крупнейшего металлургического центра Румынии.

Под руководством коммунистов имели место антивоенные выступления и другие действия, направленные против фашистского режима. 25 июня 1941 г., как сообщала английская пресса, рабочие Галаца бастовали в знак протеста против войны с СССР. На стенах домов в городах и селах Румынии появлялись лозунги: «Мир с Россией!», «Долой Антонеску!», «Вон немцев!».

Повсюду: в общественных местах, в кино и театрах — участились антинемецкие демонстрации. Манифесты и брошюры КПР звали население на борьбу против войны и гитлеровских оккупантов. Среди многочисленных листовок, распространявшихся коммунистами, были и такие, которые призывали румынских женщин не пускать своих мужей и братьев на фронт. Распространение антивоенной и антифашистской литературы в стране вынудило министерство внутренних дел 24 июня 1941 г. отдать приказ уездным префектурам полиции усилить борьбу против тех, кто расклеивает на зданиях коммунистические лозунги. В связи с участившимися нападениями на немецких военнослужащих было сделано официальное правительственное заявление о расстреле 50 коммунистов за всякий новый террористический акт.

В июле 1941 года ряд диверсий был организован в Констанце; патриотами был перерезан кабель, по которому передавалась электроэнергия для установок немецкой противовоздушной защиты. За организацию саботажа на верфях Констанцы в июле 1941 года был казнен коммунист Филимон Сырбу. Газета «Нью-Йорк таймс» писала 9 июля 1941 г. об «актах саботажа, осуществлявшихся железнодорожниками и промышленными рабочими», отметив силу коммунистического движения в Румынии. В советской печати тоже отмечалась борьба румынских патриотов, «пользовавшихся поддержкой населения» [80].

Еще в период подготовки к нападению на Советский Союз военно-фашистская диктатура Антонеску в широком масштабе организовала террор и преследования антифашистских сил, нанося удар в первую очередь против Коммунистической партии. В начале войны сигуран-

[80] «Правда», 12 августа 1941 г.

ца информировала правительство о том, что из 15 арестованных 22 апреля 1941 г. членов Центрального Комитета и активистов компартии 12 приговорены к каторжным работам на срок от 10 до 25 лет, что в период с 30 мая по 10 июня 1941 г. было арестовано 150 активистов КПР. Начавшаяся война привела к усилению репрессий против коммунистов. 1 июля 1941 г. сигуранца схватила еще 8 человек, которые, по ее словам, отвечали в бухарестской коммунистической организации «за агитацию и пропаганду и промышленный саботаж». В августе 1941 года на заводе «Конкордия» (Плоешти), как видно из архивов военного командования нефтепромысловой зоны, были «отстранены от работы» 11 коммунистов, а всего было предано суду военного трибунала 114 рабочих[81]. Но никакими репрессиями нельзя было задушить антифашистское движение, организаторами и руководителями которого выступали смелые и самоотверженные коммунисты.

Коммунистическая партия Румынии в своей борьбе за создание всенародного фронта против гитлеризма исходила из того, что с момента, когда румынский народ был ввергнут в войну и стал пушечным мясом для достижения целей германского империализма, «создались объективные условия для перегруппировки сил в Румынии. С одной стороны находилась военно-фашистская клика предателя Антонеску, поддерживаемая прогитлеровской верхушкой крупных капиталистов и помещиков, наживающихся на войне. С другой стороны стоял весь народ, все партии и политические группировки, за исключением фашистских лакеев Гитлера — предателей родины»[82]. В целях создания такого фронта, который объединил бы все патриотические антифашистские силы и мобилизовал бы их на борьбу за свободу и независимость страны, компартия выработала и предложила 6 сентября 1941 г. «Платформу единого национального фронта румынского народа против фашистских оккупантов и военно-фашистской клики во главе с предателем Антонеску».

Эта платформа включала в себя следующие основные пункты: прекращение войны против Советского Союза, совместная борьба с СССР и всеми свободолюбивыми

---

[81] Arhiva MFA, dos. 248/52, f. 257.

[82] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», p. 346.

народами против гитлеризма, свержение военно-фашистского режима и создание правительства национальной независимости из представителей патриотических сил, отмена венского диктата и возврат Северной Трансильвании Румынии, арест и наказание лиц, несущих ответственность за втягивание страны в гитлеровскую войну против СССР. Требованием платформы являлось также «прекращение зверского преследования евреев и всякого национального угнетения». Компартия включила в платформу также пункт с осуждением и протестом против террора и грабежа временно оккупированных советских территорий Бессарабии и Буковины.

Платформа выражала национальные интересы румынского народа и ставила перед патриотическими силами Румынии конкретные задачи, вытекавшие из внутриполитического и внешнеполитического положения страны. Спецификой румынского движения Сопротивления, которое организовывала компартия, было то, что перед участниками стояли такие задачи, которые не фигурировали в программах сопротивления стран, оккупированных фашистской Германией путем открытой фашистской агрессии: свержение собственного фашистского правительства, выход страны из антисоветской войны и присоединение к антигитлеровской коалиции.

Компартия выразила готовность сотрудничать со всеми партиями, группами, политическими деятелями и всеми румынскими патриотами в деле реализации любого пункта платформы, ставя единственным условием сотрудничества отношение к гитлеровским оккупантам, фашистской клике Антонеску и преступной антисоветской войне [83]. Вырабатывая эту платформу, компартия исходила из оценки V съезда КПР, который установил, что Румыния стоит перед завершением буржуазно-демократической революции под руководством пролетариата, и учитывала то обстоятельство, которое не мог предвидеть V съезд, — революционное движение развивалось непосредственно из борьбы всего народа против фашистского ига. Поэтому партия стремилась к созданию широкого патриотического фронта, который должен был включить наряду с союзниками пролетариата на этом этапе (кре-

---

[83] См. «Documente din istoria partidului comunist din Rominia». p. 347.

стьянство и другие мелкобуржуазные слои) также косвенные резервы, всякого рода буржуазные группировки и партии, заинтересованные в разгроме фашизма.

В интересах создания единого национального фронта, во имя уничтожения фашистских захватчиков и завоевания национальной независимости и демократических свобод Коммунистическая партия Румынии отказывалась от каких бы то ни было лозунгов и действий, могущих отделить ее от сил, выступавших за национальное освобождение румынского народа. Борьба против гитлеризма была центральной, первоочередной задачей, а его разгром рассматривался в качестве предпосылки дальнейшего развертывания революционной борьбы за уничтожение капиталистической эксплуатации. Румынские коммунисты, подчеркивалось в платформе от 6 сентября 1941 г., «не отказываются от своей программы, пропаганды этой программы и своих конечных целей. С уничтожением гитлеровской тирании не прекратятся ни эксплуатация и угнетение трудящихся, ни кризисы и войны. Система монополистического капитализма, империализм, основывающийся на угнетении и эксплуатации трудящихся масс и закабаленных народов, порождает новые кризисы и войны». В этой связи компартия ставила перед своими членами задачу одновременно с популяризацией платформы пропагандировать величественные успехи советского народа, преимущества социалистической системы над капиталистической, показывать массам, что единственным путем спасения от кризисов и войн, от всякого угнетения и эксплуатации является путь рабочих и крестьян России, совершивших социалистическую революцию. «Но этот путь сейчас закрыт кровавым фашизмом. Только разгром фашистской тирании откроет путь окончательного освобождения человечества от всякой эксплуатации и угнетения», — подчеркивалось в документе.

В платформе указывалось на необходимость ведения конкретной борьбы против гитлеровцев путем саботажа военного производства и гитлеровских перевозок, подчеркивалась важность организации вооруженной борьбы: «...Борьба с оружием в руках против армии Гитлера — долг каждого румынского патриота, который любит свободу и независимость румынского народа. Саботаж и партизанская борьба румынского народа ускорят раз-

гром гитлеровских оккупантов и освобождение нашей страны»[84].

Борясь за создание национального фронта борьбы против гитлеризма, компартия считала необходимым достижение единства действий рабочего класса, без чего освободительная борьба румынского народа не могла увенчаться победой. Коммунисты, говорилось в платформе от 6 сентября 1941 г., должны работать над созданием единого фронта рабочего класса на предприятиях, в который наряду с ними войдут рабочие социал-демократы, национал-царанисты и беспартийные. Наряду с осуществлением единства рабочего класса снизу ставилась также задача организации единого фронта с социал-демократической партией в областном и общенациональном масштабе. В январе 1942 года компартия вновь призвала коммунистов с еще большей настойчивостью бороться за единство всех рабочих, используя конфликты на предприятиях, столкновения с администрацией «для высвобождения рабочих-легионеров из-под влияния их руководителей»[85]. Борьба рабочих за свои права, против произвола и усиливающейся эксплуатации, ведшаяся различными методами, подрывала военное производство. Эта борьба являлась составной частью общей борьбы за свержение фашистской диктатуры, прекращение антисоветской войны и перевод страны в лагерь антигитлеровской коалиции.

Коммунистическая партия обратилась с призывом ко всем коммунистам, имеющим контакт с крестьянами, вести систематическую повседневную работу среди крестьянства с целью мобилизации его на антигитлеровскую борьбу. Перед коммунистами была поставлена задача разоблачать и срывать создание так называемых крестьянских обществ, организовывать борьбу крестьян за конфискацию земли и сельхозинвентаря помещиков, сотрудничавших с гитлеровцами, за осуществление демократической аграрной реформы. Это требование наглядно показывает связь антифашистской деятельности с борьбой против остатков феодализма, тормозивших развитие страны. Борьба против крупных помещиков в годы

---

[84] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», p. 349.

[85] Ibid., p. 361.

войны определялась не только тем, что в их руках находилась огромная масса земли, но также и тем, что они были партнерами и пособниками гитлеровцев и поддерживали режим генерала Антонеску.

Особое значение придавалось ведению разъяснительной работы в армии с целью открыть глаза обманутым солдатским массам на захватнический характер войны германских и румынских фашистов против СССР, показать, что только отказом от продолжения войны, дезертирством и сдачей в плен советским войскам румынские солдаты спасут себе жизнь. Компартия уже в этот период ставила задачу включения румынской армии в борьбу всего народа против гитлеровских поработителей. «Румынские солдаты должны отказаться от роли слепого орудия, пушечного мяса для смертельного врага румынского народа. Включаясь в патриотический фронт всего народа, они должны повернуть оружие и повести борьбу за разгром гитлеровских поработителей, за восстановление национальной чести и свободы румынского народа» [86].

В резолюции Центрального Комитета Коммунистической партии Румынии (январь 1942 г.) была выдвинута задача организации борьбы частных и государственных служащих, мелких ремесленников и торговцев, интеллигенции за их жизненные требования, против роста дороговизны, прямых и косвенных налогов, за конфискацию имущества предателей родины и лиц, обогащающихся в войне за счет гибели и страданий румынского народа. «Коммунисты должны были соединить борьбу этих слоев населения с борьбой рабочего класса и всего народа в едином национальном фронте за мир, хлеб, культуру, свободу и национальную независимость народа, за уничтожение гитлеровских захватчиков и их прислужников во главе с Антонеску».

Компартия стремилась включить в единый фронт борьбы румынского народа также национальные меньшинства. Разоблачая националистическую демагогию румынских и венгерских фашистских правителей, она указывала, что разжигаемая кликами Антонеску в Румынии и Хорти в Венгрии румыно-венгерская вражда

---

[86] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», p. 362.

«служит лишь планам Гитлера уничтожения румынского и венгерского народов в подлой войне против Советского Союза» [87]. Задачей коммунистов было мобилизовать рабочий класс и весь румынский народ в поддержку экономических, политических и национальных требований венгерского населения, а также включить его в патриотический фронт румынского народа, который преследует общую для всех цель — разгром фашизма, освобождение от гитлеровского ига и обеспечение национальной независимости. Среди немецкого населения Румынии компартия считала необходимым проведение разъяснительной работы, чтобы показать ему опасность следования за руководителями нацистских организаций в деле угнетения румынского народа, евреев и мадьяр. Участие в преступной войне Гитлера с целью завоевания и истребления народов покроет позором и навлечет безграничную ненависть угнетенных народов, указывала КПР, поэтому немецкое население Румынии должно объединиться с румынским народом и другими проживающими на румынской территории национальностями для разгрома гитлеровской тирании и предательской клики Антонеску.

В борьбе против антисоветской войны и фашистского режима Антонеску, указывала партия, видное место принадлежит женщинам и молодежи. Перед коммунистами ставилась задача организации борьбы женщин против отправки их мужей, братьев и сыновей на фронт, против дороговизны жизни, нищенского снабжения и т. д. «Центральный Комитет Коммунистической партии Румынии считает одной из своих главных задач организацию борьбы молодежи, которая превращена в пушечное мясо для кровавого фашизма на фронте и в угнетаемых и эксплуатируемых рабов в тылу». Необходимо было усилить работу среди студенческой молодежи, помочь ей освободиться из-под влияния легионерских вождей и занять место в первых рядах патриотического народного фронта.

Исходя из этих правильных указаний, выработанных компартией с учетом опыта антифашистской борьбы

---

[87] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», p. 363.

братских компартий, и программы антигитлеровской коалиции, сформулированной в документах КПСС и Советского правительства, румынские коммунисты повели героическую борьбу против гитлеровских захватчиков и их румынских фашистских сообщников.

Сигуранца сообщала о деятельности коммунистов в 1941 году следующее: «Хотя внешне деятельность Коммунистической партии ограничена, тем не менее участники этого движения (коммунистического. — *Авт.*) имеются повсюду и ведут непрерывную работу»[88]. Служба контрразведки 18-й пехотной дивизии, расквартированной в Банате, доносила: «Хотя их и мало, а их руководители заключены в концлагеря, коммунисты продолжают подпольную пропаганду». Секретные правительственные информационные бюллетени сообщали о ежедневном распространении коммунистических листовок, призывавших население бороться против фашистского режима, за прекращение антисоветской войны и переход на сторону антигитлеровской коалиции. В одном из таких манифестов, отпечатанном 31 октября 1941 г. партийным комитетом Секторул Албастру, указывалось, что нищета и голод, дороговизна и недостатки являются следствием «преступной войны, развязанной Гитлером против свободных и счастливых народов Страны Советов. Гитлер и предатель Антонеску отняли хлеб у наших детей, а теперь требуют еще кровь и жизнь наших отцов и братьев»[89].

По случаю 7 ноября 1941 г. по всей стране были распространены листовки с призывом к борьбе за национальную независимость, прекращение антисоветской войны, вывод немецких войск с румынской территории, освобождение Ардяла (Трансильвания), политические свободы. В манифесте комитета КПР первого сектора Галбен (Бухарест) говорилось: «В эти часы тяжелых испытаний, голода и национального порабощения, когда гибнут сотни тысяч жизней в организованной Гитлером бойне, когда десятки тысяч мучаются в лагерях и тюрьмах, все патриоты-румыны должны приступить к осуществлению Национального единого фронта для разгро-

---

[88] Arhiva MFA, dos. 733/57, f. 71.
[89] «Revista arhivelor», 1959, N 1, p. 26.

ма фашистского захватчика»[90]. Манифест призывал превратить день 7 ноября в день национальной борьбы за выход из антисоветской войны и заключение мира и союза с СССР, Англией, Польшей и Чехословакией, за свержение предательского правительства Антонеску, за возвращение Трансильвании. В связи с вывозом молодежи на работу в фашистскую Германию компартия, как свидетельствуют органы сигуранцы, создала группы из коммунистов, которые вели энергичную пропаганду, чтобы помешать отправке молодежи, разъясняя ей, что она обрекается на рабство[91].

Издававшаяся в Банате подпольная коммунистическая газета «Ромыниа либера», отмечая годовщину объединения румынских княжеств 24 января 1859 г., писала о героических традициях борьбы румынского народа за свою свободу и национальную независимость и призывала все население области — румын, венгров и немцев объединиться для борьбы против гитлеризма. Газета популяризировала платформу КПР от 6 сентября 1941 г., рассказывала о выступлениях рабочих за экономические и политические права, против расистской фашистской политики в рабочем вопросе. Она призывала банатское население протестовать против режима физического истребления, господствовавшего в расположенном там лагере советских военнопленных. «Честные тимишоарцы навечно покроют себя позором, если будут терпеть рядом с собой такое положение. Позор румынскому народу, если он не придет на помощь советским военнопленным, несчастным жертвам гитлеровского террора...»[92]. В газете давался обзор международных событий, говорилось о росте и укреплении антифашистских сил во всем мире, их успешных действиях, вдохновлявших румынских патриотов.

Преодолевая огромные трудности, компартия самыми различными средствами вела антифашистскую пропаганду. С начала 1942 года стал выходить бюллетень Центрального Комитета Коммунистической партии Румынии. В январе 1943 года также подпольно начала печататься еще одна коммунистическая газета — «Ромы-

---

[90] Arhiva Inst., cota XXV—7, N 1119.
[91] См. Arhiva MFA, dos. 733/57, f. 73.
[92] «Romînia liberă», 24 ian. 1942.

ния либера» (помимо газеты «Ромыниа либера», издававшейся в Банате). Распространялись и другие подпольные издания: «Бюлетинул капиталей», «Тынарул патриот» и т. п. Голос партии, звавший народ на борьбу, звучал через радиостанцию «Свободная Румыния». Большую и смелую работу по распространению многих тысяч коммунистических листовок вели шоферы и водители городского транспорта Бухареста, имевшие контакт с коммунистами гаражей и депо [93].

Подпольные газеты, многочисленные листовки и брошюры, печатавшиеся компартией, популяризировали цели антифашистской борьбы и предложения коммунистов по объединению патриотических сил, рассказывали о сопротивлении румынского народа, актах саботажа и диверсий. В течение всего периода войны КПР распространяла в массах листовки и брошюры с содержанием приказов Советского Верховного Главнокомандования и других материалов, из которых румынский народ узнавал о героической борьбе советского народа, операциях Красной Армии и действительном положении на советско-германском фронте.

Коммунистическая антивоенная и антиправительственная пропаганда причиняла большое беспокойство фашистским властям. По сведениям сигуранцы, компартия подпольно отпечатала и распространила в период с апреля 1942 года по апрель 1943 года в городах Бухаресте, Яссах, Тимишоаре, Констанце, Араде, Брашове, Лупени, Лугоже и др. более 30 наименований различной антифашистской литературы. В городе Араде было обнаружено 400 листовок, в которых содержались призывы к населению вести борьбу за немедленный выход из войны против СССР. Румынские патриоты отвечали на эти призывы действиями, направленными против фашистского режима и антисоветской войны.

Одной из важных форм антифашистской борьбы являлись выступления рабочих за улучшение экономического положения, повышение заработной платы и т. п. Эти выступления, переплетаясь с борьбой против гитлеризма, приобретали явно выраженный политический характер, поскольку проходили в период антисоветской войны и в той или иной степени наносили удар по воен-

---

[93] См. «Scinteia», 9 aug. 1964.

ному производству. Трудовые конфликты и забастовки рабочих подрывали усилия фашистских властей добиться роста продукции в интересах ведения войны [94]. Многочисленные трудовые конфликты и забастовки имели место с самого начала антисоветской войны на предприятиях, производивших оружие, как, например, на заводах «Вольф», «Леметр» и «Арсенал» в Бухаресте, «Конкордия» в Плоешти и др.

Осенью 1942 года прошла забастовка строителей нефтепровода Чернавода — Констанца, предназначенного для снабжения фронта горючим и смазочными материалами. Забастовки имели место на плоештинском заводе «Узинеле румыне», работавшем на армию, в карьере Сандулешть, поставлявшем сырье для химического завода «Солвей» в Турде.

Несмотря на военное положение и жесточайшие репрессии, весь период войны вели настойчивую борьбу против зверской эксплуатации и нищенских условий жизни шахтеры Валя Жиулуй. Рабочие сотнями не выходили на работу, что вызывало падение добычи угля. Только в августе 1942 года из 10 558 человек (число всех работавших в шахтах Валя Жиулуй) не выходили на работу в свои смены 1332 человека. «Добыча угля неуклонно падает, несмотря на усилия увеличить ее, — докладывала полиция города Петрошень. — Причиной является плохое питание и физическая слабость обессилевших рабочих». Введение в августе 1943 года распоряжением военного командования угольного бассейна Петрошень 12-часового рабочего дня вызвало резкие протесты рабочих. Для подавления сопротивления шахтеров фашистские власти направили в Валя Жиулуй дополнительно четыре роты жандармов.

Довольно частыми, как сообщает сигуранца, были рабочие конфликты в области Тимишоара. В декабре 1941 года из речного порта Оршова были уволены многие рабочие, которые призывали других к неподчинению. Рабочие обувной фабрики «Прима Банат» потребовали в марте 1942 года увеличения заработной платы на 65%. В течение трех дней на текстильной фабрике «Текстила Арадяна» бастовали 900 рабочих прядильного цеха, потребовавших повышения заработной платы, снабжения

---

[94] «Studii», 1964, N 4, p. 16.

семей рабочих фабрики изготовляющимися на фабрике тканями на одежду по себестоимости, обеспечения рабочих дровами. Лишь после удовлетворения почти всех их требований рабочие 29 мая 1942 г. возобновили работу. В мае 1942 года прекратили работу 154 рабочих стекольной фабрики в коммуне Томешть Северинского уезда, которым в течение двух месяцев не выплачивали зарплату. Попытку провести забастовку предприняли 2 сентября 1942 г. рабочие фабрики «Астра» в Араде. Собравшись на заводском дворе, они более получаса митинговали по поводу нищенской заработной платы и требовали ее повышения. Зачинщики были арестованы и отправлены в военный трибунал. Помимо упомянутых случаев, о которых сообщил доклад местной полиции «Эволюция рабочего вопроса в области в период с июля 1941 по сентябрь 1942 г.», в Тимишоарской области имели место, как указывается в этом докладе, и другие рабочие конфликты по причине недостаточности заработной платы [95].

Под руководством коммунистов на заводах «Леметр» и «Малакса» (Бухарест), «Ферроэмайл» (Плоешти) и др. рабочие выступали против введения карцеров на предприятиях. Массовый характер принял отказ рабочих от подписки на заем, выпущенный Антонеску для продолжения войны [96]. Рабочие бастовали также против повышения налогов на заводах «Фердинанд», «Марджиня» и «Фрации Фехер» в Решице, «Узинеле Теба», «Астра» и др. в Араде, на металлургическом заводе «Куджир» и т. д. [97] Рабочие конфликты и забастовки в июле 1941 года — августе 1942 года происходили на строительстве железнодорожной линии Брашов — Сибиу, на шахте «Мусариу» в Хунедоаре, на шахте «Валя Аркулуй» в Петриле и др. В апреле 1943 года отказались работать ученики-шахтеры Анины. 11 августа 1943 г. большая группа рабочих фабрики «Сокотуб» в Брашове объявила забастовку.

В борьбе за свои права, против эксплуатации и лишений, вызванных войной, рабочие разных национальностей выступали совместно. В этом отношении показа-

---

[95] См. Arhiva, Inst. dos. 33115/2950, vol. 16, f. 53, pp. 1—4.
[96] См. Arhiva MFA, dos. 225/24, ff. 228, 346, 406, 404.
[97] См. «Scintea», 9 aug., 1964.

телен пример рабочего коллектива заводов «Решица», состоявшего помимо румын из венгров, немцев, хорватов и других национальностей. Фашистские власти сеяли вражду между рабочими разных национальностей, чтобы не допустить их объединения в борьбе за общие интересы. Гитлеровцы создали фашистскую организацию «Дейче арбайтершафт румениенс», в которую с помощью материальных выгод и различных посулов стремились вовлечь рабочих немецкой национальности. Коммунисты сорвали план фашистов: многие немецкие рабочие, которых обманным путем или насильно записали в эту организацию, вскоре стали покидать ее, не желая, чтобы их приравнивали к гитлеровцам. Военный директор заводов в секретном докладе был вынужден признать, что «как румынские, так и немецкие рабочие хотят иметь общую организацию». Такой общей организацией легального типа стала «Казина ромына», занимавшаяся культурно-экономической деятельностью и объединявшая 1400 рабочих различных национальностей.

Чтобы оценить значение экономической борьбы румынского пролетариата для подрыва военного производства, необходима полная статистика рабочих конфликтов и забастовок в Румынии в годы войны. Ее, к сожалению, нет, но подсчеты румынских исследователей по отдельным отраслям, промышленным центрам дают представление о масштабах этого движения. В городах Галац и Брэила, например, несмотря на присутствие там немецких и румынских фашистских войск, за период 1941—1944 годов произошло 183 рабочих конфликта, в которых участвовало более 54 тыс. человек, 39 забастовок с охватом 12 837 человек, в результате которых было потеряно более 30 тыс. человеко-дней [98]. Рабочие выступления вызывали беспокойство фашистских властей. В конце 1943 года генеральный штаб, обеспокоенный выступлениями рабочих за улучшение экономического положения, отдал приказ военным директорам предприятий усилить меры борьбы с непослушанием рабочих.

Одновременно с организацией борьбы рабочих против усилившейся эксплуатации и политического бесправия коммунисты вели саботаж военного производства,

---

[98] «Analele», 1963. N 4, p. 75.

нанося удары непосредственно по гитлеровской военной машине. Акты саботажа были организованы на крупных бухарестских предприятиях, как-то: «Леметр», «Вольф», «Арсенал», «Малакса» и др. На заводе «Леметр» были созданы коммунистами специальные группы саботажа, портившие военную продукцию, в частности снаряды, многие из которых не взрывались после выстрела. На авиационном заводе «ИАР» в Брашове в результате саботажа уменьшился выпуск самолетов. Рабочие бухарестской фабрики «Индустриа текстила» поставили армии значительное количество ткани низкого качества, оказавшейся непригодной для изготовления парашютов. На фабрике «Акта» в результате саботажа на 6 месяцев было задержано выполнение заказа для противовоздушной обороны, а когда, наконец, он был закончен, оказалось, что более 20 тыс. деталей из этого заказа не могут быть использованы по причине дефектов. Изготовление отдельных деталей с дефектом, который было трудно обнаружить, имело своим следствием то, что военные корабли «Марашешть», «Реджина Мария» и др., а также подводная лодка «Дельфин» долго не могли покинуть верфей Констанцы. Значительные размеры имел саботаж в нефтепромысловом районе, способствуя падению добычи нефти.

Железнодорожники Бухареста, Плоешти, Брашова, Тимишоары, Симерии, Арада и других станций вызывали самозагорание букс, что приводило к вынужденным простоям воинских эшелонов. На станции Николина (Яссы) 11 марта 1942 г. сошли с рельсов два немецких поезда, в результате чего задержалась перевозка грузов, предназначенных фронту. 13 сентября 1942 г. произошло столкновение поездов на станции Сокола (Яссы), а 3 ноября 1942 г. — крушение в Подул Илоайей, которые прервали на довольно значительное время транспортировку на фронт оружия, снаряжения и войск.

В июле 1942 года взлетел в воздух военный склад в окрестностях Буэзу. В результате этой диверсии было уничтожено более 200 вагонов военного снаряжения и несколько сот цистерн авиационного бензина. Большое количество военного имущества и боеприпасов сгорело во время пожара в арсенале Тырговиште. Подобные диверсии были организованы также в Пьятра-Нямц, в Валя Жиулуй и других местах. Патриотами была разру-

шена фабрика «Акила», производившая понтоны для нужд армии. Осенью 1942 года в порту Джурджу загорелись 6 танкеров с нефтью, подготовленные к отправке в Германию. Не находя виновных, полицейские власти объясняли часто возникавшие пожары халатностью, случайным стечением обстоятельств и т. п.; таким образом можно было скрыть свою беспомощность. Но эти объяснения не могли удовлетворить фашистского диктатора. На донесении о пожаре на складе завода противотанковых мин «Могошоайя» И. Антонеску поставил следующую резолюцию: «Пожары на продовольственных и военных складах учащаются. Нет нужды доказывать, что эта работа организуется и направляется» [99].

Румынские патриоты нарушали линии связи. В ночь с 20 на 21 августа 1943 г. был перерезан телефонный кабель, обеспечивавший немцам связь на участке Бакэу — Роман — Яссы. Командование немецкой авиации в Румынии сообщало в августе 1943 года о «многочисленных случаях саботажа телефонной связи авиации», упоминая разрыв телефонного кабеля между Плоешти и Тыргушорул Ноу [100].

Саботаж, по заявлению румынских репрессивных органов, был «ужасным оружием в руках рабочих» [101]. В условиях, когда в стране не развернулась вооруженная борьба против гитлеровцев, не было партизанского движения, саботаж являлся главным орудием в руках патриотов-антифашистов, с помощью которого они наносили удары по гитлеровской военной машине и фашистскому режиму в стране.

Клика Антонеску жестоко расправлялась с коммунистами, обвиняя их в организации саботажа и другой подрывной деятельности. 5 ноября 1941 г. военный трибунал приговорил к смертной казни 5 коммунистов за изготовление взрывчатки для актов саботажа. В январе 1942 года в Бухаресте проходил процесс 27 антифашистов; в марте были осуждены на смертную казнь рабочие Помпилиу Штефу и Николае Моханеску; в августе того же года состоялся процесс еще 34 антифашистов. В Брашове в марте 1942 года состоялся суд над 19 антифашис-

---

[99] «Scinteia», 31 iulie 1964.
[100] См. Arhiva MAE, fond Germania, vol. 83, nota din 23.8.43.
[101] Arhiva CC al PCR, fond 5, dos. 840, f. 74.

тами с завода «ИАР». Жертвой фашистского террора пал в феврале 1943 года секретарь Ильфовского комитета КПР Петре Георге. В августе 1943 года судили 31 антифашиста в Бухаресте и 27 антифашистов в Констанце. В мрачные годы гитлеровской войны коммунисты, движимые горячим патриотизмом, понесли бесчисленные жертвы, организуя саботаж военной машины и мобилизуя патриотические силы, весь народ на действия с целью свержения военно-фашистской диктатуры. По сведениям сигуранцы, за период с 1 апреля 1942 г. по 1 апреля 1943 г. по обвинению в «экономическом саботаже», в том числе и за невыполнение правительственных распоряжений, было арестовано 1714 человек, за террористические акты — 17 человек, «за пораженчество» — 122 человека и т. д. [102]

Сопротивление фашистскому режиму, втянувшему страну в гибельную войну, оказывало также крестьянство, страдавшее от всевозможных реквизиций, поборов и помещичьей эксплуатации. Крестьяне выступали за прекращение войны, которая принесла им неслыханные лишения и страдания. Они отказывались платить налоги, работать на полях помещиков, саботировали заготовку сельскохозяйственных продуктов, прятали скот, зарывали зерно в землю, предпочитая сгноить его, чем отдать фашистским властям. Радио Бухареста неоднократно обращалось с угрозами в адрес крестьян, предупреждая их, что в случае несдачи или сокрытия запасов зерна крестьяне будут подвергнуты тюремному заключению, а обнаруженное зерно будет конфисковано. Один сельский учитель так выразил настроения крестьян: «Мы решили больше ничего не давать. Ни одно зернышко не должно уйти из села. Все будет спрятано. Мы хотим, чтобы ели наши дети, а не убийцы-немцы, которые завоевали все страны. Мы хотим мира, ибо нам нечего делать в войне, которая не является нашей» [103].

Непосредственно работая в деревне или действуя через «фронт земледельцев», коммунисты организовывали борьбу крестьян против насильственных реквизиций, произвола властей и т. п., втягивали местные организации «исторических партий» в антифашистскую борьбу.

---

[102] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 304, стр. 3.
[103] «Romania liberă», 6 mai 1943.

Крестьяне все решительнее защищали свое имущество, открыто выступая против реквизиций. В деревне Куртичь крестьяне напали на вагоны с собранными для отправления в Германию продуктами. В Пьятра (Молдова) ими была подожжена сельская мельница, моловшая зерно для германской армии. Выражением протеста крестьян против войны было укрывательство ими дезертиров. Подводя итоги обследования настроения крестьян в деревнях уезда Праховы, полицейские власти доносили: «Крестьяне начинают проявлять классовое сознание, проявлять враждебность к государственному порядку и употреблять в разговоре слова из словаря коммунистов, что свидетельствует о коммунистической пропаганде в слоях крестьянства» [104].

В условиях, когда румынская армия использовалась в качестве пушечного мяса в гитлеровской войне, одной из главных форм, в которых проявлялось сопротивление населения политике и германского фашизма и его румынских слуг, было уклонение от призыва в армию и посылки на советско-германский фронт. Документы военных властей того периода показывают значительные размеры такого сопротивления. Например, в октябре 1942 года количество неявившихся на призывной пункт города Сибиу составило 4062 человека. В первой половине 1943 года число неявившихся по повесткам в 1-ю армию достигло 14 127 человек, а в 5-м территориальном корпусе еще больше — 24 822 человека [105]. На фронте солдаты дезертировали, переходили на сторону советских войск или партизан. Число лиц, дезертировавших на фронте или неявившихся в части по военному призыву, росло с каждым месяцем и годом войны. С июня 1941 года по июнь 1944 года за дезертирство и неявку по мобилизации было осуждено судами военного трибунала более 86 тыс. человек.

Выражением антигитлеровских настроений румынского народа являлось проявление солидарности и оказание помощи советским военнопленным. Фашистские власти создали невыносимые условия для военнопленных, в результате чего только за несколько месяцев в Тимишоарском лагере умерло от голода и холода более

---

[104] «Scinteia», 31 iulie 1964.
[105] «Analele», 1961, N 4, pp. 52—53.

2 тыс. человек. Банатский областной комитет КПР через подпольную газету «Апэраря» обратился к населению с призывом выступить в защиту советских военнопленных. «Жители Баната, — писала газета, — с румынскими солдатами, плененными на Восточном фронте, обращаются по-человечески. Неужели вы будете терпеть, чтобы с пленными, которые сражались за вашу свободу, героически защищая свою родину от нацистских захватчиков, обращались как с собаками?» Коммунисты заводов Решицы привлекли к оказанию помощи советским военнопленным, работавшим на предприятиях, значительное число людей. В октябре 1942 года группа рещицких рабочих завязала драку с жандармами, истязавшими военнопленного, и обратила их в бегство. После этого случая официально было запрещено избивать пленных, чтобы «не раздражать рабочих» [106]. Оказывалась также помощь и военнопленным в лагерях. Главное управление полиции сообщало 9 декабря 1942 г., что в Решице и шахтерских поселках уезда Караш отмечались многие случаи, когда рабочие приходили в лагеря, где работали русские пленные, и давали им тайком продовольствие, одежду и деньги. Рабочие были задержаны и преданы суду [107].

Из долины Жиулуй полиция летом 1942 года сообщала, что присланные для работы русские пленные «были хорошо приняты рабочими», и отмечала в этой связи проявление рабочими явной симпатии к коммунистическому движению. Полицейские власти выражали беспокойство по поводу «ежедневных контактов советских военнопленных с рабочей массой, которая в большинстве своем склоняется к коммунистическому течению» [108]. Несколько шахтеров, подозревавшихся в оказании помощи побегу военнопленных, были приговорены ко многим годам тюремного заключения. Отмечались случаи совместных выступлений румынских рабочих и советских военнопленных против зверской эксплуатации, которой они подвергались со стороны военно-фашистского режима. 30 и 31 января 1943 г. проходила забастовка 200 румынских рабочих и 70 советских пленных, работав-

---

[106] «Studii», 1960, N 3, p. 43.
[107] См. Arhiva CC al PCR, dos. 33076—2793, vol. 32, p. 00609.
[108] «Studii», 1964, N 1, p. 19.

ших в каменных карьерах завода «Солвей» в городе Турда [109].

Антифашистское движение в Румынии развивалось в условиях, отличных от тех, в которых оно проходило в других странах, находившихся под гитлеровским господством. Эти условия, о которых пойдет речь ниже, определили характер румынского движения Сопротивления, его масштабы и методы борьбы, уровень организованности.

Хотя Румыния была фактически оккупированной страной, эта оккупация в определенной степени замаскирована тем, что страна формально являлась союзницей гитлеровской Германии. В отличие от Польши, официально оккупированной немецкими войсками и не имевшей национального государственного аппарата, Румыния имела собственное правительство и короля, что создавало в умах политически отсталой части населения иллюзию самостоятельности и независимости страны. Этому способствовала также фашистская пропаганда, представлявшая румынского диктатора И. Антонеску в качестве якобы равноправного партнера Гитлера и Муссолини и называвшая его «третьим человеком» в фашистской «оси».

Свое бесцеременное хозяйничанье в Румынии германские фашисты осуществляли через клику Антонеску, являвшуюся их агентурой. В этом отношении было нечто общее в положении Румынии с положением Болгарии в гитлеровском блоке, где вторжение немецких войск не сопровождалось разрушением государственного аппарата, введением чисто немецких порядков. Немцы распоряжались в Болгарии, но свое разбойничье дело внутри страны они делали руками болгарских фашистских правителей. Так, они довольно щедро оплачивали продукты, закупаемые в Болгарии, но народу не было известно, что деньги на это немцы брали у болгарского Национального банка.

Далее. Временные успехи войск гитлеровского блока в начальный период войны против СССР и захват румынскими фашистами советских территорий, объявленных частью Румынии, способствовали распространению шовинистического угара среди части населения, поддав-

---

[109] См. «Analele», 1963, N 3, p. 128.

шейся влиянию правительственной пропаганды. Даже те круги, которые не одобряли диктаторского фашистского режима, оказались захлестнутыми мутной националистической волной, приветствуя «возврат румынских территорий». Коммунистическая партия Румынии, стоявшая на марксистско-ленинских позициях в национальном вопросе, с самого начала войны выступила против захватнических устремлений румынской буржуазии, прикрываемых лозунгами «национального единства всех румын». Правящие румынские круги в этой связи объявили румынских коммунистов «предателями национальных интересов Румынии», «агентами России», натравливая на них националистические элементы. И хотя националистический угар стал проходить по мере того, как Красная Армия наносила сокрушительные удары по немецко-фашистским захватчикам, опрокидывая их сумасбродные планы, он оказал в начальный период тормозящее воздействие на развертывание массовой борьбы против антисоветской войны.

Анализируя причины, которые, как отмечал Г. Георгиу-Деж, помешали в Румынии «организовать широкое массовое движение против антисоветской войны» [110], развернуть вооруженную борьбу, подобную партизанскому движению в Болгарии, следует указать также на труднейшие условия деятельности компартии, понесшей большой урон в результате фашистского террора и предательских действий Фориша, находившегося тогда в руководстве Коммунистической партии Румынии. Став в 1935 году во главе секретариата ЦК КПР, Фориш сделал своим ближайшим помощником Кофлера, являвшегося осведомителем сигуранцы и ряда иностранных разведок. Группа Фориша — Кофлера окружила себя карьеристскими, оппортунистическими элементами и вела преступную деятельность по развалу и ликвидации партийных организаций, извращала революционную линию партии, стремясь деморализовать коммунистов, боровшихся против фашизма и гитлеровской войны. Все, кто выступал против капитулянтской линии этой группы и требовал усиления саботажа фашистской военной машины, организации вооруженных отрядов и ведения вооруженной борьбы с гитлеровцами, объявлялись Фори-

---

[110] Г. Георгиу-Деж, Статьи и речи, т. I, стр. 343.

шем «авантюристами» и «фракционерами» и в скором времени оказывались в фашистских застенках.

Группа Фориша — Кофлера выдавала сигуранце партийные кадры. Чтобы облегчить репрессивным органам проведение террора в отношении коммунистов-антифашистов, Фориш требовал от партийных организаций всех областей представления докладов с подробным описанием состава организации, с полными списками членов партии и характеристиками на них, указанием явочных квартир и т. п. Удары по партийным кадрам следовали один за другим. В результате представления одного из таких докладов сигуранцей была арестована почти вся партийная организация Банатской области. Подобным образом были арестованы многие партийные активисты в Бухаресте, Плоешти, Брашове, Констанце и Молдове [111].

Ликвидаторская линия Фориша во всей полноте проявилась в действиях, направленных на уничтожение партийной организации Бухареста. После того как вспыхнула война, Ильфовский уездный комитет систематически подвергался атакам сигуранцы. Форишу удалось создать там атмосферу недоверия и подозрительности. Он вывел из состава партийного комитета Бухарестской организации Петре Георге и других коммунистов, приклеив им ярлык «фракционеров». Позднее Петре Георге был арестован и расстрелян в Плоешти также в результате провокации Фориша, который сделал это потому, что Петре Георге начал догадываться, что Фориш предатель [112].

Еще находясь в заключении в Дофтане, он капитулировал перед врагом, сделав заявление об отказе от политических убеждений. В 1939 году, будучи снова арестован, Фориш после короткого времени вышел на свободу, объясняя это тем, что якобы договорился с генеральным директором сигуранцы об оказании ему поддержки в действиях против легионеров. Разоблачение предателей было нелегким делом. В условиях подполья и диверсий классового врага требовался длительный период упорной работы, чтобы собрать в единую цепь все звенья и

---

[111] См. «Scinteia», 31 iulie 1965.

[112] См. «Выступления в прениях участников Пленума ЦК РРП, состоявшегося 30 ноября — 5 декабря 1961 г.», Бухарест, 1961, стр. 24—25.

прийти таким путем к твердому убеждению, что в руководстве партии действует группа предателей.

В Румынии царил террор, многочисленные репрессивные органы жестоко подавляли всякое выступление против фашистского режима. Помимо румынских органов в стране действовали 11 германских служб шпионажа и информации во главе с гестапо, стремившихся поймать и упрятать в тюрьмы или концлагеря всех коммунистов-антифашистов. По сообщению сигуранцы, за период с 1 апреля 1942 г. по 1 апреля 1943 г. было арестовано 667 коммунистов, в том числе в Бухаресте — 151, Плоешти — 54, Констанце — 62, Яссах — 29, Галаце — 22, Тимишоаре — 124, а с 1 апреля по 1 июля 1943 г. был арестован еще 221 коммунист[113]. Военные трибуналы вынесли смертные приговоры десяткам коммунистов и антифашистов. В борьбе против фашизма смертью храбрых пали Филимон Сырба, Петре Георге, Франчиск и Лили Панет, Ада Маринеску, доктор Корнхаусер, Штефан Плавец, Жожа Бэла, Лазар Грюнберг, Бернат Андрей, Сузанна Пырвулеску, Ион Сучу, Жустин Джорджеску, Помпилиу Штефу, Николае Моханеску. Более 3600 человек были приговорены к долгим срокам тюремного заключения, еще 5500 человек были посажены за колючую проволоку концлагерей. Эти цифры отражают только тех, кто организационно был связан с компартией и другими антифашистскими группами.

Трудности, с которыми столкнулась партия, затормозили ее работу по мобилизации масс на борьбу против антисоветской войны. Однако ни действия провокаторов, ни фашистский террор не смогли уничтожить партии. Вдохновляемые сознанием своего высокого долга перед народом, румынские коммунисты продолжали самоотверженную героическую борьбу.

В тесном контакте с компартией вел борьбу против фашизма и войны «Фронт земледельцев», руководимый выдающимся политическим деятелем и горячим патриотом доктором Петру Гроза. Организации этого фронта пользовались большим влиянием среди крестьян областей Хунедоара, Клуж и Тимиш-Торонтал. Они популяризировали цели антифашистской борьбы и организовывали выступления крестьян в защиту их хозяйств от

---

[113] ИДА, ф. Военный кабинет Румынии, д. 304, лл. 3—4.

военных поборов и произвола фашистских властей. Линии антифашистской платформы, предложенной компартией 6 сентября 1941 г., придерживались в своей деятельности социалистическая крестьянская партия, возглавляемая известным политическим деятелем и философом Михаилом Раля, и организация венгерских трудящихся в Румынии «МАДОС». Действуя совместно с ними, компартия добивалась объединения всех патриотических антифашистских сил в единый фронт. В начале 1942 года под руководством компартии был создан подпольно Союз патриотов, который, как говорилось в его программе, ставил целью создание широкого национального патриотического фронта для «изгнания немцев из страны, свержения правительства Антонеску, предающего национальные интересы, формирования подлинно национального правительства, прекращения войны и заключения сепаратного мира с Советским Союзом, отмены венского диктата». Помимо этих антифашистских организаций в стране действовала «Патриотическая защита», которая втягивала массы в действия по защите заключенных в тюрьмах и лагерях борцов-антифашистов.

Деятельность компартии по организации национального патриотического фронта борьбы против гитлеризма и антисоветской войны встретила сопротивление со стороны руководства ряда нефашистских партий Румынии. Правосоциалистические лидеры оставляли без ответа неоднократные предложения и обращения компартии о единстве действий двух рабочих партий в борьбе против фашизма и войны. Переговоры между компартией и социал-демократической партией по этому вопросу в 1942 году окончились безуспешно: правосоциалистическое руководство отклонило предложение коммунистов о создании единого рабочего фронта, который должен был стать ядром антигитлеровского фронта в стране, объединил бы вокруг себя все патриотические и антифашистские силы. Правые элементы в руководстве социал-демократической партии Румынии, отказываясь от сотрудничества с Коммунистической партией, держали равнение на буржуазно-помещичьи партии, тормозившие развитие антифашистской борьбы в стране.

Составной частью румынского движения Сопротивления являлось антифашистское движение среди румын-

ских военнопленных, находившихся в Советском Союзе, возникшее в 1941—1942 годах и приобретшее большой размах после наступления коренного перелома в ходе войны. Как известно, в ходе боев во время Великой Отечественной войны советскими войсками было взято в плен много румынских солдат и офицеров. С румынскими военнопленными велась большая разъяснительная работа, в которой участвовали румынские коммунисты-политэмигранты, проживавшие в СССР. Увидев жизнь советских людей и отношение советского народа, румынские военнопленные поняли, как жестоко они были обмануты фашистской пропагандой. Важную роль в политической работе среди военнопленных играла газета «Грайул либер» («Свободное слово»), начавшая выходить с середины 1942 года.

В 1942 году на конференциях румынских военнопленных солдат и офицеров были высказаны пожелания способствовать немедленному прекращению Румынией войны против СССР. Солдаты-военнопленные на своей конференции приняли обращение к румынскому народу и армии, призывая покончить с антисоветской войной: «Если нападение Румынии на Советский Союз было тяжким преступлением, то во сто крат большим преступлением является дальнейшее продолжение этой бессмысленной войны»[114]. Под влиянием исторических побед Красной Армии, положивших начало коренному перелому в ходе войны, и разъяснительной работы среди румынских военнопленных созрело решение с оружием в руках бороться против гитлеровцев за освобождение своей страны. Тысячи румынских военнопленных стали обращаться с просьбами разрешить им вступить в ряды Красной Армии. 2 февраля 1943 г. 2700 солдат и 43 офицера из числа румынских военнопленных направили советскому командованию коллективный рапорт о посылке их на фронт для вооруженной борьбы против немецко-фашистских поработителей.

В сентябре 1943 года в Красногорске, под Москвой, состоялась конференция всех румынских военнопленных, находившихся в СССР, участники которой единодушно решили просить Советское правительство разрешить формирование на советской территории добровольчес-

---

[114] «Правда», 25 января 1942 г.

ких румынских частей для борьбы на советско-германском фронте. В своем письме на имя главы Советского правительства они отмечали, что «блестящие победы Красной Армии над войсками немецко-фашистских поработителей приближают триумф демократии над черными силами реакции и фашизма и со всей ясностью показывают, что теперь настал решительный момент, когда все румынские патриоты, желающие видеть свою страну свободной и независимой, должны бороться за немедленный выход Румынии из войны и изгнание немецких оккупантов из страны. Мы твердо убеждены, что борьба с оружием в руках является в настоящей ситуации наилучшей помощью, которую мы можем оказать нашему народу» [115]. Программа действий румынских патриотов из числа военнопленных совпадала с основными требованиями платформы патриотического антигитлеровского фронта, включая в себя совместную с антигитлеровской коалицией борьбу против фашистской Германии, освобождение страны от гитлеровского ига и восстановление ее свободы и национальной независимости, свержение фашистского режима Антонеску.

Советское правительство удовлетворило просьбу румынских военнопленных, разрешив формирование дивизии румынских добровольцев. Все расходы, связанные с этим, оно взяло на себя, 90% солдат и 15% офицеров из числа румынских военнопленных сразу же выразили желание вступить в добровольческую дивизию, названную именем Тудора Владимиреску, руководителя народного восстания в Румынии в начале XIX века. После прохождения боевой подготовки дивизия весной 1944 года вошла в состав Второго Украинского фронта.

---

[115] «Participarea armatei romane alături de Armata Sovietică in luptele impotriva cotropitotilor hitlerişti», Buc., 1954, p. 15.

Глава 4

САБОТАЖ АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЫ ЛИДЕРАМИ „ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРТИЙ"

Исходя из сложившейся внутренней и международной обстановки и необходимости изоляции клики Антонеску с целью устранения ее от власти, КПР добивалась создания широкого антигитлеровского фронта, который включил бы представителей буржуазных кругов Румынии, продолжавших сохранять политические и другие связи с правящими кругами ряда стран антигитлеровской коалиции. Сразу же после начала антисоветской войны компартия обратилась к руководству национал-царанистской и национал-либеральной партий с призывом присоединяться к создаваемому фронту борьбы румынского народа за освобождение от гитлеровского ига, свержение одиозной военно-фашистской диктатуры и выход Румынии из антисоветской войны. Привлечение «исторических партий» к фронту национального освобождения румынского народа облегчило бы компартии мобилизацию на антифашистскую борьбу части населения, находившейся под влиянием этих буржуазно-помещичьих партий.

Но лидеры национал-царанистской и национал-либеральной партий совсем не думали о борьбе против режима Антонеску. Следуя линии мировой империалистической реакции, надеявшейся на уничтожение первого в мире социалистического государства вооруженными полчищами германского фашизма, Маниу, Братиану и другие деятели «исторических партий» поддержали военно-фашистский режим Антонеску в его решении участвовать в войне гитлеровской Германии против СССР. Ион Антонеску не смог бы ввергнуть Румынию в войну против СССР, указывается в обвинительном заключении по делу главных румынских военных преступников, «если бы не имел поддержки, то открытой и официальной, то молчаливого согласия и скрытой поддержки со стороны руководителей „исторических партий"»[116]. Маниу и

[116] «Procesul marii trădării naţionale», p. 216.

Братиану выделили в распоряжение Антонеску людей из своих партий, которые заняли видные посты в фашистском правительстве и активно участвовали в преступной антисоветской войне.

Война подвергла проверке все политические партии и группировки, выставив их перед массами без масок и грима, показав их истинное лицо. Отказываясь от какого бы то ни было сотрудничества с патриотическими антифашистскими силами, деятели буржуазно-помещичьих партий помогали фашистскому режиму вести преступную антисоветскую войну. В связи с начавшейся войной Ю. Маниу направил своим сторонникам циркуляр, в котором говорилось: «Национал-царанистская партия одобряет предпринятую военную акцию... Не следует чинить никаких трудностей руководителю государства» [117]. Отношение «исторических партий» к гитлеровской войне было подчеркнуто тем фактом, что их видные деятели И. Михалаке и Г. Братиану демонстративно отправились добровольцами на советско-германский фронт. Фашисты оценили поведение этих деятелей «исторических партий»: для использования на сельскохозяйственных работах в поместье И. Михалаке были присланы военнопленные, а Г. Братиану был награжден Гитлером железным крестом за заслуги перед германским рейхом. Для полноты характеристики Г. Братиану остается добавить, что, когда германская миссия в Румынии обсуждала в связи с болезнью И. Антонеску кандидатуры его возможных преемников, глава миссии Киллингер назвал также и имя Г. Братиану.

Солидарность с фашистской диктатурой Антонеску в вопросе войны, проявленная руководством «исторических партий», имела своей базой классовые интересы румынской буржуазии и помещиков. Эксплуататорские классы Румынии увидели в антисоветской войне возможность быстрого обогащения. Румынская буржуазия и помещики кинулись в бизнес, связанный с военным производством и экспортом товаров в Германию, в спекуляцию на внутреннем рынке товарами широкого потребления, получая от всего этого огромные доходы, рост которых находился в прямой связи с катастрофическим

---

[117] Gh. Ţuţul, Al. Popescu, Zdrobiţi de popor, Buc., 1959, pp. 15—16.

ухудшением материального положения трудящихся масс.

Война явилась источником обогащения буржуазно-помещичьих кругов, группировавшихся вокруг «исторических партий». Выше мы уже отмечали доходы «Банка ромыняска», главным акционером и председателем правления которого был лидер национал-либералов Д. Братиану. Представители этих партий занимали важные позиции в руководстве металлургической и химической промышленности, работавшей на фашистскую армию. Они состояли в административных советах румыно-германских акционерных обществ, выступая партнерами гитлеровцев в эксплуатации и ограблении румынского народа. Генеральный секретарь национал-царанистской партии Гица Поп являлся председателем административного совета акционерного общества «Валленберг» и представлял в Румынии интересы других германских трестов — «Бауэрише моторенверке Мюнхен» (БМВ), «Ганс Ллойд», «Голиаф верке» и т. д. Другой генеральный секретарь этой партии, Ион Худице, был коммерческим представителем немецких фирм «Авто-юнион», «Бюссинг — Н. А. Г.», мотоциклетного завода «ДКВ», велосипедного завода «Бреннабор» и др., не считая того, что являлся председателем административного совета компании «Гаражеле Михаеску», обслуживавшей германские войска.

Вместе с И. Антонеску делая ставку на уничтожение гитлеровцами Советского Союза, лидеры «исторических партий» считали, однако, что конечная победа будет не за германскими империалистами, а за английскими и американскими. Вот что записал в своем дневнике в июне 1941 года К. Арджетояну после беседы с вице-председателем национал-царанистской партии М. Поповичем: «Маниу стоит непреклонно на своей точке зрения: победит Англия. Он готовит себя ко дню этой победы, однако считает, что до тех пор, пока не переправимся через реку (Прут. — *Авт.*) с немцами, невозможно никакое другое правительство, кроме правительства Антонеску. Поэтому следует не затруднять, а помогать ему, но только косвенно, извне, не устанавливая прямого контакта и не разделяя с ним ответственности... Барон де Топловени (насмешливое прозвище, данное Иону Михалаке автором дневника. — *Авт.*) считает, что до победы англи-

чан необходимо ликвидировать вопрос с русскими, а это возможно только с помощью немцев»[118].

Между Антонеску и лидерами буржуазно-помещичьих партий было достигнуто соглашение, по которому Маниу и Братиану обязывались не нападать на фашистского диктатора и его политику, а он согласился не препятствовать поддержанию ими связи с англичанами. Эта связь длительное время осуществлялась по радио: покидая в феврале 1941 года Румынию, английские представители, как сообщает английский вице-маршал авиации Артур Голд Ли, оставили Ю. Маниу радиоаппаратуру, с помощью которой передавались впоследствии в штаб союзников в Каир различные сведения и принимались оттуда указания[119].

Руководители национал-царанистской и национал-либеральной партий рассматривали себя в качестве резерва правящих кругов господствующих классов Румынии на случай возможного поражения гитлеровцев и устранения фашистского правительства Антонеску. Еще перед вступлением Румынии в войну они писали в одном из меморандумов на имя Антонеску, делая намек на свои партии: «Сохранение резервных сил повелительно необходимо не только в военных, но и в политических действиях»[120]. Антонеску согласился с тем, что деятели «исторических партий» будут находиться в определенной оппозиции к правительству и сохранятся как резерв на случай гитлеровского поражения. В беседе с одним из руководителей национал-царанистов в июне 1941 года И. Антонеску сказал, что уверенность в конечной победе немцев не должна исключать создания резервных позиций на случай победы англичан. «Вы правы, — сказал он представителю партии Маниу. — И хотя я верю на 90% в окончательную германскую победу, я не имею мысли уничтожить возможный резерв для политики, противоположной той, которой я служу. Доказательством тому является то, что, несмотря на наличие закона-декрета о смертной казни для лиц, занимающихся политикой, я приглашаю всех позавтракать».

---

[118] Arhiva CC al PCR, fond 104; C. Argetoianu, op. cit., f. 9446.

[119] Artur Gold Lee, Crown against the sickle, L., 1949, p. 59.

[120] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8174, f. 49.

Оппозиционные буржуазно-помещичьи партии, как сообщали органы сигуранцы с мест в августе 1941 года, не вели никакой антиправительственной деятельности. «Ни один из бывших политиков не поднял голоса против акции господина генерала Антонеску, — сообщала сигуранца, — напротив, все они одобряют его акцию (войну. — *Авт.*)» [121]. Вся «оппозиционная» деятельность руководства национал-царанистской и национал-либеральной партий свелась к посылке меморандумов на имя румынского фашистского диктатора, в которых высказывалось несогласие с некоторыми моментами политики правительства Антонеску.

Ю. Маниу в своих письмах к И. Антонеску от 11 и 18 июля 1941 г. призывал вести борьбу «за великую Румынию со всеми ее провинциями» и «самым жестоким образом немедленно и на месте подавлять все случаи восстания и национального предательства» (предателями он считал коммунистов, выступавших против захватнических устремлений румынских правящих кругов). Вместе с тем Маниу заявлял, что румынские войска не должны переходить за Днестр. «Необходимо,— писал он,— беречь нашу армию для разрешения собственных великих и многих задач, для грядущих трагических дней». Кроме того, переход за Днестр и приобретение там новых территорий, как считал Маниу, могут быть расценены венгерскими правящими кругами как компенсация Румынии за потерю Северной Трансильвании. «Мадьярское общественное мнение и его руководители распространяют идею, что жизненное пространство Румынии лежит на восток от Карпат, а Венгрии — в западной части Карпат. Нельзя допустить, чтобы мы подкрепляли аргументы и мотивы, преследующие цель выбросить нас из Трансильвании» [122].

Летом 1941 года Арджетояну сделал в своих мемуарах следующую интересную запись: «Маниу направил Антонеску новый меморандум, в котором указывает, что переход румынскими войсками Днестра был ошибкой (такое замечание сделало и лондонское радио), что ни в коем случае не следует оккупировать и сохранять клочок зем-

---

[121] Arhiva MFA, dos. 305/144, f. 967.
[122] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 336, оп. 156, лл. 51, 52 и 64.

ли за Днестром (они правы), чтобы наши новые приобретения не могли рассматриваться как компенсация за потерю Ардяла и чтобы не сердить западные демократии. Не следует провоцировать Англию. Маниу убежден, что мир будет заключен скоро (осенью!), и это будет компромиссный мир. Маниу также убежден, что после мира будет революция почти во всех странах, и конечно в Венгрии. Нужно сохранить нашу армию нетронутой, «графы» (венгерские. — *Авт.*) позовут нас спасать их, и тогда для нас наступит случай вновь забрать Ардял...» [123].

Меморандумы руководителей буржуазно-помещичьих партий предназначались не столько генералу Антонеску, сколько румынскому и мировому общественному мнению, в глазах которого Маниу и Братиану хотели предстать в роли борцов за демократию и патриотов своей страны. Именно этим объяснялись критические высказывания лидеров «исторических партий» по поводу некоторых аспектов политики военно-фашистской диктатуры. Тон и степень этой критики повышались по мере того, как затягивалась война, неся румынскому народу неисчислимые бедствия и страдания. Показательно в этом отношении письмо к Антонеску от 8 ноября 1941 г., в котором, с одной стороны, Маниу от имени своей партии одобрял военные действия, предпринятые для «освобождения румынского элемента», а с другой — выражал неодобрение продолжению военных действий за пределами «естественных границ» и сожалел «об ослаблении румынской военной мощи, вызванной этими операциями» [124]. Он писал, что национал-царанистская партия не может одобрить унизительного и опасного положения Румынии в Тройственном пакте, который может втянуть ее в войну с западными демократиями. После того как Румыния оказалась в состоянии войны с Англией и Соединенными Штатами, у лидеров «исторических партий» появился таким образом еще один повод для критики правительства Антонеску.

Лидеры буржуазно-помещичьей оппозиции выражали опасения, что Румыния, истощенная в результате затянувшейся войны, неизбежно станет жертвой территори-

---

[123] Arhiva CC al PCR, fond 104; C. Argetoianu, op. cit., ff. 9701—9702.

[124] ИДА, ф. Письмо Ю. Маниу—И. Антонеску от 8 ноября 1941 г.

альных притязаний других стран. Учитывая, несомненно, мнение широких кругов населения и, видимо, не веря в полную победу над Советским Союзом, они стали высказываться за прекращение войны за интересы Германии, за отвод румынской армии с советско-германского фронта. После захвата советских территорий главной задачей, по их мнению, должно стать возвращение Северной Трансильвании. Король Михай разделял точку зрения национал-царанистских и национал-либеральных руководителей. 24 января 1942 г. он встречался в своем дворце с некоторыми лидерами «исторических партий» и обсуждал с ними вопрос посылки новых войск на советско-германский фронт. Михай заявил, что войска можно послать только в том случае, если будет гарантия возвращения Румынии Северной Трансильвании. Недовольство политикой правительства Антонеску в вопросе продолжения войны отмечалось также в кругах армии [125].

В том же месяце Маниу и Братиану направили Антонеску меморандум, в котором спрашивали его: «Во имя чего продолжать войну? Есть ли у нас какой-либо письменный документ, наподобие того, который постарался получить Ион Братиану перед вступлением в мировую войну на стороне Франции, Англии и России, документ, который обеспечивал бы нам возвращение Трансильвании?». Продолжение войны в таких условиях приведет лишь к тому, что страна окажется бессильной защитить себя против венгерской опасности. В меморандуме предлагалось информировать Германию, что Румыния сделала все, что она могла, и принесла такие жертвы, которых Венгрия и Болгария не сделали, и что она не может, не подвергая себя серьезной опасности, продолжать участвовать в войне на Востоке [126].

Учитывая внешнеполитическую ориентацию «исторических партий» и их противоречия с Антонеску, румынские коммунисты стремились достичь с ними сотрудничества на почве антигитлеровской борьбы. 26 января 1942 г. компартия обратилась к председателю национал-царанистской партии Ю. Маниу с предложением создать еди-

---

[125] См. ИДА, ф. Военный кабинет, д. 305, лл. 73—76.

[126] «Documents on International Affairs, 1939—1946», vol. 11. «Hitler's Europe», L., 1954, p. 327.

ный национальный фронт всех патриотов на базе платформы борьбы от 6 сентября 1941 г. Маниу ответил тогда, что в принципе он согласен с этой платформой. Однако условием сотрудничества и совместных действий с коммунистами лидер национал-либералов выдвинул требование «признания присоединения Бессарабии и Буковины к Румынии». Это было провокационное требование, имевшее своей целью сорвать сотрудничество с Коммунистической партией и другими организациями, стоявшими на антифашистских, демократических позициях и выступавшими против захватнической политики господствующих классов Румынии. Не желая в действительности вести борьбы за прекращение войны и свержение фашистской диктатуры, Маниу пытался представить дело так, что созданию антигитлеровского фронта мешает позиция коммунистов, которые не соглашаются с якобы «национальным требованием».

Продолжая маневрировать, летом 1942 года Маниу через активиста организации «Патриотическая защита» изложил компартии свою позицию, будто бы сводившуюся к следующим четырем моментам: 1) ведение войны против СССР — катастрофа для Румынии; 2) германская победа была бы для Румынии катастрофой, большей чем сама война; 3) правительство Антонеску, ведущее страну к катастрофе, необходимо устранить; 4) правительство Антонеску невозможно убедить сменить политику, время уговоров прошло и настало время действий. При этом Маниу подчеркнул свою «готовность сотрудничать со всеми партиями, стоящими на этой политической базе, в особенности с компартией Румынии». Он заявил также, что идеологические расхождения и вопрос о Бессарабии и Буковине не могли бы ему помешать сотрудничать с коммунистами в деле освобождения страны от немцев, вывода Румынии из войны и свержения режима Антонеску, хотя, как он считал, эти расхождения следует довести до сведения общественного мнения. Маниу опять повторил, что стоит за признание румынской границы 1939 года, но сказал, что не будет выдвигать это требование в качестве предварительного условия сотрудничества с компартией [127].

---

[127] См. Arhiva CC al PCR, fond 1, dos. 7950, f. 1.

Новый момент в позиции национал-царанистского лидера объяснялся развитием внутренней и международной обстановки. Растущее недовольство в стране политикой Антонеску заставляло буржуазную «оппозицию» по тактическим соображениям выступать с декларациями, осуждавшими фашистский режим и продолжавшуюся войну, высказываться за объединение патриотических сил Румынии. Если в начале антисоветской войны лидер национал-царанистов не верил в прочность англо-советского союза в войне против гитлеровской Германии, то заключение правительствами СССР и Англии в мае 1942 года договора о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны показало несостоятельность его расчетов. На антигитлеровскую коалицию возлагала свои надежды на спасение Великобритания, и, как давний прислужник английского империализма, Маниу не мог не считаться с этим.

Несмотря на обещающее заявление Ю. Маниу о готовности сотрудничать с КПР, дело формирования патриотического фронта румынского народа не сдвинулось с места. Руководство национал-царанистской и национал-либеральной партий продолжало саботировать антифашистскую борьбу, ограничивая свою «оппозиционную» деятельность к режиму Антонеску посылкой меморандумов. В листовке «К румынскому народу» компартия, разоблачая «оппозиционную» деятельность Ю. Маниу и Д. Братиану, сводившуюся к посылке меморандумов на имя Антонеску, указывала: «Меморандумами цели не достигнешь... Фальшивые пророки под маской дружбы с Англией занимают антисоветскую позицию, пытаясь удержать народ от борьбы за прекращение войны против СССР». Компартия призывала рядовых членов потребовать от лидеров «исторических партий» выхода из пассивного состояния, перехода к активной борьбе: «Не следуйте за теми, кто удерживает вас от борьбы... Национал-царанистская, либеральная, социал-демократическая и Коммунистическая партии, все патриотические организации и ассоциации должны объединиться в патриотический антигитлеровский фронт народа» [128].

---

[128] «Documente din istoria partidului comunist din Romînia», p. 343.

Вскоре национал-царанистское руководство отказалось от той уступки, которую оно сделало по тактическим соображениям: заместитель председателя национал-царанистской партии Г. Поп заявил, что совместные действия с компартией возможны в том случае, если она сделает заявление в пользу румыно-советской границы 1939 года, то есть солидаризируется с «историческими партиями» в вопросе сохранения захваченных советских территорий. Этой очередной диверсией вновь срывались возможности организации сотрудничества с «историческими партиями». В своем ответе на заявление Г. Поп КПР указала, что возвращение к старому требованию является тем более удивительным, что «и международное положение Румынии, являющейся государством-агрессором, союзником Гитлера, и внутреннее положение ухудшились». Колебание в политике объединения антигитлеровских сил отягчит ответственность перед народом, предупреждала компартия. Она отвергла национал-царанистское требование, продиктованное захватническими интересами эксплуататорских классов Румынии. Это провокационное требование мешало созданию национального фронта борьбы румынского народа, оно отделяло его от народов антигитлеровской коалиции, возглавлявшейся Советским Союзом. «Наша партия, — говорилось в письме ЦК КПР от 20 декабря 1942 г., — руководствуется интересами рабочего класса Румынии и всего румынского народа, а эти интересы требуют вести борьбу рядом с другими свободолюбивыми народами за общее великое дело освобождения от гитлеровской тирании» [129].

Маневрирование «исторических партий» в вопросе создания антигитлеровского фронта имело своей целью оправдать бездействие буржуазной «оппозиции» режиму Антонеску. Чтобы положить конец этому маневрированию, создавшему мнение в определенных кругах страны, что «исторические партии» хотят вести совместную борьбу, а коммунисты проявляют «неразумную неуступчивость», компартия решила попытаться достичь с руководством буржуазно-помещичьих партий соглашения о единстве действий хотя бы в решении тех задач, которые сформулированы ими самими. В январе 1943 года она на-

---

[129] Arhiva Inst., cota XXVI—9, inv. 1133.

правила Маниу следующее предложение: «Вопрос о Бессарабии и Северной Буковине разделяет нас; вы не можете требовать от нас принятия вашей точки зрения, мы также не требуем принятия нашей, зафиксированной в нашей платформе от 6 сентября 1941 г. Но в момент, когда находится под вопросом само существование нашего народа, это (различие) не может препятствовать совместной борьбе против общего врага — гитлеровской Германии и предательского режима Антонеску. Своими меморандумами и бюллетенями вы требовали отвода румынской армии с советского фронта до границ Бессарабии и Буковины. Мы заявляем о том, что поддержим вас в этом действии» [130]. Но и в этом случае Маниу не захотел совместно действовать с коммунистами, проявив явное нежелание вести действительную, а не словесную борьбу за спасение своего народа.

Отказываясь от сотрудничества с компартией, Маниу и его сообщники надеялись таким образом изолировать ее от мелкобуржуазных и других слоев, находившихся под влиянием «исторических партий», помешать вовлечению этих слоев в антифашистскую борьбу под руководством компартии. По этой причине руководство национал-царанистской партии не пожелало сделать совместного с компартией заявления о солидарности с «Атлантической хартией», которая, как говорилось в письме ЦК КПР (январь 1943 г.), могла бы явиться базой сотрудничества всех патриотических румынских сил. Во время переговоров с компартией Маниу всегда имел полную поддержку со стороны руководства национал-либеральной партии. Лидер этой партии Д. Братиану заявлял, что он целиком согласен с политикой Маниу и следует ей [131].

В мае 1943 года на переговорах с компартией представители национал-царанистской и национал-либеральной партий вновь продемонстрировали нежелание сотрудничать с коммунистами, они категорически выступили против организации саботажа и ведения вооруженной борьбы с гитлеровцами. Ссылаясь на позицию Англии и США, которые не выступили с осуждением румынских действий по присоединению захваченных советских тер-

---

[130] Arhiva CC al PCR, fond 1, dos. 7950, f. 3.
[131] См. «Rominia libera», 28 jan. 1944.

риторий, они утверждали, что Румыния не является агрессором, и настаивали на сохранении за ней этих территорий[132]. Подогреванием националистических настроений буржуазно-помещичьи партии пытались дискредитировать компартию, представить ее чуть ли не врагом румынской нации и тем самым помешать коммунистам в организации широкого антифашистского фронта.

Происки руководства «исторических партий», спекулировавшего на чувствах той части населения, которая оказалась зараженной многолетней антирусской и антисоветской пропагандой, несомненно, препятствовали деятельности компартии по собиранию воедино всех антифашистских сил, но не смогли остановить этого процесса. Летом 1943 года под руководством и с участием Коммунистической партии был создан Патриотический антигитлеровский фронт, в который вошли также «Фронт земледельцев», «Союз патриотов» и организация венгерских трудящихся Румынии «МАДОС». Позднее к этому фронту присоединились некоторые местные организации социал-демократической партии и социалистическая крестьянская партия.

Платформа Патриотического антигитлеровского фронта состояла из десяти пунктов:

1. Спасение румынской армии путем прекращения посылки войск и возвращения частей с фронта. Привлечение армии на сторону Патриотического фронта. Создание партизанских групп из патриотов.

2. Немедленное прекращение поставок нефти, зерна, продовольствия и военных материалов для Германии и антисоветской войны Гитлера. Подрыв немецкой военной машины путем саботажа и разрушения военного производства и срыва военных перевозок.

3. Немедленный выход из гитлеровской войны. Разрыв союза с фашистским блоком и заключение сепаратного мира с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами.

4. Свержение правительства и гитлеровского режима предателя Антонеску. Сформирование подлинно национального правительства из представителей всех патриотических партий и организаций.

---

[132] См. Arhiva CC al PCR, fond 1, dos. 7951, f. 7.

5. Завоевание свободы, чести и независимости страны. Присоединение свободной и независимой Румынии к антифашистскому блоку Объединенных Наций.

6. Немедленное освобождение всех жертв фашистского террора, находящихся в тюрьмах и концентрационных лагерях. Арест и наказание предателей во главе с Антонеску, виновных в убийстве и ограблении евреев, молдаван, украинцев, русских и др.

7. Немедленный роспуск гитлеровских организаций, арест и наказание их руководителей.

8. Немедленное прекращение национального угнетения. Равноправие национальных меньшинств.

9. Защита Южной Трансильвании и Баната. Ликвидация «венского арбитража» и освобождение населения Северной Трансильвании из-под фашистского гнета диктатуры Хорти.

10. Обеспечение трудового народа города и деревни работой и пищей. Достаточная помощь инвалидам, сиротам и вдовам со стороны государства и местных органов власти [133].

Требования Патриотического антигитлеровского фронта повторяли все пункты сентябрьской платформы 1941 года. Эти требования отражали интересы всего народа и представляли собой реальную базу объединения всех патриотических сил, без различия классовой и партийной или религиозной принадлежности, программу их борьбы за восстановление национальной независимости и свободы. Новым в платформе Патриотического антигитлеровского фронта было требование об обеспечении трудового народа города и деревни работой и удовлетворении его материальных нужд, подчеркивавшее народно-демократическую направленность антифашистского движения в Румынии. Это определялось тем, что главной силой движения Сопротивления гитлеризму выступали трудящиеся массы.

Вхождение ряда местных организаций социал-демократической партии в Патриотический антигитлеровский фронт, возглавляемый компартией, свидетельствовало о том, что в рядах рабочих, находившихся под влиянием социал-демократов, произошел сдвиг в сторону единства

---

[133] См. «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», pp. 371—372.

с коммунистами. Для рабочих, находившихся до этого под влиянием социал-демократов, стало совершенно очевидным, что путь спасения страны и освобождения ее из-под ига германского империализма — это достижение единства рабочего класса и совместная решительная борьба всех патриотических сил румынского народа против гитлеризма.

Румынские правосоциалистические лидеры не могли не учитывать этих изменений. Принимая во внимание, что призывы компартии к единству имели широкий отклик в рядах рабочих и левого крыла социал-демократической партии, эти лидеры были вынуждены в сентябре 1943 года формально высказаться за единство действий с коммунистами в политической борьбе и профсоюзном движении [134]. Однако на практике правые лидеры социал-демократии продолжали чинить препятствия созданию единого рабочего фронта и объединению всех патриотических антифашистских сил, по-прежнему следуя в фарватере политики буржуазно-помещичьих партий.

Оставаясь на старой националистической антисоветской позиции, Маниу и Братиану не захотели вступить в Патриотический антигитлеровской фронт. Хотя исход войны не вызывал у них теперь никакого сомнения и было ясно, что СССР разгромит фашистскую Германию, лидеры «исторических партий» считали для себя ненужным налаживание сотрудничества с коммунистами-антифашистами. На такое сотрудничество они могли бы пойти по тактическим соображениям лишь в том случае, когда были бы уверены в неизбежности освобождения Румынии от гитлеризма войсками Советского Союза. Маниу же был уверен в том, что западные страны не допустят прихода советских войск в Румынию. «Англия, — говорил он весной 1943 года, — заинтересована в устьях Дуная и проливах, и она пошлет свои войска, чтобы остановить русских» [135]. К тому же, по его мнению, русские будут так слабы в конце войны, что по первому требованию Лондона остановятся у румынской границы. Буржуазно-помещичьи круги надеялись на осуществление «балканского варианта» и приход в Румынию англо-американских войск, ведя соответствующую подготовку к этому.

---

[134] См. «Libertatea», 20 aug. 1945.

[135] ИДА, ф. Военный кабинет Румынии, д. 336, л. 52 (6).

В манифесте, выпущенном 7 ноября 1943 г., ЦК КПР выступил с критикой лидеров «исторических партий», которые в прошлом вели враждебную Советскому Союзу политику и теперь с тех же позиций под различными предлогами саботировали создание Патриотического антигитлеровского фронта. Компартия еще раз призвала всех патриотов из этих партий потребовать от своих руководителей изменения позиции, немедленного выхода из состояния пассивности и перехода к борьбе за освобождение страны [136].

Политика руководства национал-царанистской и национал-либеральной партий, саботировавшего движение Сопротивления фашизму и войне, вызывала недовольство и возмущение со стороны рядовых членов этих партий, которые требовали изменить враждебное отношение к Патриотическому антигитлеровскому фронту, угрожая в противном случае порвать со своими лидерами. На этой почве внутри «исторических партий» возникали группы, которые объединяли буржуазные и мелкобуржуазные слои, не одобрявшие политику сотрудничества с фашистским режимом Антонеску. В начале 1944 года группа национал-царанистов выступила с осуждением руководства своей партии, которое не хотело сотрудничать с коммунистами и другими патриотами, призывало к «выжиданию» и пассивности в отношении к румынскому диктатору и гитлеровским оккупантам. В своем письме на имя Маниу эта группа писала: «Настоящее положение заставляет нас говорить открыто. Политика, проводившаяся до сих пор нашей партией, оказалась гибельной. Мы вынуждены все больше отдаляться от наших теперешних руководителей, чтобы иметь свободу действий, диктуемую высшими интересами Румынии» [137]. Сотрудничество с компартией и руководимым ею Патриотическим антигитлеровским фронтом установила в 1944 году группа Г. Татареску, отколовшаяся от национал-либеральной партии. Эта группа, представлявшая интересы торговопромышленных кругов, недовольных политикой фашистской диктатуры Антонеску, считала необходимым скорейший выход Румынии из войны для спасения самого буржуазно-помещичьего строя в стране.

---

[136] См. «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», p. 373.

[137] «Inainte», 6 aug. 1944.

Глава 5

КРИЗИС ВЕРХОВ И ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ НЕГО

Катастрофические поражения на советско-германском фронте, дальнейшее ухудшение экономического положения страны, рост недовольства населения и его сопротивления политике фашистского режима вызвали кризис диктатуры Антонеску. Этот кризис, вызревавший в период 1941—1943 годов, нашел свое отражение в постепенном отходе от Антонеску тех буржуазных кругов, которые первоначально поддерживали его в надежде на то, что политика фашистской диктатуры позволит им обогатиться и укрепить свое положение.

Банкротство политики фашистской диктатуры обнаружилось в первую очередь в экономической области. Все возраставшее экономическое и политическое закабаление Румынии гитлеровской Германии и огромные военные расходы, связанные с ведением антисоветской войны, вызывали непрерывное ухудшение экономического положения страны, которое губительным образом сказывалось на жизненном уровне широких масс населения, а также наносило значительный ущерб определенной части буржуазии. Надежды буржуазных кругов на то, что война повлечет за собой оживление экономической жизни, не оправдались. Напротив, война создала большие трудности для ведения производства — нехватку сырья, квалифицированных рабочих рук и т. п., — преодолеть которые оказалось не под силу части румынской буржуазии, не пользовавшейся покровительством клики Антонеску.

К весне 1942 года оказались развеянными иллюзии относительно возможности достижения экономического процветания Румынии путем сотрудничества с фашистской Германией и ведения антисоветской войны. Гитлеровцы, стремившиеся к превращению Румынии в аграрно-сырьевой придаток германского рейха, вели дело к свертыванию и в конечном итоге к ликвидации румынской промышленности. Примером тому служит дело с «Роджифер» — румыно-германским металлургическим

концерном, который был ликвидирован гитлеровцами после того, как были использованы сырьевые запасы, основные и оборотные фонды, предоставленные румынской стороной этого концерна. Политика аграризации Румынии, проводившаяся германским империализмом и его фашистской агентурой, усиливала противоречия между румынской буржуазией, с одной стороны, гитлеровской Германией и кликой Антонеску — с другой. Эта политика встречала сопротивление даже внутри фашистского правительства, где в связи с делом «Роджифер» раздавались недовольные голоса.

Соглашения между Румынией и Германией по экономическому сотрудничеству, заключенные в 1941—1942 годах и установившие полную монополию Германии на румынский экспорт, вызвали большое недовольство влиятельных кругов румынской буржуазии и помещиков, которые в результате этих соглашений частично или полностью устранялись от выгод военных поставок и экспорта в Германию [138]. Фашистское правительство, защищая интересы этих кругов, предпринимало попытки к тому, чтобы несколько ограничить германское проникновение в румынскую экономику и монопольное положение гитлеровцев в румынском экспорте. Но, как уже отмечалось выше, эти попытки были безуспешными. По мере продолжения войны и усиления германского господства в Румынии все большая часть национальной буржуазии становилась в оппозицию к фашистскому режиму, который своей политикой прислужничества перед гитлеровцами ущемлял ее экономические интересы.

С самого начала войны стали проявляться разногласия в военной верхушке по вопросу о пределах участия румынской армии в операциях на советско-германском фронте. Отдельные представители высшего офицерства и генералитета были не согласны с решением фашистского диктатора использовать румынскую армию в военных действиях к востоку от Днестра: они боялись, что это приведет к резкому ослаблению румынской армии. Большие потери, понесенные румынскими войсками в 1941 году на советско-германском фронте, усилили эти опасения, приведя к тому, что в военных кругах стали раздаваться отдельные голоса за отвод румынской армии с

---

[138] См. «Studii», 1964, N 4, p. 838.

советско-германского фронта. Недовольство политикой Антонеску, связавшего судьбу страны с гитлеровской Германией, нарастало в военных кругах в 1941—1942 годах. За отказ от выполнения оперативных приказов в 1941 году были уволены в отставку генералы Николае Чуперка и Александру Орэшану. В 1942 году был снят со своего поста начальник генерального штаба генерал Иосиф Якобич, который в докладе на имя И. Антонеску выразил несогласие с ведением военных операций, ставивших под угрозу само существование румынской армии. Новый начальник генерального штаба генерал Илие Штефля в свою очередь предпринимал действия с целью ограничения количества войск, посылавшихся на советско-германский фронт.

Отмеченные выше противоречия и разногласия в румынских правящих кругах и недовольство политикой Антонеску со стороны части господствующих классов в период 1941—1942 годов не приобрели большой остроты. Они смягчались, сглаживались тем обстоятельством, что еще сохранялась надежда на конечную победу гитлеровского блока, которая, по мнению буржуазно-помещичьих кругов Румынии, дала бы им все, о чем они мечтали, предпринимая совместное с фашистской Германией нападение на Советский Союз.

С наступлением коренного перелома в ходе войны в пользу антигитлеровской коалиции, когда стала очевидной неизбежность разгрома фашизма и бесперспективность продолжения войны на стороне гитлеровской Германии, буржуазно-помещичьи круги Румынии стали все больше проявлять недовольство фашистским режимом Антонеску, который не оправдал их надежд. Фашистская диктатура обанкротилась в военной и экономической политике. Она не обеспечила реализацию захватнических планов буржуазно-помещичьих кругов. Превозносившийся кликой Антонеску «союз» с гитлеровской Германией не привел к возвращению Румынии Северной Трансильвании, несмотря на все усердие румынских прислужников Гитлера в ведении антисоветской войны. Военно-фашистская диктатура была призвана подавить революционное движение в стране, но и с этой задачей она не справилась. В стране развертывалось на более широкой, антифашистской основе освободительное движение, нес-

шее в себе угрозу господству буржуазно-помещичьих порядков. Война, вызвав обострение всех противоречий в стране, ускорила вызревание революционной ситуации в Румынии. В силу указанных причин все большая часть буржуазии отходила от фашистского правительства Антонеску, считая необходимым заменить его другим режимом, соответствующим новой обстановке и способным сохранить буржуазно-помещичье господство после разгрома фашизма.

Кризис румынских верхов был вызван прежде всего победами Советского Союза над немецко-фашистскими войсками, победами, приведшими к коренному перелому в ходе войны в пользу антигитлеровской коалиции. Победоносное наступление советских войск, приближавшихся к границам Румынии, резко обострило кризис фашистской диктатуры Антонеску, внутренние противоречия буржуазно-помещичьего режима. Английская газета «Таймс» отмечала 25 октября 1943 г.: «За фасадом официального спокойствия царит подлинная паника в балканских странах — союзницах Германии, особенно в Румынии». Кризис верхов имел очень важное значение для развития освободительной революционной борьбы в Румынии.

Фашистская диктатура Антонеску, никогда не имевшая массовой опоры, с наступлением коренного перелома в ходе войны в пользу антигитлеровской коалиции постепенно стала терять своих сторонников даже в буржуазно-помещичьих кругах. В 1943 году лишь верхушка буржуазии и помещиков, нажившаяся на войне, а также государственная бюрократия и руководители торговых и промышленных предприятий, принадлежавших государству, поддерживали Антонеску, будучи обязанными ему своим привилегированным положением. В связи с выдвижением на высшие посты в управлении экономикой страны малоподготовленных для этой цели сторонников Антонеску враждебное отношение к нему проявляли старые специалисты, находившиеся в отставке или работавшие на частных предприятиях. Изоляция клики Антонеску нарастала. Усилилась оппозиция со стороны буржуазных группировок, не связанных с гитлеровцами. Те круги и группировки правящих классов, которые в свое время поддерживали установление военно-фашистской диктатуры и втягивание страны в антисоветскую войну,

теперь всеми способами стремились отмежеваться от политики фашистского правительства Антонеску, чтобы не разделить с ним ответственности за совершенные преступления.

Кризис верхов приобрел затяжной характер. Обанкротившаяся клика Антонеску продолжала оставаться у власти, ибо господствующие классы после наступления коренного перелома в ходе войны пребывали в состоянии растерянности, не зная, что предпринять. Мирным путем было невозможно заменить обанкротившийся фашистский режим в Румынии: этого не допустили бы гитлеровские войска, которые своими штыками поддерживали диктатуру Антонеску, являвшуюся залогом сохранения Румынии в гитлеровском блоке. Поднимать же народ на вооруженное восстание с целью освобождения страны от гитлеровского господства и обанкротившейся клики Антонеску буржуазно-помещичьи круги не собирались. В жизни господствующих классов Румынии наступил мучительный период поисков выхода из глубокого кризиса, в котором они оказались в результате политики военно-фашистской диктатуры Антонеску. Началось внутриполитическое и внешнеполитическое маневрирование румынских правящих кругов, имевшее своими целями заблаговременную подготовку замены обанкротившемуся правительству Антонеску и укрепление отношений с империалистами Англии и США, предотвращение освобождения Румынии от фашизма войсками советского социалистического государства. От решения этих задач зависело, по мнению румынских правителей, сохранение буржуазно-помещичьего строя в Румынии после победы антигитлеровской коалиции.

Подготовка «другой команды» на смену фашистскому режиму началась в 1943 году, когда румынская буржуазия, охваченная сомнением в победе Гитлера и испуганная перспективой освобождения страны Красной Армией, «стала думать о том, вокруг каких политических сил сплотятся массы в новой обстановке?»[139]. Именно тогда на политическую арену были вновь вытащены по договоренности с фашистской кликой Антонеску лидеры формально запрещенных буржуазно-помещичьих партий Маниу, Братиану и др. Правительственная печать в сроч-

---

[139] Г. Георгиу-Деж, Статьи и речи, т. I, стр. 344.

ном порядке стала создавать им авторитет в глазах румынской общественности и народа, превозносить их «заслуги» в деле создания после первой мировой войны новой Румынии. Этим лидерам отводилась роль преемников неудачливого румынского фашистского диктатора, не оправдавшего надежд господствующих классов.

Принимая на себя эту задачу, вожаки «исторических партий» заметно активизировались в это время. Пока война на Востоке шла успешно, пока имелись большие надежды на присоединение обширных советских территорий к Румынии, лидеры национал-царанистской и национал-либеральной партий ограничивались чисто формальными протестами, приспосабливались к существовавшему режиму и господству гитлеровцев. После того как стала вырисовываться перспектива разгрома фашистского блока и освободительного наступления советских войск, эти лидеры стали с большой настойчивостью рядиться в тогу демократов-антифашистов, защитников национальных интересов румынского народа и его государства, подчеркивать свою «оппозицию» фашистскому правительству Антонеску. Однако их «оппозиционная» деятельность по-прежнему сводилась к составлению записок и меморандумов на имя И. Антонеску, в которых, признавая «законность» военных действий против СССР, они обращались к «чувству патриотизма и ответственности» (?!) фашистского диктатора и декларировали свое несогласие с продолжением войны за пределами «естественных границ». Эти меморандумы они распространяли за границей и внутри Румынии, чтобы предстать в глазах румынской и мировой общественности противниками войны против гитлеровской коалиции, защитниками интересов Румынии. В одном из своих многочисленных писем в адрес румынского диктатора (сентябрь 1943 г.) они лицемерно заявляли: «Мы постоянно предупреждали Вас о великой опасности, которой Вы подвергаете страну, воюя с самыми сильными нациями мира».

Игра в «оппозицию» была нужна руководителям буржуазно-помещичьих партий для приобретения политического капитала «борцов» за демократию, без которого было невозможным выполнение отводившейся им роли — повести румынский народ за собой, помешать сплочению масс вокруг Коммунистической партии после краха фашистского режима. О том, что это была только игра в

«оппозицию», свидетельствует тот факт, что за четыре года фашистского правления национал-царанисты не потеряли ни одного человека, в то время как в результате зверского террора погибло много коммунистов и других антифашистов. В мае 1943 года Маниу поставил в известность начальника секретной информационной службы фашистского режима Э. Кристеску о намерении предпринять действия, которые показали бы западным державам, что в Румынии есть политическая организация, занимающая благоприятную для них позицию. При этом Маниу подчеркнул, что эти действия не будут враждебными правительству Антонеску, члены которого находят у него «полное понимание и личное уважение» [140].

Поток меморандумов с демагогической критикой политики Антонеску увеличился после наступления коренного перелома в ходе войны. Лидеры «исторических партий» осыпали И. Антонеску упреками в том, что его политика имеет пагубные последствия для хозяйства страны, что румынской армии угрожает полное уничтожение в случае продолжения ее участия в военных действиях на советско-германском фронте. Как видно из обширной переписки И. Антонеску с лидерами буржуазно-помещичьих партий Маниу и Братиану, фашистский диктатор всячески оправдывался, переходя временами в словесное наступление на своих оппонентов. На упреки Братиану в том, что экономическая жизнь разваливается, он с издевкой говорил, что Братиану не стоит волноваться за свои доходы, ибо они все время растут. В качестве примера И. Антонеску сослался на акционерное общество «Летя», принадлежавшее самому Братиану. За 1937—1942 годы капитал этого общества вырос с 240 млн. до 600 млн. лей, резервный фонд — с 47 млн. до 121 млн., амортизационный фонд — с 355 млн. до 566 млн., капиталовложения — с 516 млн. до 1068 млн., стоимость запасов на складе — с 57 млн. до 196 млн. лей и т. д. В свою очередь он обвинял Маниу и Братиану в том, что их правление привело страну к катастрофическому положению, что в наследство ему достался неподготовленный государственный аппарат, в котором из 34 тыс. чиновников 17 тыс. имели лишь четырехклассное образование.

В ответе на меморандум Маниу и Братиану от 12 ав-

---

[140] Arhiva Inst., dos. 149/5, ff. 168—169.

густа 1943 г. фашистский диктатор Румынии занялся реабилитацией своей политики. Он утверждал, что экономическое положение страны упрочилось за время его правления: промышленный потенциал возрос на 22% к уровню сентября 1940 года, количество рабочих в промышленности увеличилось на 20%, хотя число предприятий сократилось на 16%.

И. Антонеску утверждал, что отвод румынских войск с советско-германского фронта был бы якобы вреден для Румынии. Если раньше переход румынских войск за Днестр прямо объяснялся необходимостью полного уничтожения коммунизма, то теперь, в 1943 году, румынское участие в операциях на советско-германском фронте представлялось румынским диктатором как вынужденная необходимость. «Если мы откажемся воевать, то потеряем нашу армию, находящуюся за тысячу километров от страны, (немцы) нас оккупируют и будут обирать как оккупированную страну — без какой-либо компенсации»,— пугал И. Антонеску лидеров буржуазно-помещичьих партий. Сообщая им, что к востоку от Буга находятся 100 тыс. человек румынских войск, из которых 40 тыс. на Кубани, а остальные несут охранную службу в Крыму, на побережье Азовского моря и т. д., И. Антонеску задавал вопрос: «Есть ли смысл рисковать из-за 25 тыс. румын, находящихся на фронте, когда у нас мобилизовано 1 млн. 300 тыс. человек,— рисковать всем, что мы имеем?». Он говорил, что вывод румынских войск с фронта «в нынешних условиях явился бы самой большой политической ошибкой, чреватой серьезнейшими последствиями», что немцы наказали бы румын за это и передали бы всю Трансильванию венграм [141].

А лидеры буржуазно-помещичьей «оппозиции» и не настаивали на немедленном выходе страны из войны, ибо выдвигали это требование прежде всего по тактическим соображениям, ради приобретения политического капитала. В действительности они были заинтересованы в продолжении войны против Советского Союза, в ее затягивании, чтобы выиграть время, необходимое для осуществления западными империалистами балканского варианта второго фронта, который предотвратил бы освобож-

---

[141] См. ИДА, ответ И. Антонеску на письмо Ю. Маниу и Д. Братиану от 12 августа 1943 г.

дение Румынии от гитлеровского ига войсками СССР, которые, громя фашистов, стремительно продвигались на запад.

Свидетельством кризиса верхов было обострение отношений между кликой Антонеску и румынской монархией, которая в период успехов немецко-фашистских войск безоговорочно поддерживала антисоветскую войну. Вскоре после начала гитлеровской войны против СССР король Михай, солидаризируясь с Антонеску, отдавшим приказ о переходе румынскими войсками Прута, направил ему следующую телеграмму: «Господину генералу Иону Антонеску, руководителю государства. В момент, когда наши войска переходят Прут, мысли мои обращены к Вам, господин генерал. Выражаю Вам свою признательность, господин генерал, а нашим бравым солдатам желаю здоровья и силы» [142]. Спустя две недели после начала антисоветской войны вместе с И. Антонеску он предпринял ряд поездок на фронт, чтобы вдохновить войска на борьбу против Советского Союза. Полностью разделяя захватнические планы фашистской клики Антонеску, король Михай приветствовал аннексию «Транснистрии» и обратился к своим новым подданным с поздравлениями по поводу «навечного присоединения» этой советской территории к румынскому королевству [143]. Вместе с фашистскими румынскими правителями, персоналом гитлеровской дипломатической миссии и фельдмаршалом Кейтелем король Михай принимал 8 ноября 1941 г. в Бухаресте «парад победы», по случаю которого он вручил награды участникам взятия Одессы. Войскам, отправлявшимся после парада на фронт, Михай вручил знамя, которое должно быть «донесено до полной победы над русским коммунизмом» [144]. В обстановке, когда фашистский блок одерживал военные победы, румынские Гогенцоллерны дали волю своим прогерманским чувствам. В ноябре 1941 г. король Михай и его мать Елена посетили Гитлера в Берлине. По этому случаю Михай и Гитлер обменялись наградами. Гитлер был приглашен посетить королевский дворец в Синайе. Из Берлина румынские коронованные особы отправились в Рим

---

[142] A. Garneaţa, Adevarată istorie a unei monarhii, Buc., 1948, p. 126.

[143] См. «Saturday Evening Post», Aug. 26, 1944, p. 92.

[144] A. Garneaţa, op. cit., p. 127.

для встречи с королем Виктором Эммануилом и Муссолини.

Для румынской монархии захватническая война против СССР была не только средством укрепления политического положения, но и источником прямого обогащения. Сотни голов крупного рогатого скота, тысячи овец, десятки тракторов, сельскохозяйственных машин и т. п., награбленных в СССР, были привезены в королевские поместья. В королевском поместье Рушецу (Браила) часть из награбленного в СССР имущества оставалась до самого момента ликвидации монархии в декабре 1947 года. Во время войны в королевских поместьях и на предприятиях, совладельцем которых являлась румынская монархия, широко использовался бесплатный труд советских военнопленных. Королевская семья тесно сотрудничала с финансово-промышленными кругами гитлеровской Германии в деле эксплуатации и ограбления румынского народа. Через «Банка де кредит ромын» она была связана с «Дейче банк» и «Рейхскредит гезельшафт», через страховое общество «Дачиа ромына» — с «Мюнхенер Рюкверсигерунг», через фабрику «Банлок» — с «Континентал гуммиверейн», через нефтяные общества «Стяуа ромына», «ИРДП» и «Конкордия» — с «Континентал оел», через общество «Пивницеле Рейн» королевский двор вел дела с винодельческими предприятиями, принадлежавшими Риббентропу, через заводы «Решица» и «Титан-Надраг-Калан» Михай активно участвовал в концерне «Герман Геринг»; будучи акционером «Национального банка» и «Румынского банка», монархия принимала участие в финансировании экспорта в фашистскую Германию [145].

Будучи полностью солидарным с И. Антонеску в вопросе ведения антисоветской войны, король Михай ревниво относился к всевластию и славе румынского диктатора. На этой почве произошло столкновение между ними: летом 1942 года И. Антонеску не допустил поездки короля на фронт, преследовавшей пропагандистские цели румынской монархии. Михай очень сожалел, что лишен возможности помешать И. Антонеску «единолично присвоить лавры победы». Румынская монархия, привык-

---

[145] См. Gh. Tuţui, M. Popa, Hohenzolernii in Romania, Buc., 1962, p. 64.

шая играть видную роль в политической жизни страны, не хотела оставаться в тени и быть безликой.

Поражения на советско-германском фронте, приведшие к кризису военно-фашистской диктатуры, обострили противоречия между королем и И. Антонеску. Пытаясь выступать независимо от «кондукэторула», монархия стала спекулировать на стремлениях румынского народа как можно быстрее покончить войну. В послании к народу по случаю нового, 1943 года Михай предложил всеобщий мир при условии отказа враждующих сторон от войны, которую румынский народ не одобрял [146]. Выступлением в роли миротворца король хотел отгородиться от фашистской клики Антонеску, снять с себя ответственность за втягивание страны в губительную войну. Призыв к «всеобщему миру» был продиктован необходимостью для господствующих классов Румынии иметь документ, который показал бы будущей мирной конференции, что монархия выступала против войны в союзе с державами «оси». Он должен был создать в массах впечатление, будто король не одобряет политику фашистского правительства.

Миротворческая акция румынского короля вызвала резкое недовольство гитлеровцев, усмотревших в мирном предложении Михая стремление Румынии улизнуть из фашистского блока, вступившего в полосу тяжелых испытаний. Германский посланник Киллингер угрожал румынским правителям: «Гитлер не такой человек, который позволит выбросить себя после того, как его использовали для достижения цели» [147]. Ион Антонеску потребовал от Михая удаления барона Стырчи, автора новогоднего послания короля. Король отказался выполнить требование и, чтобы помешать И. Антонеску призвать Стырчу в армию, назначил барона на должность во дворец. Это столкновение положило конец согласию между Михаем и Антонеску. Румынский диктатор в резкой форме выговаривал королю за его связи с оппозицией Маниу — Братиану и настаивал на прекращении королевским двором какой бы то ни было политической деятельности. «Ваша роль чисто формальная,— говорил он Михаю,— и вы не должны вмешиваться в государствен-

---

[146] См. «Timpul» (Bucuresti), 3 ian. 1943.

[147] M. Mourin, Le drame des pays-satellites, P., 1951, p. 126.

ные дела». В беседах с королем румынский диктатор неоднократно подчеркивал, что он сохранил монархию не потому, что она полезна Румынии, а лишь потому, что крестьяне хотят иметь короля[148]. Отношения между королем и И. Антонеску обострились настолько, что, по свидетельству германских официальных лиц, связь с монархией осуществлялась лишь через М. Антонеску, являвшегося заместителем И. Антонеску.

Таким образом, монархия и оппозиционные буржуазно-помещичьи круги во главе с Маниу и Братиану выдвигались господствующими классами Румынии в качестве преемников обанкротившейся диктатуры Антонеску. На них возлагали свои надежды также империалистические круги западных держав, заинтересованные в сохранении буржуазно-помещичьих порядков в Румынии. По этой причине западная пресса развернула кампанию по созданию дутого авторитета румынской монархии и лидерам «исторических партий», пытаясь представить их в качестве единственных в Румынии поборников демократии и противников фашизма. Американский журнал «Тайм» признал в январе 1944 года, что вот уже в течение нескольких месяцев американская, английская и «нейтральная» пресса стремится обелить короля[149].

Но обелить сообщников И. Антонеску, каковыми являлись румынская монархия и руководители буржуазно-помещичьих партий, было довольно трудной задачей даже для продажной империалистической прессы. Не случайно журнал «Нью-стейтсмен энд нейшн» сетовал: «Это досадный и тягостный факт, что оно (фашистское правительство Антонеску.— *Авт.*) имеет поддержку большинства широко известных румынских политиков... За исключением нескольких бывших румынских министров, убитых в декабре 1940 года «железногвардейцами», ведущие румынские политические личности никак не проявили себя, кроме словесной оппозиции войне. Это относится как к лидеру национал-царанистской партии Ю. Маниу, так и к лидеру национал-либеральной партии Дину Братиану»[150].

В связи с приближающимся разгромом фашизма в Румынии империалистические круги США и Англии ста-

---

[148] См. A. Hillgruber, op. cit., S. 168.
[149] См. «Time», Jan. 17, 1944, p. 20.
[150] «New Statesman and Nation», Apr. 1944, p. 276.

ли уделять больше внимания реакционной румынской эмиграции, состоявшей из деятелей тех же «исторических партий». В Соединенных Штатах реакционные румынские эмигранты группировались вокруг бывшего короля Кароля II и бывшего румынского посланника в Вашингтоне К. Давилла, который объявил об организации движения «Свободная Румыния». В Англии румынскую реакционную эмиграцию возглавлял бывший румынский посланник в Лондоне В. Тиля, заявивший о создании «Национального румынского комитета».

Английские и американские империалисты видели в румынской «оппозиции» внутри страны и за границей силу, с помощью которой они надеялись восстановить и укрепить свое господство в Румынии.

Одновременно с подготовкой «другой команды», которая должна была сменить клику Антонеску у кормила государственного правления, румынские господствующие классы предприняли ряд других маневров, чтобы упрочить свое положение, подорванное поражениями фашизма в войне против СССР.

Клика Антонеску в целях преодоления растущей изоляции, в которой она оказалась, попыталась включить в состав правительства представителей буржуазно-помещичьей оппозиции и активистов разгромленной ею в январе 1941 года «Железной гвардии». Эта уступка военно-фашистской диктатуры преследовала осуществление консолидации реакционных сил перед лицом развивавшегося освободительного антифашистского движения, руководимого Коммунистической партией. На одном из заседаний фашистского правительства Михай Антонеску, заместитель румынского диктатора, заявив о том, что «война вступила в политическую фазу», призвал к перегруппировке сил господствующих классов [151].

В феврале — марте 1943 года бывший премьер-министр А. Вайда-Воевод по поручению клики Антонеску вел переговоры с Маниу, предлагая выступить с совместным обращением к стране «быть солидарным с маршалом, ибо времена тяжелые, а мы, румыны, слишком малочисленны, чтобы быть разъединенными» [152]. У И. Антонеску был план создания государственного совета, в ко-

---

[151] См. Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8447, ff. 3/4—5.
[152] ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 336 (72), л. 54.

торый вошли бы представители оппозиционных сил из числа деятелей «исторических партий». Попытки оформить коалицию с участием лидеров буржуазно-помещичьих партий были обречены на провал: Маниу и Братиану, и ранее отказывавшиеся от официального участия в правительстве Антонеску, тем более не могли решиться на такой шаг теперь, когда дни фашистского режима в Румынии были сочтены.

Через некоего Гэвэнеску велись переговоры о привлечении железногвардейцев к управлению страной. Были даже составлены списки легионеров, которые намечались в государственный аппарат военно-фашистской диктатуры Антонеску. Изданный 8 февраля 1944 г. декрет-закон об амнистии за политические преступления, был распространен министерством внутренних дел только на легионеров-железногвардейцев, участников мятежа в январе 1941 года или совершивших преступления после этого мятежа. Амнистия не применялась к другим политическим заключенным. «Ворота тюрем,— писал в этой связи «Бюллетень патриотической защиты»,— открываются только легионерам, бывшим друзьям Антонеску, германским агентам» [153]. Однако эта мера не могла укрепить шатавшийся фашистский режим.

Интересно отметить, что после наступления коренного перелома в ходе войны, когда ясно обозначилась перспектива разгрома фашизма и усилилась освободительная борьба румынского народа, «исторические партии» также стремились привлечь на свою сторону железногвардейцев и других румынских фашистов, не входивших в клику Антонеску. В годичном докладе сигуранцы от 1 апреля 1943 г. сообщалось, что Маниу встречался с легионерами Трансильвании, а кузисты налаживали связь с национал-либералами. Лидеры буржуазно-помещичьих партий собирали вокруг себя реакционные силы для борьбы с революционным движением, которое, по их мнению, усилится в связи с неизбежной ликвидацией режима фашистской диктатуры в Румынии.

Чтобы отвлечь массы населения от страшного поражения, понесенного в битве на Волге, сбить их с пути освободительной антифашистской борьбы, правительст-

---

[153] Arhiva CC al PCR, «Buletinul Apararii Patriotice», Martie, 1944.

во Антонеску развернуло в прессе кампанию против Венгрии, требуя возврата Северной Трансильвании. Политика разжигания национальной вражды, как известно, является испытанным громоотводом, спасающим правящие круги эксплуататорских классов от грозовых разрядов народного возмущения. В июне 1943 года М. Антонеску выступил с резким заявлением по вопросу о Трансильвании, а в июле того же года сам И. Антонеску обратился к выпускникам офицерских школ с призывом не успокаиваться до тех пор, пока все трансильванские земли не будут находиться «под знаком румынского меча»[154]. Не оставаясь в долгу, хортистская клика повела встречную кампанию. Отношения между Румынией и Венгрией чрезвычайно обострились, участились пограничные конфликты. Если в 1941 году на румыно-венгерской границе произошло 14 инцидентов, то в 1942 году — 36, а в 1943 году — уже 50 инцидентов[155]. Эти цифры показывают прямую связь между обострением румыно-венгерских отношений и ухудшающимся положением фашистских захватчиков, терпящих одно поражение за другим на советско-германском фронте.

В связи с наметившимся поражением фашистского блока в войне резко ухудшились румыно-германские отношения. Противоречия между Румынией и Германией стали проявляться все сильнее. В целях укрепления своего положения внутри страны И. Антонеску пытается проявить некоторую независимость по отношению к гитлеровской клике. Он выражает недовольство правителями фашистской Германии, не оценившими румынского вклада в дело ведения антисоветской войны, в устройство «нового порядка» в Европе. «Ни в одной стране, кроме Германии,— напоминали румынские фашистские власти,— не были приняты столь радикальные меры против евреев, как в Румынии». Румыния, подчеркивали они, была самым лояльным союзником Германии в войне против СССР, неся при этом тяжелые жертвы. Гитлеровцы же проявили неблагодарность, заявил И. Антонеску на заседании румынского совета министров 9 фев-

---

[154] «Правда», 27 сентября 1943 г.

[155] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 305 (док. Инциденты на румыно-венгерской границе с 22.6.41 по 20.2.44»).

раля 1944 г., они «всегда были на стороне венгров, а не румын»[156].

Западногерманский историк Хилльгрубер отмечает, что «после Сталинграда в германо-румынских отношениях наступил период частично открытого, а частично скрытого кризиса доверия»[157]. Гитлеровцы выражали возмущение румынскими попытками ведения переговоров о сепаратном мире. В правящих румынских кругах все громче раздавались недовольные голоса по поводу экономических отношений с Германией. Во время торгово-экономических переговоров в конце 1942 года Национальный банк поставил условием предоставления кредитов для оплаты экспорта в Германию погашение ею прежней задолженности. Тогда гитлеровцы прибегли к давлению. Они заявили, что запретят транзит румынских товаров в страны с твердой валютой — Швецию и Швейцарию. Затем они организовали «побег» Хориа Сима из германского лагеря в Италию. Они решили дать почувствовать бухарестскому правительству, что располагают резервом на тот случай, если оно не будет проявлять достаточного духа примирения.

Реакция уязвленного И. Антонеску была настолько резкой, что гитлеровцы подумали о том, что они переборщили. Поэтому по поручению Гитлера Киллингер посетил румынского диктатора и заверил его, что «бегство» Х. Сима — инициатива службы Гиммлера, предпринятая без согласия фюрера, что Х. Сима будет возвращен в Германию и с ним будет все покончено (при этих словах Киллингер сделал красноречивый жест у горла). Чтобы урегулировать конфликт и разрешить спорные вопросы, Гитлер пригласил И. Антонеску на новую встречу. Во время переговоров с Гитлером в январе 1943 года И. Антонеску согласился направить новые войска на советско-германский фронт взамен уничтоженной румынской армии, усомнившись, однако, в возможности рейха сколько-нибудь долго продержаться. Угрозой в адрес Венгрии, не желавшей посылать свои войска на советско-германский фронт, прозвучали слова коммюнике об этой встрече, подчеркнувшие, что «германский союз с малыми странами базируется на принципе «каждому по заслугам по-

---

[156] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8438, f. 48.

[157] A. Hillgruber, op. cit., S. 169.

сле завоевания победы». И. Антонеску удовлетворил также германские экономические требования, но сумел выторговать три вагона золота в счет погашения задолженности Германии за вывезенные из Румынии товары [158].

В апреле 1943 года Гитлер сообщил И. Антонеску, что ему стали известны контакты румынских дипломатов в нейтральных странах с англо-американцами на предмет достижения компромисса. Он назвал, в частности, перехваченную и расшифрованную его разведкой телеграмму государственного секретаря США Хэлла американскому посланнику в Лиссабоне с предложением поддержать возможные мирные инициативы румынского министра иностранных дел М. Антонеску и потребовал увольнения М. Антонеску в отставку. Румынский диктатор не выполнил этого требования, боясь, что это окончательно подорвет его позиции внутри страны, показав его полную зависимость от германского фюрера. И. Антонеску ограничился тем, что проинформировал М. Антонеску о состоявшемся разговоре с Гитлером. Кстати сказать, отношения между двумя Антонесками в это время также были натянутыми, подчеркивая всю глубину кризиса «верхов». Бывший гитлеровский генерал Фрисснер, знакомый с обстановкой в правящих фашистских кругах Румынии, писал по этому поводу: «Началась грызня и предательство даже в тесном кругу. Дело дошло до того, что М. Антонеску неполностью и неточно передает приказы главы государства И. Антонеску» [159].

Румынский диктатор позволил себе по тактическим соображениям проявить определенную самостоятельность в итальянском вопросе. После того как в Италии наряду с правительством Бадольо возникло на севере «правительство» бежавшего Муссолини, Гитлер направил И. Антонеску письмо с требованием признать «правительство» Муссолини. Глава румынского государства выполнил это требование, но в то же время оставил в стране и дипломатическое представительство правительства Бадольо.

Вера Гитлера в генерала И. Антонеску была подорвана. Потому-то в кругу своих приближенных Гитлер вы-

---

[158] См. «Memorial Antonesco», vol. 1, p. 175.

[159] H. Frissner, Verratene Schlachten, Hamburg, 1956, S. 44

ражал сожаление, что Антонеску в свое время устранил от власти «Железную гвардию», которая, по мнению Гитлера, гарантировала бы незыблемость союза Румынии с Германией[160]. Пытаясь еще раз оказать давление на румынского диктатора, гитлеровцы осенью 1943 года инспирировали составление меморандума за подписью видных румынских политических деятелей реакционного толка — А. Вайда-Воевода, В. Попа, М. Манолеску и др., в котором от И. Антонеску требовали «полного и сердечного союза» с Германией, отставки М. Антонеску и публичного заявления И. Антонеску о том, что он отмежевывается от политики своего министра иностранных дел, занимающегося поисками сепаратного мира с англо-американцами. Но этот шаг оказался безуспешным.

Глава 6

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ МАНЕВРИРОВАНИЕ РУМЫНСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Фашистский блок сложился на базе захватнических, грабительских устремлений его участников. Пока гитлеровцы имели военные успехи, гитлеровская коалиция казалась стойким объединением. Но первые же поражения фашистских войск привели к фактическому распаду разбойничьего блока. Все еще сохраняя союз с гитлеровской Германией, румынские правящие круги стремились обеспечить себе возможность внешнеполитической перестраховки. В связи с провалом расчетов на уничтожение Советского государства силами фашистских агрессоров и начавшимся коренным переломом в ходе войны, они, верные своей традиции быть на стороне победителей, стали искать сближения с англо-американским империалистическим блоком.

Развитие отношений Румынии с Англией и Соединенными Штатами с момента вступления Румынии в войну

[160] См. «Hitler's secret conversations», N. Y., 1959, p. 227.

вселяло в румынские правящие круги надежду на успех возможной переориентации. Известно, что правительство США не сочло нужным осудить агрессивные действия румынских фашистов в отношении СССР. Напротив, оно фактически одобрило их войну против Советского Союза. 22 июня 1941 г. посланник США в Бухаресте Гюнтер направил помощнику государственного секретаря С. Уэллесу телеграмму, в которой открыто выражал свою поддержку агрессивным действиям правительства Антонеску против Советского Союза и предлагал, чтобы американское правительство сделало публичное заявление с выражением симпатии Румынии. «Здесь распространилось ошибочное мнение,— беспокоился Гюнтер,— будто наши симпатии по меньшей мере на стороне России». Само собой разумеется, правительство Соединенных Штатов не могло сделать заявления, противоречащего декларации президента Рузвельта от 24 июня 1941 г. о помощи Советскому Союзу в войне против фашистской Германии. Поэтому в ответной телеграмме на имя Гюнтера госдепартамент сообщил, что в настоящее время не будет сделано никакого заявления по румынскому вопросу, но подчеркнул, что правительство США в нужный момент «примет во внимание особое положение Румынии в войне» [161]. Переписка по этому вопросу была доведена Гюнтером до сведения румынского министерства иностранных дел и была с полным основанием воспринята фашистской кликой Антонеску как поощрение правительством США участия Румынии в антисоветской войне Гитлера.

О поддержке правительством Соединенных Штатов Америки военной акции Румынии с целью «возвращения румынских провинций» сообщал из Вашингтона румынский поверенный в делах Брутус Костаке. 10 июля 1941 г. в государственном департаменте ему было сказано, что позицию американского правительства в отношении Румынии следует рассматривать как доказательство понимания им причин ее участия в войне против Советского Союза. Когда в сентябре 1941 года фашистское правительство специальной нотой известило государственный департамент США о присоединении к Румынии захваченных советских земель, американское правительство ни в какой форме не осудило этой акции. Напротив, высоко-

---

[161] A. Cretzianu, The Lost Opportunity, N. Y., 1956, p. 70.

поставленные официальные лица США выражали одобрение. Американский посол при французском правительстве Виши адмирал Леги говорил румынскому посланнику о своем удовлетворении по поводу присоединения к Румынии советских территорий и уверял румынского фашистского дипломата в том, что скоро будет заключен мир, по которому фашистские агрессоры закрепят за собой все захваченные у Советского Союза земли. Леги исходил из того, что к осени — зиме 1941 года СССР потеряет способность оказывать сопротивление фашистской агрессии и будет вынужден согласиться на мир, продиктованный гитлеровской Германией.

Американский посланник в Бухаресте в своих беседах с М. Антонеску неуклонно проводил мысль о заинтересованности США в ослаблении Советского Союза в войне против Германии. При встрече 11 сентября 1941 г. Гюнтер сказал, что Россия уже ослаблена в результате германских побед и выйдет из этой войны обессиленной. «Я не думаю,— подчеркнул при этом американский посланник,— чтобы Соединенные Штаты работали на восстановление России и угрозу Европе» [162]. О том, что «Соединенные Штаты не забыли коммунистической опасности», говорил румынскому посланнику в Вашингтоне сам государственный секретарь США Хэлл. В беседах с представителями румынского фашистского правительства в августе 1941 г. Гюнтер высказывал свое неодобрение позицией Англии, заключившей с СССР соглашение о союзе в войне против гитлеровской Германии.

Английское правительство было вынуждено занять в отношении Румынии позицию, внешне отличавшуюся от американской. Спустя больше чем четыре месяца после оформления англо-советского союза в войне против фашистской Германии оно направило (30 ноября 1941 г.) через посредничество американской дипломатической миссии в Бухаресте следующую ноту правительству Румынии. «Румынское правительство в течение нескольких месяцев в тесном сотрудничестве с Германией ведет военные операции на территории Союза Советских Социалистических Республик, являющегося союзником Великобритании, принимая таким образом участие в общеевропейской войне и внося значительный вклад в германские

[162] «Studii», 1958, N 6, p. 91.

военные усилия. В этих условиях правительство Его Величества считает себя вынужденным поставить в известность румынское правительство, что если до 5 декабря румынское правительство не прекратит военных операций и не приостановит всякое участие во враждебных действиях, то правительству Его Величества ничего не останется сделать, как объявить о существовании состояния войны между двумя странами» [163]. В своем ответе румынское фашистское правительство пыталось представить дело так, что Румыния участвует в войне только против СССР. Созвав по этому поводу журналистов, глава румынского фашистского государства И. Антонеску разъяснил свою позицию: «Я являюсь союзником рейха в войне против России. Но я нейтрален в конфликте между Великобританией и Германией». 6 декабря 1941 г. дипломатический корреспондент английской газеты «Таймс» заявил, что в связи с тем, что от Румынии и других сателлитов Германии не получены удовлетворительные ответы, этим странам посланы сообщения о наличии состояния войны между ними и Англией.

Стремление румынских правящих кругов занять особую позицию в вопросе войны фашистского блока против Великобритании вызвало недовольство Гитлера и Муссолини. Под их давлением правительство Антонеску, солидаризируясь с основными участниками «Тройственного пакта», объявило 12 декабря 1941 г. войну Англии и Соединенным Штатам Америки. И опять И. Антонеску счел нужным собрать журналистов, чтобы повторить ранее сделанное разъяснение и добавить к нему, что он за американцев и против японцев.

Посредничество США в объявлении Англией войны Румынии, как тогда подчеркнул государственный секретарь Хэлл, ни в чем не изменило позиции Соединенных Штатов в отношении Румынии. Американское правительство продолжало прежнюю линию в отношении Румынии даже после того, как она объявила войну США. Правительство Соединенных Штатов воздержалось от обычного в этих условиях немедленного объявления войны Румынии под предлогом, что воинственный шаг был сделан румынским правительством под давлением гитлеровцев.

Лишь летом 1942 года под влиянием общественного

---

[163] ИДА, ф. МИД Румынии, д. 312, л. 31(70).

мнения правительство США решило положить конец двусмысленной ситуации, в которую оно поставило себя в вопросе объявления войны Румынии и другим сателлитам фашистской Германии. 2 июня 1942 г. Рузвельт обратился в конгресс с предложением объявить войну Румынии, Болгарии и Венгрии. 5 июня 1942 г. конгресс США одобрил предложение американского президента.

Объявление войны правительствами Англии и США мало что изменяло в их отношениях с румынскими правящими кругами. Газета «Нью-Йорк таймс» признавала, что «официальное объявление войны не будет иметь серьезных последствий»[164]. Объявляя войну Румынии и другим сателлитам гитлеровской Германии, правительства США и Англии пытались представить этот шаг, лишенный практических последствий, в качестве поддержки и помощи своего советского союзника. Главная же цель объявления войны состояла в том, чтобы обеспечить Англии и США право голоса при заключении мирного договора с Румынией и другими гитлеровскими сателлитами после окончания второй мировой войны.

И после объявления войны Румынии англо-американские империалистические круги продолжали поощрять антисоветские захватнические устремления румынских господствующих классов. Шателен, резидент английской разведки в Стамбуле, говорил в конце 1942 года румынскому промышленнику Георгиу, что англичане «понимают положение Румынии». Он заявлял, что целью англо-американцев является «предотвращение большевизма» в Юго-Восточной Европе. В декабре 1942 года английский профессор Сетон-Уотсен, советник Форин оффиса по балканским проблемам, призвал английское правительство выступить с заявлением, что одной из целей, ради которых Великобритания ведет войну, является восстановление румынских границ 1939 года, то есть сохранение за Румынией захваченных советских территорий[165]. Это нельзя было расценить иначе, как поощрение войны румынских фашистов против СССР.

Правительство Антонеску приняло меры к ограждению интересов английских и американских монополистов

---

[164] «New-York Times», June 3, 1942.

[165] См. A. Lukacs, Greut Powers and Eastern Europe, N. Y., 1953, p. 486.

в Румынии. Объявление войны Румынией Соединенным Штатам не сопровождалось секвестром американского имущества, что дало возможность американскому капиталу получать прибыли от принадлежавших ему предприятий в Румынии, занятых обеспечением гитлеровской военной машины нефтью и другими материалами. Румынское фашистское правительство, как свидетельствует официальная публикация по случаю третьей годовщины правления Антонеску, «из соображений предусмотрительности приняло меры к тому, чтобы все суммы, подлежащие выплате подданным враждебных государств, были положены на специальный счет» [166].

Свои интересы в Румынии английский и американский капитал сумел защитить также путем тесного сотрудничества с германским монополистическим капиталом.

Уже после вступления США в войну «Стандарт ойл» с целью маскировки своего румынского филиала передал часть акций общества «Ромына американа» немцам Клауссену, Бреме, Гейеру и др., которые были затем введены в административный совет этого общества [167]. С помощью таких операций были защищены интересы английских и американских монополистов и в других предприятиях Румынии.

Воюя против фашистских государств, правительства Англии и США долгое время воздерживались от нанесения удара по румынской нефтяной промышленности, снабжавшей гитлеровскую военную машину горючим и обеспечивавшей на этом деле большие прибыли западным монополистам. Как пишет работник американского разведывательного центра в Стамбуле Роберт Паркер, английское правительство отклонило предложение о выводе из строя путем диверсий английских нефтяных предприятий в Румынии [168]. На вопрос румынского промышленника Георгиу, почему англо-американцы не подвергают бомбардировке румынские нефтепромыслы, резидент английской разведки в Стамбуле Шателен ответил коротко: «Потому что мы не хотели этого» [169]. Комментируя донесение о беседе Георгиу с Шателеном, румын-

---

[166] «Trei ani de guvernare», Buc., 1943, p. 152.

[167] См. Т. Савин, Иностранный капитал в Румынии, ИЛ, 1950, стр. 188—192.

[168] См. Parker, Headquarters Budapest, N. Y., 1944, p. 253.

[169] Arhiva MAE, dos. special, nota SSJ din II dec. 1942.

ский фашистский диктатор отмечал, что Англия и США позволяют Германии пользоваться румынской нефтью, чтобы немцы наносили удары по русским. «По этой причине и мы находимся под Сталинградом...», — говорил он, представляя участие Румынии в войне в качестве действия, отвечающего интересам английских и американских реакционных кругов.

Первый рейд союзнической авиации на Плоешти был совершен лишь 31 августа 1943 г., то есть через два года после вступления Румынии в войну на стороне фашистского блока. По оценке англо-американского командования, налет оказался «дорогостоящим» [170]. Ссылаясь на большие потери, понесенные во время этого рейда, командование союзников вплоть до весны 1944 года больше не проводило крупных налетов на нефтепромыслы и предприятия Румынии. С выходом советских войск на государственную границу с Румынией, когда стала совершенно очевидной неизбежность освобождения этой страны войсками СССР, англо-американская авиация стала подвергать Румынию жесточайшим бомбардировкам. «После того, как русские пересекли Прут.., долгая и хитрая игра союзников с целью не допустить войну на Балканы провалилась»,— так прозвучало в апрельском номере 1944 года журнала «Тайм» признание относительно намерения англо-американских кругов предотвратить освобождение Румынии и других балканских стран Красной Армией. Англо-американские бомбардировки не преследовали цели облегчения наступательных операций советских войск, а были направлены на то, чтобы впоследствии затруднить использование румынской экономики в интересах войны против гитлеровской Германии.

Отношение англо-американских империалистических кругов к фашистской клике Антонеску вселяло в нее надежды, что даже в случае поражения фашистского блока она не пострадает. Известный американский журналист Лейг Уайт, проведший много лет на Балканах и хорошо знавший политическую обстановку там, писал в годы войны, что предметом неустанных работ американских дипломатов в Румынии и Венгрии были «как раз те группы, которые сейчас воюют на стороне Германии» [171]. Под-

---

[170] См. Metloff, The Strategical planning for the coalition warfare 1943—1944, N. Y., 1959, pp. 160—161.

[171] L. White, The Long Balkan Night, p. 161.

держка этих групп американскими дипломатами зашла так далеко, признавал он, что клики Антонеску и Хорти надеются на полное прощение после войны.

Правящие круги Румынии в течение всего периода войны не расставались с мыслью о возможности примирения фашистской Германии с Англией и США на базе общей борьбы против большевизма. Фашистские правители Румынии вели активную деятельность по устранению разногласий между этими странами и объединению их под флагом антибольшевизма. По мере того как ход войны складывался все больше в пользу СССР и всей антигитлеровской коалиции, румынские правители все настойчивее выступали в пользу такого примирения. При этом они преследовали собственные антисоветские цели, а также полагали, что посредническая роль Румынии укрепит ее международное положение после окончания мирового конфликта, обеспечит ей англо-американскую поддержку в решении трансильванского и других территориальных вопросов. Газета «Чикаго дейли ньюс» сообщала, что правительство Антонеску, стремясь завоевать расположение союзников и опередить в этом отношении Венгрию, обращалось к папскому нунцию в Бухаресте с просьбой информировать американских и английских дипломатов о мирных предложениях Румынии [172].

Румынская печать усиленно спекулировала на различиях в политических целях Советского Союза, с одной стороны, Англии и США — с другой. Вопя о «большевистской опасности», румынские реакционеры призывали Англию пересмотреть свои отношения с Советским Союзом и стать на «защиту свободы и независимости малых народов», то есть объединиться с фашистской Германией против СССР. Газета «Порунка времии» писала: «Мы все же не верим в русско-британское соглашение, ибо Англия не может отказаться от политики, которую она проводила в течение двух столетий. Она не может оставить Балканы, ибо в противном случае будет поставлено под угрозу ее господство на Ближнем Востоке и пути, ведущие в Индию» [173]. Румынские правящие круги никак не могли понять, что заставило господствующие классы Англии пойти на союз с Советским государством. В мар-

---

[172] См. «Chicago Dayly News», June 23, 1943.
[173] «Porunca vremii», 23 oct. 1943.

те 1943 года М. Антонеску предпринял попытку через посредство Ватикана обратить внимание Запада на «опасность», которую представляет Советский Союз, и крайнюю необходимость ввиду этого сепаратного мира между Германией и западными державами. Ватикан проявил большую заинтересованность в предложении румынских фашистов и дал указание своему нунцию в Берне Бернардини организовать выступление сателлитов гитлеровской Германии и малых нейтральных стран с заявлением о советской опасности, которое должно было быть передано Ватиканом правительству США, чтобы побудить западные державы пойти на антисоветский сговор с Германией.

С конца 1942 года румынская дипломатия усилила свои попытки достичь прекращения состояния войны фашистского блока с западными державами, чтобы дать возможность гитлеровцам продолжать войну на Востоке, не опасаясь за тыл. Михай Антонеску через своих эмиссаров в Португалии, Швейцарии, Испании, Турции и Швеции провел зондаж относительно возможности заключения сепаратного мира США и Англии с гитлеровской Германией и ее сателлитами. Румынские дипломаты, встречавшиеся в нейтральных странах с англо-американскими представителями, настойчиво выдвигали один аргумент — продолжение войны между Германией и западными державами приведет к «ослаблению Европы». Результаты зондажа были обнадеживающими, о чем М. Антонеску поставил в известность гитлеровского министра иностранных дел.

М. Антонеску подготовил следующий проект компромиссного мира: 1) Германия должна согласиться освободить некоторые районы Европы, в первую очередь части территории Франции; 2) англичане и американцы, высадившись на юге Франции и получив таким образом достаточные гарантии добрых намерений гитлеровской Германии по отношению к ним, не будут мешать войне фашистского блока против СССР; 3) предоставив добровольно такой залог, Германия сможет вести непосредственные переговоры с западными державами на предмет достижения окончательного соглашения [175]. Что касается

[175] См. «Memorial Antonesco», vol. 1, p. 185.

Румынии, то она, по мнению М. Антонеску, независимо от исхода этой попытки примирения должна заключить сепаратный мир с западными державами и выйти из войны. «Германия, — говорил Антонеску, — проиграла свою войну. Нужно не допустить, чтобы мы проиграли также».

Фашистские правители Германии бурно реагировали на акцию румынского министра иностранных дел, предпринятую без согласования с ними. Гитлер расценил ее как попытку Румынии уклониться от продолжения совместной с Германией войны «против коммунизма и западных плутократий». Румынский диктатор был вызван в Германию для объяснений, которые состоялись в Клесгейме 12 и 13 апреля 1943 г. Гитлер потребовал прекращения каких бы то ни было переговоров о заключении сепаратного мира и, обвинив М. Антонеску и других румынских дипломатов в «предательстве», настаивал на их смещении [176]. Оправдывая своего министра иностранных дел, И. Антонеску говорил, что «мирная акция» была предпринята в интересах всей «западной цивилизации», которой «угрожает опасность со стороны СССР». Он считал необходимым прекратить войну против западных держав и сосредоточить все силы против Советского Союза. Под давлением Гитлера румынский диктатор пообещал выполнить германские требования. В коммюнике об этом свидании Гитлера с И. Антонеску было сказано о лояльности Румынии и о том, что она ведет войну против всех врагов, в том числе и англо-американцев.

Однако эти обещания не были выполнены. В связи с этим германское правительство в конце июня 1943 года через своего посланника в Бухаресте вновь подняло вопрос о недопустимости ведения за спиной Германии мирных переговоров. 23 июня 1943 г. Киллингер зачитал М. Антонеску информацию, полученную Риббентропом, о деятельности румынского посланника в Мадриде, «который якобы предложил всеобщий мир при условии, что англо-американцы оккупируют Балканы и Рейнскую область, предоставив рейху свободу действий против России, и что Румыния в любом случае расположена к заключению сепаратного мира» [177]. Михай Антонеску защищался слабо, утверждая, что не верит в серьезность

---

[176] См. Hillgruber, op. cit., p. 170.
[177] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 92, n/p.

этих слухов. Переходя от защиты к наступлению, он с вызовом сказал: «Румынское правительство не может каждый день опровергать мирные предложения, которых оно не делало, так же как не может каждый день заверять в своей доброй воле. В свою очередь румынское правительство имело печальный повод констатировать, что в ночь с 24 на 25 ноября Хориа Сима бежал из лагеря и его нахождение на свободе может вновь создать беспорядок, что, в то время как от имени правительства Великобритании министр Иден заявляет о признании всей Трансильвании за Румынией, Германия... поддерживает венский арбитраж».

После неудачи со своим проектом замирения фашистского блока с западными державами М. Антонеску через посредство итальянского посланника в Бухаресте Бова Скоппа обратился к правящим кругам фашистской Италии с предложением взять на себя инициативу в организации совместного одновременного выхода Италии, Румынии, Венгрии и Болгарии из подчинения Берлину и заключения ими мира с западными державами. М. Антонеску заявлял, что настала пора предпринять «конкретные действия, чтобы выйти из войны и открыть глаза Германии». Он подчеркивал при этом необходимость для Италии и Румынии «возобновить контакт с союзниками, чтобы защитить Европу от большевизма» [178]. И опять спекуляция на мнимой «советской опасности» была одним из главных средств воздействия на западные круги.

Стремление к заключению мира с западными державами было присуще всем сателлитам гитлеровской Германии, переживавшим в 1943 году острейший политический и военный кризис. Король Виктор-Эммануил и другие представители итальянских правящих кругов прямо заявляли, что наступило время для организации нового «военного Мюнхена» — сговора двух воюющих империалистических группировок за счет СССР. Итальянский дуче с интересом отнесся к предложению румынского министра иностранных дел, ибо сам давно задумывался об облегчении военного положения Италии. Правда, его «мирные поиски» первоначально ве-

---

[178] Bova Scoppa, Colloqui con due dittatori, Roma, 1947, p. 74.

лись в другом направлении: в конце 1942 — начале 1943 года Муссолини считал необходимым заключить мир с СССР и прекратить безнадежную, с его точки зрения, войну на Востоке. В письме Гитлеру от 25 марта 1943 г. он писал, что «никогда не удастся уничтожить» Советский Союз [179]. Ссылаясь на заявление японского министра иностранных дел в марте 1943 года о том, что Япония в настоящий момент не может вступить в войну против СССР, Муссолини предлагал в этих условиях «закрыть русскую главу» — заключить мир на Востоке. Это дало бы возможность сконцентрировать силы фашистских держав на Западе, позволило бы Италии укрепить свои позиции в Средиземном море и при более благоприятном для итальянских фашистов военном положении повести переговоры с западными державами. Гитлер отклонил этот план.

Когда в июле 1943 года М. Антонеску посетил Рим и попросил дуче предпринять конкретные действия в целях вывода стран-сателлитов из войны против англо-американского блока, то Муссолини ответил на это согласием. Однако он заявил, что следует еще один-два месяца подождать развития событий, которые укрепят военное положение «оси» и создадут более благоприятные условия для достижения сепаратного мира. Расчет Муссолини не оправдался: вскоре он был отстранен от власти. Сразу же после его падения М. Антонеску обратился с призывом к правительству Бадольо «поставить немцев перед совершившимся фактом», организовав общее выступление малых стран — сателлитов фашистской Германии. Новый итальянский министр иностранных дел дал уклончивый ответ на это предложение [180].

После капитуляции Италии румынские фашистские правители с еще большей настойчивостью продолжили свои «мирные» демарши, готовясь в удобный момент покинуть лагерь гитлеровской Германии и отдаться под защиту англо-американских империалистов. Летом — осенью 1943 года в румынской прессе все чаще раздавались голоса, выражавшие опасения, как бы Румыния не опоздала с выходом из войны, слишком долго ожидая

---

[179] См. «Les Lettres secrètes echangées par Hitler et Mussolini», P., 1946, p. 184.

[180] См. A. Cretzianu, op. cit., p. 91.

«дальнейшего развития событий». Даже такие прислужники германского и итальянского фашизма, как издатель румынской газеты «Универсул» Памфил Шейкару, говорили, что капитуляция Италии должна послужить наглядным уроком для Румынии [181]. Газета «Порунка времии» писала, что отныне «полная и радикальная победа невозможна... Нам кажется, что наступило время для осуществления какой-то политической формулы» [182].

Усиливавшийся кризис фашистской диктатуры, нарастание освободительного движения в стране, успешные наступательные действия советских войск, с каждым днем приближавшихся к границам Румынии, — все это заставляло господствующие классы Румынии все громче взывать к помощи западных империалистических кругов. Видя обреченность фашистской Германии, они спешили отдать себя под покровительство англо-американских империалистов, заключить сепаратный мир с Англией и США, добиться оккупации Румынии англо-американскими войсками, чтобы с их помощью подавить освободительную борьбу румынского народа и сохранить буржуазно-помещичий строй.

Король Михай и Ю. Маниу в целях обеспечения выхода страны из войны обсуждали возможность образования «демократического правительства» во главе с М. Антонеску. В румынских правящих кругах рассматривались два возможных варианта выхода из войны. Первый вариант предусматривал заключение мира только с Англией и США, без участия СССР. Сторонники этого варианта стремились запугать англичан и американцев тем, что в случае победы СССР вся Европа будет большевизирована. Другой вариант состоял в том, что мир заключался также и с Советским Союзом, но это должен был быть «почетный мир», то есть такой, по которому румынским фашистам были бы прощены все их преступления, совершенные во время ведения антисоветской войны, а также было бы гарантировано сохранение за Румынией советской Бессарабии. Ни в одном из вариантов мира не допускалась мысль о вступлении советских войск на румынскую территорию. Чтобы добиться от западных империалистов заключения мира на таких

---

[181] «Правда», 16 октября 1943 г.
[182] «Porunca vremii», 14 aug. 1943.

условиях, господствующие классы Румынии изображали свою страну как «форпост против проникновения большевизма на Запад».

Фашистские правители Румынии, боясь ответственности за преступную антисоветскую войну, искали всяческие оправдания своим действиям и доходили до утверждений, что они... не вели и не ведут войны против СССР. Заместитель румынского диктатора М. Антонеску заявил в сентябре 1943 года: «Нам не приходит в голову мысль, что мы ведем агрессивную войну против великого русского соседа. Ни один румын не верит в то, что мы ведем войну с великой Россией в агрессивных целях. Мы не собираемся меряться силами с великой Россией, потому что румынам свойственно чувство меры» [183].

Представляя дело так, будто Румыния не ведет агрессивной войны против СССР, а защищает якобы свои права, фашистская клика выражала готовность быть верным союзником западных империалистов в их борьбе с коммунизмом. В одном из своих выступлений М. Антонеску напоминал о том, что Румыния входила перед войной в систему англо-французских гарантий на юго-востоке Европы. Он говорил об особой миссии Румынии, призванной защищать христианство в этой части Европы, и напоминал о роли Румынии в подавлении венгерской социалистической революции [184]. Румынские правящие круги предлагали свои услуги по созданию нового «санитарного кордона» вокруг СССР, выдвинув с этой целью план «Балканской федерации». Заискивая перед англо-американскими империалистами, румынский диктатор И. Антонеску заявлял о своем согласии вступить по предложению Англии и США в любую федерацию или группировку государств на Балканах.

Предложения румынских правящих кругов не расходились с планами англо-американской реакции, намеревавшейся в послевоенный период использовать пограничные с СССР страны в интересах антисоветской борьбы. Известно, что во время сепаратных переговоров с представителем гитлеровцев в 1943 году глава американской разведки А. Даллес, соглашаясь с германским пла-

---

[183] «Красная звезда», 29 сентября 1943 г.

[184] См. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1943 г., № 8—9, стр. 54.

ном послевоенной организации Европы, отводил Румынии, а также Польше и Венгрии роль «санитарного кордона против большевизма и панславизма»[185].

Свои надежды на заключение сепаратного мира фашистская клика Румынии связывала с осуществлением англо-американскими войсками «балканского варианта» Черчилля. И. Антонеску считал, что второй фронт не будет открыт союзниками до тех пор, пока союзники не будут вынуждены к этому или сепаратным миром между СССР и Германией, или крахом советского фронта. По его мнению, высадка союзных войск должна произойти только на Балканах. «Возводя плотину против русского империализма (такими словами маскировал И. Антонеску свою агрессивную войну против СССР. — *Авт.*), мы в сущности служим интересам англичан и американцев». В этом его убеждали донесения румынских дипломатов из Турции, в которых сообщалось, что при всяком удобном случае настойчиво внушается мысль о необходимости продолжать войну против СССР. «Англо-саксонцы, находящиеся официально в войне с нами, не могут более открыто высказывать своих мыслей!»[186],— так комментировал румынский фашистский диктатор доклады своих дипломатов из Анкары.

С лета 1943 года в поиски сепаратного мира активно включилась румынская «оппозиция», возглавляемая Маниу и Братиану. Господствующие классы Румынии полагали, что лидеры «демократических» партий — национал-царанистской и национал-либеральной, нескомпрометировавшие себя открытым, официальным сотрудничеством с гитлеровцами,— сумеют большего добиться от англо-американцев, чем фашистское правительство Антонеску. Исходя из этого, румынский диктатор заявил, что не будет цепляться за власть и готов уступить место Ю. Маниу, если тот сумеет получить от союзников приемлемые условия мира. Чтобы облегчить руководству буржуазно-помещичьей «оппозиции» поиски сепаратного мира, М. Антонеску по договоренности с И. Антонеску в мае 1943 года назначил Крецяну, доверенное лицо Ю. Маниу, посланником в Турцию. Знаменательно, что новый посланник был представлен турецкому правительству как

---

[185] «Фальсификаторы истории», Госполитиздат, 1948, стр. 72.
[186] «Memorial Antonesco», vol. 1, pp. 180—181.

представитель «румынской нации», а не «кондукэторула». Крецяну, как он сам пишет об этом в своих мемуарах, был уполномочен заявить, что «настоящее правительство (во главе с фашистом И. Антонеску. — *Авт.*) рассматривает себя находящимся у власти с единственной целью обеспечить порядок и что оно немедленно передаст бразды правления правительству, одобренному Великобританией и Соединенными Штатами» [187].

Выступая представителем всей румынской реакции в целом, Крецяну должен был установить контакт с союзниками на предмет вывода Румынии из войны путем англо-американской оккупации. М. Антонеску предоставил ему полную свободу рук. Румынский диктатор, принимая Крецяну перед его отъездом в Турцию, советовал быть осторожным, ибо в Анкаре и Стамбуле было много германских шпионов. Инструктируя отъезжавшего в Турцию Крецяну, Ю. Маниу просил от имени «оппозиции» передать союзникам, что все готово для их высадки на Балканах. Лучше всего, говорил он, если союзники вторгнутся в Болгарию; тогда Турция вступит в войну и англо-американский флот войдет в Черное море. А как только англо-американские войска подойдут к Дунаю, Румыния перейдет на их сторону [188].

В середине ноября 1943 года и в январе 1944 года Крецяну совершил две поездки в Бухарест для информирования о результатах своей миссии. Английское правительство заявило Крецяну для передачи И. Антонеску, что оно не может рассматривать демарши румынского правительства или румынских лиц, если эти демарши не будут адресоваться трем державам, в том числе Советскому Союзу, кроме того румынский уполномоченный должен представить конкретные предложения о выходе страны из войны. Английское правительство, заинтересованное в сохранении военного союза с СССР, не могло решиться на официальные переговоры о сепаратном мире с Румынией.

В конце 1943 года клика Антонеску получила также информацию о демаршах, предпринятых по ее заданию румынским дипломатом в Мадриде Скарлатом Григориу. Во время переговоров с ним американский посланник в

---

[187] A. Cretzianu, op. cit., p. 94.
[188] Ibid., p. 96.

Испании Карлтон Хейс заявил, что единственным средством избежать занятия всей территории Румынии советскими войсками было бы официальное согласие румынского правительства на безоговорочную капитуляцию. После получения союзниками этого согласия высокопоставленный военный представитель румынского правительства отправился бы в штаб союзников на средиземноморском театре военных действий для обсуждения практических военных мер, связанных с проведением в жизнь этого плана. М. Антонеску заявил о готовности подписать такой документ, выдвинув два предварительных условия: 1) высадка англо-американских войск на Балканах и их продвижение в Румынию; 2) участие Турции в войне на стороне союзников и вступление ее войск на Балканский полуостров. Этот документ должен был быть передан на временное хранение Турции, которая вручила бы его правительству США в случае, когда были бы соблюдены названные условия. Но турецкое правительство отказалось выступить в роли хранителя этого документа, считая его обязывающим Турцию.

Румынская реакция, как свидетельствует Крецяну, надеялась, что «англичане и американцы прибудут в Румынию раньше советских войск» в результате осуществления «балканского варианта» второго фронта. Велики же были разочарование, смятение и растерянность господствующих классов Румынии и других стран — сателлитов гитлеровской Германии, когда они узнали, что на Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Англии было решено открыть второй фронт не на Балканах, а в Западной Европе [189].

---

[189] Посланник венгерского правительства в Швеции записал в то время в своем дневнике: «Первая тревожная весть относительно конференции в Тегеране. Я услышал ее от японского посланника, сказавшего мне без всяких объяснений следующую фразу: «Не будет никакого вторжения англо-американцев на Балканы». А ведь на это вторжение рассчитывали венгерские правители, подписывая 9 сентября 1943 г. тайный документ с правительством Англии о своем согласии в принципе на безоговорочную капитуляцию. Как пишет венгерский посланник, его правительство «исходило из предположения, что англо-американские войска достигнут нас раньше России и что англо-американская политика будет определять будущее Юго-Восточной и Центральной Европы» (Antal Ulien-Reviczky, La guerre allemande. La paix russe. Le drame hongrois, P., 1950, p. 180; N. Kallay, Hungarian premier, p. 397).

Страхом было пронизано послание румынского фашистского диктатора от 1 января 1944 г. Приходя в ужас при мысли, что Румыния будет освобождена Красной Армией от ига фашизма, И. Антонеску обращался к мировой реакции с призывом помешать выполнению Советским Союзом его великой освободительной миссии. В этом послании он говорил об опасности, которая якобы угрожает «цивилизации Европы» со стороны коммунизма, умолял великие империалистические державы образумиться и заключением сепаратного мира преградить СССР путь на Запад. Признавая свое бессилие перед лицом растущего сопротивления и борьбы румынского народа, И. Антонеску жаловался на трудности управления страной. «Управлять сейчас — самое мучительное и тягостное бремя»[190],— плакался он. Те же ноты звучали и в подвластной Антонеску румынской реакционной прессе. Директор-издатель газеты «Курентул» Ромулус Сейшану в передовой статье «Европейский дух и война против СССР», опубликованной 7 января 1944 г., пугал правящие круги США и Англии якобы нависшей опасностью распространения коммунизма на Балканах и в Средиземном море. Германия, по его утверждению, борется якобы против этой опасности, ради защиты «европейской цивилизации» и «установления равновесия и порядка в будущей Европе». Логический вывод из сказанного — надо прекратить войну между западноевропейскими державами и объединиться для совместной борьбы против СССР.

Спекулируя на антисоветских настроениях в среде английских и американских правящих кругов, обанкротившаяся румынская фашистская клика распиналась в своей верности «делу Запада». В конце января 1944 года правительство Антонеску через военного атташе одной нейтральной страны направило следующее послание в Вашингтон: «Румыния не ведет войны против Англии и США. Когда английские и американские войска достигнут Дуная, они не встретят сопротивления румынских войск: ибо в этот момент румынские войска будут заняты обороной на Днестре против русских». Такую же позицию занимала и «оппозиция» во главе с Маниу и Брати-

---

[190] «Curentul», 1 ian. 1944.

ану. В одном из своих писем, опубликованных в западной прессе, она подчеркивала, что «общественное мнение здесь (в Румынии. — *Авт.*) целиком проанглосаксонское» и что правящие румынские круги будут сражаться против Советской Армии до тех пор, пока не получат «гарантий против русского вторжения», то есть до прибытия англо-американских войск. «Ясно, что все обстояло бы иначе, — говорилось в письме, — если бы перед нами находились английские и американские войска и если бы нам пришлось иметь дело с Великобританией и Соединенными Штатами» [191].

Обещания румынских правителей вести войну так долго, как это потребуется для осуществления планов англо-американской оккупации Румынии, призваны были дать дополнительную аргументацию Черчиллю и другим сторонникам англо-американского вторжения на Балканы. Ради своих классовых интересов, ради сохранения и укрепления буржуазно-помещичьего строя господствующие классы Румынии шли на затягивание кровопролитной войны.

Отчаянные вопли румынских правителей о спасении от революционного взрыва, который произойдет после разгрома фашизма, находили более чем живой отклик в реакционных кругах США и Англии. Империалисты этих стран не в меньшей степени, чем румынские капиталисты и помещики, боялись освобождения Румынии советскими войсками, в результате которого румынский народ, получив возможность определять свою судьбу, установил бы демократический строй. Они ни в коем случае не хотели «потерять» Румынию, которую рассматривали в качестве плацдарма в будущей войне против Советского Союза. Кроме того, западные империалисты хотели сохранить буржуазно-помещичий строй, чтобы и в дальнейшем эксплуатировать и грабить трудовой народ Румынии.

По договоренности с Маниу, поддерживавшим радиосвязь со штабом союзников в Каире, в декабре 1943 года в Румынию были сброшены на парашютах три офицера английской разведки во главе с Шателеном. Им было поручено наладить контакт с представителями румынских правящих кругов на случай возможной высадки

---

[191] «19-th century and after», Apr. 1944, p. 171.

англо-американских войск на Балканах. Первоначально отправка Шателена в Румынию планировалась в апреле 1943 года, когда, по заявлению самого Шателена, англичане серьезно думали об ударе по «уязвимому подбрюшью Европы» — Балканам. Тогда мыслилось, что Шателен должен обеспечить установление радиосвязи между румынским генеральным штабом и английским штабом на Ближнем и Среднем Востоке. Позднее было решено, однако, что Шателен должен вступить в контакт прежде всего с Ю. Маниу. Направлявшиеся в Румынию английские разведчики работали там до войны в крупнейших нефтяных обществах и имели большие связи в румынских кругах. Шателен и его спутники были выброшены с самолета недалеко от имения Маниу, но были арестованы румынской жандармерией и отправлены в Бухарест. Гитлеровцы, узнав об этом, попытались забрать к себе английских разведчиков, но встретили сопротивление со стороны И. Антонеску, который расценил прибытие их как свидетельство намерения западных союзников развернуть военные операции на румынском направлении. Он был уверен, что рано или поздно англо-американские войска будут направлены в Румынию, чтобы помешать Советскому Союзу вступить на Балканы.

Шателен и его спутники, находясь под стражей, как сообщает глава английской военной миссии вице-маршал авиации Артур Голд Ли, «не были отрезаны от белого света» [192]. При посредстве начальника румынской секретной службы Е. Кристеску они встречались и вели переговоры с лидерами «исторических партий» Маниу и Братиану, а также с представителями правительства Антонеску, которые стремились использовать их для достижения сговора с английскими правящими кругами.

1 февраля 1944 г. подполковник английской разведывательной службы Мастерсон, прилетевший для встречи с Крецяну из Каира в Анкару, заявил румынскому дипломату, что союзники ждут прибытия румынского эмиссара для ведения переговоров о сепаратном мире. Мастерсон заявил, что самое многое, на что могут рассчитывать румынские правящие круги, это — советское обещание не переходить Прут [193]. Он дал понять, что в этом вопросе,

---

[192] A. G. Lee, Crown against sickle, L., 1947, p. 196.
[193] См. A. Cretzianu, op. cit., p. 125.

являвшемся главным для господствующих классов Румынии, они могут надеяться на поддержку союзников. Само собой разумеется, Румыния должна была отказаться от захваченных советских территорий.

Полагая, что официальный представитель фашистского режима, находящегося накануне падения, будет не в состоянии отстаивать интересы буржуазно-помещичьей Румынии, румынские правящие классы решили направить для переговоров с союзниками представителя «оппозиции». Их выбор пал на князя Барбу Штирбея, бывшего премьер-министра Румынии. Штирбей был тесно связан с английским капиталом и правительственными кругами Великобритании[194]. Его дочь была замужем за майором английской разведки Э. Боксхоллом, который долгое время проживал в Румынии, представляя интересы английского концерна «Виккерс-Армстронг». Эти связи должны были облегчить Штирбею выполнение его миссии, тем более что переговоры намечалось вести в Лондоне.

Хотя Штирбей выступал представителем «оппозиции» и короля, в действительности за его спиной стояла вся румынская реакция, объединившаяся в страхе перед перспективой освобождения страны от фашистского ига войсками Советского Союза и из-за боязни нараставшего движения народных масс, угрожавшего самому господству буржуазно-помещичьих порядков в Румынии. Как видно из материалов судебного процесса И. Антонеску и его сообщников, между кликой Антонеску и лидерами «исторических партий» существовала полнейшая договоренность и единодушие относительно путей вывода страны из терпящего поражение фашистского блока. Поездка Штирбея была согласована с румынским диктатором, который по просьбе Ю. Маниу облегчил выезд румынского уполномоченного за границу.

Прибыв в начале марта 1944 года в Анкару, Штирбей в течение нескольких дней вел переговоры с англо-американскими представителями. Сведения об этих переговорах проникли в печать. Газета «Нью-Йорк таймс», сообщая о них, отмечала: «Теперь оказывается, что сообщения о мирных переговорах между румынскими и советскими агентами были ошибочными. Румыны находи-

[194] См. «Nation», Apr. 1, 1944, p. 380.

лись в контакте с британцами и англичанами. Русские не были информированы их британскими и американскими союзниками относительно присутствия здесь румынских эмиссаров или каких бы то ни было мирных переговоров...» [195]. В связи с утверждениями швейцарской газеты о том, что румынскому уполномоченному были вручены советские условия перемирия, ТАСС выступил 22 марта 1944 г. с заявлением. «ТАСС,—говорилось в заявлении,— уполномочен опровергнуть это сообщение как вымышленное и заявить, что вообще никаких советских условий Штирбею или какому-либо другому румынскому представителю не передавалось» [196].

Получив сведения о секретной миссии Штирбея, гитлеровская клика потребовала объяснений от своего румынского вассала. Объясняя Гитлеру свое отношение к миссии Штирбея, И. Антонеску представил ее как инициативу румынской «оппозиции» во главе с Маниу. Сам Антонеску, по его словам, согласился на выезд Штирбея «чтобы дать убедиться румынам в том, что от них требуют безоговорочной капитуляции, и тем самым поднять дух и решимость румынской армии воевать против России». Гитлеровцы молчаливо одобрили миссию Штирбея, считая, что она ни к чему другому не приведет, кроме как к усилению недоверия между западными державами и СССР. «Нацисты, — писала в этой связи газета «Нью-Йорк таймс»,— позволяют румынам играть с идеей выхода из войны и подписания сепаратного мира, ибо до тех пор, пока англичане и американцы, которым румыны были бы рады сдаться, находятся далеко.., на Вильгельмштрассе (улица в Берлине, где находились германские правительственные учреждения, в том числе министерство иностранных дел. — *Авт.*) мало оснований беспокоиться, что это может случиться» [197].

В изданной министерством иностранных дел Румынии публикации «Агрессивная политика и происки американского империализма против Румынской Народной Республики» указывается, что главари фашистской диктатуры вместе с руководителями реакционных партий Ю. Маниу и Д. Братиану использовали все средства, чтобы в

---

[195] «New-York Times», March 15, 1944.
[196] «Правда», 22 марта 1944 г.
[197] «New-York Times», March 14, 1944.

сотрудничестве с наиболее реакционными и антисоветскими элементами американских и английских правящих кругов помешать освобождению стран Восточной и Юго-Восточной Европы Советской Армией и облегчить проведение в жизнь «балканского варианта». «Так, в то время как английский шпион Шателен, арестованный для отвода глаз Антонеску, свободно сотрудничал при посредстве секретной фашистской полиции с руководителями «исторических партий», принц Барбу Штирбей был послан в Каир для тайных сепаратных переговоров с англо-американским командованием без ведома Советского Союза с целью помешать заключению перемирия с последним»[198].

В условиях, когда наступающие советские войска, громя гитлеровцев и освобождая свою территорию, неотвратимо приближались к румынской границе, было немыслимо ведение переговоров о перемирии без участия СССР. Поэтому 13 марта 1944 г. Штирбей в сопровождении английского офицера на военном самолете вылетел в Каир для переговоров с представителями трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. На первой встрече с ними, состоявшейся 17 марта, Штирбей заявил, что как И. Антонеску, так и «оппозиция» понимают необходимость скорейшего вывода Румынии из войны, подчеркнув таким образом, что он является представителем румынских правящих кругов в целом.

Штирбей стремился «убедить союзников вывести Румынию из войны путем англо-американской оккупации», сообщала 21 марта 1944 г. газета «Нью-Йорк таймс». Об этом писал также американский журнал «Тайм», который, перечисляя основные условия перемирия, выдвигавшиеся румынскими уполномоченными, подчеркивал, что они содержат пункт об оккупации Румынии английскими и американскими войсками[199]. Из предложений, сделанных Штирбеем в Каире, видно, что румынские правители не думали объявлять войны гитлеровской Германии, ограничиваясь «приглашением германским войскам покинуть Румынию в определенный срок»[200].

---

[198] «Агрессивная политика и происки американского империализма против Румынской Народной Республики», Изд. МИД РНР, Бухарест, 1950, стр. 19.

[199] См. «Time», March 27, 1944, p. 25.

[200] «Dayly Express», March 15, 1944.

Советское правительство, разгадав маневр буржуазно-помещичьих кругов Румынии, не возлагало больших надежд на успех начавшихся в Каире переговоров о заключении перемирия с Румынией. Касаясь характера миссии Штирбея и перспектив переговоров с румынами, Советское правительство отмечало в своей ноте английскому правительству от 22 марта 1944 г. следующее: «Что касается самого Маниу, то теперь стало ясно, что он не принадлежит к числу таких лидеров, которые могут вести борьбу против Антонеску, а скорее следует считать, что то, что он делает, он делает с разрешения Антонеску, являясь лишь орудием в его руках. С другой стороны, ни из сообщений Штирбея, ни из других данных сейчас не видно, чтобы Антонеску проявлял интерес или стремился к переговорам с союзниками по поводу выхода Румынии из войны и перехода на сторону союзников против Германии. Ввиду такого положения приходится сделать вывод, что, судя по имеющейся информации, нет оснований придавать значение сообщению Штирбея и следует выразить сомнение в том, что переговоры, которые велись с князем Штирбеем в последние дни в Каире, могут привести к положительным результатам» [201].

Однако правительства США и Великобритании, связывавшие с румынской реакцией, и в частности с Маниу и его сторонниками, свои далекоидущие планы в отношении Румынии, настаивали на продолжении переговоров с эмиссаром румынских правящих кругов.

В связи с наступательными операциями войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, вышедшими в конце марта 1944 года на государственную границу с Румынией, а затем форсировавшими реку Прут и приступившими к освобождению Румынии от фашистского ига, внутриполитическое положение в стране еще более обострилось. Охваченные паникой румынские правящие круги лихорадочно искали выхода из сложившегося критического положения, стремясь любой ценой добиться прибытия англо-американских войск в Румынию. Преследуя эту цель, Маниу и Братиану заявили Антонеску, что он должен сказать немцам, что, поскольку германские войска не могут сдержать советского наступления, Румыния вый-

---

[201] Л. В. Исраэлян, Антигитлеровская коалиция, Изд-во ИМО, 1964, стр. 372.

дет из войны и начнет переговоры с союзниками о перемирии. «Если вы не можете этого сделать, — писали они в своем письме И. Антонеску от 21 марта 1944 г., — то вы должны заявить королю о своей отставке и подумать уже сейчас о сформировании нового кабинета, который исправил бы создавшееся положение».

Лидеры буржуазно-помещичьей оппозиции, как сообщала сигуранца, намеревались требовать созыва коронного совета для принятия решения о выходе Румынии из войны и заключения перемирия. Промедление в этом вопросе, предупреждали они, чревато огромной опасностью: во-первых, в результате прорыва фронта советскими войсками в Румынии наступит «внутренняя анархия, которой никто не сможет противостоять», то есть возможен революционный взрыв; во-вторых, если русские перейдут Прут, то невозможно будет получить «приемлемых условий перемирия»[202]. Возлагая все надежды на спасительное вмешательство англо-американцев, Ю. Маниу в конце марта 1944 года просит И. Антонеску разрешить ему новую встречу с английским шпионом Шателеном («если нужно, то при соблюдении всех предосторожностей и секретности», — подчеркивает при этом Маниу), ибо она «чрезвычайно важна для будущего Румынии».

21 марта 1944 г. фашистское правительство Антонеску через своего посланника в Турции направило в штаб союзников на Ближнем Востоке запрос относительно того, на какую помощь союзников можно рассчитывать при защите румынской территории от продвижения советских войск. Клика Антонеску, как отмечает в своих мемуарах Крецяну, продолжала надеяться на возможность предотвращения вступления советских войск, преследовавших гитлеровцев, на территорию Румынии. Этот запрос находился в прямой связи с предстоящей встречей И. Антонеску с Гитлером, на которой должны были обсуждаться перспективы ведения войны на румынском фронте. Фашистская клика давала понять, что в случае благоприятного ответа — обещания прислать англо-американские войска в Румынию — она, возможно, решилась бы на разрыв с немцами и выход из войны.

Через два дня после этого командующий войсками

---

[202] ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 336 (81), стр. 67/139/3.

союзников на Ближнем Востоке генерал Вильсон направил через того же Крецяну личное послание маршалу Антонеску. В нем говорилось: «Вы не должны ни под каким видом встречаться с Гитлером. Если вы это сделаете, то это будет рассматриваться как окончательное свидетельство румынского намерения сотрудничать с Германией до конца, и ваша страна будет нести полную ответственность за все последствия. Вы немедленно должны капитулировать перед тремя великими державами и приказать румынским войскам прекратить сопротивление русским. Немцы находятся в безнадежном положении на юге России, и у вас теперь наилучший шанс для того, чтобы способствовать их полному поражению. Мы будем судить по результатам, и характер мирных условий, которые будут предъявлены Румынии ультимативно, в большей части будет зависеть от тех усилий, которые она внесет в поражение Германии...» [203].

Послание Вильсона, исходившее из трезвого учета обстановки на южном участке советско-германского фронта и необходимости сохранения сотрудничества стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Англии, разочаровало румынских фашистов, предпочитавших перемирию с СССР продолжение войны на стороне Германии. 23—24 марта состоялись переговоры Гитлера с Антонеску, во время которых фюрер нарисовал радужную картину, обещав предпринять контрнаступление на этом участке фронта. Гитлер пообещал также сделать заявление о недействительности «венского арбитража» в связи с вероломным поведением Венгрии, которую он был вынужден оккупировать 19 марта 1944 г. Однако Гитлер просил И. Антонеску сохранить пока в тайне это обещание [204].

Заверения Гитлера не успокоили румынскую фашистскую клику. Возвратившись 26 марта в Румынию, И. Антонеску написал Гитлеру письмо, не лишенное упреков. «Вернувшись сегодня в свою страну, я нашел, что положение выглядит совершенно иначе, чем это мне казалось, когда я был в верховном командовании вооруженных сил. Положение на фронте от Тернополя до Бугского лимана очень серьезное. Советские войска, прорвавшие

---

[203] A. Cretzianu, op. cit., p. 130.
[204] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 304, л. 43.

фронт между Тернополем и Проскуровом, своими передовыми частями достигли Залещики. Вторая основная группа противника, форсировавшая Днестр между Могилевом и Каменкой, глубоко вклинилась в расположение наших войск и передовыми частями уже находится в районе Стефанешти, Яссы... Противник ведет также мощное наступление между Днестром и Бугом; оказывается, германский фронт в этом районе отодвинут к югу намного дальше, чем это было представлено во время моего отъезда из ставки» [205].

После возвращения И. Антонеску от Гитлера заместитель румынского диктатора послал новую телеграмму генералу Вильсону, подтверждая прежние намерения относительно заключения перемирия и выхода из войны на стороне гитлеровской Германии. На это генерал Вильсон ответил 29 марта предложением отдать приказ румынским войскам в Крыму вступить в контакт с советскими войсками для сдачи им в плен, а также организовать сопротивление против немцев на Прутском фронте. Но фашистская клика не ответила на это предложение. Причиной тому была временная приостановка победоносного наступления советских войск, создававших непосредственную и немедленную опасность правительству Антонеску.

Подождав до 1 апреля 1944 г., союзники обратились тогда к Ю. Маниу: «Если вы сбросите режим Антонеску, который не хочет порывать с немцами, Советы согласятся вести с вами дело», — говорилось в послании генерала Вильсона лидеру румынской «оппозиции». Давая советы и информируя о характере помощи, на которую могла рассчитывать румынская «оппозиция», Вильсон писал: «Лучший шанс на военный успех, по моему мнению, заключается в том, чтобы избегать прямого военного конфликта с германскими войсками и сконцентрироваться на немедленном подрыве германских коммуникаций в Румынии (шоссе, железные дороги, мосты, подвижной состав, локомотивы). В качестве немедленной помощи в выполнении этой задачи я готов произвести мощный воздушный налет на цели, которые вы укажете» [206].

---

[205] «Ясско-Кишиневские Канны», изд-во «Наука», 1964, стр. 20—21.

[206] A. Cretzianu, op. cit., p. 132.

2 апреля 1944 г. Советское правительство сделало заявление по поводу выхода Красной Армии на реку Прут, являющуюся государственной границей между СССР и Румынией. «Советское правительство, — говорилось в заявлении,— доводит до сведения, что наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции. Вместе с тем Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника»[207]. Оценивая значение заявления Советского правительства от 2 апреля 1944 г., государственный секретарь США К. Хэлл сказал, что «политические гарантии, которые содержит советское заявление, должны помочь румынам увидеть, что их высший интерес требует изгнания германских войск из их страны». Советское заявление выбивало почву из-под ног противников выхода Румынии из антисоветской войны, клеветнически утверждавших, будто СССР намерен уничтожить румынское государство или захватить часть его территории.

Однако правящие румынские круги продолжали выжидать. В связи с этим Советское правительство было вынуждено еще раз заявить союзникам, что «оно имеет мало надежд на эффективность возможного контакта» с румынским правительством[208]. Желая испробовать возможность для скорейшего завершения войны и прекращения дальнейшего кровопролития, Советское правительство высказало готовность предъявить свои условия перемирия с Румынией. 12 апреля 1944 г. Штирбей получил советские условия перемирия, предварительно согласованные с правительствами Англии и Соединенных Штатов. Эти условия состояли из шести пунктов:

---

[207] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 3, Госполитиздат, 1947, стр. 136.

[208] Л. В. Исраэлян, цит. раб., стр. 373.

«1. Разрыв с немцами и совместная борьба румынских войск и войск союзников, в том числе и Красной Армии, против немцев в целях восстановления независимости и суверенитета Румынии.

2. Восстановление советско-румынской границы по договору 1940 года.

3. Возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советской территории.

4. Возвращение всех советских и союзных военнопленных и интернированных.

5. Обеспечение возможности советским войскам, так же как и другим союзным войскам, свободно продвигаться по румынской территории в любом направлении, если этого потребует военная обстановка, причем румынское правительство должно оказать этому всемерное содействие своими средствами сообщения как на суше и воде, так и в воздухе.

6. Согласие Советского правительства на аннулирование венского арбитража о Трансильвании и оказание помощи в деле освобождения Трансильвании» [209].

Советские условия перемирия явились новым убедительным доказательством доброго отношения СССР к Румынии. Они отражали глубокие интересы и национальные чаяния румынского народа, свидетельствовали об уважении Советским правительством внутренней жизни Румынии и нежелании вмешаться в нее. Выступая в английской палате общин 24 мая 1944 г., английский премьер-министр Черчилль признал, что эти условия перемирия не допускали и мысли об изменении общественных устоев в Румынии и были во многих отношениях необыкновенно великодушными [210]. Даже фашистские главари Румынии находили их «благоприятными». Несмотря на это, после совместного обсуждения советских условий перемирия клика Антонеску и буржуазно-помещичья «оппозиция» во главе с Маниу отклонила их. Румынский диктатор заявил, что он никогда не согласится воевать против Германии. Давая показания на судебном процессе в 1946 году, И. Антонеску заявил, что перемирие на советских условиях не было заключено «по соображени-

---

[209] «Правда», 27 августа 1944 г.
[210] См. «Times», May 25, 1944.

ям военного порядка», а также в силу позиции, занятой Ю. Маниу, считавшего необходимым подождать с этим шагом. В мае 1944 года Г. Гафенку, находившийся в Швейцарии и поддерживавший тесную связь с реакционными английскими и американскими кругами, передал Маниу, что не следует спешить с заключением перемирия с СССР, ибо западные державы скоро примут решение, которое «изменит участь Румынии». Таким решением, призванным «изменить участь Румынии», должно было явиться осуществление в той или иной форме «балканского варианта», чего настойчиво добивались и после Тегеранской конференции Черчилль и его сторонники.

Фактически отклонив советские условия перемирия, Маниу не решился открыто заявить об этом, а прибегнул к тактике затягивания переговоров в Каире, пытаясь выторговать у союзников приемлемые для румынской реакции условия перемирия. 14 апреля 1944 г. он выдвинул свои условия перемирия, из которых явствовало, что «оппозиция» не намеревалась вести борьбу против гитлеровской Германии. Румыния, говорил он, заключит соглашение о прекращении военных действий и своей нотой об этом поставит в известность Германию. Если в этой связи Германия начнет военные действия против Румынии, то последняя пойдет на объявление ей войны. Другим важным условием Маниу ставил недопущение в Валлахию, Олтению, Трансильванию, Банат и Добруджу, то есть на территорию почти всей Румынии, за исключением Молдавии, к освобождению которой уже приступили советские войска, «иностранных войск» (имелись в виду советские войска) «без выраженного желания румынского правительства». Вместе с тем он настаивал на присылке англо-американских воздушно-десантных частей, без которых якобы было невозможно обеспечить выход Румынии из войны на стороне гитлеровской Германии.

Пытаясь объяснить свою просьбу о присылке англо-американских авиадесантных войск, Маниу писал 17 апреля, что эту просьбу «не следует рассматривать как дискриминацию какого-либо союзника», что она вызывается лишь географическими и военными соображениями: как утверждал Маниу, только Ближневосточное командование могло бы оказать помощь посылкой сильных авиасоединений. В действительности его просьба бы-

ла продиктована политическими соображениями, стремлением, как об этом говорили в правящих румынских кругах, англо-американским присутствием «нейтрализовать» присутствие советских войск в освобождаемой от фашизма Румынии. Маниу, как признает Крецяну, не мыслил освобождения Румынии «без активного присутствия английских и американских военных формирований»[211], означавшего не что иное, как использование войск западных империалистических держав для борьбы с революционным движением румынского народа и для поддержания прогнившего буржуазно-помещичьего строя, сохранить который собственными силами румынская реакция была уже не в состоянии.

27 мая 1944 г. в Каир прибыл еще один румынский эмиссар — Константин Вишояну, которому так же, как и Штирбею, было дано задание добиться англо-американской оккупации Румынии[212]. По поручению Маниу он сделал заявление, в котором подчеркнул, что «англо-американская помощь внутри страны является важнейшим условием всякого действия с нашей стороны. Конечно, ответственные и решившиеся на выступление румынские группировки могли бы произвести переворот, если бы было достигнуто приемлемое соглашение». Маниу просил направить в Румынию хотя бы две-три англо-американские воздушно-десантные дивизии. Заявляя о том, что советские условия перемирия нуждаются в обсуждении на переговорах в Каире, он фактически отвергал их.

До тех пор пока Маниу не заявит категорически о принятии советских условий перемирия, всякие переговоры с румынскими уполномоченными были бесцельны. Поэтому союзники по инициативе советского посла в Каире решили прервать переговоры со Штирбеем и Вишояну. 1 июня на совещании представителей трех союзных держав был принят текст заявления по этому поводу: «Ввиду положения, создавшегося в связи с последними телеграммами Маниу, представители трех держав считают необходимым заявить румынским делегатам, что дальнейшие переговоры бесполезны, и они считают их законченными»[213]. И хотя 11 июня 1944 г. Маниу с согла-

[211] A. Cretzianu, op. cit., p. 139.
[212] «New-York Times», Aug. 1, 1944.
[213] Л. В. Исраэлян, цит. раб., стр. 374.

сия короля заявил о принятии советских условий перемирия, положение не изменилось: условием выхода из антисоветской войны он продолжал ставить присылку трех авиадесантных англо-американских бригад в намеченные им пункты Румынии.

Было совершенно очевидным, что «оппозиция», действуя в сговоре с фашистской кликой Антонеску, не имела серьезных намерений решительно порвать с гитлеровской Германией и переговорами в Каире преследовала иные цели. Маниу и Братиану были против свержения Антонеску, считая его «тем человеком, который должен вести переговоры и заключить перемирие»[214]. Сам же Антонеску выступал против перехода страны в лагерь антигитлеровской коалиции, считая это предательством германского союзника. 4 августа 1944 г. при очередной встрече с Гитлером румынский диктатор заявил, что будет до конца стоять на стороне фашистской Германии.

---

[214] «Procesul marii trădări, naţionale» p. 165.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ 23 августа 1944 г.

Глава 1

ВЫЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ И КУРС КОМПАРТИИ НА ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

В то время когда в результате коренного перелома в войне, созданного победами Советской Армии, гитлеровский блок стал разваливаться, а фашистский режим Антонеску переживал глубокий безысходный кризис, Коммунистическая партия взяла курс на вооруженное восстание.

Решение об этом было принято в августе 1943 года на основе всестороннего учета внутренней и международной обстановки, обострения классовых противоречий и усилившегося недовольства войной, охватившего различные слои населения. Кризис верхов, вызвавший внутриполитическое и внешнеполитическое маневрирование румынских правящих кругов, являлся отражением общенационального кризиса, складывавшегося тогда в Румынии. «Столкновения буржуазии с правительством не случайность, а показатель глубокого, со всех сторон назревающего кризиса»[1]. Невозможность для верхов вести государственные дела по-старому и обостренное нежелание низов мириться с таким ведением по-старому составляет, по Ленину, политический кризис в общенациональ-

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 313.

ном масштабе[2]. Для внутриполитического положения Румынии в то время было характерным наличие революционного рабочего класса, имевшего опыт борьбы и руководства широкими слоями населения в межвоенный период. Это обстоятельство имело первостепенное значение для обеспечения успеха назревавшей антифашистской революции. «Ни угнетение низов, ни кризис верхов не создадут еще революции,— подчеркивал в свое время В. И. Ленин,— они создадут лишь гниение страны,— если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания»[3].

Конкретные условия развития революционного процесса в Румынии сложились так, что в годы войны наиболее закаленные, твердые коммунисты находились за решеткой и колючей проволокой и именно они составляли настоящее руководящее ядро партии, были действительными руководителями антифашистского сопротивления. Фашистский террор не смог сломить боевого духа коммунистов, заключенных в тюрьмах и концлагерях. Безуспешными оказались попытки режима Антонеску изолировать их от партии, от политической жизни страны и антифашистского движения. В одном из своих донесений правительству в 1943 году сигуранца вынуждена была констатировать: «Заключение коммунистов в лагерь не изолировало их от остального общества и не явилось препятствием для продолжения ими деятельности»[4]. Как свидетельствует Ион Винце, находившийся в заключении в тюрьме Карансебеш, куда он был переведен зимой 1942 года, коммунисты этой тюрьмы во главе с Г. Георгиу-Дежем и другими руководителями были постоянно в курсе событий, глубоко разбирались в развитии военной и политической обстановки[5]. Уже в это время они пришли к заключению, что многочисленные провалы и аресты коммунистов являются результатом проникновения враждебной агентуры в руководство КПР. Началась постепенная изоляция Фориша, которого лишили части его связей с центральным аппаратом и областными организациями партии. После того как Г. Георгиу-Деж был

---

[2] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 329.
[3] Там же, стр. 301.
[4] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 3174, f. 224.
[5] См. «Scinteia», 31 iulie 1964.

переведен в лагерь Тыргу-Жиу, под его руководством основными кадрами партии, находившимися там, была перестроена жизнь партийной организации лагеря, подорванная оппортунистическими элементами, связанными с Форишем. Подобная работа была проведена также в тюрьмах Карансебеш, Лугож, Вэкэрешть, Мисля, Тыргу Окна и в концлагерях Вапнярка, Гросулово [6].

План подготовки вооруженного восстания был выработан под руководством Г. Георгиу-Деж основными кадрами партии, находившимися в заключении, при участии тех коммунистов, которые оставались на свободе. Летом 1944 года Г. Георгиу-Деж, находясь в тюремном госпитале, встречался с коммунистами из подполья с целью завершения выработки плана свержения военно-фашистской диктатуры и освобождения страны от гитлеровского господства [7]. Этот план включал в себя следующее: удаление из руководства Коммунистической партии предательских, капитулянтских элементов, тормозивших развертывание национально-освободительной антифашистской борьбы; реорганизацию, перестройку всей деятельности партии на военный лад; осуществление единства действий рабочего класса; образование коалиции всех прогрессивных, антифашистских сил; развитие сотрудничества со всеми партиями и группами, которые по той или иной причине высказываются за выход из войны; создание под руководством компартии боевых патриотических отрядов; привлечение армии на сторону восстания; освобождение из заключения основных партийных кадров; свержение путем вооруженного восстания военно-фашистской диктатуры Антонеску; вывод страны из антисоветской войны, поворот армией оружия против гитлеровской Германии и присоединение к антигитлеровской коалиции; сформирование правительства, в котором были бы представлены все антифашистские силы.

Вооруженное восстание должно было спасти страну от национальной катастрофы, к которой вела предательская политика клики Антонеску, продолжавшей гибельную войну на стороне фашистской Германии. Тот факт, что инициатором и организатором такого восстания вы-

---

[6] См. «Scinteia», 31 iulie 1964.
[7] См. «Studii», 1964, N 4, p. 924.

ступила Коммунистическая партия — партия румынского рабочего класса, лишь подтверждает правильность ленинского высказывания о том, что, «когда наступает тяжелый кризис, когда нация в опасности, буржуазия управлять не может»[8]. В эти переломные, решающие для судеб наций моменты может руководить только власть, исходящая от народа, а не власть эксплуататоров.

Правильно оценивая обстановку, компартия пришла к выводу, что в условиях войны вооруженное народное восстание является единственным путем свержения военно-фашистской диктатуры внутренними силами. В своей деятельности по подготовке вооруженного восстания и его проведению румынские коммунисты руководствовались ленинскими указаниями по этому вопросу. «Восстание,— учит В. И. Ленин,— чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа.* Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции.* Это в-третьих»[9].

Деятельность компартии по подготовке и организации вооруженного восстания проходила в условиях возрастающего воздействия новых побед Красной Армии на внутриполитическое положение Румынии. «Беспримерный героизм Советской Армии, которая несла на своих плечах всю тяжесть войны, уничтожающие удары, которые она наносила на фронте по фашистским армиям, давали мощный толчок освободительной борьбе румынского народа»[10]. Поражения гитлеровской Германии, рост недовольства масс и их сопротивления фашистскому режиму, приближение к границам Румынии победоносных советских войск вызывали разброд и панику в рядах господствующих классов, усиливали политический кризис военно-фашистской диктатуры, создавая благоприятные

---

[8] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 233.
[9] Там же, т. 34, стр. 242—243.
[10] Gh. Gheroghiu-Dej, A XX-e aniversarea eliberării Romîniei («Scînteia», 23 aug. 1964).

условия для деятельности компартии по претворению в жизнь курса на вооруженное восстание.

Антифашистские и антивоенные настроения в Румынии нарастали с каждым днем. Население не скрывало своей ненависти к германским «союзникам». Осенью 1943 года известный румынский писатель Тудор Аргези опубликовал в газете «Информация зилей» памфлет, в котором зло высмеивал германского посланника в Бухаресте Киллингера, выражая удовлетворение по поводу банкротства германских захватчиков. За свое патриотическое выступление Тудор Аргези был заключен в концентрационный лагерь. Антигерманские и антиправительственные настроения были столь очевидны и сильны, что заставляли иностранных дипломатов, находившихся в Бухаресте, думать о возможном революционном взрыве в стране. «В случае, когда русские войска достигнут румынской границы, население окрестностей столицы, крестьяне, коммунистические элементы и все недовольные своей жизнью, которую они хотят изменить любой ценой, восстанут, организуя саботаж, помогая таким образом русским. Паника, которая вне всякого сомнения произойдет в стране, породит революцию народных масс» [11],— записал в своем дневнике в конце 1943 года один скандинавский дипломат.

Победы Советской Армии над немецко-фашистскими полчищами, олицетворявшие превосходство социалистической системы над капиталистической, оказывали революционизирующее воздействие на румынских трудящихся, вселяли в них уверенность в торжество освободительной борьбы. Об этом говорят многочисленные донесения сигуранцы со всех концов Румынии. Сигуранца Плоештинской области, сообщая в ноябре 1943 года о мощных откликах в рядах рабочих на советское наступление, отмечала, что большинство рабочих говорит о будущей победе Англии, Америки и России. «Рабочие подчеркивают, что приход русских, которых они рассматривают защитниками рабочего класса, означит начало рабочего господства» [12]. В отчете о политическом положении и настроениях населения за декабрь 1943 года та же сигуранца доносила: «Большая часть рабочих втянута в сфе-

---

[11] «15 лет свободной Румынии», Изд-во ИМО, 1959, стр. 12.
[12] Arhiva MFA, dos. 292/66, f. 334.

ру коммунистических идей, что подтверждается с каждым днем. Рабочие с особенным вниманием следят за ходом войны, и большинство их радуются любому факту, который ослабляет военную силу рейха. Главной темой их дискуссий является возможная победа коммунистов, которые, свергнув теперешний социальный строй, установят господство рабочих»[13]. Эти настроения, распространению которых, по словам сигуранцы, «способствовали трудности жизни», с каждым днем охватывали все новые группы людей.

В конце 1943 года отмечалось значительное усиление борьбы рабочих за улучшение условий жизни, против эксплуатации и произвола фашистских властей. Об интенсивности этих выступлений свидетельствуют донесения румынской полиции: за период одного месяца — с 15 октября по 15 ноября 1943 г.— в 23 промышленных центрах и железнодорожных узлах произошли многочисленные выступления рабочих. 16 октября сигуранца сообщила о волнениях рабочих «Пиротехника», «Икар» и «Роджифер»; 19 октября — на заводе «Индустрия сырмий» в Кымпия-Турзий и на фабрике «Бухушь». 28 октября «выражали недовольство» рабочие предприятий в Бухаресте, Сибиу и Рымникул-Сарате, а 30 октября — железнодорожники Олтеницы и Валя Праховей. 2 ноября произошли выступления рабочих электрокомпании в Яссах, на заводе «Астра» в Араде, железнодорожников депо Гривица и депо Брашов; 11 ноября 1943 г.— на предприятиях «Стяуа ромына», «Вега» и «Копша, Мика ши Куджир». 16 ноября имели место выступления рабочих в Тырнавени, Зарнешти, Мелиаше, на заводах «Малакса» и в Хунедоаре.

В связи с обострением положения в шахтерском районе Валя Жиулуй министерство труда было вынуждено провести совещание с владельцами шахт и рабочими делегатами, результатом которого явилось обещание повысить на 15% заработную плату шахтеров, сократить налоги, обеспечить шахтеров квалифицированной медицинской помощью и т. п. Не удовлетворяясь обещаниями, шахтеры направили на имя И. Антонеску составленный в категорической форме документ с требованиями улучшения условий труда и жизни. Наступление рабочих против

[13] Arhiva MFA, dos. 220/78, f. 333.

капиталистической эксплуатации и действий военно-фашистской диктатуры было продолжено в связи с переговорами о заключении нового коллективного договора. Сообщая, что большинство шахтеров «вынашивают коммунистические идеи», полиция города Лупени обращала внимание на тот факт, что они с большой радостью и нетерпением ждут освобождения страны от фашистского ига, освобождения, которое принесет им зажиточную жизнь, навсегда свободную от эксплуатации и эксплуататоров [14]. 23 декабря 1943 г. шахтеры, перерезав кабель фуникулера, остановили производство на 13 часов. Эти и другие подобные действия вынудили местные власти в одном из донесений в Бухарест сделать признание о том, что «коммунистическая проблема является вечно актуальной в долине Жиулуй».

О растущем сопротивлении румынских патриотов фашистскому режиму и продолжению антисоветской войны в год коренного перелома свидетельствуют участившиеся случаи саботажа и диверсий на производстве, отказ от выполнения распоряжения властей и т. д. По сообщению газеты «Курентул», в 1943 году имело место 2789 процессов по обвинению в саботаже и 3849 процессов по обвинению в нарушении правительственных распоряжений [15]. Военная разведка 4-го армейского корпуса писала: «Пожары на военных складах и объектах в последнее время приняли такие размеры, что не могут быть отнесены к разряду случайностей. Эти пожары, несомненно, имеют другую причину, которую в большинстве случаев следует искать в актах организованного саботажа».

По оценке репрессивных органов, деятельность коммунистов среди населения в конце 1943 года приобрела опасность, представляя собой «реальную и непосредственную угрозу для безопасности и самого существования государства, а отнюдь не «воображаемое» действие» [16]. Зимой 1943 года компартия приступила к работе по формированию боевых патриотических отрядов, призванных сыграть важную роль в вооруженном антифашистском восстании. Революционная ситуация, вызревавшая в Румынии, характеризовалась усилением политической ак-

---

[14] См. Arhiva CC al PCR, fond 16, dos. 3873, f. 318.

[15] См. «Curentul», 15 ianuarie 1944.

[16] Dumitrescu, Sava, Activitatea de război a organizației clandestine din Romania, Buc., p. 126.

тивности масс. Для борьбы против фашистского господства в стране создавались различные антифашистские группы.

Политический кризис господствующих классов Румынии крайне обострился весной 1944 года в связи с начавшимся освобождением страны советскими войсками. 26 марта 1944 г. войска 2-го Украинского фронта после двадцатидневного непрерывного наступления, громя упорно сопротивляющегося врага, вышли на 85-километровом участке к реке Прут — государственной границе СССР с Румынией. Форсировав Прут, советские войска перенесли военные действия на румынскую территорию и к середине апреля овладели первыми 800 населенными пунктами Румынии, в том числе уездными городами Ботошаны, Дорохой, Рэдэуци, Сучава и Фэлтичени. Оказавшись перед фактом развала своей обороны на Правобережной Украине и угрозой окружения 6-й, 8-й немецких и 3-й румынской армий, фашистское командование выдвинуло в район Ясс свежую, 4-ю румынскую армию, которая основными силами заняла важнейшие горные перевалы в Карпатах и рубеж по линии Пашкани — севернее Ясс [17].

В своем заявлении от 2 апреля 1944 г., подчеркнув, что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника, Советское правительство указало на то, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего строя Румынии. Красная Армия вступила на территорию Румынии, выполняя свою историческую миссию освобождения народов Европы от фашистского ига, чтобы предоставить им полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве. Советское заявление развеяло утверждения клеветников и произвело глубокое впечатление на румынское население как в освобожденных районах, так и на территории, находившейся под фашистским господством, что было отмечено 5 апреля швейцарской газетой «Журналь де Женев». Оно содействовало консолидации сил, выступавших за выход из гитлеровского блока и пре-

---

[17] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 4, Воениздат, 1962, стр. 82.

кращение антисоветской войны, активизировало и усилило их действия против фашистской диктатуры Антонеску. Это заявление, продемонстрировавшее благородные цели советской внешней политики, чуждой стремлениям к империалистическим захватам и основывающейся на уважении суверенных прав народов самим определять свою судьбу, явилось «первым камнем в фундаменте будущих добрососедских отношений СССР с Румынией» [18].

На освобожденной румынской территории площадью примерно в 10 тыс. *кв. км,* где проживало около 400 тыс. человек, командование советских войск развернуло большую разъяснительную работу, ибо часть населения под влиянием антисоветской пропаганды настороженно встретила Красную Армию. В то время как владельцы предприятий, помещики и крупные чиновники бежали вместе с отступающими фашистскими войсками, основная масса населения осталась на месте. Государственный комитет обороны направил Военному совету 2-го Украинского фронта конкретные указания о линии поведения наших войск и командования на румынской территории. Военному совету было предложено обратиться к румынскому населению с воззванием и подтвердить в нем основное положение о том, что Красная Армия вступила в Румынию не как завоевательница, а как освободительница румынского народа от немецко-фашистского гнета. Государственный комитет обороны требовал не ломать румынские органы власти, систему экономического и политического устройства, охранять личные и имущественные права граждан и частных обществ [19]. В обязанность советского командования вменялось наблюдение за мероприятиями румынских органов власти. Поведение Красной Армии и разъяснительная работа политических органов быстро привели к установлению дружественных отношений с населением. С особым интересом слушало население солдат и офицеров из румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску, сформированной в СССР. Военнослужащие этой дивизии, расположившейся в апреле 1944 года в Ботошанах, рассказы-

---

[18] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 3, стр. 136.

[19] См. Архив МО СССР, ф. 243, оп. 63942, д. 31, лл. 209—211; «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 4, стр. 83.

вали своим соотечественникам правду о советском социалистическом государстве и его политике в отношении румынского народа.

Между тем весной 1944 года военно-политическое положение фашистской клики генерала Антонеску стало безнадежным. Войска 2-го Украинского фронта готовились овладеть городом Яссы, а войска 3-го Украинского фронта перенесли боевые действия на правый берег Днестра, готовясь к новому наступлению. Неожиданно из ставки Главного Командования раздался телефонный звонок. Командующему 2-м Украинским фронтом маршалу Советского Союза И. С. Коневу рекомендовали приостановить наступление [20]. Его ставили в известность о том, что 12 апреля 1944 г. Советским правительством будет предъявлено правительству Румынии шесть условий перемирия. Стремясь избежать лишнего кровопролития, когда продолжение войны на стороне гитлеровской Германии стало особенно опасным для Румынии, Советское правительство предложило румынским правителям свои условия перемирия.

Однако предательская клика Антонеску отказалась от прекращения антисоветской войны и заключения перемирия на советских условиях, окончательно связывая свою судьбу с гибнущим гитлеровским режимом. Она намеревалась превратить всю территорию страны в арену ожесточенных военных сражений, обречь румынский народ на новые бессмысленные жертвы, на жестокие страдания и мучения. И. Антонеску заявил о намерении вести тотальную войну: «Я отдам приказ о мобилизации всей нации. Мы переживаем тотальную войну, и, если солдату приходится умирать на фронте, не должен щадить своей жизни и оставшийся в тылу» [21]. Обреченность фашистских правителей Румынии делала их действия особенно опасными, несущими угрозу самому существованию румынского народа.

Стремясь положить конец опасному продолжению войны, компартия 22 марта 1944 г. через газету «Ромыниа либера» обратилась к командующим соединениями,

---

[20] См. «Ясско-Кишиневские Канны», стр. 24.

[21] См. «Вклад Румынии в разгром фашистской Германии (23 августа 1944 — 9 мая 1945 гг.)», Воениздат, 1959, стр. 38.

генералам, офицерам и солдатам румынской армии: «Красная Армия, самая мощная армия Объединенных Наций.., продвигается вперед, громя армии гитлеровской Германии. Она будет преследовать их до полного уничтожения в соответствии с англо-советско-американским планом, составленным (на конференциях) в Москве и Тегеране. Вот-вот начнется англо-американское вторжение с запада и юга. В этих условиях, когда полный военный и политический разгром Гитлера является лишь вопросом короткого времени, нацисты отступают по нашей территории, сжигая и опустошая все на своем пути. Румыния превращается в театр военных действий и будет опустошена, если мы не воспрепятствуем этому...». Высший национальный интерес требует, чтобы Румыния без промедления разорвала союз с Гитлером и повернула оружие против немцев, общих врагов Объединенных Наций и Румынии. Только таким путем можно спасти страну, народ и армию. Далее в листовке говорилось, что находящиеся на территории Румынии германские войска пока еще слабы и могут быть легко разоружены. Нельзя терять ни секунды. Настало время действовать. «Армия и ее командование несут большую ответственность. Они должны немедленно выполнить свой патриотический долг. Народ не забудет тех, кто был на его стороне в решающий час. Так же как и тех, кто не выполнил своего долга»[22]. Это и другие обращения компартии к армии способствовали прозрению ее командного состава, пробуждению у него чувства истинного патриотизма, подготавливая переход всей армии на сторону антифашистских сил, руководимых компартией.

Антивоенные настроения охватили всю страну. Фашистские органы докладывали: «Единственное желание народа состоит в том, чтобы война закончилась как можно скорее»[23]. На стенах домов появлялись написанные от руки листовки со следующими требованиями: «Хотим хлеба и мира! Вон немцев из страны, чтобы нас прекратили бомбить! Долой войну!»[24]. В апреле 1944 года большая группа профессоров и преподавателей университетов Бухареста, Ясс, Клужа, в том числе Пархон, Оцетя, Ра-

---

[22] «Romania liberă», 22 martie 1944.
[23] «Военно-исторический журнал», 1951 г., № 2, стр. 41.
[24] Arhiva MFA, dos. 2/60, f. 136.

ля, Дайкович, Росетти, Даниелопуло, Стоилов и др., направила И. Антонеску обращение прекратить войну, несущую разрушения, бедствия и смерть румынскому народу.

Бомбардировка столицы, разрушение других городов, предупреждения Лондона, Вашингтона и Москвы, превращение Молдовы в театр войны, писали они, являются предвестниками катастрофы. В обращении разоблачались утверждения антисоветской пропаганды, вбивавшей в голову румынской буржуазной интеллигенции мысль о том, будто СССР стремился к уничтожению румынского государства, захвату части его территории или насильственному изменению существовавшего в Румынии строя.

Патриотические антифашистские силы Румынии воспользовались ухудшением военного положения клики Антонеску для усиления своей борьбы против нее. Коммунистическая партия через подпольную газету «Ромыния либера» довела до сведения румынского народа заявление Советского правительства от 2 апреля 1944 г., призвав в этой связи население к активной борьбе, чтобы совместно с Красной Армией избавить страну от фашистского господства. «Румынский народ! Принимай Красную Армию с доверием как армию освободительницу и спасительницу. Помогай ей всеми силами и средствами!». Компартия призывала румынских патриотов, находящихся на фронте,— солдат, сержантов, офицеров и генералов — отказываться воевать за Гитлера и Антонеску и переходить на сторону Красной Армии, которая помогает румынскому народу освобождать свою страну. «Находящиеся в тылу! Отказывайтесь отправляться на фронт. Переходите на сторону народа. Уходите с оружием и вашим снаряжением в леса и горы. Создавайте группы и подразделения патриотов и партизан. Защищайте и спасайте население и его имущество от грабителей-немцев. Защищайте и спасайте честь, свободу и богатства румынского народа» [25].В целях обеспечения немедленного выхода страны из войны рабочие, крестьяне, интеллигенция, студенты, женщины и молодежь призывались к саботажу немецкой военной машины, к организации забастовок и демонстраций, к отказу от принудительной эвакуации.

---

[25] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», pp. 375—376.

Политический кризис в Румынии весной — летом 1944 года еще больше углубился и достиг крайней остроты. К этому неизбежно вело продолжение антисоветской войны, а также прогрессирующий развал румынской экономики. Ограбление страны германскими фашистами, непомерные военные расходы, тяжелые жертвы на фронте и разрушения в тылу крайне усилили нужду и бедствия масс. Во время переговоров по экономическим вопросам в феврале 1944 года фашистская Германия потребовала от Румынии поставить в 1944 году нефти на 32 млрд. лей, а также 60 тыс. вагонов хлеба, 25 тыс. вагонов кукурузы и ячменя, 5 тыс. вагонов масличных культур, тысячу вагонов сои, 100 тыс. голов крупного рогатого скота, свиней и т. д. сверх обычного объема румынских поставок. Докладывая об этом на заседании румынского совета министров 23 февраля 1944 г., М. Антонеску признал, что речь шла о поставках «в кредит», то есть Румыния была обязана финансировать германские военные нужды в связи с пребыванием немецких войск на румынской территории, экспорт румынских товаров в Германию. Кроме того, на румынское правительство была возложена обязанность выплачивать пенсии семьям румынских немцев, служивших в германской армии [26].

Выкачивая последние ресурсы страны для продолжения гитлеровской войны против СССР, фашистские правители дезорганизовали хозяйственную жизнь Румынии. Большой урон наносили румынской экономике англо-американские бомбардировки, в результате которых разрушались промышленные предприятия и жилые дома, гибло мирное население. Только в Бухаресте было уничтожено англо-американскими бомбардировками 10 500 домов. Около полутора тысяч домов было разрушено в Плоешти, несколько сот домов в Турну-Северине и т. д. В стране росла безработица как по причине эвакуации предприятий, их закрытия из-за отсутствия сырья, так и их разрушения налетами англо-американской авиации. В Бухаресте и других городах люди неделями безуспешно искали работу, лишившись возможности зарабатывать себе и своей семье на пропитание.

Катастрофическое ухудшение экономического положения довело до предела нищету трудящихся масс. Еще

[26] См. Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8440, ff. 4—5.

в начале 1943 года, как писал И. Антонеску маршалу Герингу, норма выдачи хлеба населению в Румынии составляла 215 *г* в день[27]. В связи с дальнейшим падением сельскохозяйственного производства снабжение продуктами питания в 1944 году стало еще хуже. Даже по спекулятивным ценам, недоступным трудовому населению, было очень трудно найти мясо, жиры и муку.

Отправка на фронт новых дивизий весной 1944 года отняла вновь большое количество рабочих рук, в которых нуждалось сельскохозяйственное производство, а реквизиции скота лишали крестьянские хозяйства тягловой силы, делая невозможным обработку земли. По этой причине в 1944 году резко сократились по сравнению с 1941 годом посевы зерновых: площадь под яровой пшеницей уменьшилась вдвое, под кукурузой и ячменем — в два-три раза, под яровой рожью — в четыре раза.

Производство товаров широкого потребления в это время также резко упало. По сравнению с 1940 годом сахара было произведено в 1944 году в три раза меньше; в четыре-пять раз сократилось производство хлопчатобумажных тканей и трикотажа. Намного уменьшилось производство растительного масла, муки и т. п. К тому же львиная доля из этого сократившегося производства товаров народного потребления отправлялась в Германию в соответствии с экономическим соглашением, подписанным в феврале 1944 года. Для удовлетворения нужд румынского населения оставалось совершенно недостаточное количество сельскохозяйственных продуктов и товаров.

Финансовое положение страны было катастрофическим. Колоссальные расходы на ведение войны и оплату вывозимых в Германию нефти, зерна, скота и т. п. Национальный банк покрывал необеспеченным выпуском денежных знаков. В этих условиях инфляция росла с головокружительной быстротой. К августу 1944 года цены на продукты питания и предметы первой необходимости возросли по сравнению с августом 1939 года почти в 14 раз, а заработная плата под давлением борьбы рабочих увеличилась лишь в 2,75 раза. Уровень жизни по сравнению с 1933 годом был в апреле 1944 года в шесть

---

[27] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 91, n/p.

раз ниже, а в июле — августе 1944 года — в семь раз ниже [28].

Хозяйственная разруха со всей силой ударила по материальному положению трудящихся масс. Об этом свидетельствуют многочисленные анкеты и обследования, проведенные репрессивными органами фашистского режима с целью выявления причин недовольства населения. Начиная с 1944 года на многих предприятиях месяцами не выплачивалась заработная плата. На шахте Байа Ноуа уезда Северин шахтеры не получали зарплату с 1 января до 14 апреля 1944 г. Агенты сигуранцы сообщали, что рабочим фабрики стекла в городе Медиаш не на что обеспечить себе пропитание. Из нищенского заработка рабочих высчитывалось примерно 30% на уплату всевозможных налогов и государственного займа, выпущенного правительством Антонеску весной 1944 года.

Бедствия и лишения трудящихся масс были усугублены в это время террором со стороны фашистской диктатуры Антонеску, стремившейся таким путем продлить свои дни. Аресты и судебные процессы шли один за другим. В январе 1944 года были осуждены 52 активиста Коммунистической партии Румынии и организации «Патриотическая защита», в мае 1944 года состоялся суд над 16 активистами-коммунистами из Плоештинской области. За первую половину 1944 года было осуждено по обвинению в нарушении закона, неповиновение властям и т. п. около 34 500 гражданских лиц, из которых 332 человека были приговорены к смертной казни [29]. Фашистское правительство заключило под стражу ряд известных политических деятелей, в том числе лидера «Фронта земледельцев» доктора Петру Гроза, под предлогом того, что они покушались на безопасность государства. Специальным распоряжением было распространено применение смертного приговора на лиц, причастных к патриотической антигитлеровской борьбе.

Рабочие подвергались наказаниям за малейшие проступки и были вынуждены, отбывая эти наказания, ночью находиться в карцере, а днем работать на предприятии.

---

[28] «Bursa», 26 febr. 1945.

[29] «Revista arhivelor», 1959, N 1, p. 12.

Ни во что ставя жизнь румынского рабочего, диктатор Антонеску отдал распоряжение, согласно которому запрещалось прекращать работу и покидать рабочее место даже в момент бомбардировок. 4 апреля 1944 г. после налета авиации союзников на Плоешти в городе прошла демонстрация, участники которой требовали немедленно заключить мир со странами антигитлеровской коалиции.

Ненависть рабочих к гитлеровцам и их прислужникам, управлявшим румынским государством, нарастала с каждым днем, открыто проявляясь при всяком подходящем случае. В донесении сигуранцы от 23 апреля 1944 г. прямо говорилось, что в столице «ненависть к режиму сейчас сильнее, чем когда бы то ни было». Сообщая о революционных настроениях шахтеров долины Жиулуй летом 1944 года, полиция города Дева писала: «Рабочие с нетерпением ждут падения нынешнего правительства, а часть их даже готова совершать акты саботажа, чтобы ускорить его падение». Из Брашова доносили: «Можно с уверенностью сказать, что при первом критическом моменте для государства рабочие окажут эффективную поддержку коммунистам в деле свержения существующего социального строя». Рабочие связывали надежды на улучшение своего положения с установлением рабочей власти, подчеркивалось в документе сигуранцы [30].

Враждебное отношение к военно-фашистской диктатуре проявляли крестьяне. В письме, опубликованном в газете «Ромыниа либера» 22 марта 1944 г., рассказывалось о том, что крестьяне готовы с оружием в руках бороться за изгнание немцев из страны и свержение режима Антонеску, чтобы прекратить войну, несущую смерть и разорение сельскому населению. В результате обследования, проведенного в уезде Прахове, полиция пришла к заключению, что крестьяне проявляют враждебность к общественному порядку и используют в своем разговоре слова, формулировки, заимствованные из коммунистического словаря, что, по словам полиции, означает, что коммунистическая пропаганда проникла также и в крестьянские слои. Неизмеримо возросший авторитет и влияние коммунистов в массах румынского народа до-

[30] См. Arhiva MFA, dos. 221/45, f. 26.

ставляли огромное беспокойство господствующим классам.

Анализируя обстановку в Румынии летом 1944 года, Г. Георгиу-Деж писал из заключения своим товарищам, находившимся в подполье, что «благодаря общей политической и экономической обстановке, в особенности благодаря быстрому развитию военной обстановки, массы все больше ориентируются на линию н. п. (нашей партии.— *Авт.*), ища конкретные формы выражения и осуществления этой тенденции» [31].

Антивоенные настроения буквально захлестнули и румынскую армию. У И. Антонеску было даже намерение специальным приказом осудить армию, ибо она отказывалась «воевать должным образом против русских». Чтобы заставить румын сражаться против советских войск, гитлеровское командование включало румынские части в состав германских соединений, приказывая стрелять в спины румынских солдат и офицеров, если они отказывались идти в атаку. Дезертирство приняло еще больший размах, захватив также часть офицерства. Официальные вестники публиковали бесконечные списки лиц, дезертировавших из армии или не явившихся на призывные пункты. Только во второй половине июня 1944 года их число составило более 5 тыс. человек, среди них было 200 офицеров [32]. Летом 1944 года военный трибунал Плоешти ежедневно выносил 60—80 приговоров о смертной казни или тюремном заключении для дезертиров.

Свидетельством крайне обострившегося весной — летом 1944 года кризиса фашистского режима Антонеску был прогрессировавший распад государственного аппарата, который оказался в отдельных частях страны парализованным страхом перед надвигающейся революцией. В марте 1944 года сигуранца доносила фашистскому правительству, что в некоторых местностях проявляется «безразличное отношение полицейских властей» к нарушителям порядка, ибо представители власти, не зная, как будет обстоять дело в будущем, считают, что «лучше никому не делать зла» [33]. В связи с процессом коммунистов в военном трибунале Плоешти в мае 1944 года так-

---

[31] «Analele», 1962, N 1, p. 8.
[32] «Inainte», 13 aug. 1944.
[33] «Analele», 1959, N 4, p. 92.

же отмечалось, что «при нынешней внутренней обстановке было бы неразумным вынесение максимальной меры наказания».

Обстановка в Румынии в это время является наглядной иллюстрацией ленинского определения революционной ситуации, включающего три признака ее: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»,* к самостоятельному историческому выступлению» [34].

Не из всякой революционной ситуации, как подчеркивал В. И. Ленин, возникает революция, а лишь из такой, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, а именно: присоединяется способность рабочего класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят» [35]. Этот субъективный фактор также был налицо в Румынии, где Коммунистическая партия стала во главе рабочего класса, преисполненного решимости положить конец фашизму и войне против СССР, установить истинно демократический строй, который коренным образом изменил бы жизнь румынских трудящихся.

---

[34] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 218.
[35] Там же, стр. 219.

Глава 2

УСТРАНЕНИЕ ПРЕДАТЕЛЬСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ ИЗ РУКОВОДСТВА КПР. СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО РАБОЧЕГО ФРОНТА

В обстановке, когда в стране вызрела революционная ситуация, когда перспектива неизбежного разгрома Германии и освобождения Румынии советскими войсками от фашистского ига вызывала панику и разброд в государственном аппарате и в целом в господствующих классах, когда среди населения росла ненависть к гитлеровским оккупантам и клике Антонеску, а румынская армия отказывалась продолжать антисоветскую войну, коммунистическая партия вела подготовку вооруженного антифашистского восстания.

4 апреля 1944 г. основные кадры партии во главе с Г. Георгиу-Дежем устранили предательскую группу Фориша и из коммунистов, действовавших в подполье, назначили временное руководство партии в составе Константина Пырвулеску, Иосифа Рангец и Эмиля Боднэраша. Новое руководство обратилось 5 апреля 1944 г. со специальным сообщением о происшедшем изменении и призвала активистов Коммунистической партии оказывать постоянную помощь в решении стоявших задач. Они состояли в том, чтобы 1) направлять деятельность партии по линии решительной борьбы против гитлеровских захватчиков и предательской клики Антонеску; 2) активно поддерживать победоносную Красную Армию — армию-освободительницу; 3) немедленно перестроить всю партийную работу на военной основе, постоянно усиливая меры безопасности, конспирации и бдительности [36].

В письме от 16 апреля 1944 г., ставя в известность партийные кадры в лагере Тыргу-Жиу о выполнении поручения по очищению партии от группы Фориша — Кофлера, коммунисты, находившиеся на нелегальном положении, писали: «Наши помыслы, помыслы всех тех, кто особенно чувствовал несчастья нашей семьи [37] и бесси-

[36] Arhiva CC al PCR, fond I, dos. 7988, f. 22.
[37] Конспиративное выражение «наша семья» означает «наша партия».

лие, на которое она была осуждена неспособностью[38], эти помыслы свершились. Вечером 4 апреля была устранена недостойная сила[39] вместе со всем тем, что ее поддерживало... Во всем мы руководствовались вашими советами, в особенности советами Ф.[40], которые были определяющими в составлении плана. Ваши строки были для нас большой помощью. Они укрепили нашу решимость и позволили найти верный метод, чтобы уберечь семью от конвульсий и лишить Тетку Варвару[41] случая вмешаться в дела... Мрачная глава в истории нашей семьи окончательно закрыта. Теперь следует поток покаяний и заверений в преданности, начавшийся с заявлений бывшего главы семьи[42]. Мы относимся к ним беспристрастно, но не закрываем бдительных глаз.

Мы полностью воспользовались советом Ф. относительно организации наследства, ибо он наиболее соответствует нынешнему особому положению. Вокруг нас мы сгруппировали основной актив, в первую очередь рабочих. Новая обстановка всюду воспринята с доверием. Энтузиазм, доверие и реальный подход характеризуют нашу работу. Имеются трудности, и к тому же большие, в деле выполнения всех задач. Но мы их преодолеваем молча, руководствуясь знаниями и опытом наших дедов, родителей и братьев[43]. До того момента, когда будем вместе, мы нуждаемся крайне в ваших советах, чтобы решить стоящие задачи. Мы не сомневаемся, что вы их дадите нам.

Нашей главной заботой является семья, укрепление ее преданными элементами как по социальному происхождению, так и по образу жизни. Другой основной задачей является установление живых связей внутри семьи

---

[38] Имеется в виду обстановка в партии в период деятельности группы Фориша — Кофлера, которая вела подрывную деятельность, мешая партии выполнять ее роль организатора и руководителя борьбы румынского народа за свержение военно-фашистской диктатуры.

[39] Предательские элементы.

[40] «Ф» — начальная буква конспиративного имени Г. Георгиу-Дежа — «Фиерару».

[41] Теткой Варварой (танти Варвара) именовался в конспиративной переписке репрессивный аппарат буржуазно-помещичьего государства.

[42] «Бывший глава семьи» — предатель Фориш.

[43] «Знания (наука) и опыт наших дедов, родителей и братьев» — наука и опыт классиков марксизма-ленинизма, КПСС и самой компартии Румынии.

и через нее с естественной средой [44], в которой она растет, путем выдвижения рабочего элемента во все руководящие звенья сверху донизу. Укрепляя семью на этих основах и глубже связывая ее с классом, который питает и поддерживает ее, мы сможем перейти к поискам и заключению естественных или временных союзов без опасения утратить свою сущность и руководящую роль... Третьей основной задачей является забота о вас и окружающих вас товарищах. Примите от нас уверения и передайте нашим братьям и друзьям, что мы неустанно думаем о вас и приложим все усилия, чтобы облегчить вашу жизнь и как можно скорее иметь вас рядом, чтобы разделить великую радость борьбы и приближающейся победы» [45].

В ответном письме Г. Георгиу-Дежа от 25 апреля 1944 г. говорилось о большой радости и энтузиазме, с которым встретили известие об очищении партии от враждебных и капитулянтских элементов коммунисты, находившиеся в заключении. «Сплоченными рядами, при подлинном единстве партии,— писал он,— мы сможем решительно пойти по пути выполнения задач, стоящих перед рабочим классом и румынским народом в этом деле, столь важном для развития политических и военных событий» [46]. Поздравляя с успешным началом выполнения задания партии, Г. Георгиу-Деж подчеркнул ряд моментов, на которые необходимо обратить внимание в последующей деятельности.

Во-первых, следовало обеспечить крепкие связи с партийным активом, соблюдая при этом необходимые меры безопасности в деятельности временного руководства, пренебрежение которыми имело бы роковые последствия, привело бы к обезглавлению компартии. Во-вторых, осуществить политическую проверку основных кадров, их настроения, конспиративного положения, правильнее распределять их, доверяя участки работы лишь тем, кто доказал свою способность и чувство ответственности в деле восстановления партии. Только с помощью проверенных, подготовленных и закаленных кадров можно было успешно осуществить основательную перестройку всех органи-

---

[44] Рабочий класс.
[45] «Analele», 1958, N 4, pp. 5—7.
[46] «Analele», 1958, N 4, p. 7.

заций партии сверху донизу. В-третьих, нужно было немедленно организовать такой пропагандистский отдел с использованием прессы, радио, а также службу информации, который шел бы в ногу с головокружительным развитием событий, ориентируя народ и вооружая партию в ее борьбе за осуществление выдвинутых задач. «В целях политического укрепления акта 4—5 апреля,— отмечал, в-четвертых, Георгиу-Деж,— считаю крайне необходимым сделать публичное заявление, в котором партия определила бы свои позиции в современной обстановке, когда война ведется на национальной территории, чтобы на основе Единого национального фронта мобилизовать все силы на изгнание фашистских орд и свержение клики предателя Антонеску. Нет надобности подчеркивать важность подобной декларации, если она будет хорошо и продуманно составлена... Избегайте всего того, что может помешать объединению политических антифашистских сил. Формулировки декларации должны отнять всякую возможность спекуляции на них со стороны враждебной прессы в различных группировках в целях оправдания позиции выжидания» [47]. В-пятых, необходимо было принять строжайшие меры к сохранению партийной тайны, чтобы действия партии были неожиданными для врага, захватывали его врасплох.

Г. Георгиу-Деж предостерег против легкомысленного, доверчивого отношения к покаяниям и заверениям Фориша и его окружения. Он выступил против намерения некоторых товарищей использовать «раскаявшихся» предателей в партийной работе, считая, что партии пришлось бы дорого расплачиваться за эту доверчивость. Г. Георгиу-Деж напомнил, что еще в 1935 году, будучи в Дофтанской тюрьме, Фориш, капитулировав перед сигуранцей, призвал заключенных коммунистов отказаться от своих взглядов. Фориш, по определению Г. Георгиу-Дежа, был старым капитулянтом, пробравшимся в партию в результате притупления партийной бдительности.

Вместе с тем Г. Георгиу-Деж считал ненужным и вредным развертывание широкой кампании по разоблачению группы Фориша, ибо это отняло бы у партии часть времени и энергии, необходимой для решения центральной задачи. Эта кампания облегчила бы сигуранце выяс·

---

[47] «Analele», 1958, N 4, p. 7.

нить, что произошло в партии, и спрятать концы в воду. Кроме того, по мнению Г. Георгиу-Дежа, эта кампания могла бы нанести косвенно ущерб авторитету партии и ослабить веру низового актива и широких масс в ЦК и в партию. В тех условиях достаточно было ограничиться информацией узкого круга партийных активистов.

Устранение предательских элементов из руководства компартии усилило ее единство и боеспособность, оказав тем самым решающее воздействие на развитие патриотической антифашистской борьбы румынского народа. Создались условия для того, что Коммунистическая партия Румынии смогла выполнить свою историческую миссию и выступить организатором и руководителем свержения режима Антонеску.

Временное руководство партии, поддерживая постоянную связь с партийными кадрами, находившимися в заключении, в короткий срок проделало большую работу по укреплению связей с массами рабочих, увеличению рабочей прослойки во всех звеньях партийного аппарата, улучшению пропаганды и т. п. Был реорганизован военный отдел КПР, что повлекло за собой усиление деятельности партии в рядах армии [48]. Были приняты также меры по укреплению и активизации работы патриотических организаций, действовавших под руководством компартии.

С очищением своих рядов от предательских и капитулянтских элементов партия смогла повести успешную борьбу за единство рабочего класса, являвшегося важнейшим условием обеспечения победы готовившегося вооруженного антифашистского восстания. В принятом в 1943 году компартией плане подготовки вооруженного восстания была подчеркнута исключительная важность создания Единого рабочего фронта (ЕРФ) [49]. Борьбе коммунистов за Единый рабочий фронт благоприятствовала военная и политическая обстановка, сложившаяся к весне 1944 года.

В результате побед Красной Армии, нанесшей сокрушительные поражения немецко-фашистским войскам и начавшей освобождение Румынии от гитлеровского ига, в рядах рабочих, находившихся под влиянием социал-

---

[48] См. «Scinteia», 31 iulie 1964.
[49] См. «Scinteia», 24 aug. 1946.

демократов, произошел поворот в сторону единства действий с коммунистами. Лотар Рэдэчану, один из бывших руководителей румынской социал-демократической партии, отмечал, что советский успех в антигитлеровской войне явился подтверждением правильности политической линии коммунистов и способствовал росту их престижа [50]. Рабочие социал-демократы все более убеждались, что предлагаемый коммунистами путь совместной борьбы против господства германского империализма и фашистской диктатуры Антонеску является единственным средством спасения страны. Поэтому они стали оказывать все возраставшее давление на правосоциалистических лидеров, выступавших против единого фронта с компартией.

Развитие военной и политической обстановки в Румынии в связи с начавшимся освобождением страны Красной Армией заставило правое крыло руководства социал-демократической партии изменить свое отношение к предложениям коммунистов о создании Единого рабочего фронта. Боясь остаться за бортом событий и уступая давлению рабочих социал-демократов и левого крыла руководства социал-демократической партии, правые лидеры были вынуждены согласиться на создание Единого рабочего фронта. Пойти на этот шаг их заставило также то обстоятельство, что в результате действий коммунистов по созданию ЕРФ снизу, правосоциалистические руководители оказались перед свершившимся фактом: на предприятиях уже начинали создаваться комитеты, состоявшие из коммунистов, социал-демократов и беспартийных. Еще до принятия правыми лидерами социал-демократической партии Румынии предложения Коммунистической партии о единстве действий коммунистами была проделана большая работа по разъяснению задач Единого рабочего фронта и созданию комитетов ЕРФ на фабриках, заводах и железнодорожном транспорте.

Применительно к условиям 1944 года компартия использовала опыт создания Единого рабочего фронта снизу, приобретенный ею в период классовых боев 1931—1933 годов. Созданный таким путем вопреки сопротивлению правосоциалистических элементов Единый фронт

---

[50] См. L. Rădăceanu, Temeliile politice de front unic muncitoresc, Buc., 1945, p. 18.

рабочих нефтяников и железнодорожников привел тогда к большому размаху классовой борьбы, в ходе которой был нанесен сильный удар по буржуазно-помещичьему строю. Делая выводы из этого опыта, компартия видела в создании Единого рабочего фронта не средство тактической борьбы, а жизненно важную проблему для осуществления всего плана свержения фашистской диктатуры, более того, в нем она видела залог последующего развития антифашистской борьбы в борьбу за социальное освобождение [51].

Переговоры о заключении Единого рабочего фронта от имени компартии вели Константин Пырвулеску и Константин Аджу, а от социал-демократической партии выступал лидер левого крыла Штефан Войтек. В первой половине апреля 1944 года между представителями двух рабочих партий была достигнута договоренность о создании Единого рабочего фронта, однако известие о создании ЕРФ было решено довести до сведения румынского рабочего класса в день 1 Мая, праздника единства и солидарности трудящихся всего мира.

В первомайском манифесте «Ко всему рабочему классу! К румынскому народу!» сообщалось о создании Единого рабочего фронта и программе его деятельности. «Рабочий класс в нашей стране, как и всюду, смыкает свои ряды в едином фронте,— говорилось в манифесте.— В день 1 Мая, в день своей борьбы и надежды, рабочий класс, организованный и объединенный от коммунистов до социал-демократов, призывает всех рабочих, весь румынский народ, все классы и социальные слои, все партии и организации независимо от политической окраски, религиозного верования и социальной принадлежности к решительной борьбе за:

Немедленный мир;

Свержение правительства Антонеску и создание национального правительства из представителей всех антигитлеровских сил;

Изгнание гитлеровских армий из страны, саботаж и разрушение германской военной машины;

Поддержку Красной Армии — освободительницы;

---

[51] Constantin Pîrvulescu, Unitatea de acţiaue a clasei muncitoare — un factor esenţial al victoriei insurecţiei din august 1944 («Scinteia», 9 aug. 1964).

Союз с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами;

Свободную, независимую и демократическую Румынию»[52].

Одновременно манифест призывал рабочий класс на борьбу за неотложные требования — за восьмичасовой рабочий день, за немедленное повышение заработной платы до уровня выросших цен, за обеспечение права объединяться в профсоюзы и политические организации, за свободу слова, за освобождение из заключения арестованных за политические убеждения и патриотическую антигитлеровскую борьбу, за постановку социального обеспечения под контроль рабочих, за бесплатные школы и больницы, за дешевое жилье для трудящихся.

Манифест подчеркнул, что на рабочий класс возложена историческая миссия руководства борьбой за освобождение румынского народа из-под фашистского ига. Он указал, что освобождение от гитлеризма не придет само по себе, что за него надо бороться. «Мир, которого желает вся нация, нужно завоевать борьбой народа, который должен взять свою судьбу в собственные руки»[53].

Первомайский манифест Единого рабочего фронта был широко распространен в Бухаресте и других городах Румынии, вызвав радость и воодушевление среди рабочих, увидевших в нем предвестника скорого освобождения страны. Он был воспринят как важный шаг на пути объединения всех патриотических антигитлеровских сил. Выражая чувства рабочих, подпольная коммунистическая газета «Булетинул капиталей» писала: «С большой радостью мы узнали о первом шаге, сделанном на пути объединения антифашистских сил в результате создания Единого рабочего фронта... Это, конечно, только первый шаг, после которого последуют другие, которые приведут к созданию широкого и мощного Патриотического национального фронта, столь желаемого истинными патриотами нашей страны... Объединенный рабочий класс должен стать во главе борьбы за изгнание немцев, свержение режима Антонеску, за мир, свободу и благосостояние». Газета «Ромыниа либера» указывала, что Единый рабочий

---

[52] Arhiva CC al PCR, fond 39, filele 9 si verso.
[53] Ibid.

фронт усиливает патриотическую освободительную борьбу рабочего класса и всего румынского народа [54].

Платформа Единого рабочего фронта не предусматривала изменения производственных отношений, а лишь выдвигала задачу совмещения борьбы рабочих за насущные экономические интересы с борьбой против фашистской диктатуры, за национальное освобождение от гитлеровского ига, прекращение антисоветской войны. Это объяснялось конкретными историческими условиями Румынии того периода. Платформа ЕРФ следовала выработанной коммунистами линии на создание единого национального фронта борьбы против гитлеризма. ЕРФ действительно стал, как отмечал Г. Георгиу-Деж, «становым хребтом объединения всех сил, решивших бороться за освобождение страны» [55]. Хотя Единый рабочий фронт был заключен двумя партиями для решения ограниченного круга вопросов, а сами партии сохранили их идеологическую и организационную самостоятельность, создание ЕРФ трудно переоценить. Жизнь подтвердила правильность линии КПР, ориентировавшейся на создание Единого рабочего фронта для достижения определенных задач. Выступая отныне единым в антифашистской борьбе и борьбе за удовлетворение различных своих требований, рабочий класс значительно повысил боевую силу и способность влиять на широкие массы и мобилизовывать их на борьбу.

Комитеты Единого рабочего фронта были созданы и действовали в апреле — августе 1944 года на главных предприятиях Бухареста и других городов страны. Они носили различные названия: комитет ЕРФ, комитет действия, комитет борьбы, патриотический комитет и т. п. Хотя в условиях жесточайшего террора и войны, когда многие предприятия по соображениям обеспечения безопасности от бомбардировок оказались разбросанными отдельными цехами в разные концы страны, не удалось создать такие комитеты во всех предприятиях и не везде были возможны широкие выступления рабочих, все же создание и деятельность комитетов Единого рабочего фронта сыграли большую роль в подготовке и мобилиза-

---

[54] См. «Romania Liberă», 28 iunie 1944.

[55] Gh. Gheorghiu-Dej, A. XX-a aniversare a eliberarii Rominiei de sub jugul fascist («Scinteia» 23 aug. 1944).

ции рабочих масс на вооруженное антифашистское восстание[56].

Комитеты ЕРФ распространяли листовки с призывами бороться не только за удовлетворение экономических и других требований, специфических коллективу рабочих данного предприятия, но и за общие политические требования. Патриотический комитет железнодорожников, призывая рабочих на борьбу за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, против принудительной подписки на займы, разъяснял, что, борясь за эти требования, рабочие тем самым способствуют немедленному выходу из войны и заключению мира с Объединенными Нациями; свержению правительства Антонеску и сформированию правительства из представителей антигитлеровских группировок[57].

Неразрывную связь между этими проблемами подчеркивала листовка комитета ЕРФ завода «Астра» (город Брашов): «Борьба за наши минимальные требования должна быть тесно увязана с борьбой всего румынского пролетариата и всего румынского народа за немедленный выход из гитлеровской войны, за саботаж производства оружия для гитлеровской войны, за устранение германских захватчиков из страны, за свержение предательского правительства...»[58]. Чтобы активно способствовать достижению этих целей, указывалось в листовке, рабочие завода «Астра» наряду с борьбой за неотложные экономические требования должны саботировать восстановление разрушенных бомбардировками цехов, отказываться от эвакуации и т. п.

После создания Единого рабочего фронта движение протеста против фашистского режима и за удовлетворение экономических требований приобрело всеобщий характер, несмотря на рапрессии властей. Этому способствовало также дальнейшее ухудшение положения рабочих весной — летом 1944 года, о котором говорилось выше. На заводе «Леметр» рабочие организовали демонстрацию, прекратив работу, и заставили администрацию пойти на сокращение рабочего дня с одиннадцати с половиной часов до восьми с половиной часов. Они отказались

---

[56] См. «Studii», 1964, N 4, p. 783.
[57] См. «Analele», 1959, N 4, p. 128.
[58] Arhiva CC al PCR, fond 35, dos. 3, ff. 8—9.

также подписываться на военный заем. Комментируя этот успех, газета «Ромыниа либера» 25 июня 1944 г. писала: «Вот какую силу представляет объединение всех рабочих ради защиты и завоевания их профессиональных прав». Рабочие завода «Форд ромына», действуя под руководством своего комитета, воспротивились принудительной эвакуации, а рабочие фабрики «Гаджель» добились возмещения им сумм, вычтенных администрацией в счет займа национальной обороны.

Одной из форм сопротивления фашистскому режиму был невыход рабочих на работу, получивший в это время значительный размах. В качестве примера можно сослаться на тот факт, что в одном из цехов завода «Астра» (город Брашов) из общего числа 253 рабочих не явились на работу 117 человек. Под руководством комитетов ЕРФ рабочие саботировали выполнение заказов. Администрация завода «Леметр», производившего артиллерийские снаряды, жаловалась на то, что производительность труда в июле 1944 года составляла половину от нормального уровня [59]. В результате применения рабочими этой формы борьбы, как сообщала сигуранца Плоешти, страдало промышленное производство.

Участились также забастовки рабочих в поддержку выдвигавшихся требований. Они происходили только там, где имелись для этого объективные условия, в частности на тех предприятиях, которые не были разбросаны по частям в стране. Хотя эти забастовки были непродолжительными, порой длились час-два, они оказывали большое воздействие на все слои населения, свидетельствуя о неспособности фашистского режима остановить борьбу пролетариата. 3 июня 1944 г. на заводе «Пиротехника» (город Саду) группа рабочих прекратила на два часа работу в знак протеста против вычетов из заработной платы.

Под руководством компартии рабочие фабрик и заводов, действуя через свои комитеты, направляли в министерство труда и другие правительственные учреждения делегации, требовавшие улучшений условий жизни и труда. Бухарестское областное полицейское управление в докладе от 30 июня 1944 г. обращало внимание на то, что в последнее время в помещении инспектората отме-

---

[59] См. Arhiva MFA, dos. 120, vol. 2, ff. 41—43.

чается большое скопление рабочих и работниц, приходящих для изложения своих жалоб. Указывая на руководящую роль коммунистов в организации рабочих выступлений, Плоештинский областной инспекторат полиции писал, что деятельность коммунистов в этой области ведется следующими тремя этапами: «Пропаганда между рабочими выдвижения требований о денежной помощи, авансах, займах; подстрекательство рабочих к коллективному протесту; организация рабочих конфликтов, забастовок и актов насилия»[60].

Единый рабочий фронт в своем манифесте 1 мая 1944 г. призвал рабочих всеми средствами разрушать гитлеровскую военную машину. Отвечая на этот призыв, комитеты ЕРФ организовывали на предприятиях акты саботажа и диверсий. Большой ущерб наносили пожары на предприятиях, в особенности в нефтяной промышленности. 24 мая 1944 г. таким путем были серьезно повреждены установки на предприятии «Унио-кимика» в городе Тырнавень. В Плоешти 2 июля была выведена из строя установка для перегонки бензина на нефтеочистительном заводе «Вега», а 4 августа был полностью уничтожен склад горючего и технических материалов предприятия «Континентала». Диверсии и акты саботажа имели место в это время в Решице, Тимишоаре, Бакэу и других промышленных центрах.

Удары по фашистской военной машине наносились также и на транспорте. В ночь на 30 апреля 1944 г. в порту Галаца была пущена на дно самоходная баржа с грузом — 30 вагонов снаряжения и оружия. Весной — летом 1944 года, как отмечало командование группой армий «Южная Украина», «увеличились акты саботажа на железных дорогах»[61]. В конце апреля была заминирована и подорвана часть железнодорожной линии Фокшаны — Путна Сяка, одновременно был выведен из строя паровоз. 28 июня аналогичная диверсия была совершена около станции Марашешть, важного железнодорожного узла.

Генеральный инспекторат жандармерии в своем докладе от 26 июля 1944 г. отметил, что в течение месяца — с 25 июня по 25 июля — имели место пять случаев взры-

---

[60] Arhiva MFA, dos. 221/47, f. 235.
[61] Ibid., dos. 2/65, f. 24.

вов и поджогов железнодорожных эшелонов. 25 июня на линии Брашов — Сигишоара от взрыва сгорело шесть цистерн с горючим. Днем 13 июля в результате взрыва загорелась цистерна эшелона с горючим, направлявшегося в Германию. Загоревшийся вагон был отцеплен с двух сторон. Основная часть состава продолжила путь, а отцепленные с конца состава цистерны были возвращены на станцию Валя Ларга, где их прицепили к шести вагонам с бензином и маслами. Вскоре после этого здесь также произошел новый взрыв, в результате которого сгорели все девять вагонов с нефтепродуктами, а также находившийся рядом дровяной склад (около 2000 *куб. м* дров). 24 июля взрывы цистерн были отмечены в двух эшелонах, шедших из Браилы в Констанцу. И в ночь с 24 на 25 июля 1944 г., сообщала жандармерия, в эшелоне из 46 цистерн с горючим загорелись на участке между Бэйкой и Кымпина три цистерны с бензином. «Частичное расследование, проведенное до настоящего времени,— говорится в докладе главного инспектората жандармерии,— привело к выводу, что во всех отмеченных случаях взрывы вызывались адскими машинами типа магнитных мин, которые закладывались под цистерну или недалеко от ее крана» [62]. В докладе указывалось также, что до 21 июня 1944 г. не отмечалось подобных актов саботажа.

Патриоты совершали диверсии также и на военных объектах и в расположении воинских частей. В Брашове, например, ими была прервана телефонная связь батареи противовоздушной обороны и кабель, дававший электричество прожектору. В течение июля трижды нарушалась телефонная связь между городами Бакэу и Бухарест. В Сибиу была перерезана телефонная линия, связывавшая воинскую часть [63].

Создание и деятельность Единого рабочего фронта способствовали углублению кризиса военно-фашистской диктатуры. Борьба рабочих в период апреля — 23 августа 1944 г. подрывала усилия режима Антонеску по продолжению антисоветской войны. Единый рабочий фронт сыграл большую роль в подготовке масс пролетариата к вооруженной борьбе против фашистской клики и гит-

---

[62] Arhiva CC al PCR, fond 92, dos. 7685, ff. 93—95.
[63] См. Arhiva MFA, dos. 1/133, f. 21.

леровских оккупантов. Создание Коммунистической и социал-демократической партиями Единого рабочего фронта, как отмечал Г. Апостол, имело очень важное значение для объединения всех патриотических антигитлеровских сил и мобилизации масс на проведение вооруженного восстания 23 августа 1944 г. [64]

В конце июля 1944 года Единый рабочий фронт обратился с новым призывом к рабочему классу и широким народным массам. Отмечая замечательное достижение рабочего класса — создание Единого рабочего фронта, документ звал всех трудящихся на борьбу за 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты, предоставление трехмесячного денежного пособия рабочим, пострадавшим от бомбардировок, немедленную отмену военных порядков на предприятиях, обеспечение права на объединение в профсоюзы и политические организации, освобождение политических заключенных и антифашистов, против сверхурочных работ, против вычетов на нужды войны и т. д. [65]

Лозунгами антифашистской патриотической борьбы выдвигались немедленный мир, свержение правительства Антонеску и сформирование правительства из представителей всех антигитлеровских сил, завоевание свободы, национальной независимости и гражданских прав, за свободную, демократическую и независимую Румынию. Документ призывал саботировать и разрушать гитлеровскию военную машину всеми возможными средствами, создавать патриотические группы и отряды партизан для ведения вооруженной борьбы против немцев.

Готовясь к вооруженному восстанию, Коммунистическая партия создавала боевые патриотические группы, или, как их еще называли, отряды патриотической гвардии. Эти формирования создавались из коммунистов, членов Коммунистического союза молодежи Румынии и беспартийных патриотов, выразивших желание с оружием в руках бороться за свержение фашистской диктатуры Антонеску и изгнание гитлеровцев из страны. Решение о создании таких отрядов, которые действовали бы вместе с армией с самого начала вооруженного восстания и явились бы основой развертывания крупных формирований

---

[64] См. «Scinteia», 3 mai 1964.
[65] См. «Romania liberă», 28 iulie 1944.

из числа патриотов, было принято еще в конце 1943 года. Однако до изгнания группы Фориша из руководства партии эта работа всячески тормозилась предательскими элементами.

После того как был создан Единый рабочий фронт, основу формируемых патриотических отрядов составили рабочие. Отряды создавались в первую очередь в Бухаресте и других индустриальных городах. Первые списки рабочих, записавшихся в боевые патриотические отряды Бухареста, были составлены до 30 июня 1944 г. Во главе командования отрядов патриотической гвардии стоял член временного руководства КПР Э. Боднэраш. «4 апреля 1944 г.,— указывается в одном из отчетов командования боевых патриотических отрядов,— явилось переломным моментом... Всего лишь за два месяца создано командование боевых патриотических отрядов в Олтении, Добрудже, Молдове, Банате и Цара Бырсей, организованы опорные пункты по стране, сформированы 17 ударных отрядов, из них 6 в столице, созданы базы снабжения оружием и снаряжением» [66].

К началу вооруженного восстания в Бухаресте насчитывалось 50 патриотических отрядов, или, точнее говоря, ударных групп, наличный состав которых достигал 300 человек. В других городах в таких ударных группах было еще 500—600 человек. Кроме того, только в столице было подготовлено еще 2 тыс. человек для вступления в вооруженную борьбу в момент начала восстания [67]. В это число входили рабочие железнодорожных мастерских Гривица, заводов «Малакса», «Леметр», «Грозэвешть», Бухарестского управления трамваев, «СТБ» и др.

Вооруженные патриотические группы были организованы в Плоешти и других городах нефтепромыслов долины Прахова — на нефтеочистительных заводах «Вега», «Орион», «Колумбиа», «Стяуа ромына», «Астра ромына», «Конкордия» и др. В Молдове такие отряды начали создаваться с весны 1944 года. «После 11 апреля 1944 г.,— упоминается в одном из документов,— было приступлено к формированию группы „Бухушь"» [68]. Зада-

---

[66] Arhiva CC al PCR, fond 35, dos. 1, f. 15.
[67] «Scinteia», 12 aug. 1964.
[68] Arhiva Inst., fond 1, dos. 10, f. 15.

чами этой вооруженной группы были: подготовка к обороне фабрики «Бухушь», сбор средств для оказания помощи политическим заключенным в лагере Мойнешть и т. п. По указанию руководства компартии боеспособные патриотические отряды были организованы в Турну-Северине.

Эти отряды имели на вооружении самозаряжающиеся винтовки, пулеметы и другое огнестрельное оружие, а также гранаты и взрывчатку. Компартии пришлось преодолеть большие трудности, чтобы решить проблему вооружения боевых патриотических отрядов. Значительная часть вооружения была получена от патриотов, находившихся в армии, в том числе от военнослужащих 3-й бомбардировочной флотилии в Крайове, солдат и офицеров полка, стоявшего в Турну — Мэгуреле, и других воинских частей [69]. Разведывательный отдел румынского генерального штаба сообщал, что коммунисты собирали оружие у гражданского населения и солдат. В июле 1944 года полиция Браилы доносила, что коммунисты этого города купили у немецких и словацких военнослужащих 40 револьверов и 6 автоматов с боеприпасами и отправили их в Бухарестскую организацию КПР для вооружения боевых патриотических групп [70].

Руководство этими отрядами осуществлялось из Бухареста командованием патриотической гвардии, которому подчинялись областные командования боевых патриотических групп. В период до 23 августа 1944 г. деятельность этих формирований направлялась главным образом на то, чтобы саботировать военные мероприятия гитлеровцев, собирать сведения о расположении и передвижении немецких войск, накапливать оружие. Основная деятельность вооруженных патриотических групп намечалась на период начала вооруженного антифашистского восстания, когда они должны были выполнять в Бухаресте ответственные задания по захвату наиболее важных объектов — правительственных учреждений, телеграфа и т. п. На боевые группы возлагалась также задача защиты предприятий в момент вооруженного восстания, предупреждения эвакуации и уничтожения их отступающими немецкими войсками.

---

[69] См. «23 august 1944 Culegere de articole». Buc., 1964, p. 34.
[70] См. Arhiva MFA, dos. 2/60, f. 203, dos. 244/70, f. 602.

В период до 23 августа 1944 г. боевые патриотические группы использовали для подрыва гитлеровской военной машины разнообразные методы борьбы. Одним из них были проколы шин германских автомобилей. На заводах изготовлялись металлические пластинки с острыми шипами, которые расставлялись на дорогах, где должны были проходить колонны немецких автомашин. Сигуранца докладывала 30 июня 1944 г. о том, что «в течение нескольких дней все чаще отмечаются проколы камер автомашин на главных автомагистралях возле столицы, и в частности у городских шлагбаумов; эти проколы вызываются приспособлениями, изготовленными из железных пластин толщиной в 3—4 *мм* и расставленными на проезжей части дороги...» [71]. Другим объектом действий боевых групп были вражеские линии коммуникаций, систематически перерезавшиеся патриотами. Одна из боевых групп, действовавшая в Бухаресте, совершила 21 диверсию, в том числе провела смелую операцию по нарушению телефонной связи в центре города. Другая группа, проведшая 11 диверсий, перерезала провода, связывавшие немецкий штаб в Отопени с Бухарестом.

Вооруженная борьба в форме партизанского движения, являвшаяся одной из важнейших форм антифашистского сопротивления народов Европы и имевшая большое распространение в Советском Союзе, Югославии, Польше, Болгарии, Албании, Франции и в конце войны в Италии, на территории Румынии не получила развития [72]. После изгнания из руководства компартии предательской клики Фориша, саботировавшей вооруженную борьбу против гитлеровцев, были приняты меры по развитию партизанского движения. Начиная с весны — лета 1944 года группы партизан действовали в Валя Праховей, в дельте Дуная, в горах Вранча и Парынгулуй, около Сегета, Байа Маре и в Сучавской области.

Часть партизанских групп была сформирована на территории Советского Союза из числа антифашистов, эмигрировавших в СССР после участия в гражданской войне в Испании, а также военнопленных, выразивших желание с оружием в руках сражаться на румынской

---

[71] «Вклад Румынии в разгром фашистской Германии», стр. 34.
[72] См. «Analele», 1962, N 3, p. 131.

территории против гитлеровцев. Эти группы на самолетах или другим путем забрасывались в Румынию. Советское командование снабжало их необходимым оружием, взрывчаткой и снаряжением. Летом 1944 года была десантирована в Румынию партизанская группа № 1 «Карпаты», насчитывавшая 15 человек. По сведениям сигуранцы, группа была хорошо вооружена и располагала сильной взрывчаткой[73]. Ее главной задачей было нанесение ударов на железной дороге с целью нарушения перевозки нефти в Германию. За два месяца эта группа, действуя на участке Плоешть — Фэгэраш, подорвала 16 эшелонов[74]. Действия партизан-десантников причиняли большое беспокойство фашистским властям. Чтобы выловить партизан, префектура Буэзу объявила вознаграждение в сумме 50 тыс. лей (не считая вознаграждения от министерства внутренних дел) тому, кто укажет точное местонахождение сброшенных парашютистов. Однако население оказывало помощь партизанам, снабжая их продовольствием и предупреждая об опасности.

Диверсии патриотов на железных дорогах в долине Прахова заставили сигуранцу направить в Плоешть указание о принятии строжайших мер с целью недопущения подобных актов саботажа в будущем. Секретным распоряжением правительства генеральному инспектору полиции было предложено обсудить вопрос о создании специального жандармского управления для сопровождения и охраны эшелонов.

Банатским областным комитетом КПР был создан партизанский отряд под командованием рабочего-коммуниста Штефана Плавец. Этот отряд именовался «Марашешть», оружие для него было получено с помощью одного офицера-патриота из воинской части, дислоцировавшейся в Лугоже. В Бакуэской области действовали партизанские группы «Тудор Владимиреску» и «Екатерина Теодориу».

Под влиянием усилившейся борьбы рабочего класса летом 1944 года приняли большой размах крестьянские выступления против фашистского режима и гитлеровских оккупантов. Германские войска буквально опустошали крестьянские хозяйства, творили беззакония и

[73] См. Arhiva CC al PCR, fond 92, dos. 7685, f. 71.
[74] Arhiva SS al PCR, fond 92, dos. 7685, p. 14.

свирепо расправлялись с теми, кто оказывал им сопротивление. Чтобы сохранить видимость законности и суверенитета румынского государства, правительство Антонеску выработало процедуру, согласно которой продукты питания и имущество, отобранное у крестьянского населения, должны были передаваться через румынских офицеров связи, обязанных в этом случае выдавать пострадавшим соответствующие квитанции, подлежащие оплате румынскими властями. Но эта процедура не соблюдалась гитлеровцами, грабившими румынское население. Призывы компартии оказывать сопротивление немцам-грабителям, прятать от них скот и зерно находили живейший отклик среди крестьян. Для мобилизации и организации крестьян на борьбу компартия направила в деревню своих активистов. «Коммунистическая пропаганда усилилась на селе» [75],— отмечала в этой связи сигуранца.

Крестьяне отказывались выполнять поставки сельскохозяйственных продуктов, платить налоги, оказывали сопротивление представителям армии и власти, проводившим реквизиции. Это создавало большие трудности в снабжении армии. По признанию фашистских властей, армия получала лишь 60% необходимого ей зерна. Сельское население уклонялось от обязательных работ, предписывавшихся властями в целях ведения войны. Из Крайовы административный инспекторат сообщил, что среди крестьян отмечается, мягко выражаясь, «отсутствие воодушевления в отношении выполнения повинностей» [76]. Крестьяне в ряде мест не приступали к уборке нового урожая, оставляя его на полях, чтобы зерно не досталось немцам. Участились случаи протестов крестьян против размещения в их селах германских войск. Имеются сведения о том, что в отдельных местах начиналась вооруженная борьба крестьян против немецких оккупантов [77]. В Яломицком уезде, по признанию местных властей, крестьяне не скрывали своей радости по поводу продвижения Красной Армии по румынской территории.

На сторону рабочих и крестьян, боровшихся против фашистского режима, за свержение предательской клики

---

[75] Arhiva Inst., dos. 16305—5905, f. 4.

[76] «Analele», 1959, N 4, pp. 37, 40.

[77] См. «Buletinul Capitalei», 28 juile 1944.

Антонеску, разрыв гибельного для страны союза с гитлеровской Германией, за заключение мира с СССР, определенно становилась румынская интеллигенция. Об этом свидетельствовал меморандум группы университетских профессоров о необходимости немедленного заключения перемирия с СССР, направленный на имя главы румынского государства. Разоблачая клевету фашистской пропаганды, компартия призвала румынскую интеллигенцию не поддаваться запугиваниям «красной опасностью» и «угрозой большевизма» и остаться вместе с народом, отвергнув предложения фашистского правительства об эмиграции за границу. В брошюре, выпущенной в августе 1944 года, она указывала, что правительство Антонеску ищет себе сообщников среди румынской интеллигенции. Охваченное страхом, оно подготавливает себе спокойный уголок за границей, куда оно могло бы бежать в последний момент. Где-нибудь в Швейцарии на берегу голубого озера фашистская клика надеется найти комфортабельное убежище после того, как предаст огню всю страну и покинет «неприступные позиции» в Ардяле. В это бегство фашистские правители хотят увлечь, а если потребуется, то и принудить представителей румынской интеллигенции, которые послужили бы им ширмой, оправданием перед историей.

«Университетских профессоров и академиков приманивают дипломатическими паспортами и валютой Национального банка. Михай Антонеску называет это «спасением элиты...» Настоящие румынские писатели, ученые и румынская интеллигенция могут только с отвращением отвергнуть оскорбительные предложения, которые им делаются. В среде румынской университетской общественности имеется много замечательных личностей, которые давно поняли, что свобода и культура неразделимы. Они знают, что борьба за свободу означает борьбу за культуру. Они знают, что румынская интеллигенция есть продукт этого народа рабочих и земледельцев, над которыми долго надругались, но которые своим трудом и жертвами, всегда остающимися неизвестными, возвели и построили библиотеки, лаборатории и университеты, сделав возможным начать развитие национальной культуры» [78]. Компартия призывала профессоров, инженеров,

[78] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», p. 389.

врачей, писателей, артистов, всю румынскую интеллигенцию оставаться вместе с народом и в тяжелый для него момент внести свой вклад в борьбу против врагов Румынии и мировой культуры — против фашистов.

Антифашистские настроения были характерны для румынского студенчества. Летом 1944 года группа студентов выступила с манифестом, в котором говорилось: «Студенческая молодежь! В настоящее время, когда мир бурлит и принимаются великие исторические решения, спокойно заниматься книгами и довольствоваться своей жизнью является не только бесчестьем, но и преступлением против страны... У нас один путь. Мы не хотим быть порабощены в результате предательской политики Антонеску. Мы не хотим быть оружием в руках гитлеровского империализма. Мы не хотим, чтобы румынский народ стал пушечным мясом для Гитлера и его подлой банды... Да здравствует свободная Румыния! Да здравствует патриотический фронт! Смерть немецким захватчикам!» [79]. Студенты Клужского университета, переведенного в Сибиу, устроили в июле 1944 года уличную демонстрацию против продолжения войны. Антиправительственные выступления отмечались также среди учащихся лицеев и гимназий.

Обстановка в стране пугала сигуранцу, которая в своей информации 27 июля 1944 г. отметила, что в последнее время внутри страны возросла активность «подрывных элементов», имеющая своей целью нарушить государственный порядок и парализовать всю деятельность в тылу фронта. А 5 августа 1944 г. сигуранца сообщала фашистскому правительству, что «Коммунистическая партия Румынии готовится к решающим действиям» [80]. В связи с обострявшимся положением И. Антонеску отдал распоряжение о подготовке в военной школе Котрочень специальных частей для подавления возможного выступления руководимых коммунистами антифашистских сил [81]. Однако его ставка на использование румынской армии в борьбе против патриотических сил румынского народа была обречена на провал.

---

[79] «Analele», 1959, N 5, p. 40.
[80] Arhiva Inst., dos. 16232—5537, f. 328; dos. 2120—3013, f. 37.
[81] См. «Analele», 1956, N 3, p. 79.

Глава 3

ЗАВЕРШЕНИЕ ПОДГОТОВКИ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Коммунистическая партия, ведя подготовку к вооруженному восстанию, придавала первостепенное значение привлечению армии на сторону народа и использованию ее в борьбе против германских войск, находившихся в стране. Коммунистическая партия Румынии провела большую работу по превращению армии из орудия борьбы реакции против народа в силу, поддерживающую антифашистскую революцию. Как отмечал Г. Георгиу-Деж, деятельность партии в рядах армии, привлечение части генералитета и офицерства на сторону антигитлеровских сил имели очень большое значение [82].

Еще с 1942 года румынские коммунисты создавали в воинских частях, в том числе в 9-й пехотной дивизии, полку морской авиации в Мамайе, 46-м пехотном и 9-м кавалерийском полках свои ячейки и группы симпатизирующих, в которые наряду с солдатами входили и офицеры. Такие группы к лету 1944 года имелись во многих подразделениях — в полку авиационной связи в Бухаресте, в саперном полку, стоявшем в Рошиорь де Веде, в третьей бомбардировочной флотилии, дислоцировавшейся в Крайове и др. Через нелегальную печать, через коммунистов и членов Союза коммунистической молодежи, находившихся в армии, через созданные в воинских частях группы из патриотов КПР обращалась к солдатам, офицерам и генералам с призывом объединиться с антифашистскими силами, чтобы свергнуть фашистское правительство и повернуть оружие против гитлеровцев.

В первомайском манифесте 1944 года КПР призвала солдат, младших командиров, офицеров и генералов к борьбе против фашистской диктатуры и гитлеровских оккупантов: «Отказывайтесь сражаться и умирать за преступников — Гитлера и Антонеску. Фронтовики! Переходите со всем оружием и снаряжением на сторону Красной

---

[82] Gh. Gheorghiu-Dej, A XX-a aniversare a eliberării Rominiei («Scînteia», 23 aug. 1964).

Армии, которая поможет вам бороться за освобождение нашей Родины! Тыловики! Отказывайтесь отправляться на фронт. Переходите на сторону народа!.. Разоружайте и уничтожайте гитлеровских захватчиков...»[83]. В августе 1944 года компартия, говоря об опасности, которую несет Румынии продолжение войны на стороне гитлеровской Германии, звала солдат и офицеров на решительную борьбу за спасение румынского народа, за освобождение братьев в Северной Трансильвании: «Поверните оружие против немцев и предателей, находящихся на службе у них!.. Присоединяйтесь к Красной Армии — освободительнице и вместе с ней боритесь за очищение Румынии от немцев, за мир и свободу Румынии»[84].

Настойчивая разъяснительная работа коммунистов в армии в условиях, когда германский фашизм находился накануне полного разгрома, вызвала рост патриотических антигитлеровских настроений среди солдат, офицеров и генералов. В своих воспоминаниях о подготовке и осуществлении вооруженного восстания 23 августа 1944 г. генерал Илие Крецулеску писал: «Что касается армии, то наши солдаты, души которых были переполнены гневом и возмущением, с жаром говорили о необходимости рассчитаться с гитлеровцами, принесшими столько горя и несчастья румынскому народу. Как в результате интенсивной пропаганды КПР, так и по причине страданий, перенесенных в течение этой непопулярной войны, наши солдаты были готовы повернуть оружие против фашистов»[85]. По свидетельству генерала И. Крецулеску, акты неподчинения со стороны военных распоряжениям фашистской верхушки приняли массовый характер. Случаи оставления позиций и перехода румынских военнослужащих на сторону советских войск стали настолько частыми, что генеральный штаб румынской армии телеграммой за номером 671009 от 18 апреля 1944 г. приказал срочно принять соответствующие меры[86].

---

[83] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», pp. 376—377.
[84] Ibid., p. 387.
[85] «Analele», 1959, N 4, p. 40.
[86] См. «Scînteia», 19 aug. 1964.

Но никакими мерами нельзя было выправить положения. Румынская армия не хотела продолжать войну против Советского Союза. Несмотря на жестокие репрессии, многие солдаты бросали оружие, открыто заявляя о своем отказе воевать. За период января — июня 1944 года за нарушение воинской дисциплины, невыполнение приказов, дезертирство и т. п. было осуждено 9465 человек, из которых 634 были приговорены к смертной казни. Обследование румынских частей на фронте, проведенное генеральным штабом 28 июля 1944 г., показало, что солдаты и офицеры не хотят продолжать антисоветскую войну; большинство командиров полков прямо заявили, что на их части рассчитывать нельзя [87].

Настроения в румынской армии не были секретом для гитлеровцев. Командующий группой армий «Южная Украина» генерал Фриснер признавал, что румынских солдат «не привлекал лозунг антибольшевизма. Эти войска трудно заставить воевать». Он считал, что «плохое поведение» румынских войск было «результатом давно подготовленного саботажа» [88]. Отмечая обстановку, складывавшуюся в Румынии под влиянием успехов Советской Армии на центральном направлении, высадки англо-американских войск на побережье Франции и бомбардировок англичанами и американцами нефтяных районов, он писал о росте враждебных Германии настроений в Румынии. Его беспокоило то, что враждебное отношение к немцам проявлялось не только среди населения, но и в генеральном штабе Румынии.

Как свидетельствует генерал-полковник Д. Дэмэчану, ход событий на фронте, где Советская Армия наносила фашистским войскам сокрушительные удары, ненависть народа к военно-фашистскому правительству и гитлеровцам оказали большое воздействие на ряд генералов и высших офицеров, которые не могли не оценить трезво сложившееся положение. «Нас было много офицеров, которым жизнь, ход событий показали, что единственной силой, способной организовать всех заинтересованных в свержении фашистской диктатуры, является Коммунистическая партия. Именно поэтому в мае 1944 года, установив связь с КПР, я примкнул к акции, которую она

---

[87] См. Arhiva MFA, dos. 732/I, f. 14.
[88] H. Frissner, op. cit., S. 83.

предпринимала»[89]. Д. Дэмэчану являлся в то время начальником штаба бухарестского гарнизона. Изменение позиции части генералитета и высшего офицерства, решивших способствовать освобождению страны от фашистского ига, создавало условия для того, чтобы армия присоединилась к патриотическим силам и повернула оружие против гитлеровских захватчиков.

Выход из антисоветской войны стал требованием всей нации. Против этой войны выступали не только широкие массы народа, но и представители правящих румынских кругов, считавшие продолжение войны опасным для себя. Один иностранный дипломат в сообщении из Бухареста следующим образом описывал возникшую в румынских господствующих классах тягу к миру: «Генералы (румынские) не скрывали от меня, что потеряли все надежды и хотят теперь, чтобы война немедленно кончилась, так как продолжение ее больше ничего не может принести. Они даже начали находить приемлемыми советские условия, которые всего несколько недель тому назад они с ужасом отвергали... У меня сложилось мнение, что даже в правительстве большинство желает, чтобы советское наступление началось как можно скорее и привело к поражению немцев на местном фронте, что даст возможность покончить с войной и вступить в переговоры, так как тогда нечего или почти нечего будет больше бояться Германии».

Эти настроения в румынских правящих кругах нашли отражение в документе под названием «Коронный совет», подготовленном для короля Михая в начале мая 1944 года. Составители документа, сетуя на то, что монархия должна принимать решение о заключении перемирия, ибо дальше невозможно продолжать антисоветскую войну, высказывались против созыва для этой цели коронного совета. Во-первых, потому, что невозможно было с уверенностью сказать, что этот совет примет решение, отвечающее устремлениям общественного мнения. Коронный совет не является представительным органом, действительно отражающим желание народа. Во-вторых, если даже допустить, что большинство коронного совета будет за прекращение войны, то раздадутся, вне всякого сомнения, голоса за заключение перемирия на опреде-

[89] «23 august 1944», p. 44.

ленных условиях. Однако переговоры, которые уже имели место с союзниками, показали, что многие из этих условий совершенно неприемлемы для союзников из лагеря антигитлеровской коалиции.

«Какова будет в этих условиях позиция и ответственность его королевского величества? Или, выполняя волю, которая была бы выражена на совете, заключить перемирие, само собой разумеется, на условиях, навязанных союзниками, и тогда... некоторые политические деятели отклонят от себя ответственность, заявив, что они не имели в виду перемирие на любых условиях; или, считая условия, выдвигаемые политическими деятелями, нереальными, то есть такими, которых невозможно добиться от союзников, его королевское величество будет рассматривать принятое решение как отказ от заключения перемирия и примет соответствующее решение. В последнем случае его величество могло бы быть обвинено перед лицом катастрофы, которая разразилась бы над страной вследствие незаключения перемирия, в том, что не была выполнена выраженная воля выйти из войны. И в одном, и в другом случае ответственность падет на его величество» [90].

Что делать в этой обстановке? Ждать когда маршал Антонеску сам заключит перемирие? Но это означает упустить момент, когда можно было бы получить от союзников «терпимые условия». Хотя И. Антонеску и его министр иностранных дел М. Антонеску дали королю формальное обещание вступить на путь заключения перемирия, говорится далее в документе, они не предприняли ничего позитивного в этом направлении. В действительности до сего времени со стороны правительства не было дано никакого ответа на предложения союзников. Маршал Антонеску и Михай Антонеску заявляют, что в принципе они за заключение перемирия, но считают его преждевременным. По их мнению, нужно ждать до тех пор, пока будет держаться румынский фронт, пока не произойдут новые события в общем развитии войны (имеется в виду возможность провала высадки англо-американских войск на западе, которая могла бы затянуть окончание войны).

Больше ждать нельзя, предупреждают составители

---

[90] Arhiva CC al PCR, fond 1, dos. 7986, ff. 1—2.

документа, это опасно для судеб румынской монархии. Ведь «по мере продвижения русских, его величество вместе с армией и государственным аппаратом не будет иметь другого выбора, если не будет заключено перемирие, кроме как отступить в Германию. Разве можно надеяться, что монархия, которая таким путем проявила бы полную солидарность с германским делом, смогла бы сохраниться?» [91]. Заключение перемирия, подчеркивается в документе, необходимо для того, чтобы «смягчить суровость» неизбежной советской оккупации.

Теряя надежду на успех переговоров в Каире об обеспечении англо-американской оккупации Румынии, король Михай и дворцовые круги стали искать других путей спасения монархии и уклонения от ответственности за ведение преступной антисоветской войны. Таким путем представлялось им заключение перемирия, которое положило бы конец войне Румынии против СССР, развязанной фашистской диктатурой Антонеску. Но до тех пор, пока власть в стране находилась в руках «руководителя государства» маршала Антонеску, монархия была бессильна предпринять что-либо. Единственной реальной политической силой в этих условиях была Коммунистическая партия. Поэтому дворцовые круги пошли на установление сотрудничества с коммунистами в этом деле; они надеялись, что в результате этого несколько укрепятся позиции румынской монархии и повысится ее авторитет.

В интересах решения главной задачи — свержения военно-фашистской диктатуры и вывода страны из антисоветской войны — Коммунистическая партия согласилась сотрудничать с королем и его окружением, ведя дело к полнейшей изоляции клики Антонеску.

Этот шаг КПР представляет собой творческое применение ленинского учения о стратегии и тактике революции в конкретных условиях Румынии того времени. «Победить более могущественного противника,— подчеркивал В. И. Ленин,— можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном*, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией

---

[91] Arhiva CC al PCR, fond 1, dos 7986, f. 8.

разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран,— так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного» [92]. Сотрудничая с королем и дворцовыми кругами, Коммунистическая партия Румынии исходила из того, что монархия имела влияние в средних социальных кругах, в армии, и прежде всего среди генералов и офицеров, привлечение которых к восстанию было важно в целях перевода армии на сторону народа.

Первое совещание о подготовке к свержению И. Антонеску состоялось во дворце у короля в мае 1944 года. На нем присутствовали король Михай, генералы Санатеску, Михаил, Рашкану и Алдя, барон Стырча, Никулеску-Бузешть и два представителя Коммунистической партии Румынии. «Исторические партии» не участвовали в этом совещании. Король не верил лидеру буржуазно-помещичьей «оппозиции» Ю. Маниу и, опасаясь, что он может выдать секрет румынскому диктатору и немцам, просил участников совещания не сообщать Ю. Маниу никаких подробностей и сроков намечавшегося выступления.

В ночь с 13 на 14 июня 1944 г. на нелегальной квартире компартии (по улице Арменяска, дом 15) имело место новое совещание, в котором принимали участие представитель компартии Эмиль Боднэраш (он выступал тогда под конспиративным именем инженера Чаущу), представители дворца и армии — генерал К. Санатеску, И. М. Стырча, М. Иоанициу, Г. Никулеску-Бузешть, генерал запаса Г. Михаил и полковник Д. Дэмэчану. До этого совещания дворцовые круги делали ставку на осуществление своего собственного плана, сводившегося к замене И. Антонеску с согласия Гитлера другим прогитлеровским политическим деятелем — И. Джигурту и назначению на посты министра иностранных дел, военного министра и министра внутренних дел лиц из королевской камарильи. Созданное таким путем новое правительство, продолжая первое время войну на стороне фашистской Германии, приняло бы меры за спиной Джигурту к заключению перемирия. Сам же Джигурту впоследствии должен был быть устранен с поста главы

---

[92] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 55.

правительства в результате выступления министров — приверженцев короля. Это был план дворцового переворота с целью сохранить власть в руках румынской реакции, не допустить вооруженного восстания народных масс. Свой авантюристичный план дворцовые круги пытались протащить с помощью Пэтрэшкану, который, снедаемый жаждой честолюбия, старался войти в доверие дворцовых кругов, отказавшись от проведения линии компартии в переговорах с ними. Он преднамеренно извратил позицию партии, дав ложные сведения о том, что «план Джигурту» якобы принят Коммунистической партией [93].

На этом совещании Э. Боднэраш по поручению КПР выступил против плана дворцовых кругов. Указав, что без поворота оружия против Германии, без разоружения и пленения гитлеровских войск успех акции был бы поставлен под угрозу, он изложил разработанный Коммунистической партией план вооруженного восстания. Э. Боднэраш подчеркнул, что единственно правильный выход из антисоветской войны — свержение фашистской диктатуры путем вооруженного восстания и немедленного поворота оружия против гитлеровцев. Преодолев колебания некоторых участников совещания, представитель компартии добился принятия плана, предложенного КПР. «Сам этот факт,— указывал Г. Георгиу-Деж,— является признанием решающей роли, которую партия играла в решающий для судьбы страны момент» [94].

Тогда же был создан военный комитет, которому было поручено заниматься подготовкой армии для участия в восстании. В его состав вошли генерал запаса Г. Михаил, генерал К. Василиу-Рэшкану (командующий 5-м территориальным корпусом в Валя Праховей) и полковник Д. Дэмэчану. С момента своего учреждения военный комитет проводил всю работу под непосредственным руководством Коммунистической партии Румынии, взявшей в свои руки все рычаги военной подготовки вооруженного восстания и практически ставшей единственным организатором и руководителем всей акции. Главную роль в военном комитете играл начальник штаба бухарестского гарнизона полковник Дэмэчану, еще в мае

---

[93] См. «23 august 1944», p. 46.

[94] Gh. Gheorghiu-Dej, Articole şi cuvintări. 1959—1961, p. 440.

1944 года установивший связь с компартией. Оппозиционно настроенный к И. Антонеску генерал Михаил, введенный в военный комитет по настоянию дворцовых кругов, проявил себя противником поворота оружия против гитлеровцев и был фактически устранен от деятельности в этом комитете.

Под руководством КПР был выработан оперативный план, предусматривавший, что вооруженное восстание будет иметь главными местами своего развертывания столицу и долину Праховы, где имелось многочисленное рабочее население с традициями и опытом революционной борьбы. К тому же в Бухаресте находились главные гитлеровские объекты и центральные румынские государственные учреждения, а в долине Праховы с центром в Плоешти были сосредоточены крупные гитлеровские части, которые надо было захватить и парализовать с первого же момента восстания. Еще в начале июля руководство КПР указало основные гитлеровские военные объекты, военные и гражданские учреждения режима Антонеску, подлежащие захвату. В числе этих объектов были штаб генерала Ганзена, возглавлявшего германскую военную миссию сухопутных войск, резиденция генерала Герштенберга, руководителя германской военно-воздушной миссии, помещение гестапо в Бухаресте, здание совета министров, министерство внутренних дел, министерство авиации, центральная телефонная станция, почтамт, телеграф, радиостанция, вокзалы, тюрьмы, бензосклады и т. д. Всего было намечено 70 объектов.

На основе указаний компартии военный комитет приступил к составлению оперативного приказа, который должен был быть разослан воинским частям, участвующим в восстании. Этот приказ предусматривал порядок и очередность блокирования и захвата объектов в зависимости от их значения, обеспечение порядка и подавление возможных выступлений румынских или немецких фашистов. Наиболее ответственные задания поручались боевым патриотическим отрядам и надежным румынским воинским частям, таким как 2-й кавалерийский механизированный полк и кавалерийский охранный полк.

К вооруженному восстанию под руководством КПР готовились и в других частях страны — Олтении, Добрудже и Молдове. Что касается фронтовых частей румынской армии, то в ходе подготовки восстания был установ-

лен контакт с рядом командующих крупными соединениями, в том числе с генералами М. Раковица, И. Крецулеску, К. Никулеску, которые были информированы о готовящемся выступлении. Румынские части на фронте в Молдове должны были отделиться от гитлеровских войск и перейти в распоряжение сил, борющихся против Германии; румынские соединения, находившиеся в других местах, должны были прикрыть границы и помешать проникновению вражеских сил из Северной Трансильвании, а также через западные и южные границы [95].

Компартия приняла все меры к соблюдению строжайшей тайны в военных приготовлениях к восстанию и добилась того, что правительство Антонеску и гитлеровское командование ничего не знали о готовящемся выступлении армии и вооруженных формирований патриотической гвардии. Сигуранца имела сведения лишь о политических аспектах этой подготовки, ставя фашистское правительство в известность о деятельности компартии по созданию блока с «историческими партиями» на предмет свержения режима Антонеску. В целях конспирации конкретный план вооруженного восстания был известен узкой группе людей — руководству компартии и лицам, которые непосредственно работали над его осуществлением. Этим достигалась внезапность выступления, имевшая особо важное значение в условиях неравенства сил. В документе «Подготовка акта 23 августа 1944 г. и военные выгоды Объединенных Наций от принятия перемирия Румынией и ее немедленного эффективного действия против германо-венгров» указывается, что приготовления были настолько скрытыми от гитлеровцев, что они ничего не знали о них и не могли принять по этой причине каких-либо контрмер [96]. Чтобы обеспечить сохранение секретности военных приготовлений, в большинстве случаев давались устные, но не письменные приказы.

По состоянию на 15 июня 1944 г. во внутренней зоне в Румынии насчитывалось около 60 тыс. человек гитлеровских войск, которые располагались в основном в нефтяном районе (25 тыс. человек), в Бухаресте (5 тыс. человек) и на внешнем железнодорожном кольце вокруг

---

[95] См. «Analele», 1964, N 4, p. 24.
[96] См. Arhiva MFA, dos. 732/I, f. 6.

столицы и в близлежащих селах (6 тыс. человек). Количество румынских войск в Бухаресте составляло примерно 6 тыс. человек, не считая боевых патриотических отрядов, готовых вступить в бой, когда вспыхнет восстание. Имея в виду, что основная масса немецких войск во внутренней зоне группировалась в районе Плоешти — Бухарест, необходимо было усилить здесь румынские войска. Военный комитет, действуя через командование бухарестского гарнизона, начальником штаба которого был Д. Дэмэчану, добился от генерального штаба оставления в столице румынских частей, намеченных к отправке на советско-германский фронт. В качестве аргумента была выдвинута необходимость иметь достаточное количество войск внутри страны на случай вооруженных «бунтовщических» действий в столице. Таким путем в июле — августе 1944 года удалось добиться направления в Бухарест двух батальонов новобранцев, одного кавалерийского полка, дивизиона артиллеристов и полка пограничной службы. Под разными предлогами генеральный штаб отказывался от выполнения распоряжений германского командования о посылке новых румынских частей на фронт, в частности дивизий новобранцев [97]. Командование румынских мотомеханизированных войск еще до 1 августа приняло такие меры, которые позволили ему сохранить эти войска внутри страны, а не послать их на фронт, как того требовали немцы. В связи с возраставшим подозрением гитлеровцев и возможностью их нападения с целью разоружения этих войск были приняты меры предосторожности и боевой готовности.

Вооруженное восстание должно было начаться после того, как советские войска перейдут в наступление на румынском фронте: тогда германское командование, бросив все силы на фронт, окажется не в состоянии подавить это восстание. В одном румынском военном документе сообщается, что намеченное первоначально выступление против германских и венгерских фашистских войск внутри страны и в зоне румынских армий, носившее кодовое название «Операция Косма», было отложено, ибо «общая обстановка в то время не обещала больших шансов на успех» [98]. Внутри Румынии находились тогда значительные бронетанковые силы немцев, которые были

[97] См. Arhiva MFA, dos. 12, vol. I, f. 324.
[98] Arhiva MFA, dos. 752, f. 7.

отвлечены оттуда, как свидетельствует цитированный документ, лишь крупными советскими наступлениями под Витебском и в Галиции, начавшимися позднее — соответственно 25 июня и 15 июля 1944 г.

Ведя подготовку к вооруженному восстанию, Коммунистическая партия не прекращала своих усилий по объединению всех сил, которые по той или иной причине выступали за вывод Румынии из антисоветской войны и освобождение страны из-под фашистского ига. Вновь и вновь компартия предпринимала попытки создания широкого национального антигитлеровского фронта с участием «исторических партий», оказывавших влияние на некоторые слои населения. Но лидеры буржуазно-помещичьей «оппозиции» продолжали по-прежнему саботировать антифашистское движение, призывая своих сторонников к выжиданию и «пассивности» в отношении румынского диктатора. Маниу и его окружение, питая надежду на возможность вывода Румынии из войны путем англо-американского десанта, считали ненужным для себя идти на сотрудничество с компартией и руководимыми ею патриотическими силами. Более того, лидеры национал-царанистской и национал-либеральной партий не собирались ради вывода Румынии из войны свергать «руководителя румынского государства», а, напротив, считали, что только маршал Антонеску должен заключить перемирие, и заявляли ему о своей готовности помочь в этом деле.

Лидеры буржуазно-помещичьей «оппозиции», несмотря на их многочисленные меморандумы с критикой И. Антонеску, фактически продолжали оказывать поддержку фашистскому режиму и ведшейся им антисоветской войне. Совершенно иным было их отношение к демократическим силам, боровшимся против фашизма. Ярким свидетельством тому являлась позиция, которую заняли Ю. Маниу и другие руководители «исторических партий» в отношении судебного процесса, инсценированного фашистскими властями над группой активистов Патриотического антигитлеровского фронта во главе с профессором Владеску-Рэкоаса. В то время как в защиту обвиняемых выступили на суде некоторые бывшие министры, университетские профессора, видные члены коллегии адвокатов, Ю. Маниу отказался выступать в роли свидетеля защиты.

«Мы обратились к политическим деятелям, в особенности к доктору Юлиу Маниу,— писала в этой связи газета «Ромыниа либера», — чтобы они пришли туда, где идет процесс над антигитлеровским движением, солидаризировались с действиями патриотов и осудили инсценировку, организованную предателями, и таким образом в решающий момент выполнили бы свой долг перед страной и народом... Но и на этот раз Маниу остался глух...» [99]. В свое время Маниу поспешил явиться на процесс Корнелиу Кодряну, чтобы выступить в защиту этого агента Гитлера, напоминала газета, теперь же он уклонился от явки на процесс антифашистов и, продолжая прежнюю политическую линию, занял позицию, благоприятную режиму Антонеску.

Компартия решительным образом выступала против продолжавшихся попыток деятелей буржуазно-помещичьих партий саботировать борьбу против фашизма, за национальное освобождение Румынии. Она предупреждала их о той ответственности, которая падет на них за национальную катастрофу, неизбежную в случае срыва руководителями «исторических партий» осуществления задач освободительной борьбы. Резко критикуя позицию лидеров национал-царанистской и национал-либеральной партий, которые развитию антифашистской борьбы в стране предпочитали внешнеполитическое маневрирование, газета «Ромыниа либера» писала 29 марта 1944 г., что миссия Штирбея не сможет вывести страну из войны, если она не будет сопровождена выступлением внутри Румынии. «Больше ждать нельзя. Для страны и господ Маниу и Братиану,— предупреждала газета,— бьет двенадцатый час!» [100].

Весной 1944 года в условиях, когда вступление советских войск на территорию северо-восточной части Румынии вызвало резкое обострение кризиса фашистской диктатуры, вдохновив антигитлеровские силы, компартия вновь обратилась к руководителям «исторических партий» с предложением о вхождении в единый антигитлеровский фронт. 24 апреля 1944 г. ЦК КПР направил письмо в бюро исполкома национал-царанистской партии. В нем отмечалось, что компартия в ряде писем и через

---

[99] «Rominia liberă», 22 martie 1944.
[100] I b i d.

своих делегатов изложила свою точку зрения на неотложные задачи момента, каковыми являются: заключение мира, изгнание гитлеровских войск из страны, устранение нынешнего правительства и создание правительства национального единства из представителей всех антигитлеровских сил, вывод страны из «оси» и включение ее в естественный союз с СССР, Англией и США, освобождение Северной Трансильвании.

Обстановка вынуждает нас, говорилось далее в письме, потребовать ясного ответа на вопрос, какую позицию занимает национал-царанистская партия. «Просим вас в трехдневный срок ответить нам письменно или устно через нашего делегата, который установил с вами постоянную связь, готово или нет руководство НЦП (национал-царанистской партии) участвовать в осуществлении Патриотического национального фронта всех антигитлеровских сил и направить одного или двух своих делегатов в его руководящий комитет»[101]. По мнению компартии, этот комитет должен был заняться организацией и координацией деятельности партий и организаций Национального патриотического фронта в целях немедленного решения сформулированных выше задач.

Новая обстановка, сложившаяся в результате начавшегося освобождения Румынии советскими войсками, а также трудности, с которыми буржуазно-помещичья «оппозиция» столкнулась при ведении переговоров в Каире, заставили Ю. Маниу и Д. Братиану пойти на переговоры с компартией относительно установления сотрудничества и его организационного оформления. А. Крецяну пишет, что причиной, побудившей «исторические партии» к этому шагу, было стремление избежать возражений на непредставительный характер румынской оппозиции, ведшей переговоры с союзниками в Каире[102]. 26 мая 1944 г. К. Вишояну, прибывший в Каир на помощь Штирбею, сообщил, что скоро будет создан национально-демократический блок в составе национал-царанистской, национал-либеральной, Коммунистической и социал-демократической партий. Это явится, как он выразился, «большой уступкой марксистским партиям», за которыми будто бы никто не идет в Румынии[103].

---

[101] Arhiva CC al PCR, fond 1, dos. 7950, ff. 8—9.
[102] См. A. Cretzianu, Lost opportunity, p. 142.
[103] См. «Hitler's Europe», p. 626.

Надежды на успех переговоров в Каире становились все меньшими, а неизбежность освобождения Румынии советскими войсками становилась все более очевидной, поэтому лидеры «исторических партий» сочли невозможным проведение прежней линии в отношении компартии. Теперь соглашение с коммунистами представлялось им крайне необходимым: таким путем они намеревались укрепить свои позиции, попытаться использовать сотрудничество с коммунистами для достижения собственных целей.

Как сообщала сигуранца, «оппозиция» во главе с Маниу надеялась, что в момент прорыва фронта советскими войсками новое правительство, созданное взамен правительства Антонеску, не допустит русской оккупации и будет вести переговоры об улучшении условий перемирия.

К принятию предложения Коммунистической партии толкала лидеров «исторических партий» также внутренняя обстановка в стране, подъем освободительного антифашистского движения, успехи компартии в мобилизации сил на свержение фашистского режима, установление ею контакта с дворцом и армейскими кругами. Отказ от соглашения с компартией мог привести к тому, что «исторические партии» остались бы за бортом событий, а их авторитет и политическое влияние в стране после освобождения от фашизма катастрофически упали бы, подорвав тем самым буржуазно-помещичье господство.

Во время переговоров с компартией лидеры «исторических партий» делали все, чтобы помешать созданию широкого антигитлеровского фронта, который включил бы в себя все патриотические силы. Они стремились сузить его, настаивая на создании национально-демократического блока в составе национал-царанистской, национал-либеральной, Коммунистической и социал-демократической партий. Чтобы иметь большой вес в национально-демократическом блоке, Маниу и Братиану категорически выступили против допуска в него демократических организаций, входивших вместе с компартией в Патриотический антигитлеровский фронт,— фронта земледельцев, союза патриотов, венгерского народного союза Румынии, крестьянской социалистической партии. Они не захотели допускать даже группировку либеральной буржуазии, возглавлявшуюся Г. Татареску. Д. Братиану

заявил, что коммунисты должны выбирать между его партией и Татареску. Руководители «исторических партий» были против решительных действий по борьбе с румынскими и германскими фашистами. Донося о переговорах деятелей буржуазно-помещичьих партий с коммунистами, сигуранца 7 июня 1944 г. отмечала, что Маниу «всячески затягивает» создание национально-демократического блока и что компартия «настаивает на эффективных действиях»[104].

20 июня 1944 г. был подписан документ о сформировании Национально-демократического блока (НДБ) в составе национал-либеральной, национал-царанистской, Коммунистической и социал-демократической партий. Этот блок, говорилось в документе, будет действовать ради спасения страны, преследуя следующие цели:

«1. Незамедлительное заключение перемирия с Объединенными Нациями (Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами Америки) на основе предложения, сделанного союзниками...

2. Выход Румынии из «оси», освобождение страны от германской оккупации, присоединение к Объединенным Нациям, восстановление национальной независимости и суверенитета.

3. В этих целях: устранение нынешнего диктаторского режима, замена его конституционным, демократическим режимом на основе предоставления прав и гражданских свобод всем гражданам страны.

4. Поддержка демократического порядка и обеспечение мира в соответствии с интересами государства и румынского народа».

Соглашение о Национально-демократическом блоке вступало в силу немедленно и обязывало его участников без всякого промедления действовать сообща для реализации вышеизложенных пунктов. В документе упоминалось о том, что во время переговоров делегации Коммунистической и социал-демократической партий предлагали включить в состав Национально-демократического блока фронт земледельцев, союз патриотов и крестьянскую социалистическую партию, но делегаты национал-царанистской и национал-либеральной партий не согла-

---

[104] ИДА, ф. Совет министров, д. 304, л. 34 (257); «Rominia liberă», 10 aug. 1944.

сились, заявив, что «четыре демократические партии Национально-демократического блока выражают мнение страны и представляют почти все политические силы, постоянно боровшиеся против диктаторских режимов и внешнеполитической ориентации на державы „оси“». Компартия оставила за собой право сотрудничать с организациями, входившими в Патриотический антигитлеровский фронт, и продолжала руководить их борьбой против фашистского господства.

Соглашение подчеркивало, что партии Национально-демократического блока сохраняют полностью идеологическую и политическую самостоятельность, их обязательство о совместных действиях относится только к осуществлению сформулированных целей. Это замечание как бы напоминало о различии конечных целей партий, входивших в Национально-демократический блок.

Различный состав участников румынского движения Сопротивления, в котором наряду с трудящимися массами принимали участие также буржуазные элементы, определял различие целей, преследовавшихся ими в антигитлеровской борьбе. В то время как буржуазия, присоединившаяся к движению Сопротивления, думала о восстановлении «конституционного режима» — о замене клики Антонеску другой правящей группой, которая обеспечила бы ее политические и экономические интересы при сохранении буржуазно-помещичьего строя, народные массы под руководством компартии стремились не только к национальному, но и социальному освобождению, рассматривая свержение фашистского ига в качестве первоочередного шага на этом пути.

Основной задачей и целью борьбы компартия выдвигала в тот период освобождение страны от фашистского господства. Но КПР не теряла политической перспективы, всегда оставалась подлинно революционной партией, борющейся за уничтожение капиталистического рабства. Рисуя перспективы борьбы румынских трудящихся за свое полное освобождение и в этой связи подчеркивая важность ликвидации фашистского господства в стране, ЦК КПР в брошюре, изданной в августе 1944 года, писал: «Конечно, Коммунистическая партия является революционной партией. Она стремится к коренным изменениям румынского общественного уклада. В первую очередь она хочет ликвидировать все феодальные остатки

как в сельском хозяйстве, так и в социальной жизни... Конечная цель Коммунистической партии — сделать Румынию бесклассовой, социалистической... Не отказываясь ни от одного пункта своей программы, осуществление которой не ставится в качестве немедленной задачи, Коммунистическая партия считает своей неотложной задачей сегодня борьбу за освобождение страны от террора Гитлера. Чтобы существовала социалистическая Румыния, нужно, чтобы существовал румынский народ. Политические идеалы осуществляются людьми и для людей» [105].

Со стороны «исторических партий» вступление в Национально-демократический блок было лишь маневром, с помощью которого они стремились укрепить свои позиции, создать себе рекламу борцов против фашизма, чтобы обмануть народные массы и обеспечить свое влияние на них. В действительности Маниу и Братиану оставались на прежних позициях поддержки фашистского диктатора, пытаясь в рамках Национально-демократического блока помешать любому конкретному действию, направленному на свержение Антонеску; они все время противились идее поворота оружия против гитлеровской Германии. Маниу информировал И. Антонеску о создании Национально-демократического блока и его составе [106].

Лидеры буржуазно-помещичьих партий и после вступления в НДБ продолжали заниматься саботажем освободительной антифашистской борьбы румынского народа. Они чинили всевозможные препятствия внутри Национально-демократического блока, стремились затруднить объединение масс вокруг компартии, помешать радикальному решению задач момента. Секретная служба фашистского режима Антонеску в документе «Коммунистическая партия и Национально-демократический блок» от 27 июня 1944 г., отмечая трудности, возникшие на пути превращения НДБ в орган, призванный объединить все демократические силы, отмечала: «Этому способствует больше всего образ мысли Маниу... Но вполне возмож-

---

[105] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», p. 365.

[106] См. «Le procès des dirigeants de l' ancien parti national-paysan». Buc., 1947, p. 174.

но, что бурное развитие событий опередит его и он не окажется тем, кто будет руководить судьбами страны»[107]. Так оно и получилось.

Вопреки позиции Маниу и Братиану и их маневрам, создание Национально-демократического блока с участием буржуазно-помещичьих партий вело к полной политической изоляции клики Антонеску, сыграло наряду с другими факторами положительную роль в обеспечении широкого участия населения и армии в вооруженном восстании против фашистского господства.

И монархия, и буржуазно-помещичьи круги боялись вооруженного восстания и хотели предотвратить его. Лидеры национал-царанистской и национал-либеральной партий своей деятельностью создавали дополнительные трудности на пути подготовки восстания. В то время как КПР занимала позицию ускорения событий, руководители «исторических партий» стояли на позиции затягивания и проволочек. В связи с этим на совещании 28 июля 1944 г. представитель компартии со всей решительностью заявил, что если из-за колебаний дворца и лидеров национал-царанистской и национал-либеральной партий развязывание вооруженного восстания будет по-прежнему затягиваться, то Коммунистическая партия полностью оставляет за собой свободу действий [108]. Лидеры «исторических партий» поставили себя вне работы по подготовке вооруженного восстания, начало которого впоследствии оказалось для них полнейшей неожиданностью. Препятствуя выходу Румынии из антисоветской войны, Маниу дважды выступал против предпринимавшихся патриотическими силами попыток послать в СССР делегации, которые должны были договориться о практических путях достижения перемирия.

Деятелей буржуазно-помещичьих партий волновал в первую очередь вопрос о составе будущего правительства, и они вели по этому вопросу длительные дискуссии, имея целью как можно больше ограничить представительство демократических организаций в нем. Маниу всячески тянул с представлением списка будущего правительства, который ему поручили подготовить. Группировав-

---

[107] Arhiva CC al PCR, dos. 2119/3013, vol. 19. ff. 559—560.
[108] «23 august 1944», p. 47.

шаяся вокруг него румынская реакция не хотела связывать себе руки обязательством привлечь коммунистов и других представителей демократических сил в будущее правительство, ибо все еще питала надежду на англо-американский воздушный десант, который, по ее мнению, привел бы к резкому изменению политической обстановки в Румынии. Тактика Маниу привела к тому, что после свержения Антонеску новое правительство было сформировано наспех и в него вошли главным образом военные.

Завершая подготовку вооруженного восстания, компартия в первой половине августа 1944 года организовала побег из заключения Г. Георгиу-Дежа и других видных деятелей. Дни военно-фашистской диктатуры были сочтены, фашистские власти пребывали в паническом состоянии, государственный аппарат все более разваливался. О степени распада фашистских репрессивных органов можно судить по тому факту, что бегство руководящих деятелей компартии из лагеря в Тыргу-Жиу было обнаружено лишь восемь дней спустя. Изолированная от народа и переживавшая глубочайший политический кризис, она держалась лишь на немецких штыках.

Однако внешние силы, на которые опиралась клика Антонеску, были еще мощны: гитлеровская Германия держала на румынском фронте группировку армий «Южная Украина», насчитывавшую более 643 тыс. человек, внутри Румынии находились немецкие части общей численностью около 57 тыс. человек. Вместе с личным составом тыловых частей и учреждений вся численность этой группировки превышала 900 тыс. человек [109]. Совершенно очевидно, что подготовленное Коммунистической партией Румынии вооруженное восстание могло победоносно развиваться только в условиях ликвидации этой мощной группировки фашистских войск.

---

[109] «Ясско-Кишиневские Канны», стр. 55.

Глава 4

РАЗГРОМ СОВЕТСКОЙ АРМИЕЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК ПОД ЯССАМИ И КИШИНЕВОМ

Германское командование придавало исключительно важное значение румынскому фронту, прикрывавшему путь на Балканский полуостров и к южным границам гитлеровского рейха. Отдавая себе отчет в том, что Румыния в стратегическом отношении — ключ к Балканам, оно держало здесь главную часть тех сил, которые были выделены для балканского театра военных действий.

Гитлеровцы стремились любой ценой не допустить туда советские войска, ибо, как писала английская газета «Таймс», «речь идет о румынской нефти и других преимуществах, которыми пользуются немцы» на Балканском полуострове [110]. Они были крайне заинтересованы в том, чтобы сохранить Румынию в качестве партнера по ведению антисоветской войны и продолжать выкачивать из нее продовольствие, сырье, в особенности нефть, на которой работали моторы германских танков, самолетов и автомашин. Докладывая в Бухарест о высказываниях в военных кругах Германии относительно важности для рейха сохранить за собой румынский источник нефти, военный атташе Румынии в Берлине писал: «Оккупация русскими нефтеносного района Румынии нанесла бы серьезный удар экономике Германии. В результате этого, принимая во внимание количество нефти, добываемой в Галиции, и количество производимого синтетического бензина, современное потребление горючего сократилось бы на одну треть или две пятых, и, если добавить, что немецкая промышленность синтетического бензина должна еще пострадать (от бомбардировок.— *Авт.*), тогда достигнутые советами результаты повлекут за собой серьезные последствия для Германии» [111]. Известно также высказывание Гитлера, который на одном из совещаний в 1944 году заявил, по свидетельству генерала Иодля, что

---

[110] «Times», Jan. 6, 1944.

[111] ИДА, ф. Военный кабинет Румынии, д. 301, л. 16.

он скорее лишится белорусских лесов, чем румынской нефти [112].

Подготовка балканского фланга к обороне велась германским командованием с 1943 года, когда в войне наступил коренной перелом в результате поражений германских войск на Волге, а затем под Орлом и Курском. Гитлеровцы создали на румынском направлении мощную эшелонированную оборонительную линию, насыщенную значительным количеством железобетонных сооружений. О степени укрепленности этого участка фронта говорит тот факт, что на один километр под Яссами приходилось в среднем семь долговременных сооружений.

Когда советские войска, заканчивая зимнюю кампанию 1944 года, остановились в апреле — мае на линии, проходившей южнее Пашкани, севернее Ясс, севернее Унген, южнее Оргеева на Дубоссары и далее по Днестру, то перед ними гитлеровцы развернули несколько оборонительных полос глубиной 8—15 *км* каждая, насчитывавших по три-четыре линии траншей. На северном участке румынского фронта после двух оборонительных полос на удалении 15—20 *км* от переднего края проходила третья полоса обороны по хребту Маре — сильно укрепленная позиция «Траян». За этими тремя линиями находилась еще одна ключевая позиция, прикрывавшая 80-километровый проход между Карпатскими горами и рекой Дунаем — равнинный путь в глубь Румынии. Эта позиция, именовавшаяся в румынских военных кругах «линией Галац — Нэмолоаса — Фокшаны», представляла собой развитую систему препятствий, насчитывавшую до 1700 различных долговременных сооружений, бесконечные ряды противотанковых надолб и минные поля на каждом участке земли. Она прикрывалась крупным водным рубежом — рекой Серет, и фашисты считали ее неприступной. На южном участке румынского фронта за главной полосой обороны, проходившей по Днестру и Днестровскому лиману до Черного моря, располагались еще две — по рекам Когильник и Прут.

Весной — летом 1944 года до начала советского наступления в Белоруссии немецко-фашистское командование твердо считало, что в сложившейся в то время обста-

---

[112] См. К. Типпельскирх, История второй мировой войны, ИЛ, 1956, стр. 319.

новке советские войска развернут стратегическое наступление на Балканском направлении. Советское командование, говорится в одном из германских военных документов, «решится на Балканскую операцию»[113]. Чтобы укрепить свои позиции перед лицом ожидаемого наступления советских войск на румынском фронте, германское командование в мае 1944 года вело бои за захват господствующих высот под Яссами и ликвидацию там удобного плацдарма для наступления советских войск.

Гитлеровцы постепенно вытесняли наши части с удобных позиций, поскольку советское командование не вводило в бой резервов, создавая видимость слабости наших войск[114]. Уверенность гитлеровцев в том, что Советская Армия не может наступать на румынском фронте, окрепла в связи с начавшимся в июне 1944 года грандиозным наступлением советских армий в Белоруссии и последовавшим в июле 1944 года мощным ударом по немецко-фашистской группировке «Северная Украина» на Львовско — Сандомирском направлении. Вскоре началось также советское наступление в Прибалтике и под Ленинградом.

Наступление Советской Армии на трех фронтах, ведшееся в крупных масштабах, по мнению германского командования, исключало возможность стратегического наступления на румынском фронте. Оно даже прониклось мыслью о дальнейшем ослаблении наших войск на румынском фронте на том основании, будто обстановка между Балтийским морем и Карпатами потребовала привлечения сил с других фронтов. Поэтому гитлеровская ставка пошла даже на то, что перебросила из группы армий «Южная Украина» на центральный участок фронта 12 дивизий, в том числе 6 танковых и одну моторизованную[115]. В бюллетене оценок германского командования мы находим следующую запись: «Наступательная операция крупного масштаба... против группы армий «Южная Украина» продолжает оставаться маловероятной». Если и последуют активные действия советских войск на балканском направлении, полагало оно, то лишь с огра-

---

[113] ИМЛ, Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. 13625, л. 321.

[114] См. «Ясско-Кишиневские Канны», стр. 46.

[115] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 4, стр. 258.

ниченной целью — воспрепятствовать переброске из Румынии «новых германских сил» на центральный участок советско-германского фронта. Заблуждение гитлеровского командования дорого обошлось немецко-фашистским войскам, застигнутым врасплох нашим наступлением под Яссами и Кишиневом во второй половине августа 1944 года.

Подготовка к наступлению на румынском направлении началась во второй половине мая 1944 года, когда произошли изменения в командовании фронтами: генерал армии Р. Я. Малиновский, командовавший 3-м Украинским фронтом, возглавил 2-й Украинский фронт, а генерал армии Толбухин Ф. И. стал командующим 3-м Украинским фронтом. В июле 1944 года Ставка Верховного Главнокомандования дала указание о выработке наступательной операции 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской флотилией с задачей полного разгрома группы армий «Южная Украина».

На 20 августа 1944 г. в составе группы армий «Южная Украина» было 47 дивизий, из них три танковых и одна моторизованная, а также пять пехотных бригад [116]. Северный участок румынского фронта до реки Прут оборонялся армейской группой «Велер», в которую входили 8-я немецкая и 4-я румынская армии. Группа насчитывала 14 румынских дивизий, 7 немецких дивизий и 4 румынские бригады; две трети этих сил располагались в междуречье Серета и Прута. Командующим армейской группой «Велер», состоявшей больше чем наполовину из румынских войск, был немецкий генерал Велер (он же командующий 8-й немецкой армией). Во главе 4-й румынской армии до 1 августа 1944 г. находился генерал М. Раковица, который, «уехав в отпуск», так и не вернулся, а 23 августа 1944 г. стал военным министром Румынии. На должности командующего 4-й румынской армией его временно замещал генерал Аврамеску. На южном участке фронта — от Прута до Черного моря — оборону держала армейская группа «Думитреску», состоявшая из 6-й немецкой и 3-й румынской армий. Ею командовал румынский генерал Думитреску (он же стоял во главе

---

[116] См. «Сборник материалов по составу войск фашистской Германии», выпуск четвертый, М., 1956, стр. 132—137.

3-й румынской армии). Эта группа армий состояла из 14 немецких дивизий, 7 румынских дивизий и одной румынской бригады. Одна румынская дивизия из группы «Думитреску» стояла в Констанце и в боях участия не принимала. Резерв группы армий «Южная Украина» состоял из одной румынской и одной немецкой дивизии.

Кроме того, на территории Румынии находились войска, не входившие в состав группы армий «Южная Украина»: немецкие полицейские части, войска СС, части противовоздушной обороны и морской пехоты общей численностью около 57 тыс. человек и 1-я румынская армия, состоявшая из четырех пехотных дивизий. Этой армии были подчинены пункты обучения новобранцев, военные училища, жандармерия и пограничники. Войска в Бухаресте подчинялись военному командованию гарнизона и в 1-ю армию не входили.

Линия фронта и дислокация войск на румынском фронте напоминали ситуацию накануне нашего наступления под Сталинградом: фронт представлял собой выгнутую дугу, на флангах у 6-й немецкой армии, находившейся на выступе к северо-востоку от Кишинева, располагались те же румынские армии — 3-я и 4-я. В армейских кругах 2-го и 3-го Украинского фронтов в этой связи не без основания говорили: «Ну, что же, придется повторить то, что было на Волге». Боеспособность румынских войск была очень низкой. Генерал Велер в связи с неудачами, постигшими немецкие дивизии в мае 1944 года, жаловался в Берлин на поведение румын, которые, по его словам, «недостойно» вели себя на поле боя, покинули позиции, не поддержав немецкую дивизию «Великая Германия» [117]. Обследование румынских частей на фронте в конце июля показало, что на них нельзя рассчитывать в случае осложнений в связи с советским наступлением.

Настроения командного состава румынских войск и политическое положение в Румынии производили удручающее впечатление на германское командование. «Треть румынских офицеров настроена антигермански, треть — безразлично, треть — прогермански», — с явным пессимизмом доносил в штаб армейской группировки «Велер» немецкий генерал Ф. Мит [118]. Но и эта пессими-

---

[117] «Ясско-Кишиневские Канны», стр. 34.
[118] Там же.

стическая оценка, как показали последующие события, была слишком оптимистичной: в момент свержения фашистского режима Антонеску ни одна румынская часть не пошла за гитлеровцами. «Боевой дух румын падает все больше и больше»[119],— отмечалось 1 августа 1944 г. в журнале боевых действий группы армий «Южная Украина». Далее в записи говорилось, что румынский народ устал от войны и воспользуется любой возможностью для выхода из нее, что И. Антонеску находится во все большей изоляции вследствие неудач последних полутора лет и что в стране имеется многочисленная группа лиц, которая согласилась бы на различного рода перевороты.

Не доверяя румынам, немецкое командование располагало румынские соединения, особенно в группе «Велер», вперемежку с немецкими, включая румынские дивизии в состав немецких корпусов, подчиняло румынские корпуса командирам немецких корпусов. Такое перемешивание немецких и румынских соединений и такая организация командования должны были заставить румынские войска выполнять до конца приказы гитлеровского командования.

Исходя из обстановки, сложившейся на румынском фронте, план наступательной операции советских войск предусматривал нанесение удара силами двух фронтов: 2-й Украинский фронт наносил удар в направлении Васлуй, Фокшаны, а 3-й Украинский фронт — в направлении на Хуши с целью соединения с войсками 2-го Украинского фронта и окружения таким путем Ясско — Кишиневской группировки. Как и в битве на Волге, 6-й немецкой армии, на флангах которой действовали 3-я и 4-я румынские армии, предстояло оказаться в гигантском котле.

31 июля 1944 г. на совещании в Ставке Верховного Главнокомандования с участием командующих 2-м и 3-м Украинскими фронтами план этой операции был уточнен, а 2 августа Ставка отдала директиву о проведении Ясско-Кишиневской операции, начало которой было установлено на 20 августа. Ближайшей целью этой операции являлось окружение и уничтожение основных сил группы армий «Южная Украина», чтобы не дать ей возможности отойти на сильные оборонительные рубежи западнее рек

---

[119] ИМЛ, Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. 13633, лл. 3—4.

Прут и Серет, в том числе на ключевую позицию Фокшаны — Нэмолоаса — Галац. Политическая цель заключалась в том, чтобы завершить освобождение Советской Молдавии и вывести Румынию из войны на стороне гитлеровской Германии. Советскому командованию не было известно о готовящемся в Румынии антифашистском вооруженном восстании, но сложившаяся на фронте обстановка позволяла ему поставить на повестку дня вывод Румынии из войны. Продвижение советских войск в центральные районы Румынии лишило бы ее возможности продолжать войну на стороне фашистской Германии.

В связи с предстоящим наступлением Советской Армии по территории Румынии была развернута большая политическая работа, в основу которой были положены заявление правительства СССР от 2 апреля 1944 г., постановление Государственного комитета обороны от 10 апреля 1944 г. о линии поведения советских воинов на территории Румынии. Политика нашего государства и правительства в отношении Румынии определялась не чувством мести за трехлетние злодеяния румынских фашистов на советской земле, а необходимостью добиться полного разгрома гитлеризма, освободить Румынию от фашистского ига и предоставить ее народу возможность самому решить судьбу страны. Армия социалистического государства, вступая на территорию враждебной страны, проводила четкую грань между трудящимися и виновниками участия Румынии в войне против СССР. Солдаты и офицеры Советской Армии, воспитанные КПСС в духе интернационализма, вступали на территорию Румынии не как завоеватели, а как освободители, как защитники трудящихся. Военные советы обоих Украинских фронтов выработали директивы политическим органам, где подчеркивалась необходимость разъяснять всему личному составу, «что мы воюем на чужой территории и от каждого солдата и офицера требуется высокая бдительность, подтянутость и организованность» [120]. От личного состава требовали с советским достоинством относиться к румынскому гражданскому населению и не допускать никаких самочинных действий. В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны от 10 апреля 1944 г. военные советы фронтов и армий должны были осуществлять через советскую военную админист-

рацию общее руководство и контроль над гражданским румынским управлением. С этой целью в уездах, волостях и крупных населенных пунктах назначались советские военные коменданты, которые в своей деятельности ни в коем случае не подменяли местные румынские органы власти. Советская политика в освобождаемой Румынии исходила из уважения суверенных прав румынского народа.

Политические органы советских войск провели большую работу по доведению до сведения румынских солдат и офицеров правды о положении на фронтах. На 3-м Украинском фронте за май, июнь и первые дни июля было организовано 88 передач речей, сообщений, лозунгов через мощные громкоговорящие установки, 684 передачи через средние звуковещательные станции и 925 рупорных передач, обращенных к румынским войскам. На 2-м Украинском фронте только в августе авиация сбросила на территорию врага около 1,5 млн. экземпляров листовок и брошюр. Солдаты и офицеры румынской армии призывались советским командованием порвать с гитлеровской армией и присоединиться к Советской Армии, чтобы бить общего врага. Эти призывы находили отклик среди румынских солдат, которые под страхом смерти хранили при себе советские листовки-пропуска, чтобы при удобном случае перейти на нашу сторону. Кое-кто даже торговал подобранными советскими листовками-пропусками: плати столько-то лей и получай пропуск.

Блестяще разработав Ясско-Кишиневскую операцию, советское командование обеспечило решающий перевес сил на направлениях, где наносились главные удары: перевес в живой силе был в 4—8 раз, в артиллерии — в 6—11 раз, в танках и самоходных орудиях — в 6 раз, сюда была брошена вся авиация двух Украинских фронтов. В целом на румынском фронте соотношение сил было также в пользу советских войск, превосходивших немецкие войска по количеству дивизий в 1,8 раза, по людскому составу — в 1,4 раза, по числу танков — в 4,5 раза, по количеству самолетов — в 2 раза и т. д.[1] Группировка «Южная Украина» располагала 7618 орудиями и минометами (не считая реактивных минометов и зенитной артиллерии), 404 танками и штурмовыми орудиями, 810 самолетами. А 2-й и 3-й Украинский фронты только в период подготовки к наступлению получили

много новой техники, в том числе 875 танков и самоходных орудий, 6223 орудия и миномета.

В составе 2-го Украинского фронта находилась 1-я румынская добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску, ее командиром был полковник Н. Камбря, а начальником штаба — полковник Я. Теклу. К 10 августа 1944 г. в дивизии насчитывалось 9587 солдат и офицеров. Дивизия была хорошо вооружена, кроме стрелкового оружия она располагала 256 орудиями и минометами.

Приготовления к Ясско-Кишиневской операции велись настолько скрытно, что противник лишь 18 августа пришел к выводу о том, что советские войска предпримут наступление в крупном масштабе против группы «Велер» с направлением главного удара в районе северо-западнее Яссы и вспомогательной (параллельной) атакой против фронта группы «Думитреску» в районе южнее Тирасполя [121]. Но это был запоздалый и к тому же не совсем верный вывод (гитлеровцы ошибочно считали предстоящий удар 3-го Украинского фронта вспомогательным): в оставшееся до наступления советских войск время немецко-фашистское командование смогло произвести лишь частичные перегруппировки, которые не спасли положения. В связи с сообщениями о скором мощном наступлении советских войск генерал Фриснер издал директиву «всем немецким и румынским командирам (до дивизии включительно)», которая должна была укрепить боевой дух его войск. «Плечом к плечу с нашими испытанными румынскими товарищами,— говорилось в ней,— полагаясь на нашу боевую подготовку, наше вооружение и наше успешное строительство позиций, мы можем с решительной уверенностью смотреть навстречу этим атакам» [122]. Эта директива также не могла ничего изменить. Приближался час катастрофы немецко-фашистской группировки «Южная Украина».

Утром 20 августа началась мощная артиллерийская подготовка, в результате которой был нанесен большой урон живой силе и технике противника. Некоторые части потеряли до половины личного состава. Четыре тысячи орудий и минометов, в том числе гвардейских, вели арт-

---

[121] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 4, стр. 266—267.

[122] H. Frissner, op cit., S. 254.

подготовку на участке 3-го Украинского фронта. Наша авиация безраздельно господствовала в воздухе, нанося удары по противнику. Попытки немецких и румынских войск помешать прорыву фронта оказались обреченными на провал. В первые же два дня советские войска сокрушили вражескую оборону на главных направлениях. Противник исчерпал свои оперативные резервы и не имел возможности существенно влиять на ход операции, в то же время у советского командования на главных направлениях имелось еще 25 стрелковых дивизий, не введенных в бой [123]. Создалась возможность быстрого окружения кишеневской группы противника.

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов наносили удары в стыки между немецкими и румынскими армиями. Первые же дни советского наступления выявили слабую боеспособность румынских войск. Не желая воевать, румынские солдаты и офицеры бросали свои позиции и разбегались. Командующий 4-й румынской армией 21 августа издал приказ, в котором требовал «приложить все усилия к сбору и восстановлению разбежавшихся подразделений 18-й горно-стрелковой, 5-й и 7-й пехотных дивизий. На следующий день пришло распоряжение от самого Антонеску расстреливать «всех бегущих от противника». Но никакими драконовскими мерами нельзя было поднять боеспособность румынских армий, попавших под сокрушительный удар советских войск.

Чтобы избежать полного разгрома, командующий 4-й румынской армией генерал Аврамеску обратился с просьбой отвести войска на позицию «Траян». Ответом на это было его смещение с поста. А через некоторое время полковник Драгомир, временно замещавший Аврамеску, доносил И. Антонеску, что фронт между реками Бырлад и Серет прорван, советские танки двигаются вперед, обгоняя отступающие румынские войска. Командование 4-й румынской армии сетовало на свою беспомощность, жаловалось румынскому диктатору на то, что «отход армии задерживается немецким командованием, которому вы нас полностью и даже унизительно подчинили, и это в такие минуты, когда никто лучше, чем румынское командование, не может знать, что нужно сделать с ру-

---

[123] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 4, стр. 269.

мынскими войсками для охраны румынских интересов»[124]. Оправдываясь перед президиумом совета министров, смещенный генерал Аврамеску упрекал И. Антонеску в том, что он заставлял его беспрекословно выполнять приказы немецкого командования. Сегодня же, писал он, меня обвиняют в том, что я не сопротивлялся немецкому командованию.

22 августа Фриснер с санкции Гитлера отдал приказ об отходе армейской группы «Думитреску» за реку Прут. Отход должен был начаться с наступлением темноты. Замысел командования группы армий «Южная Украина» заключался в том, чтобы организованно отойти на позиции «Траян» и «Фердинанд», проходившие по хребту Маре и реке Прут, и здесь задержать советские войска. Но стремительно развивавшееся советское наступление помешало осуществлению этого замысла: к концу дня танковые и механизированные корпуса 2-го и 3-го Украинских фронтов, совершив большие броски, оказались намного впереди отступающих немецко-фашистских войск.

4-я румынская армия, находившаяся в составе армейской группы «Велер», попала в бедственное положение. Полковник Драгомир, начальник штаба этой армии, утром 23 августа связался с королевским дворцом и имел разговор с королевским адъютантом генералом Н. Санатеску. Драгомир доносил, что фронт полностью прорван, советские танки устремились в 100-километровую брешь и нет возможности оказать серьезное сопротивление наступающим советским войскам. Немцы преднамеренно замедляют отвод румынских войск. Они отдали приказ, чтобы распоряжения командования 4-й армии не выполнялись. Маршал Антонеску в присутствии немцев обругал генерала Аврамеску. Сообщив обо всем этом, Драгомир просил воздействовать на немцев, помочь отвести 4-ю румынскую армию. Санатеску ответил ему, что «не знал о столь тяжелой обстановке», и обещал убедить короля в течение часа вызвать Антонеску и предложить ему выбор — или уйти в отставку, или подписать перемирие[125].

3-я румынская армия, действовавшая против войск 3-го Украинского фронта, 23 августа была окружена и на следующий день сложила оружие.

---

[124] «Ясско-Кишиневские Канны», стр. 124—125.
[125] Там же, стр. 148—149.

Поздно вечером 23 августа командование группой армий «Южная Украина» получило известие о свержении правительства Антонеску и решении Румынии выйти из войны. С санкции Гитлера Фриснер отдал распоряжение кратчайшим путем отойти на карпатские полузакрытые позиции. Но главные силы немецких армий уже не могли этого сделать: 23 и 24 августа к Пруту вышли советские танкисты обоих фронтов.

В то время как было сомкнуто кольцо окружения под Яссами и Кишиневом, где находились главные силы группировки «Южная Украина» в количестве 18 дивизий, наши части, наступавшие в глубь Румынии, к 24 августа вышли в район Бакэу и Текуча. Путь через Фокшанские ворота теперь был фактически открыт, ибо после 24 августа на участке от Фокшан до устья Дуная гитлеровцы располагали жалкими остатками спасшихся от окружения войск — зенитными и тыловыми частями. Удержать же линию Фокшаны — Галац «силами обозных команд и другими частями», как гласил приказ Гитлера, было невозможно.

В дни, когда советские войска завершали окружение основных сил вражеской группировки, командование 2-го и 3-го Украинских фронтов было уведомлено о решающих политических событиях в Румынии. 23 августа в 23 час. 30 мин. была обнародована декларация о создании правительства Санатеску, о прекращении военных действий против Объединенных Наций и принятии Румынией советских условий перемирия от 12 апреля 1944 г. Ставка Верховного Главнокомандования 24 августа приказала военным советам двух фронтов и своему представителю маршалу С. К. Тимошенко продолжать наступление на внешнем фронте, разъясняя румынским войскам, переставшим оказывать сопротивление, что «Красная Армия не может прекратить военных действий до тех пор, пока не будут ликвидированы вооруженные силы немцев, которые продолжают оставаться в Румынии» [126]. Этот приказ был продиктован необходимостью воспрепятствовать отходу остатков разгромленных немецко-фашистских частей, тем более что правительство Санатеску и король Михай решили не чинить никаких

[126] ИМЛ. Документы и материалы Великой Отечественной войны, инв. 9493, л. 78.

помех отводу немецких войск с румынской территории. Вновь назначенный начальник румынского генерального штаба генерал Михаил направил 24 августа в штаб группы армий «Южная Украина» телеграмму, в которой говорилось, что «командование румынскими вооруженными силами обеспечивает свободный отход немецких частей с территории Румынии и желает избежать всяческих вооруженных столкновений между немецкими и румынскими войсками». На другой день за подписью генерала Михаила было отправлено распоряжение командованию 5-го территориального корпуса не препятствовать движению отступающих германских колонн по шоссе Бузэу — Негой — Интορсэтура Бузэулуй[127]. Эта попытка сговора румынской реакции с гитлеровцами, которым она намеревалась предоставить «золотой мост», провалилась.

В своем распоряжении 24 августа Ставка Верховного Главнокомандования предлагала также не разоружать румынские части и соединения, которые сдаются организованно в плен и соглашаются вести совместную борьбу против немецких или венгерских войск.

Советское правительство, получив сообщение о событиях 23 августа в Румынии, передало по радио в ночь с 24 на 25 августа заявление, в котором вновь подтверждалась позиция СССР, изложенная в документе от 2 апреля 1944 г. Советское правительство, подчеркивалось в заявлении, не имеет намерения приобрести какую-либо часть румынской территории или изменить существующий социальный строй в Румынии, или ущемлять каким-либо образом независимость Румынии. Наоборот, Советское правительство считает необходимым восстановить совместно с румынами независимость Румынии путем освобождения Румынии от немецко-фашистского ига.

В советском заявлении указывалось на необходимость непосредственного участия румынской армии в борьбе против гитлеровских войск за освобождение своей страны. «Советское Верховное Командование считает, что если румынские войска прекратят военные действия против Красной Армии и если они обяжутся рука об руку с Красной Армией вести освободительную войну против немцев за независимость Румынии или против венгров за освобождение Трансильвании, то Красная Армия не будет их

---

[127] См. Arhiva MFA, dos. 457/463, f. 31.

разоружать, сохранит им полностью вооружение и всеми мерами поможет им выполнить эту почетную задачу.

Однако Красная Армия может прекратить военные действия на территории Румынии лишь после того, как будут ликвидированы немецкие войска в Румынии, являющиеся проводником угнетения и порабощения румынского народа.

Помощь румынских войск войскам Красной Армии в деле ликвидации немецких является единственным средством скорого прекращения военных действий на территории Румынии и заключения Румынией перемирия с коалицией союзников» [128].

Вопреки желанию реакции части и подразделения румынской армии с первых же дней вооруженного антифашистского восстания развертывали боевые действия против немецко-фашистских войск, становясь союзником доблестной Красной Армии — освободительницы Румынии. На карпатском направлении в сражение с гитлеровцами вступил 3-й румынский пограничный полк. 25 августа командующий 2-м Украинским фронтом приказал командованию 40-й армии взять под свое руководство 3-й румынский погранполк и совместно с ним овладеть районом Кымпулунг — Молдовенеск. Вместе с советскими войсками вели бои против немцев части 1-й румынской танковой, а с 28 августа — и 3-й румынской горнострелковой дивизий. Командование 7-й гвардейской армией доносило командующему 2-го Украинского фронта, что 26 августа в 12 час. 00 мин. более восьми румынских дивизий, входящих в 1-й румынский армейский корпус, выразили желание вести совместную войну против немецких и венгерских фашистов [129].

Преследуя отступающего врага, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов стремительно продвигались вперед. Оперативная обстановка благоприятствовала выполнению поставленных перед ними задач. Перед фронтом наших войск действовали лишь две боеспособные дивизии противника. Остатки пяти дивизий, отходившие в центре, большой опасности не представляли. Основные силы группы армий «Южная Украина» были окружены под

---

[128] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, Госполитиздат, 1946, стр. 172.

[129] См. Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, п. 1175, л. 75.

Кишиневом и уничтожались нашими войсками. Уцелевшие румынские дивизии в связи с изменившимся в Румынии политическим положением не только не оказывали никакого сопротивления, а, наоборот, на некоторых участках вели боевые действия против немцев. 29 августа наши части, разгромив оборону противника, заняли город Буэзу. Надежда немецкого командования отвести остатки разгромленных войск в Трансильванию по «золотому мосту», который хотели предоставить ему румынские реакционеры, рухнула. К утру 30 августа штурмом был взят город Плоешти. Повсюду румынское население с радостью и энтузиазмом встречало героические советские войска.

29 августа наши части подошли к Бухаресту. Навстречу им вышла делегация руководства Коммунистической партии Румынии во главе с Г. Георгиу-Дежем, которая информировала советское командование о том, как началось и протекало антифашистское восстание [130]. Бухарест к этому времени уже был очищен восставшими силами от гитлеровцев. 30 августа полукольцом вокруг Бухареста стояли крупные советские соединения, ожидавшие разрешения на вступление в румынскую столицу. Дело в том, что румынская реакция, ожидая спасительного для себя англо-американского воздушного десанта, предпринимала судорожные попытки не допустить в Бухарест Красную Армию — освободительницу. Чтобы окончательно ликвидировать угрозу Бухаресту со стороны немецко-фашистских войск и сорвать планы румынской реакции, Ставка Верховного Главнокомандования приказала ввести в Бухарест войска 2-го Украинского фронта. Торжественным маршем через Бухарест проследовали огромные колонны войск, принесших избавление румынскому народу от гитлеровского ига. Шествие войск открывала дивизия имени Тудора Владимиреску — ей было предоставлено право первой пройти через свою столицу. Население Бухареста встречало советских воинов как братьев и друзей — с цветами, флагами и теплыми приветствиями. На стихийно возникавших митингах жители румынской столицы выражали признательность Красной Армии. Выступая от имени ЦК КПР на одном из митингов, Г. Апостол сказал: «Выражаем нашу признатель-

[130] См. «20 de ani de la eliberarea Rominiei», Buc., 1964, p. 27.

ность славной и героической Советской Армии — освободительнице, которая совместно с нашей любимой румынской армией очистит нашу страну от орд гитлеровских варваров»[131]. Он с гордостью сообщил советским воинам-освободителям, что румынская армия и отряды вооруженных патриотов подавили все очаги сопротивления гитлеровцев в Бухаресте.

С овладением нефтеносным районом Плоешти и вступлением советских войск в Констанцу и Бухарест закончилась Ясско-Кишиневская операция 2-го и 3-го Украинских фронтов, одна из самых крупных и выдающихся по своему стратегическому и военно-политическому значению операций второй мировой войны. Ясско-Кишиневские Канны были одним из тяжелейших поражений, понесенных гитлеровской Германией в ходе второй мировой войны. Американская газета «Нью-Йорк таймс» вполне справедливо оценила это поражение как «самое катастрофическое для Адольфа Гитлера» со времени разгрома немецко-фашистских войск на Волге[132].

Военным результатом Ясско-Кишиневской операции был разгром одной из четырех групп армий, державших оборону на всем протяжении советско-германского фронта. Под Яссами и Кишиневом были окружены и уничтожены 18 немецких дивизий; 22 дивизии и 5 бригад королевской Румынии капитулировали[133]. Враг понес колоссальный урон в военной технике. В плен было взято 208 600 человек, в том числе 24 генерала, из них 13 немецких. Блестящая победа Советской Армии была достигнута сравнительно малыми потерями.

«Такое же значение, как и военный удар, нанесенный гитлеровцам утратой Румынии, — писала американская газета «Крисчен сайенс монитор», — имеют и потери в хозяйственной области. Это лишает их ресурсов крупнейшей страны, производящей хлеб на Балканах. Это лишает также немцев единственного крупного источника природных нефтепродуктов»[134]. По оценке западногерманского историка К. Типпельскирха, потеря румынских нефтяных источников была наиболее тяжелым ударом с

---

[131] «Rominia liberă», 31 aug. 1944.
[132] См. «New-York Times», Aug. 31, 1944.
[133] См. «Ясско-Кишиневские Канны», стр. 250.
[134] «Christian Science Monitor», Aug. 24, 1944.

экономической точки зрения, который мог быть нанесен немецкому военному командованию [135].

Исключительно велики политические последствия исторической победы Советской Армии на румынском направлении. Полным успехом увенчалась борьба Советской Армии за избавление румынского народа от гитлеровского ига. В результате разгрома мощной группировки немецко-фашистских войск «Южная Украина» Румыния была выведена из войны на стороне гитлеровской Германии. Выход Румынии из войны и ее переход на сторону антигитлеровской коалиции привел к коренному изменению политической обстановки в Юго-Восточной Европе. Создались условия для оказания непосредственной помощи союзным нам Югославии и Чехословакии, для усиления освободительной антифашистской борьбы в Албании и Греции.

Вступление советских войск на Балканы предупредило англо-американскую империалистическую интервенцию в балканские страны с целью подавления освободительной борьбы трудящихся масс и поддержания прогнивших буржуазно-помещичьих режимов. Весть о выводе Румынии из войны и стремительном продвижении советских войск в глубь Балканского полуострова явилась, по признанию английской прессы, «громом среди ясного неба» [136] для империалистических кругов, добивавшихся англо-американского вторжения на Балканы.

Вооруженные силы Советского Союза, разгромив немецкие войска в Румынии, сыграли решающую роль в освобождении этой страны от фашистского ига. «Продвигаясь вперед, освобождая город за городом, область за областью, — указывается в учебном пособии, изданном институтом истории партии при ЦК РРП, — славная Красная Армия разгромила основную группировку гитлеровских сил, находившихся на территории страны, и сыграла решающую роль в освобождении нашей страны» [137]. Используя благоприятную обстановку, создавшуюся в результате уничтожения мощной немецко-фашистской группировки «Южная Украина», румынский народ под руководством компартии восстал и сверг военно-фа-

---

[135] См. К. Типпельскирх, цит. раб., стр. 486.
[136] «Times», Aug. 25, 1944.
[137] «Lecţii...», pp. 462—463.

шистскую диктатуру Антонеску, положил конец захватнической войне против СССР. Разгром советскими войсками основных сил фашизма в Румынии явился предпосылкой победы народной революции, начавшейся вооруженным восстанием 23 августа 1944 г.

Глава 5

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ 23 АВГУСТА 1944 г.

Накануне советского наступления под Яссами и Кишиневом гитлеровцы оптимистически оценивали внутриполитическую обстановку в Румынии, будучи уверенными в незыблемости режима Антонеску. Правда, слухи о готовящемся выходе Румынии из войны, о том, что будто бы в период с 15 по 20 августа будет заключено перемирие между Румынией и СССР, тревожили их; но официальные источники опровергали эти слухи. 5 августа 1944 г. во время посещения И. Антонеску совместно с М. Антонеску и начальником румынского генерального штаба Штефля ставки Гитлера в Растенбурге последний прямо спросил фашистского правителя Румынии, намерен ли он до конца идти с Германией. При этом Гитлер заверил И. Антонеску, что кризисное положение на фронтах будет преодолено к 20 октября в результате применения Германией новейшего оружия невиданной силы. Румынский диктатор, выразив сомнение по поводу способности Германии сдержать напор советских войск, все же заявил о своей верности «общему делу». После этой встречи генерал Кейтель, начальник германского генерального штаба, информировал Фриснера, что «Румыния накрепко связана с Германией» и что командующему группой армий «Южная Украина» нет необходимости беспокоиться за свои тылы [138]. Такие же успокоительные сообщения поступали и от германских дипломатов в Бухаресте. Германский посланник в Румынии Киллингер считал, что

[138] См. H. Frissner, op. cit., SS. 56—57.

нет никаких оснований сомневаться в верности Румынии, что положение в ней «совершенно надежное». Он заверял, что в Румынии не может ничего произойти, ибо оппозиционные круги во главе с Маниу и Братиану не способны на решительные действия. Глава германской авиационной миссии заявлял, что одной немецкой батареи будет достаточно для подавления волнений в Бухаресте, если бы таковые возникли.

События, развернувшиеся в Румынии после прорыва фронта и окружения советскими войсками основных сил группы армий «Южная Украина», явились для гитлеровцев полнейшей неожиданностью. Они застали врасплох и фашистскую клику Антонеску: хотя румынская секретная служба и была в курсе политических приготовлений к свержению диктаторского режима, она ничего не знала о военных приготовлениях к нему.

Как отмечают румынские исследователи, мощное наступление советских войск под Яссами и Кишиневом, приведшее к разгрому главной группировки гитлеровских сил на румынской территории и освободительному продвижению Советской Армии в глубь Румынии, создало благоприятные условия для развертывания вооруженного антифашистского восстания, подготовленного под руководством Коммунистической партии [139]. 20 августа, когда Красная Армия перешла в наступление, состоялось совещание, на котором было установлено, что вооруженное выступление с целью свержения режима Антонеску и вывода Румынии из войны должно произойти в промежутке между 24—26 августа. Еще до этого срок начала восстания ставился в зависимость от продвижения советских войск в глубь страны. Однако обстановка сложилась так, что выступление состоялось на день раньше намечавшихся сроков.

23 августа после заседания правительства, принявшего предложение И. Антонеску мобилизовать «все силы нации» на продолжение войны, румынский диктатор явился в королевский дворец, чтобы просить короля выступить в этой связи с обращением к народу. Этот визит являлся удобным случаем для ареста И. Антонеску в

---

[139] N. Goldberger, Gh. Zaharia, Caracterul național si internațional al mișcării de rezistență din Romînia («Analele», 1962, N 3, pp. 133—134).

королевском дворце в соответствии с одним из вариантов, предусмотренных планом вооруженного восстания. Учитывая безнадежность положения фашистской клики в связи с поражением группы армий «Южная Украина», король и его приближенные стали действовать согласно плану, разработанному под руководством компартии: они арестовали И. Антонеску и сопровождавшего его М. Антонеску. Затем под предлогом созыва заседания правительства во дворец были вызваны и арестованы другие министры. Вечером того же дня вооруженный патриотический отряд вывез румынского диктатора и его сообщников из королевского дворца на конспиративную квартиру ЦК КПР, находившуюся на окраине Бухареста, и держал их там до передачи советскому командованию.

Король решился на арест И. Антонеску лишь после неоднократных попыток уговорить его согласиться заключить перемирие и выйти из войны против СССР. Так же как и лидеры «исторических партий», он считал, что переговоры о прекращении военных действий должен вести сам И. Антонеску, который, по выражению Ю. Маниу, имел «моральный вес». Боясь вооруженного восстания и стремясь избежать его, они два дня подряд, 22 и 23 августа, уговаривали румынского диктатора заключить перемирие. По их поручению И. Михалаке, находившийся в личных отношениях с И. Антонеску, вечером 22 августа отправился в загородную резиденцию румынского диктатора в Снагов, чтобы убедить его в необходимости разрыва с фашистской Германией, удаления гитлеровских войск из Румынии и заключения мира. И. Антонеску, соглашаясь с доводами И. Михалаке, попросил время «на раздумье», а в действительности для того, чтобы добиться согласия немцев на выход Румынии из войны [140]. Утром следующего дня, собравшись в доме у Д. Братиану, два лидера буржуазно-помещичьих партий и лидер социал-демократической партии Т. Петреску решили послать нового гонца к И. Антонеску — Г. Братиану, который срочно отправился в Снагов. Но и на этот раз попытка склонить И. Антонеску к немедленному заключению перемирия окончилась неудачей. Лишь после этого король Михай, боясь быть опереженным

---

[140] См. «Seara populară», 5 sept. 1944.

событиями, проявил инициативу в выполнении плана ареста румынского диктатора.

Сразу же после ареста членов фашистского правительства в соответствии с планом вооруженного восстания частям бухарестского гарнизона был отдан заранее разработанный оперативный приказ, требовавший занять и защищать важнейшие объекты — государственные учреждения, центральную телефонную станцию, телеграф, радиостанцию и т. п., обеспечив их нормальное функционирование. Приказ требовал обеспечить порядок в столице, подавляя любые попытки нарушить его германскими или румынскими фашистами. Устанавливая первоочередность захвата важнейших румынских объектов, приказ предлагал в отношении объектов, занятых немцами, сперва осуществить блокировку, а позднее атаковать их всеми имеющимися средствами. Ставилась задача прервать связь между германскими учреждениями и воинскими частями, запретить всякое передвижение гитлеровцев группами или в одиночку, принуждая их к сдаче в плен [141].

Выполняя этот приказ, части бухарестского гарнизона и боевые патриотические отряды к полуночи заняли указанные объекты. Под ударами патриотических сил фашистский режим рухнул, не сумев даже организовать сопротивление. В защиту фашистской клики Антонеску не выступило ни одно подразделение румынской армии, полностью вставшей на сторону народа. Даже личная охрана фашистского диктатора, насчитывавшая до полка солдат, присоединилась к антифашистскому восстанию, вступив позднее в ожесточенный бой с гитлеровскими войсками [142]. Это показывает, насколько изолирован был фашистский режим, державшийся исключительно на штыках немецких захватчиков. Начавшееся в условиях победоносного освободительного наступления Советской Армии вооруженное восстание 23 августа 1944 г. не встретило сопротивления со стороны румынских фашистов, которые, понимая обреченность в этих условиях режима Антонеску, предпочли перекраситься или бежать с немцами из страны.

---

[141] См. Arhiva MFA. dos. 242/2, ordin N 30871.
[142] Ibid., dos. 12, vol. 1, f, 125.

В тот же день было создано новое правительство под председательством генерала Н. Санатеску, являвшегося начальником военного кабинета короля. Большинство в нем составляли реакционно настроенные военные и чиновники. Король и группировавшиеся вокруг него реакционеры отказались удовлетворить требование компартии о сформировании правительства из представителей всех антифашистских партий и организаций. Партии Национально-демократического блока получили по одному портфелю государственных министров. Новое правительство, возникшее в результате вооруженного антифашистского восстания и свержения диктатуры Антонеску, ставило своей задачей немедленное заключение перемирия, вывод страны из антисоветской войны, восстановление национальной независимости и суверенитета. Исходя из необходимости достижения этих целей, ставя на первый план борьбу за изгнание гитлеровских оккупантов из страны, компартия согласилась участвовать в правительстве Санатеску. Но она не отказалась от борьбы во главе демократических сил за создание политического правительства из представителей всех антигитлеровских сил (в отличие от правительства специалистов, каковым реакция представляла правительство Санатеску) [143].

Новое правительство выступило с декларацией, в которой оно излагало свою программу. «Ныне диктатура устранена. Народ вступает в свои права. Политический режим, который мы создадим, будет демократическим режимом, при котором будут гарантированы и соблюдены гражданские права и свободы». Своей первоочередной задачей правительство считало выход Румынии из войны на стороне государств «оси» и прекращение военных действий против Советского Союза. «Отныне, — говорилось в декларации, —Румыния рассматривает Объединенные Нации как дружественные нации. Заявления правительств Москвы, Лондона и Вашингтона о несправедливости, совершенной в отношении Румынии венским диктатом, открывают возможности для того, чтобы румынские войска вместе с союзными войсками освободили Северную Трансильванию от иностранной оккупации». Декларация подчеркивала, что вся страна желает поло-

[143] См. «Lupta de clasă», N 8, 1964, pp. 24—25.

жить конец разрушительной войне, проигранной с самого начала. «Вся страна хочет мира... Любая попытка воспрепятствовать осуществлению стремления румынского народа к миру и свободе вызовет беспощадную борьбу со стороны вооруженных сил и народа против тех, кто попытается удержать нашу страну в войне с Объединенными Нациями, продолжая таким путем напрасные жертвы»[144].

Реакционное большинство правительства Санатеску вкупе с королем и лидерами буржуазно-помещичьих партий стремилось свергнуть начавшееся арестом правительства Антонеску антифашистское восстание, не допустить борьбы масс против гитлеровских захватчиков, к которой призывала Коммунистическая партия. Румынская реакция, предавая интересы страны и ставя под угрозу успех антифашистского восстания, не хотела вооруженных действий против немецких войск: она надеялась уговорить гитлеровцев добровольно вывести германские войска из Румынии.

Вечером 23 августа румынский король принял германского посланника Киллингера, а затем немецких генералов Ганзена и Герштенберга, которым было сообщено о выходе Румынии из «оси» и прекращении войны против СССР. Выразив при этом сожаление, Михай просил убедить Гитлера согласиться на вывод немецких войск с румынской территории, чтобы, как он выразился, «не омрачать боевого союза двух армий, выдержавшего самые тяжелые испытания»[145]. Румынский король заявил, что «против немцев он не хочет вести войну», что германские войска могут беспрепятственно уйти из Румынии, не встретив никаких помех со стороны румынского правительства.

Аналогичное заявление сделал Киллингеру начальник румынского генерального штаба генерал Михаил, подчеркнувший, что «вопрос о борьбе с немецкой армией не подлежит рассмотрению. Возможные в этом смысле условия со стороны русских не будут приняты»[146]. Как свидетельствует Крецяну, сразу же после сформирования нового правительства в Каир были посланы новые инструкции румынским делегатам Штирбею и Вишояну, кото-

---

[144] «Timpul», 25 aug. 1944, N 2619.
[145] A. Hillgruber, op. cit., p. 217.
[146] «Ясско-Кишиневские Канны», стр. 194.

рые должны были информировать союзников о том, что румынское правительство требует от германской армии покинуть страну в течение 15 дней и лишь в случае отказа гитлеровцев начнет борьбу против них [147].

Стремясь спасти германские войска на территории Румынии от полного разгрома, начальник румынского генерального штаба генерал Михаил сообщил в штаб группы армий «Южная Украина», что командование румынских вооруженных сил обеспечивает свободный выход немецких частей с румынской территории. А на следующий день, 24 августа, генштаб направил в румынские соединения приказ за номером 678563, требовавший всячески избегать вооруженных столкновений с германскими войсками [148].

Однако попытка румынской реакции достичь полюбовного сговора с гитлеровцами и помешать борьбе масс против немецко-фашистских оккупантов была сорвана.

Несмотря на то, что Ганзен и Герштенберг дали румынскому королю «честное слово» не предпринимать никаких враждебных шагов против нового румынского режима, они сразу же по выходе из королевского дворца приступили к перегруппировке и сбору сил для подавления восстания в Бухаресте. По прибытии в пригород Бэняса, где находились в то время главные силы немцев, германские генералы арестовали сопровождавших их румынских офицеров. Получив известие о событиях в Румынии, взбешенный Гитлер отдал приказ «о ликвидации путча, об аресте короля и придворной знати и об образовании нового правительства во главе с генералом, дружественно относящимся к Германии» [149]. И хотя Фриснер докладывал о недостаточности собственно германских сил для захвата Бухареста, а Ганзен сообщал, что вся румынская армия на стороне восставших и что нет ни одного высшего румынского офицера, который согласился бы сформировать прогерманское правительство, из Берлина последовал ответ, что приказ фюрера остается в силе. Для подавления восстания в Румынию должны были отправиться немецкие войска, стоявшие в Югославии в районе Ниша и Белграда. Соответствующий при-

---

[147] См. A. Cretzianu, op. cit., p. 151.
[148] См. Arhiva MFA, dos. 457/62, ff. 11—12.
[149] H. Frissner, op. cit., p. 87.

каз был послан командующему немецкими войсками в юго-восточном секторе Европы генералу Вайсу.

Выполнить приказ Гитлера о ликвидации «путча» практически не имелось возможности, ибо основные силы германских войск находились в группе армий «Южная Украина» и уничтожались в ходе могучего советского наступления. Румынская армия, расположенная внутри страны, за пределами фронтовой зоны, насчитывала более 385 тыс. человек [150]. И хотя значительную часть ее составляли новобранцы (генштаб под различными предлогами отказывался от выполнения распоряжения Антонеску и германского командования о посылке 29 дивизий новобранцев) [151], румынская армия внутри страны намного превосходила германские войска, насчитывавшие около 60 тыс. человек. Правда, гитлеровцы имели перевес сил в Бухаресте, его окрестностях и в районе Плоешти, но туда уже направлялись румынские части из других мест.

По поручению Фриснера генерал Герштенберг приступил к выполнению приказа о подавлении восстания и к созданию нового прогитлеровского правительства в Бухаресте. В его распоряжении были 5-я зенитная дивизия, находившаяся в районе Плоешти, пехотный полк, несколько тыловых частей и учреждений, рота танков и около 20 штурмовых орудий [152]. С этими силами, объединенными в группу генерала Штагеля и насчитывавшую примерно 6 тыс. солдат и офицеров, Герштенберг двинулся в восьмом часу утра на Бухарест. В это же время германские самолеты начали варварскую бомбардировку румынской столицы, продолжавшуюся два дня. Ослепленные ненавистью к восставшему румынскому народу, гитлеровцы бомбили резиденцию правительства, жилые кварталы и др. Они не пощадили культурных и исторических ценностей, разрушили здание Национального театра, повредили замечательный концертный зал «Атенеум ромын». Целью этих бомбардировок было запугать патриотические силы, заставить их капитулировать.

В этих условиях королю и реакционному большинству правительства Санатеску ничего не оставалось, как

---

[150] Arhiva MFA, dos. 732/7, ff. 19—20.
[151] Ibid., dos. 12, vol. 1, f. 324.
[152] «Ясско-Кишиневские Канны», стр. 197.

пойти по пути, на который звала Коммунистическая партия Румынии, по пути вооруженной борьбы против немецко-фашистских оккупантов. Генеральный штаб направил военному командованию столицы распоряжение, в котором подчеркивалось, что в связи с действиями немцев румынские войска должны занять «активно нападающую позицию, разоружая врага и подавляя его сопротивление» [153]. Но военное командование Бухареста, получив сообщение о готовящемся нападении немцев со стороны Бэняса, уже само отдало приказ частям гарнизона на заре 24 августа приступить к атаке на германские объекты. В 4 час. 30 мин. румынские подразделения и боевые патриотические отряды повели наступление на германские позиции в Бухаресте. Так возобновились действия против гитлеровцев, которые были временно приостановлены телефонным распоряжением Санатеску вечером 23 августа в связи с договоренностью, достигнутой румынской реакцией с гитлеровскими генералами Ганзеном и Герштенбергом [154].

Что касается румынской армии в целом, то после провозглашения королевской декларации о выходе Румынии из «оси» и прекращения войны против СССР она получила оперативную директиву румынского генерального штаба от 23 августа 1944 г., в которой перед ней ставились новые задачи. «Румынская армия, — говорилось в этой директиве, — прекращает борьбу на стороне германских войск, чтобы получить мир от Объединенных Наций и возобновить борьбу на стороне вооруженных сил союзников за освобождение Северной Трансильвании». Румынским войскам на фронте предлагалось немедленно прекратить военные действия против Советской Армии; они должны были перегруппироваться для последующих операций по освобождению территории Северного Ардяла. Перед армией ставилась задача освобождения национальной территории от германских войск, обороны румынских границ, воспрепятствования отходу немецких войск в глубь румынской территории [155].

Договоренность, достигнутая между королем и немецкими генералами Ганзеном и Герштенбергом, меняла

---

[153] Arhiva MFA, dos. 12, vol. 1, p. 51.
[154] Ibid., pp. 460—462.
[155] Ibid., dos. 732/1, ff. 60—65.

положение: румынский генеральный штаб приказал румынским соединениям не чинить препятствий ходу германских войск и избегать конфликтов с ними. Но начавшиеся в Бухаресте военные действия все же вынудили реакционный генералитет во главе с генералом Михаилом вступить на путь вооруженной борьбы с гитлеровскими войсками. В телеграмме, отправленной 25 августа 1944 г. начальником румынского генерального штаба, предлагалось 3-й армии собрать свои силы в районе Фокшаны, Котешть, Рымнику-Сэрат, Жойция, Амара, Питулешть и Нэмолоаса, а 4-й армии — в районе Латинул Ноу, Шутешть, Янку, Визиру, Гропень и Браила «с тем, чтобы затем как можно скорее перейти к разоружению или изгнанию немецких войск с территории страны». Армии должны были немедленно начать марш в сторону Бухареста и Плоешти. Войскам приказывалось как можно быстрее занимать или разрушать германские аэродромы и склады, прерывать передвижение немцев и т. п. В телеграмме подчеркивалось: «Разоружение и изгнание немцев начать без промедления и как можно энергичнее» [156].

В то же время генерал Михаил предпринял шаги для облегчения положения германских войск на фронте, сохранив им важную линию коммуникаций. В тот же самый день, 25 августа, за его подписью была отправлена телеграмма командованию 5-го территориального корпуса, составленная в следующих выражениях: «В связи с агрессией германских войск против столицы приказываю отныне выполнять следующее: воспрепятствовать любому передвижению германских автомашин и колонн по нашим шоссе, за исключением шоссе Бузэу, Нехой, Инторсэтура, Бузэулуй» [157]. Грозное начало телеграммы, за которым, казалось бы, должен был последовать приказ о возмездии, никак не увязан с ее концом, предлагающим оказать фактическое содействие немецким войскам, занятым борьбой против наступающих советских войск. Возможно, что этим шагом румынская реакция преследовала цель не столько спасения отступающих германских войск, сколько цель не мешать переброске новых немецких частей на фронт, надеясь таким образом замедлить

---

156 Ibid., dos. 457/463, f. 30.
157 Arhiva MFA, dos. 457/463, f. 31.

стремительное наступление советских войск, не допустить Советскую Армию в центральные и западные области Румынии.

Маневры румынской реакции были сорваны народными массами, которые с первых же дней антифашистского восстания включились в активную борьбу против гитлеровских войск, угрожавших победе восстания. Во фронтовой полосе румынские части вместе с советскими армиями повели бои против немцев. 26 августа боевое крещение на антигитлеровском фронте приняли 1-я кавалерийская дивизия, а в последующие дни — 2, 5, 18 и 21-я пехотные дивизии и др. [158]

С самого начала вооруженного восстания компартия стремилась придать ему наступательный характер, чтобы враг не имел передышки и не смог оправиться от полученных ударов. В первом легальном номере газеты «Ромыния либера», вышедшем утром 24 августа 1944 г., было опубликовано заявление Коммунистической партии Румынии, в котором указывалось: «В неизбежном столкновении с гитлеровскими силами Коммунистическая партия Румынии призывает рабочих, крестьян, интеллигенцию и всех граждан Румынии к беспощадной борьбе, используя любое имеющееся оружие, против смертельного врага румынского народа, для обеспечения своего будущего» [159]. В обращении «Ко всем трудящимся города и деревни! Ко всему румынскому народу!», напечатанном в том же номере газеты «Ромыния либера», ЦК КПР звал на активную борьбу совместно с союзниками, против германских фашистов. «В нашей освободительной борьбе мы опираемся на активную поддержку союзных держав, в первую очередь на помощь Союза Советских Социалистических Республик и его героической Красной Армии, которая преследует и громит на нашей земле орды немецких захватчиков... Румынский народ! Румынская армия! На решительную борьбу за спасение и освобождение страны!».

24 августа в Бухаресте на многих предприятиях и на улицах состоялись митинги, на которых коммунисты разъясняли смысл происшедших событий и задачи текущего момента. На некоторых предприятиях столицы, в

---

[158] «Scinteia», 19 aug. 1964.
[159] «Rominia liberă», 24 aug. 1944.

частности на заводах «Леметр», «Маласа» и «Вулкан», в бухарестском трамвайном обществе «СТБ», сотни рабочих потребовали оружие, чтобы бороться против гитлеровцев.

В связи с бомбардировкой Бухареста гитлеровцами и их действиями, преследовавшими подавление антифашистского восстания, командование боевых патриотических отрядов обратилось ко всем жителям столицы, к румынским патриотам. В его обращении, опубликованном в специальном издании газеты «Ромыния либера», сообщалось, что «на предложение покинуть страну немцы ответили открытием огня. Три года с помощью предателя Антонеску они грабили нашу страну, заставляли нас проливать кровь за их интересы установления мирового господства. Теперь же они зверски бомбят столицу, чтобы захватить ее и устроить кровавое побоище». Подчеркивая опасность, нависшую над Бухарестом, командование боевых патриотических отрядов призывало без промедления включаться в борьбу с гитлеровскими палачами. Оно выражало твердую уверенность в торжестве правого дела борьбы против фашизма. «Освободительная Советская Армия приближается! Немцы будут разбиты! Да здравствует свободная и независимая Румыния! Да здравствует борьба румынского народа! Смерть германским захватчикам!»[160]. В другой листовке патриоты призывались взяться за оружие: «Наша жизнь в опасности! Все к оружию!».

По призыву руководящего штаба боевых патриотических отрядов большое число трудящихся столицы и ее окрестностей приняли участие наряду с воинскими частями в операции по очистке Бухареста от германских войск, по их разоружению. В районе Бэняса вместе с военными подразделениями сражались против гитлеровцев отряды вооруженных рабочих из бухарестских трамвайных мастерских и других предприятий.

В течение 24 августа в столице были заняты многие объекты, оборонявшиеся немцами, захвачено и разоружено большое число гитлеровцев. Начиная с 25 августа в Бухарест стали прибывать румынские войска из других частей страны, в результате чего соотношение сил стало резко изменяться в пользу восставших. К концу боевых

---

[160] «Documente din istoria partidului comunist din Rominia», p. 393.

действий численность наземных частей и авиационных подразделений румынской армии, принимавших участие в освобождении столицы, составила более 37 тыс. человек. Кроме того, в этих боях участвовали более 2 тыс. человек из боевых патриотических отрядов [161].

В ходе боев 24—26 августа в Бухаресте были ликвидированы все очаги гитлеровского сопротивления, а немецкие войска, пытавшиеся проникнуть в город извне, были задержаны. В последующие два дня были уничтожены гитлеровские силы в пригородах Бухареста.

Победа вооруженного восстания в Бухаресте, имевшая огромное значение, была достигнута революционными силами румынского народа — румынской армией, выступившей против фашизма, и боевыми патриотическими отрядами, поддержанными массами рабочих и крестьян окрестных деревень. Достижению этой победы способствовало наступление войск 2-го Украинского фронта, заставлявшее гитлеровцев все внимание уделять организации обороны против Красной Армии. Стремительное продвижение советских войск, шедших на помощь восставшему румынскому народу, заставило германское командование прекратить бомбардировки румынской столицы: ему пришлось спешно перебазировать свой 4-й воздушный флот в связи с потерей аэродромов и острой нехваткой горючего.

Почти одновременно с военными действиями в Бухаресте развернулась вооруженная борьба и в других частях страны. В Турну-Северин завязался бой с полуторатысячным отрядом немецко-фашистских войск, переправившимся через Дунай из Югославии. По призыву коммунистов сотни рабочих взяли оружие в казармах и вместе с солдатами 95-го пехотного полка мужественно обороняли город, преграждая отход гитлеровцев. После того как суда румынской флотилии отрезали отступление немцев обратно в Югославию, этот отряд прекратил сопротивление и сдался. Более 10 тыс. солдат и офицеров германской армии было обезоружено в Добрудже. В Брашове гитлеровские войска получили отпор со стороны румынских частей и рабочих, которые использовали находившиеся на заводском дворе отремонтированные пушки для обстрела вражеских позиций. Бои против гитлеровцев

---

[161] «Scinteia», 14 aug. 1964.

велись в промышленном районе Баната, в Араде, в Алба-Юлия и др.

Большой размах приняли действия румынских воинских частей и боевых патриотических отрядов в нефтепромысловом районе Валя Праховей, в особенности в районе Плоешти, имевшем большое экономическое и стратегическое значение. Здесь гитлеровцы располагали значительными силами, втрое превосходившими численность румынских войск. Однако их попытка занять город натолкнулась на решительное сопротивление частей румынской армии и вооруженных рабочих-нефтяников. В боях в долине Праховы рабочие являлись одной из наиболее активных сил. Вооружившись, они изгоняли гитлеровскую охрану с промыслов и нефтеочистительных заводов и устанавливали рабочую охрану. В течение пяти дней рабочие нефтеперегонных заводов «Вега», «Ромыно-американа», «Астра» и «Стяуа ромына» обороняли предприятия, не позволяя гитлеровцам подорвать их.

Будучи не в силах взять Плоешти, германские части окружили его со всех сторон. Подошедшие 29 августа 5-й танковый корпус и 3-я воздушно-десантная дивизия Красной Армии вместе с 18-й румынской пехотной дивизией ликвидировали кольцо окружения вокруг Плоешти и 31 августа уничтожили последние сопротивлявшиеся немецкие подразделения.

Руководящая роль рабочего класса и его революционной партии в подготовке и проведении вооруженного антифашистского восстания, твердость и решительность, проявленные в борьбе воинскими частями и боевыми патриотическими отрядами, широкая поддержка, оказанная им народными массами, обеспечили победу восстания. В условиях, когда советские войска окружили и уничтожили основные силы немецко-фашистской группировки «Южная Украина» на фронте, восставшая румынская армия и патриотические силы нанесли поражение гитлеровским войскам внутри Румынии... За период 24—31 августа румынскими подразделениями и боевыми патриотическими отрядами было обезоружено и взято в плен 56 455 человек, в том числе 14 генералов и более 1200 офицеров; немцы потеряли убитыми более 5 тыс. человек [162].

Чем успешнее развивалось вооруженное восстание,

---

[162] «Lupta de clasă», 1964, N 8, p. 36.

вовлекая в борьбу широкие народные массы, тем активнее действовали король и его сторонники, стремившиеся не допустить участия Румынии в антигитлеровской войне. Вынужденно пойдя 24 августа на объявление войны фашистской Германии в связи с ее агрессивными действиями против Румынии, реакционное большинство правительства Санатеску стремилось затруднить выполнение Красной Армией задачи разгрома немецко-фашистских войск в Румынии. С его согласия гитлеровским войскам была сохранена возможность беспрепятственного передвижения на важной шоссейной магистрали, ведущей через Карпаты на запад. 24 августа начальник румынского генерального штаба приказал соединениям 3-й и 4-й армий отойти на линию Фокшаны — Нэмолоаса — Браила — устье Дуная, «оказывая сопротивление всяческим попыткам разоружения». На следующий день румынское командование распорядилось не мешать свободному уходу немецких военных кораблей из Констанцы. 26 августа в уезды, куда вскоре должны были прийти советские войска, из Бухареста было направлено распоряжение эвакуировать всех допризывников «с максимальной быстротой.., чтобы не быть упрежденными русскими» [163].

Румынская реакция была бы не прочь официально заключить соглашение с германским командованием, и лишь позиция Советского Союза заставляла их воздерживаться от этого предательского шага. На втором заседании нового правительства 27 августа министр иностранных дел Никулеску-Бузешть, сообщая о готовности немцев заключить перемирие с румынами и обеспечить себе свободный уход из Румынии, с горечью констатировал: «Если румынское правительство заключит перемирие с германскими войсками, то Советское правительство будет продолжать разоружать румынские войска» [164].

Правительство Санатеску предпринимало неоднократные попытки добиться от советского командования приказа остановить наступающие части Красной Армии на линии Карпаты — Дунай, с тем чтобы дальше на юг не наступать. На заседании правительства 27 августа

---

[163] ИМЛ. Документы и материалы отдела Великой Отечественной войны, инв. 13632, л. 101; инв. 11635, л. 192; «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 4, стр. 279.

[164] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8464, f. 11.

Ю. Маниу выступил с требованием о выделении Бухареста с его округом и западных уездов в специальную зону, куда не должны вступать советские войска. 28 и 29 августа представители правительства Санатеску официально обратились к командующему 6-й танковой армии, наступавшей в полосе 2-го Украинского фронта, и командующему 46-й армией, ведшей наступление на участке 3-го Украинского фронта, с просьбой прекратить наступление по румынской территории. Добиваясь этого, генерал Санатеску обещал командующему 6-й танковой армии, что «ликвидацию немецких войск на территории, не занятой Красной Армией, румынское правительство берет на себя» [165].

С этим предложением никак нельзя было согласиться. Оно означало предоставление гитлеровскому командованию возможности спокойно отвести свои войска в Карпаты для продолжения борьбы, а также не пустить Красную Армию в глубь Румынии и на Балканы, помешать ей выполнить освободительную миссию в Юго-Восточной Европе. Преследуя эту цель, румынские реакционеры предпринимали настойчивые попытки пригласить в Румынию англо-американские войска, которые явились бы гарантией сохранения буржуазно-помещичьего строя, опорой эксплуататорских классов в борьбе с революционными силами румынского народа.

Сразу же после свержения Антонеску король Михай через освобожденного из заключения английского разведчика Шателена обратился к союзному англо-американскому командованию в Каире с просьбой направить в Бухарест три авиадесантные бригады. Вопрос о приглашении англо-американских войск неоднократно всплывал на заседаниях правительства Санатеску в последних числах августа. На одном из этих заседаний генерал Потопяну предлагал под предлогом обеспечения безопасности румынской столицы с воздуха пригласить военно-воздушные силы союзников. Министр иностранных дел Никулеску-Бузешть в этой связи информировал кабинет, что уже направил эту просьбу по нескольким каналам и повторит ее [166].

---

[165] Архив МО СССР, ф. 240, оп. 16362, л. 26, л. 103; ф. 243, оп. 17963, д. 14, л. 570; «Ясско-Кишиневские Канны», стр. 195.

[166] См. Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8467, ff. 62—63.

Чем быстрее двигались советские войска, преследовавшие и громившие фашистскую нечисть на румынской территории, чем ближе они подходили к Бухаресту, тем лихорадочнее становилась деятельность румынских буржуазно-помещичьих кругов, направленная на то, чтобы в страну прибыли англо-американские оккупационные войска, которые должны были «оттереть» Советскую Армию, «уравновесить» соотношение политических сил в Румынии. Румынская реакция буквально умоляла англо-американские круги прислать хотя бы символические вооруженные силы, сделать хотя бы жест, который можно было расценить как поддержку ее этими кругами. Выдавая желаемое за действительное, буржуазная румынская газета «Курентул ноу» писала в те дни о том, что в скором времени прибудут англо-американские воздушные части (якобы «для обеспечения зоны безопасности над Бухарестом и нефтепромысловым районом») и что неподалеку от румынской столицы уже приготовлен первый аэродром для приема 500 самолетов [167].

Надежды короля и эксплуататорских классов на оккупацию Румынии войсками США и Англии являлись несбыточными; высадить англо-американский воздушный десант в Бухаресте без согласия командования советских войск, разгромивших основные силы гитлеровцев на румынской территории и стремительно приближавшихся к румынской столице, было немыслимо. Единственное, на что решились англо-американские военные круги,— это послать 38 «летающих крепостей», чтобы забрать из Бухареста военнопленных англичан и американцев. Реакционеры из правительства Санатеску попытались использовать в своих целях даже этот молниеносный визит. По предложению румынского премьера была составлена якобы от имени американцев листовка, в которую Санатеску внес такие слова: «Мы, американцы, позаботимся о вас!» [168]. Эти слова имели целью ободрить румынскую реакцию, поощрить ее на борьбу против демократических, революционных сил.

Учитывая то, что румынская реакция стремилась беспрепятственно пропустить разгромленные немецко-фашистские войска на запад, а также вела закулисные пере-

---

[167] См. «Curentul-Nou», 31 aug. 1944.
[168] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8467, ff. 10—11.

говоры о высадке в Бухаресте англо-американских воздушно-десантных войск, Военный совет 2-го Украинского фронта отверг предложение Санатеску, сделанное командующему 6-й танковой армии, и доложил об этом в Ставку Главного Верховного Командования [169]. Советским войскам был дан приказ продолжать наступление по румынской территории. Вступление советских войск в Бухарест, в южные и западные районы страны закрепило победу вооруженного антифашистского восстания в Румынии.

Победа антифашистского вооруженного восстания была достигнута благодаря усилиям Коммунистической партии Румынии, настойчиво и последовательно проводившей политику объединения всех национальных сил для свержения фашистской диктатуры и прекращения антисоветской войны. Компартия явилась организатором и руководителем этого победоносного восстания. Не выдерживают никакой критики утверждения буржуазных авторов, что «исторические партии» во главе с Маниу и Братиану были главными действующими лицами в событиях 23 августа. Как показывают факты, выступление патриотических сил, свержение ими фашистского правительства Антонеску и начало борьбы против гитлеровских войск оказались полнейшей неожиданностью. Эти события развернулись без их участия, что признал, между прочим, сам Ю. Маниу: «Я ничего не знал, что произошло ночью 23 августа. Мне ничего не было известно об этих событиях до утра следующего дня, когда ко мне пришел Аурел Леукутья и рассказал обо всем» [170].

Точно так же несостоятельна версия буржуазной историографии о якобы решающей роли короля в событиях 23 августа 1944 г. Американская пресса, сенсационно преподнося эти события, давала такие заголовки: «Единоличный переворот. Молодой король Михай отдал приказ об аресте клики Антонеску и повороте страны». В действительности монархия была лишь незначительной частью тех сил, которые компартия включила в выполнение разработанного ею плана вооруженного восстания. Участие короля в вооруженном восстании 23 августа 1944 г. было вынужденным актом, продиктованным, как призна-

---

[169] См. «Ясско-Кишиневские Канны», стр. 195.
[170] «Procesul marii trădări naţionale», p. 13.

ют западные авторы, «боязнью революции, которая смела бы прочь его династию» [171]. Сыграв позитивную роль в аресте Антонеску, король Михай направил все свои усилия на то, чтобы воспрепятствовать развертыванию вооруженной борьбы румынского народа и его армии против гитлеровцев в стране. Монархия и правительство Санатеску стремились помешать развитию антифашистского восстания, остановить его на полпути. Однако они оказались бессильными решительно повлиять на ход событий. Компартия сорвала попытки реакции войти в сговор с немецко-фашистскими войсками. Подняв массы на борьбу с ними, она довела антифашистское восстание до победного конца.

Восстание 23 августа 1944 г. имеет большое историческое значение. Оно явилось началом народной революции, в ходе которой трудящиеся массы под руководством Коммунистической партии свергли буржуазно-помещичье господство и направили страну по пути социализма.

Непосредственными результатами этого восстания были свержение военно-фашистской диктатуры, выход Румынии из гитлеровского блока и присоединение к антигитлеровской коалиции. Вооруженное восстание сорвало планы германского командования и клики Антонеску, которые хотели продолжить войну на румынской территории. Победа восстания спасла страну от национальной катастрофы, уберегла румынский народ от многих бессмысленных жертв. События 23 августа облегчили и ускорили наступательное продвижение Красной Армии по румынской территории, способствовали выполнению ее освободительной миссии на Балканах. 23 августа гитлеровская Германия лишилась своего самого крупного европейского союзника. С победой антифашистского восстания Румыния включилась в активную борьбу против немецко-фашистских захватчиков, что ухудшило и без того тяжелое военное, политическое и экономическое положение фашистского рейха. Германские генералы Кейтель и Гудериан в докладе на имя Гитлера писали, что события 23 августа в Румынии «наряду с немедленными последствиями военного порядка привели к опасному изменению фронтов, в результате чего будет утрачена не только территория Румынии, но также Болгарии, Югославии

[171] J. Steel, The Future of Europe, N. Y., 1946, p. 70.

и Греции, ставя в опасность германскую армию на Балканах». Разгневанные до предела, германские военачальники требовали в этой связи жестоко отомстить Румынии, «принять все меры к тому, чтобы Румыния исчезла с карты Европы, а румынский народ перестал существовать как нация» [172].

Глава 6

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ С РУМЫНИЕЙ

Одной из первоочередных задач нового румынского правительства было заключение перемирия, которое подвело бы черту под периодом, когда Румыния являлась союзницей фашистской Германии, и определило бы ее положение в антигитлеровской коалиции. Соглашение о перемирии должно было отразить те перемены, которые произошли в связи с победой вооруженного восстания в Румынии,— ее выход из фашистского блока и переход на сторону Объединенных Наций для ведения вооруженной борьбы против гитлеровской Германии и хортистской Венгрии. В этом документе должны были быть зафиксированы условия, на которых прекращалось состояние войны с Румынией и она становилась участником войны на стороне антигитлеровской коалиции.

В этом важном для страны вопросе реакционное большинство правительства Санатеску с самого начала повело линию, чуждую и вредную национальным интересам Румынии, линию, продиктованную корыстными целями эксплуататорских классов. Во-первых, румынская реакция пыталась воспрепятствовать участию страны в войне против немецко-фашистских оккупантов. Рассматривая Штирбея и Вишояну в качестве своих уполномоченных для ведения в Каире переговоров о заключении перемирия, правительство Санатеску 23 августа предложило им информировать союзников о том, что Румыния не будет

[172] «Analele», 1964, N 4, p. 32.

вести борьбы против немецких войск, если они согласятся покинуть страну в течение 15-дневного срока [173]. Во-вторых, главное усилие в период до момента подписания перемирия монархия и буржуазно-помещичьи круги направляли на то, чтобы добиться участия англо-американских империалистов в оккупации Румынии. По этой причине правительство Санатеску телеграммой от 23 августа предлагало своим делегатам в Каире «как можно скорее» заключить перемирие [174], полагая, что в этом случае советские войска не смогут занять всей территории Румынии и что англо-американцы будут иметь время и возможность послать свои войска в румынскую столицу и другие города страны. 24 августа Штирбей и Вишояну получают указание добиваться включения в советские условия перемирия от 12 апреля 1944 г. пункта о том, что румынскому правительству будет сохранена «свободная зона», куда советские войска не будут иметь доступа. Настойчивые попытки румынских реакционеров не допустить вступления советских войск в Бухарест и пригласить англо-американские войска к участию в военной оккупации страны объясняются тем, что контрреволюционные силы хотели иметь возможность опереться на войска империалистов, чтобы подавить борьбу трудящихся за социальное освобождение, сохранить прогнивший буржуазно-помещичий строй.

В связи с тем, что в период переговоров в Каире румынские представители не проявили желания заключить перемирия на выдвинутых союзниками условиях и что с разгромом немецко-фашистских войск в Румынии Красной Армией создались условия для скорейшего заключения этого перемирия, румынскому правительству было предложено послать свою делегацию для переговоров в Москву. 27 августа Советское правительство опубликовало справку об условиях перемирия с Румынией, которые были предложены еще в апреле 1944 года. Ведя дело к затягиванию переговоров и, возможно, их срыву, лидеры национал-царанистской и национал-либеральной партий выступали с заявлениями, в которых намекали на якобы несправедливый характер и чрезвычайную обременительность некоторых пунктов предложенного перемирия [175].

---

[173] A. Cretzianu, op. cit., p. 150.

[174] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8464, f. 13.

[175] См. «Dreptatea», 9 sept. 1944; «Viata», 3 sept. 1944.

В конце августа румынская правительственная делегация прибыла в Москву для ведения переговоров и подписания перемирия.

Монархия и буржуазно-помещичьи круги, исходя из своих корыстных классовых интересов, хотели и на переговорах в Москве добиваться тех же целей, которые преследовались ими в ходе каирских переговоров. Газета «Курентул ноу», сообщая об отъезде румынской делегации в Москву, писала, что среди румынских предложений фигурирует требование о «нейтральной зоне», в которую не должны вступать советские войска. Румынская реакция надеялась, что в этом и других вопросах она будет поддержана английскими и американскими правящими кругами. Та же «Курентул ноу» многозначительно писала, что представители Англии и США «скажут свое слово во время переговоров» в Москве [176].

Однако расчеты румынских реакционеров с помощью английских и американских империалистических кругов добиться наилучших для себя условий перемирия не оправдались. Англо-американские правящие круги, на общности интересов с которыми основывались эти расчеты, были не в состоянии оказать решающее влияние на исход переговоров. Перемирие с Румынией, как подчеркнула «Правда» в передовой статье от 14 сентября 1944 г., являлось «плодом замечательных побед Красной Армии». Естественно, что это определило его характер и содержание.

12 сентября Советский Союз от имени союзников — СССР, Англии и США — подписал соглашение о перемирии с Румынией, основные положения которого исходили из необходимости решения важнейших задач, стоявших в то время перед свободолюбивыми народами всего мира, — достижения скорой и полной победы над фашизмом и демократизации политической жизни стран, находившихся под гитлеровским господством.

Статья 1 соглашения о перемирии подчеркивала, что Румыния с 4 часов утра 24 августа 1944 г. полностью прекратила военные действия против Советского Союза на всех участках фронта, вышла из войны против Объединенных Наций, порвала отношения с Германией и ее сателлитами, вступила в войну на стороне союзных дер-

[176] См. «Curentul Nou», 30 aug. 1944, 4 sept. 1944.

жав и будет вести ее против Германии и Венгрии, чтобы восстановить свою независимость и суверенитет, выставив для этой цели не менее 12 пехотных дивизий. Военные действия румынских вооруженных сил, включая военно-морской и воздушный флот, против Германии и Венгрии будут вестись под общим руководством союзного (советского) Главнокомандования. В ст. 2 указывалось, что на правительство и командование румынской армии возлагается обязанность принять меры к разоружению и интернированию войск Германии и Венгрии, находящихся на румынской территории, а также к интернированию граждан названных стран [177]. Румыния обязывалась также обеспечить союзным (советским) войскам возможность беспрепятственного передвижения по румынской территории и оказывать этому передвижению всемерное содействие.

Соглашение о перемирии содержало обязательство Румынии о немедленной передаче всех находящихся в ее власти советских и союзных военнопленных и интернированных лиц. Румыния обязана была передать в распоряжение союзного (советского) Главного командования в качестве трофеев все находящееся на ее территории военное имущество вражеских государств.

Статья 4 соглашения о перемирии восстановила государственную границу между СССР и Румынией, установленную советско-румынским соглашением от 28 июня 1940 г. Английские и американские правящие круги, объявляя «венский арбитраж» несуществующим, в то же время были против возвращения Северной Трансильвании Румынии. Империалистические круги США и Англии, верные своему принципу «разделяй и властвуй», выдвигали новые планы раздела Трансильвании между Румынией и Венгрией. В статье, посвященной трансильванской проблеме, английский журнал «Контемпорари ревью» предлагал раздел Трансильвании по «венскому образцу» или создание из Трансильвании «карликового государства» [178]. В этом вопросе англо-американские империалистические круги руководствовались теми же соображениями, что и фашистская Германия, которая

---

[177] См. «Известия», 14 сентября 1944.
[178] См. «Contemporary Review», jan. 1945, p. 16.

«венским арбитражем» подчинила себе Румынию и Венгрию и использовала их в качестве своих послушных орудий в антисоветской борьбе. Но и эти планы не удалось осуществить. Статья 19 соглашения о перемирии провозглашала утратившим силу «венский арбитраж», расчленявший Румынию, и возвращала ей Северную Трансильванию.

Соглашение о перемирии обращало особое внимание на необходимость демократизации политической жизни Румынии. Оно предусматривало немедленное освобождение всех лиц, находящихся в заключении в связи с их деятельностью в пользу Объединенных Наций или за их сочувствие делу Объединенных Наций, отмену дискриминационного расистского законодательства и вытекающих из него ограничений (ст. 6). «Румынское правительство,— гласила ст. 14 соглашения о перемирии, — обязуется немедленно распустить находящиеся на румынской территории все прогитлеровские (фашистского типа) политические, военные, военизированные, а также другие организации, ведущие враждебную Объединенным Нациям, в частности Советскому Союзу, пропаганду, и впредь не допускать существования такого рода организации» [179]. По ст. 14 соглашения о перемирии Румыния обязывалась принять меры к задержанию лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и к суду над ними.

Политические статьи соглашения о перемирии, совпадавшие с требованиями демократизации политической жизни страны, выдвигавшимися революционными силами румынского народа во главе с Коммунистической партией, благоприятствовали борьбе за установление подлинно демократического строя в Румынии. Эти статьи наносили удар по позициям румынской реакции, которая хотела опереться на недобитые фашистские элементы в своей борьбе против демократических и революционных сил. Оценивая значение перемирия, Г. Георгиу-Деж на собрании профсоюзов в Бухаресте 24 сентября 1944 г. сказал, что оно представляет собой помощь, оказанную румынскому народу Советским Союзом и его Красной Армией [180].

---

[179] «Известия», 14 августа 1944 г.

[180] См. Gh. Gheorghiu-Dej, O politică romînească de realizări democratice, Buc., 1946, p. 112.

Условия перемирия исходили из категорического признания независимости и суверенитета Румынии, сформулированного в ст. 1 соглашения о перемирии. Советское правительство еще раз продемонстрировало свою верность принципу уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела всех стран, в том числе и побежденных. Статья 17 предусматривала восстановление румынской гражданской администрации на всей территории Румынии, за исключением полосы, отстоящей от линии фронта на 50—100 *км* (в зависимости от условий местности). На румынские административные органы возлагалась обязанность выполнять инструкции и указания союзного (советского) Главнокомандования, «данные им в целях обеспечения выполнения настоящих условий перемирия».

В экономических статьях соглашения о перемирии ярко проявились великодушие Советского Союза и его бескорыстная забота об обеспечении экономического развития и независимости Румынии. «Убытки, причиненные Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советской территории,— говорилось в ст. 11,— будут возмещены Советскому Союзу, причем, принимая во внимание, что Румыния не просто вышла из войны, а объявила войну и ведет ее против Германии и Венгрии, стороны уславливаются о том, что возмещение указанных убытков будет произведено Румынией не полностью, а только частично, а именно: в сумме 300 млн. американских долларов с погашением в течение шести лет товарами (нефтепродукты, зерно, лесоматериалы, морские и речные суда, различное машинное оборудование и т. п.)» [181]. Если учесть, что ущерб, причиненный Советскому Союзу в результате военных действий Румынии, достиг, по румынским данным, 1,5 млрд. долл. [182], то установленный соглашением о перемирии размер репараций составлял лишь одну пятую убытков, понесенных СССР. Этот факт говорит сам за себя. То, что репарационные платежи должны были выплачиваться в товарной форме, а не в валюте — долларах и фунтах стерлингов, избавляло Румынию от необходимости за бесценок продавать свои товары за эту валюту, лишая империалисти-

[181] «Известия», 14 сентября 1944 г.

[182] «Independenţa, suveranitatea si integritatea RPR sunt garantate prin prietenia cu URSS», Buc., 1948, p. 12.

ческие круги США и Англии возможности финансового закабаления страны. Не случайно поэтому позднее, на Парижской мирной конференции в 1946 году, делегаты западных стран пытались ревизовать соглашение о перемирии, добиваясь выплаты Румынией репараций не товарными поставками, а твердой валютой. А еще раньше, в октябре 1944 года, американцы, возражая против включения в перемирие определенной суммы репараций, настаивали на том, чтобы условия перемирия были представлены на утверждение Европейской консультативной комиссии [183].

Условиями перемирия на Румынию возлагалось также обязательство в сроки, указанные Советским Главнокомандованием, возвратить Советскому Союзу в полной сохранности вывезенные с его территории во время войны все ценности, принадлежавшие государственным, общественным и кооперативным организациям, предприятиям, учреждениям или отдельным гражданам, как-то: оборудование фабрик и заводов, паровозы, железнодорожные вагоны, тракторы, автомашины, исторические памятники, музейные ценности и всякое другое имущество.

Для контроля за выполнением соглашения о перемирии учреждалась Союзная Контрольная Комиссия в составе представителей СССР, Англии и Соединенных Штатов Америки, которая работала под руководством и по указаниям Советского Главнокомандования, действовавшего от имени трех союзных держав. Румынское правительство и его органы были обязаны выполнять все указания этой комиссии, вытекавшие из соглашения о перемирии.

Выработанные Советским Союзом условия перемирия с Румынией были убедительным доказательством его великодушия и добрых намерений в отношении побежденной Румынии, что вынужденно признавали даже реакционные английские и американские круги. В своем выступлении в палате общин У. Черчилль, отметив, что соглашение о перемирии с Румынией «естественно носит отпечаток советских желаний», указал на умеренность советских условий [184]. Американский журнал «Тайм» пи-

---

[183] «The Memoirs of Cordell Hull», vol. 2, N. Y., 1948, p. 1461.
[184] См. «Times», 29 sept. 1944.

сал, что «мир считает условия перемирия великодушными» [185]. Мягкость советских условий перемирия отмечали и другие американские буржуазные газеты и журналы. «Румынский народ, — указывала английская газета «Йоркшир пост»,— не может жаловаться на тяжесть условий перемирия. В этих условиях нет никаких элементов мстительности» [186]. Действительно, выставляя свои условия перемирия, Советское правительство руководствовалось не чувством мстительности, а интересами мира и безопасности народов в послевоенный период, желанием создать благоприятные условия для развития советско-румынской дружбы.

Румынский народ оценил великодушные советские условия перемирия, которые, как отмечал Г. Георгиу-Деж, создали предпосылки будущего сотрудничества и вечной дружбы между румынским и советским народами [187]. Румынская газета «Семналул» писала в связи с заключением соглашения о перемирии: «Народ знает, что Советский Союз, несмотря на свою мощь, не потребовал от румынского народа никаких аннексий и ничем не оскорбил его. СССР уважает нашу территориальную целостность. Он требует от нас проявления доброй воли. Докажем ему нашу добрую волю с самого начала. Только таким путем мы можем создать новую атмосферу в наших отношениях с Советским Союзом. Разве нашему малому народу недостаточно одной только дружбы могучего русского народа для обеспечения нашей независимости и свободы? Дружба с ним означает жизнь и свободу. Враждебное отношение к нему является национальным самоубийством».

Коммунистическая партия Румынии призвала рабочих, крестьян, интеллигенцию и всех патриотов вести борьбу за точное и лояльное выполнение условий перемирия. «Румынский народ, — говорилось в воззвании ЦК КПР по случаю подписания соглашения о перемирии, — сможет освободить страну, сможет восстановить и развить национальную экономику, сможет жить свободно и счастливо в независимом, могучем и процветающем государстве, только проводя политику искрен-

[185] «Time» (N. Y.), Sept. 25, 1944, p. 27.
[186] Цит. по «Правда», 15 сентября 1944 г.
[187] См. Gh. Gheorghiu-Dej, O politică romînească de realizări democratice, p. 112.

ней и тесной дружбы с Советским Союзом»[188]. Пресса компартии писала о соглашении о перемирии как еще об одном подтверждении интернациональной политики Советского государства и его руководящей партии, оказывающих братскую помощь народам в их борьбе за независимость, за создание лучшей жизни для трудящихся, в борьбе против всякой эксплуатации и угнетения[189].

Поскольку соглашение о перемирии предусматривало радикальное оздоровление всей политической и экономической жизни Румынии, чистку ее государственного аппарата и армии от профашистских элементов, ликвидацию реакционного режима и установление подлинной демократии в стране, реакционные румынские круги, находившиеся у власти в период с 23 августа 1944 г. по 6 марта 1945 г., намеренно саботировали его выполнение.

---

[188] «Scinteia», 21 sept. 1944.

[189] См. «Rominia liberă», 20 sept. 1944.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

УСТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ В РУМЫНИИ

Глава 1

НАЧАЛО НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ОРГАНИЗАЦИЯ ЕЕ СИЛ

Победа вооруженного восстания 23 августа 1944 г. в сочетании с освободительной миссией, выполненной Советской Армией, нанесла решающий удар по эксплуататорским классам, создав условия для установления народной власти. Свержение военно-фашистской диктатуры и вооруженное выступление против гитлеровской Германии, участие в вооруженном восстании наряду с армией многих тысяч рабочих, крестьян и патриотически настроенных интеллигентов, перспектива завоевания демократических прав и свобод и свержения буржуазно-помещичьей власти вызвали глубокое брожение в массах народа, привели к мощному подъему освободительной борьбы. Победа вооруженного восстания и вступление на территорию Румынии Советской Армии — освободительницы расковали революционную энергию народных масс. Политический кризис буржуазно-помещичьего режима в Румынии после 23 августа 1944 г. еще более углубился. В стране развернулась народная революция, началом которой было вооруженное восстание 23 августа 1944 г.

Корни этой революции уходили в предшествующий исторический период: буржуазно-демократическая революция 1848 года не была доведена до конца, в результате чего в социально-экономической жизни страны сохранились феодальные пережитки. Еще в 1931 году на осно-

ве глубокого анализа внутреннего и международного положения V съезд КПР наметил ясную перспективу революционной борьбы в стране. Съезд констатировал, что Румыния является слабым звеном в цепи империализма, поскольку противоречия капиталистической системы в ней обостряются из-за экономической отсталости страны и переплетения новейших форм капиталистического производства (картели, тресты) с докапиталистическими формами в сельском хозяйстве. Отвергнув буржуазно-либеральную теорию «неокрепостничества» и сектантскую «левую» теорию о том, что Румыния стоит непосредственно перед пролетарской революцией, V съезд КПР подчеркнул, что Румыния находится накануне завершения буржуазно-демократической революции, которая должна свергнуть буржуазно-помещичью власть и установить революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. «Как объективные социально-экономические условия румынской революции и особенность ее движущих сил, так и международное положение... создают условия для быстрого перехода от завершения буржуазно-демократической революции к пролетарской, социалистической революции»[1],— указывалось в решении съезда. Исходя из целей революции, съезд определил, что гегемоном в ней может быть только пролетариат, опирающийся на беднейшее крестьянство, и основные массы середняков, заинтересованных в «революционном разрешении крестьянского вопроса».

За время, прошедшее после V съезда КПР, классовые противоречия, вызывавшие революцию и определявшие ее характер, не только не были устранены, а, напротив, усилились. Захватническая, империалистическая война румынских правителей против СССР ускорила наступление революции в Румынии. Ни королевская диктатура, ни военно-фашистский режим Антонеску не смогли подавить революционного движения народных масс.

Оценка V съездом характера надвигавшейся революции, движущих сил и этапов ее развития в своих главных моментах сохраняла свою силу и в новой обстановке, сложившейся после 23 августа 1944 г. Ликвидация помещичьего землевладения, остатков феодально-крепостнических отношений, этого величайшего тормоза всякой

---

[1] «Documente din istoria partidului comunist din Rominis», p. 126.

культуры и всякого прогресса, встала в качестве одной из главнейших первоочередных задач. В этой связи в корне неправильным, немарксистским является утверждение антипартийной фракционной группы А. Паукер — В. Лука о том, что в Румынии якобы имелась возможность непосредственного установления диктатуры пролетариата[2]. Эта возможность, по мнению фракционеров, была упущена в результате ошибки Коммунистической партии, выразившейся в организации вооруженного восстания 23 августа 1944 г. Было бы лучше, говорили они, если бы свержение военно-фашистской диктатуры Антонеску было произведено советскими войсками: это, мол, позволило бы избежать фазы сотрудничества с отдельными слоями буржуазии и осуществить прямой переход власти в руки рабочего класса[3].

Народная революция, развернувшаяся в Румынии после ее освобождения от фашистского господства, по своему классовому содержанию, по своим движущим силам и целям на первом этапе решала задачу завершения буржуазно-демократической революции. Но помимо ликвидации остатков феодализма народная революция на первом этапе должна была решать проблемы, возникшие в связи с периодом господства фашизма в стране. Ликвидация феодальных остатков тесно переплеталась с задачами борьбы против фашизма. Выраставшая непосредственно из антифашистской борьбы народных масс, эта революция развертывалась в условиях еще не закончившейся войны против гитлеризма и носила не только аграрный, антифеодальный, антиимпериалистический, но и антифашистский характер. В ходе борьбы за политическую власть народным массам, руководимым Коммунистической партией, приходилось решать задачи обеспечения максимального участия страны в заключительной фазе войны против гитлеризма, ликвидации остатков фашизма и восстановления разрушенного народного хозяйства. Таким образом, начавшаяся под руководством пролетариата и его последовательно революционной Коммунистической партии народная революция по своему содержанию оказалась шире той революции, которую пред-

---

[2] См. «Выступления в прениях участников Пленума ЦК РРП (30 ноября — 5 декабря 1961 г.)», Бухарест, 1962, стр. 11.

[3] Там же.

видел V съезд КПР. Это определило расстановку классовых сил, несколько отличную от той, которую наметил в 1931 году V съезд КПР, а также вызвало некоторое изменение тактики партии в революции.

Главной движущей силой народной революции выступал рабочий класс — самый передовой и последовательно революционный класс, боровшийся против буржуазно-помещичьего господства, за завоевание политической власти и улучшение условий труда и жизни народных масс, за активное участие Румынии в антигитлеровской войне. Он был гегемоном революции. Союзником пролетариата на первом этапе народной революции являлось крестьянство и мелкобуржуазные слои населения, заинтересованные в осуществлении радикальной аграрной реформы, в демократизации страны и ликвидации остатков фашизма. Коммунистической партии удалось также включить в революционный фронт ту часть буржуазии, которая желала уничтожения остатков фашизма в стране и устранения феодальных пережитков.

«Учитывая соотношение классовых сил, — указывалось в Отчетном докладе ЦК РРП на II съезде, — наша партия создала широкий демократический фронт, в который наряду с союзниками пролетариата на данном этапе — крестьянством и другими мелкобуржуазными слоями — входили также и косвенные резервы, как, например, группировка, представлявшая собой часть либеральной буржуазии. Использование этих резервов, вызванное необходимостью сосредоточить наступление против основных сил буржуазии и помещиков, не могло изменить характера народной власти, базирующейся на союзе рабочего класса и крестьянства» [4].

Хотя завершение буржуазно-демократической революции было главным содержанием первого этапа народной революции, Коммунистическая партия, борясь за установление народной власти — революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, не выдвинула лозунга ликвидации монархии, сохранившейся в стране со времен феодального господства. Компартия учитывала, что некоторые политические силы, согласные сотрудничать с ней в деле обеспечения активного участия в антигитлеровской войне, искоренения фашизма

---

[4] Г. Георгиу-Деж, Статьи и речи, т. 2, стр. 280—281.

внутри страны и проведения демократических реформ, придерживались монархических взглядов. Эта тактика способствовала расколу реакционных сил, обеспечивая концентрацию огня против буржуазно-помещичьих партий и остатков фашизма.

Основной удар на этом этапе революции наносился по «историческим партиям», в особенности национал-царанистской партии, которая все еще имела влияние среди крестьянства и пыталась выступать в роли борца за свободу и демократию. Разоблачая и изолируя эту «крестьянскую» партию, КПР вовлекала широкие массы крестьянства и мелкой буржуазии в союз под руководством рабочего класса.

Разгром Красной Армией основных сил фашизма и свержение военно-фашистской диктатуры, подорвав политические позиции эксплуататорских классов, создали исключительно благоприятные внутренние условия для развертывания народной революции в Румынии. В результате победы, одержанной Советским Союзом во второй мировой войне, соотношение сил на международной арене изменилось в пользу демократии и социализма. Таким образом, Советский Союз, сыгравший решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, обеспечил благоприятную обстановку для борьбы румынского и других европейских народов за свободу и независимость, предоставил им возможность самим решать свою судьбу.

Изменение в соотношении сил на международной арене и ослабление сил реакции внутри страны позволили Коммунистической партии Румынии взять курс на мирное развитие революции, добиваться свержения буржуазно-помещичьей власти и установления власти народа без нового вооруженного восстания и гражданской войны. «Революционные преобразования в Румынии после свержения фашистской диктатуры,—отмечает Г. Георгиу-Деж, — были проведены в основном без насилия, так как народные массы во главе с рабочим классом стали достаточно мощными, чтобы установить 6 марта 1945 г. народно-демократический строй и воспрепятствовать реакционным кругам осуществить угрозу развязывания гражданской войны»[5]. Большую роль в мирном развитии революции, в предотвращении гражданской войны сы-

[5] Г. Георгиу-Деж, Статьи и речи, т. 2, стр. 417.

грало присутствие в Румынии советских войск, ставших препятствием для вооруженного вмешательства империалистов во внутренние румынские дела.

В свое время В. И. Ленин предвидел возможность мирного завоевания власти пролетариатом и его союзниками, связывая это с ростом сил социализма на мировой арене. Пребывание Советской Армии на румынской территории, исключавшее возможность империалистической интервенции в поддержку румынской реакции и развязывание гражданской войны, явилось фактором, который убедил эксплуататорские классы Румынии в безнадежности вооруженного сопротивления безудержно возраставшим революционным силам румынского народа.

Коммунистическая партия Румынии правильно сориентировалась в новых исторических условиях борьбы за революционное преобразование общества, которых не мог предвидеть V съезд, в условиях, создавшихся в результате разгрома гитлеровских войск и войск фашистского правительства Антонеску доблестной Советской Армией, в результате освободительного наступления Советской Армии на румынской территории, а также в силу того, что революционное движение непосредственно вырастало из всенародной борьбы за освобождение от фашистского ига[6].

Сразу же после 23 августа 1944 г. перед революционными силами, руководимыми компартией, встала задача закрепления завоеваний антифашистского восстания, которым угрожали гитлеровские захватчики и внутренние враги — железногвардейцы и другие фашистские элементы. Необходимо было полностью очистить территорию страны от немецко-фашистских войск, обеспечить активное участие Румынии в окончательном разгроме гитлеровской Германии, ликвидировать остатки фашизма внутри страны.

От окончательного разгрома фашизма в решающей мере зависели самостоятельность страны, ее демократическое развитие. Поэтому участие Румынии в составе антигитлеровской коалиции в справедливой войне за освобождение всей территории страны от гитлеровских захватчиков, за окончательный разгром фашистских войск представляло собой первостепенную националь-

---

[6] См. «Lecţii...», pp. 474—475.

ную задачу, для выполнения которой должны были быть мобилизованы все силы и ресурсы страны. В своем манифесте к офицерам и солдатам румынской армии компартия писала, что после 23 августа 1944 г. они ведут при могучей поддержке непобедимой Красной Армии справедливую победоносную войну за освобождение страны от немецких захватчиков. «Весь румынский народ окружает любовью вашу вдохновенную самоотверженную борьбу, потому что эта борьба является борьбой всего народа за свободу, независимость и лучшую жизнь»[7]. Компартия призывала румынских солдат и офицеров вести беспощадную борьбу против немецко-фашистских полчищ до их полного уничтожения. В целях мобилизации всех сил на ведение справедливой войны за окончательный разгром гитлеризма компартия выдвинула лозунг «Все для фронта, все для победы!», подхваченный всем румынским народом. В стране развернулось патриотическое движение за оказание поддержки фронту. Преодолевая колоссальные трудности, рабочий класс обеспечивал выпуск продукции для нужд фронта.

Неотложной первоочередной задачей являлась борьба с железногвардейцами, которые, будучи агентурой гитлеровцев, подрывали усилия румынского народа в антигитлеровской войне, организовывали саботаж и диверсии. Прошло всего четыре дня с момента свержения режима предателя Антонеску, но железногвардейская нечисть «начинает поднимать голову», предупреждала Коммунистическая партия в одном из своих обращений. «Террористические остатки «Железной гвардии», — подчеркивалось в этом обращении, — угрожающие с тыла армии, правительству патриотических сил и самому существованию румынского народа, являются сегодня главнейшим внутренним врагом»[8]. Компартия призвала всех румынских патриотов повести беспощадную борьбу против фашистско-легионерских элементов. Она потребовала, чтобы правительство немедленно запретило фашистскую прессу, очистило государственный аппарат и все учреждения от гитлеровских прислужников. Компартия заявила, что окажет в этом деле полную поддержку правительству, мобилизуя все свои организации и весь

---

[7] «Romînia liberă», N 20 din 4 sept. 1944.
[8] «Romînia liberă», N 15 din 30 aug. 1944.

румынский народ на борьбу против внутренней опасности — «Железной гвардии».

О необходимости борьбы против фашистской опасности внутри страны говорил на митинге в Бухаресте 30 августа 1944 г. Г. Георгиу-Деж: «Свержение гитлеровского режима Антонеску означает большую победу на пути к полной свободе. Но не следует упиваться успехом. Борьба не закончилась. Нужно продолжать наносить удары по остаткам легионерских банд — этой главной внутренней опасности — и по тем, кто их поддерживает, нужно бороться за очищение всей общественной жизни, государственного аппарата и учреждений от любых остатков фашизма. Товарищи рабочие, нужно изгнать легионеров из фабрик. Нужно раздавить фашизм» [9].

Призывы Коммунистической партии нашли горячий отклик в широких народных массах, жизненно заинтересованных в искоренении фашизма, в освобождении всей румынской территории от ига немецких и венгерских фашистов, в обеспечении национальной независимости. В конкретных исторических условиях Румынии того времени от решения этих задач зависело в первую очередь завершение буржуазно-демократической революции, установление подлинно демократического режима в стране.

Народная революция развертывалась в очень сложной внутренней обстановке. Победа антифашистского вооруженного восстания, свержение диктатуры Антонеску не привели, однако, к созданию подлинного демократического правительства из представителей Национально-демократического блока. Сформированное сразу после свержения военно-фашистской диктатуры новое правительство во главе с генералом Санатеску состояло из реакционных генералов и гражданских «специалистов» по управлению, представителей финансово-промышленных кругов. Деятельность этого правительства направлялась лидерами буржуазно-помещичьих партий, ставленники которых заняли в нем все ответственные посты. Коммунистическая партия, располагавшая лишь одним местом в правительстве Санатеску, естественно, не могла определять политику этого правительства, стремившегося сорвать борьбу народных масс за свершение буржуазно-

---

[9] «Romînia liberă», N 16, 31 aug. 1944.

демократической революции, за искоренение фашизма и демократизацию страны.

Однако в своей декларации правительство Санатеску заявило, что одной из главных целей его деятельности является создание такого политического режима, при котором гарантировались и уважались бы гражданские права и политическая свобода. «Установление демократического режима общественных свобод и широких прав для всех граждан страны» является «велением времени», говорилось в этой декларации [10]. В условиях победоносного развития восстания и непрерывного роста народной борьбы правительство Санатеску было вынуждено осуществить ряд мер антифашистского и демократического характера в соответствии с вышеупомянутой программой управления страной. Так, была объявлена общая амнистия политическим заключенным, осужденным в период 1938—1944 годов, были ликвидированы концентрационные лагеря. Декрет от 31 августа 1944 г. восстановил конституцию 1923 года [11]. Был принят декрет-закон о чистке административных учреждений. Политические партии и организации, запрещенные в период фашистской диктатуры, получили возможность легальной деятельности. Стали выходить демократические газеты и журналы, находившиеся под запретом во времена королевской диктатуры и военно-фашистского режима Антонеску. Восстановление буржуазно-демократических прав и свобод в условиях революционного подъема способствовало развитию народной революции. Особо важное значение в этой связи имела деятельность компартии, вышедшей из подполья и получившей право направить своего представителя в состав правительства страны.

Учитывая демократический и антифашистский характер задач, выдвинутых в правительственной программе, Коммунистическая партия в заявлении от 24 августа 1944 г. указала на то, что будет поддерживать деятельность правительства в этом направлении, мобилизуя широкие народные массы на осуществление поставленных задач. «Немедленное заключение перемирия, выход Румынии из «оси» и очищение румынской территории от гитлеровской оккупации, установление режима гражданских

---

[10] «Timpul», N 2619, 25 aug. 1944.

[11] «Monitorul oficial», part I, doc. N 197 şi 202 din 24 şi 31 aug. 1944.

прав и свобод... Эти цели являются основой участия Коммунистической партии Румынии в нынешнем правительстве»[12]. Следовательно, компартия вошла в состав буржуазного правительства и заявила о поддержке его, при условии выполнения им задач демократизации и борьбы против фашизма.

Революционные силы, боровшиеся под руководством компартии за дефашизацию и демократию страны, в то же время не теряли из виду перспективных задач, связанных с завершением буржуазно-демократической революции и переходом к социалистической революции. Для компартии было ясно, что только при условии взятия государственной власти трудящимися можно обеспечить дальнейшее продвижение Румынии по пути демократии и социального прогресса. Завоевание власти трудящимися после 23 августа 1944 г. являлось основной задачей деятельности Коммунистической партии Румынии. Имея в виду эту перспективу, компартия в заявлении от 24 августа 1944 г. подчеркивала, что политика создания блока с буржуазией—Национально-демократического блока «не ущемляет организационной, идеологической и политической независимости (компартии. — *Авт.*), поскольку она сохраняет полную свободу в деле разрешения основных задач сегодняшней и завтрашней Румынии»[13].

С самого начала революции, выдвигая вопрос о власти в качестве главного, основного, компартия в первые недели после 23 августа 1944 г. все же воздерживалась от постановки лозунга устранения буржуазно-помещичьего правительства. Одной из причин этого было ее стремление использовать до конца демократические и антифашистские тенденции этого правительства, пришедшего к власти в связи с победой августовского антифашистского восстания. Но главной причиной было то, что выдвижение такого лозунга сразу после 23 августа 1944 г. было бы несвоевременным, ошибочным, поскольку народные массы еще не успели распознать реакционный характер правительства Санатеску. Для того чтобы это правительство разоблачило себя как контрреволюционную силу и чтобы массы на собственном опыте убеди-

---

[12] «Romînia liberă», N 11 din 24 aug. 1944.
[13] «Romînia liberă», 24 aug. 1944.

лись в его реакционности, необходимо было определенное время.

Правительство Санатеску ждал неизбежный крах, подобный тому, который предсказал В. И. Ленин Временному правительству России в марте 1917 года. Ленин писал тогда, что Временное правительство в лучшем случае может оттянуть крах, но никак не сможет избежать его, ибо, «не покидая почвы буржуазных отношений, не переходя к революционным мерам», невозможно вывести страну из того тяжелого положения, в котором она находилась[14]. Правительство Санатеску было неспособно, выражаясь словами Ленина, покинуть почву буржуазных отношений, перейти к революционным мерам, необходимым для завершения задач буржуазно-демократической революции, в первую очередь аграрного вопроса. Именно поэтому в условиях развивавшейся народной революции это правительство было обречено на крах. Саморазоблачение правительства Санатеску началось с середины сентября 1944 года, когда по мере решения антифашистских задач — заключения перемирия, включения Румынии в активную борьбу на антигитлеровском фронте и т. п. — на повестке дня встали непосредственно задачи завершения буржуазно-демократической революции.

Чтобы победить буржуазию и удержать власть, учит В. И. Ленин, необходимо великолепной организации буржуазии противопоставить столь же великолепную организацию пролетариата, руководящего всей необъятной массой городской и деревенской бедноты, полупролетариата и мелких хозяйчиков. После победы Февральской буржуазно-демократической революции В. И. Ленин писал, что «лозунгом момента и накануне новой революции, и во время нее, и на другой день после нее должна быть *пролетарская организация*»[15]. Руководствуясь ленинскими указаниями, Коммунистическая партия Румынии сразу же после свержения военно-фашистской диктатуры развернула большую работу по организации революционных сил — пролетариата и его союзников в начавшейся народной революции.

Прежде всего необходимо было реорганизовать и укрепить саму партию — передовой отряд рабочего класса.

---

[14] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 37.
[15] Там же.

Выход из подполья потребовал новых условий легальной деятельности. Был создан центральный аппарат, реорганизованы областные, уездные, городские и сельские комитеты КПР. Для оказания помощи на местах во все области были направлены из Бухареста партийные кадры. Развернулась работа по созданию новых и укреплению имевшихся партийных организаций. Компартия вышла из подполья немногочисленной, но боевой и закаленной партией, вооруженной богатым революционным опытом. Ее влияние в широких массах трудящихся было исключительно велико. Ряды компартии стали быстро расти, ликвидируя имевшееся несоответствие между ее численностью и политическим влиянием в стране. Рост численности Коммунистической партии не был самоцелью, он был крайне важен для проведения огромной работы в массах, которые после свержения военно-фашистской диктатуры потянулись к политике. За короткий период времени в Коммунистическую партию вступили многие тысячи новых членов. Притягательная сила компартии заключалась в ее программе создания в Румынии нового социально-экономического строя, преимущества которого перед капитализмом столь ярко продемонстрировал Советский Союз как в годы мира, так и в годы войны.

В этот период быстрого роста рядов партии было особенно важным соблюдение ленинских принципов индивидуального приема, чтобы не допустить проникновения в партию враждебных и карьеристских элементов. Фракционная группа Паукер—Лука, нарушая эти принципы и объективно ведя дело к понижению роли партии, ее растворению в массе, через голову ЦК КПР дала местным партийным органам указание организовать соревнования за массовый прием новых членов партии. А. Паукер призывала принимать в партию всех желающих, предавая забвению ленинское учение о партии как передовом отряде рабочего класса.

В то время как партия разоблачала легионеров как опаснейших врагов демократии, как главных союзников гитлеровцев, Паукер в своих выступлениях в ноябре 1944 года непосредственно обращалась с призывами к легионерам вступить в компартию. Это привело к проникновению в партию многих легионеров и других враждебных элементов, затруднявших деятельность компар-

тии в ответственный период мобилизации народа на борьбу за установление подлинно демократического строя в стране.

В связи с бурным ростом численности Коммунистической партии и необходимостью идейного вооружения ее членов была начата работа по созданию широкой сети партийного просвещения. Срочно организовывались партийные школы и кружки, в которых занимались не только члены партии, но и беспартийные передовые рабочие крупных предприятий. Только в одной Бухарестской партийной организации, например, к концу 1944 года было создано 11 партийных школ. Была развернута работа по популяризации программы Коммунистической партии Румынии и произведений классиков марксизма-ленинизма. 21 сентября 1944 г. вышел первый номер центрального органа КПР газеты «Скынтейя», начавшей издаваться легально. Вместе со всей партийной прессой газета «Скынтейя» повела огромную работу по революционному воспитанию масс, организуя и мобилизуя их на борьбу за демократические преобразования.

Под руководством компартии в новых условиях легальности развернул свою деятельность Союз коммунистической молодежи. За короткое время он объединил в своих рядах многих молодых рабочих, крестьян и интеллигентов. На основе демократической и антифашистской платформы в начале сентября 1944 года был создан Единый фронт молодежи, в который объединились Союз коммунистической молодежи и Союз социалистической молодежи.

Сразу же после 23 августа 1944 г. развернулась работа по организации румынского пролетариата, выступавшего главной силой в народной революции. Вокруг рабочего класса и под его руководством должны были быть объединены непролетарские трудящиеся массы и слои населения, желавшие закрепления и развития завоеваний антифашистского вооруженного восстания. Подчеркивая руководящую роль рабочего класса в этом деле, Г. Георгиу-Деж сказал на митинге 30 августа 1944 г.: «Мы завоевали свободу. Но она должна быть упрочена. И руководящая роль в этом упрочении принадлежит рабочему классу и его борьбе. Однако только организованная борьба может увенчаться полным успехом. Организуйте на ваших предприятиях объединенные профсоюзы,

создавайте фабричные комитеты»[16]. Еще в окрестностях столицы велись бои по ликвидации гитлеровских частей, а рабочие — делегаты бухарестских предприятий, собравшись 27 августа на свое первое свободное рабочее собрание, приняли решение провести на предприятиях выборы фабричных комитетов, добиться повышения заработной платы, введения 8-часового рабочего дня, немедленного уничтожения карцеров на заводах и фабриках, отмены системы штрафов и т. п. С начала сентября одно за другим следуют собрания и демонстрации рабочих, на которых они избирают фабричные комитеты, выражая тем самым свою волю организоваться для осуществления экономических и политических требований.

В этих условиях 1 сентября 1944 г. состоялась конференция делегатов Центральных комитетов КПР и СДП, разработавшая меры по организации единых профсоюзов. Было решено, что создание профсоюзов и последующая их деятельность будут основываться на революционных принципах классовой борьбы и пролетарского интернационализма. Для руководства работой по восстановлению профсоюзного движения вплоть до созыва первого съезда профессиональных союзов была создана специальная комиссия, которая разработала организационные принципы и структуру единых профсоюзов. В комиссию по организации профсоюзного движения вошли по пять представителей от Коммунистической и социал-демократической партий. Действуя от имени Единого рабочего фронта, эта комиссия решительно выступила против раскольнических действий врагов рабочего единства, объявляя незаконными и добиваясь роспуска тех профсоюзов, которые создавались в противовес единым профсоюзам.

По всей стране быстро возникали и укреплялись под руководством комиссии по организации профсоюзного движения многочисленные профессиональные союзы железнодорожников, нефтяников, шахтеров, рабочих металлургической, химической, пищевой и других отраслей промышленности. К концу сентября 1944 года насчитывалось уже 14 крупных профсоюзов, в том числе профсоюз металлистов, металлургов и химиков, объединивший

---

[16] Gh. Gheorghiu-Dej, O politică romînească de realizări democratice, p. 10.

более 35 тыс. рабочих. В октябре 1944 года в профсоюзах насчитывалось 150 тыс. организованных рабочих, а в декабре 1944 года — свыше 400 тыс. человек.

Создание профессиональных союзов на базе революционных принципов пролетарского единства было большой победой рабочего класса. Оно означало торжество революционных принципов классовой борьбы над реформистскими, тред-юнионистскими принципами цеховой организации. Достижение единства профсоюзного движения, ускорив процесс организации пролетариата, способствовало дальнейшему развитию народной революции, гегемоном которой выступал рабочий класс.

Движение за создание единых профсоюзов было неразрывно связано с экономической и политической борьбой румынского пролетариата. Основными требованиями, выдвигавшимися на рабочих собраниях, были установление 8-часового рабочего дня, очистка предприятия от фашистских элементов, уважение личности рабочего, запрещение побоев, увеличение заработной платы и др. Единый рабочий фронт ставил перед профсоюзным движением широкие задачи, диктовавшиеся конкретными условиями развития народной революции. Профессиональные союзы должны были вести борьбу: а) за активное участие Румынии в войне против фашистской Германии, за повышение производительности труда, восстановление промышленности и увеличение выпуска продукции; б) за осуществление чистки государственного аппарата и учреждений от фашистов и саботажников, за арест и наказание военных преступников; в) за проведение аграрной реформы, повышение уровня жизни масс, в том числе культурного и политического; г) за выполнение соглашения о перемирии, за установление и укрепление дружбы с СССР; д) за объединение всех демократических и антигитлеровских сил в широкий Национально-демократический фронт и создание демократического правительства [17].

Единство рабочего класса, достигнутое в профсоюзном движении, оказало сильное влияние на социал-демократическую партию, усилив ее левое крыло, которое выступало за расширение сотрудничества с коммунистами. В начале октября 1944 года на совместном заседании

[17] См. «Romînia liberă», 7 sept. 1944.

Центральных комитетов КПР и СДП был создан Центральный комитет Единого рабочего фронта с задачей координирования действий рабочего класса в профессиональной и политической областях. В резолюции, принятой на этом заседании, подчеркивалась необходимость единства действий для «защиты интересов трудящихся и всего народа путем установления настоящей, прогрессивной демократии» [18].

Организация пролетариата давала ему возможность в дальнейшем навязать свою волю эксплуататорским классам. Только мощной организованной силой рабочего класса можно было свергнуть буржуазно-помещичье господство и установить власть трудящихся. «Мы не занимаемся посылкой меморандумов, — говорил Киву Стойка на митинге рабочих-железнодорожников в сентябре 1944 года, — но, когда нужно, мы железным кулаком добьемся того, в чем нуждаемся» [19].

Говоря о необходимости организации пролетариата, идущего на борьбу за свержение власти эксплуататоров, В. И. Ленин подчеркивал, что речь идет не о том, «чтобы рабочие *только* записывались в свою партию, в свой профессиональный союз, в свой кооператив и т. д. и т. п.» [20]. Он указывал на необходимость вооружения пролетариата как гарантии против насилия над народом со стороны буржуазии [21]. В условиях Румынии после 23 августа 1944 г. такой гарантией являлись вооруженные отряды патриотической гвардии, созданные еще накануне антифашистского вооруженного восстания. Поэтому Коммунистическая партия Румынии после свержения военно-фашистской диктатуры Антонеску и освобождения страны от гитлеровцев не только не распустила эти отряды, а, напротив, приняла меры к их увеличению, обратившись 28 августа к рабочим, крестьянам и интеллигенции с призывом записываться в эти отряды.

Генеральный инспекторат жандармерии в своих донесениях правительству Санатеску с тревогой сообщал о росте числа отрядов вооруженных рабочих. «Большая часть рабочих шахты Комэнешть, в особенности молодых,— говорилось в одном из этих докладов, — записы-

---

[18] «Scînteia», 17 oct. 1944.
[19] «Romînia liberă», 21 sept. 1944.
[20] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 38.
[21] Там же, стр. 73.

вались в коммунистическую организацию, создав рабочую вооруженную охрану»[22]. Организация боевых патриотических отрядов была самой разнообразной, отражая революционную самодеятельность масс. В Ясской области они состояли из взводов и ударных бригад. В Бухарестской области каждый отряд патриотической гвардии включал в себя две группы по 10 человек. Во главе вооруженных патриотических отрядов, формировавшихся из рабочих-коммунистов и симпатизирующих компартии, из рабочих-социалистов, а также беспартийных, стояли назначавшиеся компартией командиры, политические руководители и другие ответственные лица.

Вооруженные отряды рабочих были мощным оружием в руках демократических сил. Они использовались для искоренения остатков фашизма, подавления вылазок легионеров и других фашистских элементов, для обеспечения порядка и соблюдения революционной законности. Выступления боевых патриотических отрядов в защиту трудящихся города и деревни, явочным путем осуществлявших демократические преобразования, вызывали ненависть реакции, которая через своих представителей в правительстве неоднократно пыталась провести решение о разоружении и роспуске этих вооруженных отрядов рабочих.

На заседании правительства 17 сентября 1944 г. по настоянию «исторических партий» обсуждалась «проблема патриотической гвардии». Представители буржуазно-помещичьих кругов потребовали роспуска вооруженных рабочих формирований на том основании, что они, мол, выполнили свою роль в период свержения режима Антонеску и борьбы против гитлеровских войск на румынской территории, что сохранение этих отрядов якобы не имеет никакого смысла. Они заявляли: если компартия не откажется от роспуска своих вооруженных отрядов, то следует предоставить право иметь вооруженные формирования также национал-царанистской и национал-либеральной партиям[23].

Министр внутренних дел Алдя добивался превращения вооруженных отрядов патриотической гвардии в придаток своего министерства, чтобы лишить компартию

---

[22] Arhiva Inst., fond 1, dos. 39, f. 50.
[23] Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8469, f. 8/5.

возможности распоряжаться этими отрядами в интересах борьбы демократических сил.

Компартия самым решительным образом пресекла эти поползновения реакции. Ее представитель заявил на заседании правительства 17 сентября 1944 г., что сохранение вооруженной патриотической гвардии нужно для защиты новой демократии[24]. Компартия в категорической форме предупредила реакционные круги, что попытки разоружения патриотических отрядов или захвата их складов и баз встретят вооруженный отпор. Несмотря на то что еще 2 сентября 1944 г. реакционным большинством правительства было принято решение о том, чтобы патриотическая гвардия являлась «вспомогательным органом министерства внутренних дел»[25], боевые патриотические отряды сохранили свою независимость, оставаясь под руководством компартии. Попытка румынской реакции добиться разоружения и роспуска отрядов патриотической гвардии с помощью дипломатического вмешательства западных империалистических держав также закончилась неудачей. Сохранение и укрепление после 23 августа 1944 г. боевых патриотических отрядов наряду с нахождением советских войск на румынской территории создавало благоприятные условия для революционной борьбы трудящихся, для оказания отпора реакции и предупреждения гражданской войны.

Занимаясь организацией сил пролетариата, Коммунистическая партия Румынии уделяла в то же время большое внимание организации и мобилизации крестьянства, являвшегося главным союзником рабочего класса в развертывавшейся народной революции. Война углубила и до крайней степени обострила общественно-экономические и политические отношения в деревне, а победоносное вооруженное восстание, высвободив революционную энергию крестьянства, сделало его активным борцом за ликвидацию остатков феодальных отношений, за демократизацию всей жизни страны. В целях организации крестьянства на революционную борьбу под руководством рабочего класса Коммунистическая партия Румынии направила в села тысячи рабочих, которые оказывали содействие политическому просвещению крестьян, оказы-

---

[24] См. Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8469, f. 7/4.
[25] Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8943, f. 3.

вали помощь в создании крестьянских комитетов, а также профсоюзов сельскохозяйственных рабочих. Преодолевая огромные трудности, подвергаясь нападениям легионеров, репрессиям со стороны реакционных властей, посланцы рабочего класса помогали крестьянам организовываться и вести борьбу за удовлетворение их насущных требований.

В конкретных условиях Румынии после 23 августа 1944 г. крестьянские комитеты явились основной формой организации крестьянских масс. Организуемые и направляемые компартией, крестьянские комитеты включали в себя и втягивали в выступления всех жителей села, за исключением фашистских элементов и военных преступников. Это определялось тем, что в решении антифашистских, антиимпериалистических и антифеодальных задач народной революции было заинтересовано все крестьянство. Первоначально крестьянские комитеты создавались в рамках «Союза патриотов» и являлись его местными организациями. В дальнейшем эти комитеты стали действовать в составе «Фронта земледельцев», который под руководством компартии после 23 августа 1944 г. приобретает характер общенациональной организации крестьян («Фронт земледельцев» зародился в свое время как организация крестьян Трансильвании и Баната). Наряду с «Фронтом земледельцев» после 23 августа 1944 г. стала действовать в контакте с КПР социалистическая крестьянская партия во главе с М. Раля.

В течение сентября 1944 года возникают многочисленные крестьянские комитеты в Бухарестской области, в частности в Ильфовском и Яломицком уездах. Газета «Луптэторул» в номере от 6 сентября 1944 г. сообщала, что крестьяне приходят в местные комитеты КПР и просят немедленно записать их, что в большинстве сел созданы «патриотические комитеты»[26]. Работа по созданию крестьянских комитетов развернулась в сентябре 1944 года и в других областях страны. Особенно большой размах организация крестьянских комитетов получила в Молдове, где в силу сложившихся условий — бегства фашистских властей и большинства помещиков с отступающим фронтом — они приняли на себя управление брошенными помещичьими владениями, а в ряде случа-

---

[26] См. «Luptătorul», 10 sept. 1944.

ев выполняли функции местных органов государственной власти. В Ботошанском уезде, например, был создан 101 крестьянский комитет; они управляли 183 покинутыми поместьями, 60 мельницами и т. п.

В соответствии с директивами ЦК КПР местные партийные организации в первые недели после 23 августа 1944 г. вели работу по вовлечению крестьян в выступления за улучшение их условий жизни. На собраниях крестьянских комитетов при участии рабочих-делегатов из города принимались решения о сокращении издольщины за арендуемую помещичью землю до одной трети общего сбора урожая, об отмене всяких других обязательств крестьян-арендаторов по отношению к крупному землевладельцу[27]. Крестьянские комитеты организовывали выступления крестьян с целью удаления фашистских элементов из администрации сельских коммун. Через крестьянские комитеты компартия претворяла в сельской местности свой лозунг мобилизации всех сил страны на поддержку антигитлеровской войны.

Коммунистическая партия, создавая и укрепляя союз рабочего класса с крестьянством, вела также большую работу по организации и привлечению на сторону пролетариата средних слоев городского населения, в особенности прогрессивной интеллигенции. После освобождения Румынии от фашистского ига «Союз патриотов», созданный еще в 1942 году, принял в свои ряды многих представителей мелкой городской буржуазии, интеллигентов, которые стремились внести свой вклад в дело демократизации страны и искоренения остатков фашизма. Созданные «Союзом патриотов» в городах так называемые «гражданские комитеты» наряду с задачами борьбы против остатков фашизма, за демократизацию страны решали вопросы обеспечения населения жильем, продовольствием, топливом и т. п., принимали меры против спекулянтов и саботажников. Усилилось влияние другой антифашистской организации — «Патриотическая защита»,— которая после 23 августа развернула широкую деятельность в поддержку антигитлеровского фронта, по оказанию помощи семьям фронтовиков, освобожденным из тюрем и концлагерей антифашистам, жертвам фашистского террора и др., проводя с этой целью сбор денег,

[27] См. «Studii», 1964, N 4, p. 852.

продовольствия и одежды. Эти массовые организации антифашистского характера действовали в соответствии с политическими указаниями Коммунистической партии, за которой они признавали руководящую роль.

Возникшие в ходе начавшейся народной революции различные формы организации пролетариата и остальных трудящихся (патриотические вооруженные отряды, фабричные, крестьянские и другие комитеты, действовавшие под руководством компартии) с первых же дней народной революции стали выступать как зачатки новой власти, которая, как говорил Ленин, опирается «прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон,* изданный централизованной государственной властью»[28].

В революционную борьбу за разгром фашизма и демократизацию страны, за ликвидацию национального угнетения включились трудящиеся массы национальных меньшинств, проживавших в Румынии. Важную роль в мобилизации венгерского национального меньшинства на победу народной революции играла руководимая КПР организация венгерских трудящихся МАДОС, впоследствии превратившаяся в Венгерский народный союз. С целью вовлечения женщин в народную революцию, несшую им полное равноправие, был создан после 23 августа 1944 г. Союз антифашистских женщин Румынии.

Успехи, достигнутые Коммунистической партией Румынии в деле организации пролетариата и других революционных сил, давали возможность ставить вопрос об устранении реакционного правительства, тем более что за короткий период после 23 августа 1944 г. оно показало себя противником демократизации страны и завершения буржуазно-демократической революции.

---

[28] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 145.

Глава 2

ДЕЙСТВИЯ РУМЫНСКОЙ РЕАКЦИИ ПОСЛЕ 23 АВГУСТА 1944 г.

В то время как революционные силы во главе с компартией после свержения фашистской диктатуры Антонеску все шире разворачивали борьбу за демократизацию страны, румынская реакция, сгруппировавшаяся вокруг «исторических партий» и монархии, направляла свои усилия на срыв этой борьбы, успех которой угрожал самому существованию буржуазно-помещичьего строя в Румынии.

Для борьбы с начавшейся после 23 августа 1944 г. народной революцией буржуазно-помещичьи круги использовали правительство генерала Санатеску. Профашистски настроенные генералы встали во главе важнейших министерств. Генерал Алдя возглавил министерство внутренних дел. Генералы и адмиралы стали управлять не только военными министерствами и ведомствами, но и сугубо гражданскими делами. Бывший член фашистского правительства Антонеску генерал Потопяну занял пост министра национальной экономики и по совместительству пост министра финансов. Министерством труда, здравоохранения и социального обеспечения стал руководить генерал Маринеску. Реакционные генералы, по расчетам буржуазно-помещичьих кругов, должны были создать в правительстве Санатеску ту силу, которая была необходима для того, чтобы остановить революционное движение румынского народа.

Противоположность интересов демократических сил, с одной стороны, и реакционных сил — с другой, в вопросе о путях развития Румынии в новом историческом периоде, открытом вооруженным антифашистским восстанием, стала проявляться со всей силой. В ночь с 23 на 24 августа 1944 г., уже через несколько часов после ареста военно-фашистского правительства Антонеску, представители реакции собрались, чтобы обсудить создавшееся положение и наметить во внутреннем и внешнем плане меры, направленные против установления народно-демократического строя в Румынии. После 23 августа 1944 г.

реакция стремилась воспрепятствовать организации и дальнейшему развитию борьбы народных масс под руководством компартии, сохранить в неприкосновенности, насколько это возможно, государственный аппарат, унаследованный от фашистского режима, саботировать установление дружественных отношений с Советским Союзом и ориентировать внешнюю политику страны на США и Великобританию. Буржуазия и помещичий класс противились действительной и последовательной демократизации, которая позволила бы массам трудящихся играть решающую роль в политической жизни страны. В страхе перед революцией эксплуататорские классы готовы были бросить жалкие крохи, сделать некоторые уступки, чтобы защитить свои экономические и политические интересы, чтобы сохранить буржуазно-помещичий строй и порядки, основанные на эксплуатации и угнетении трудящихся.

Боясь участия масс в вооруженной борьбе против гитлеровцев, Маниу в дни антифашистского восстания призывал население сохранять «спокойствие и порядок». Эти же призывы повторялись позднее буржуазной прессой, которая, сея в массах иллюзии, что правительство Санатеску утвердит режим демократических свобод, требовала от народных масс проявить «спокойствие и терпение», воздержаться от «незаконных действий». В статье «Выдержка и такт», появившейся в газете «Попорул» 1 сентября 1944 г., говорилось, например, следующее: «Современный момент требует доверия, требует выдержки, требует такта. Правительству страны предстоит разрешить трудные проблемы, построить мост к жизни, которую мы все ждали с таким нетерпением. Не затрудняйте поспешными жестами и форсированием дел положение тех, кто оберегает вашу судьбу» [29]. Реакция спекулировала на том факте, что правительство Санатеску на первых порах выступало в качестве правительства Национально-демократического блока, созданного компартией незадолго до свержения военно-фашистской диктатуры Антонеску.

В своей борьбе против революционных сил румынская реакция делала ставку на буржуазно-помещичьи партии, в первую очередь национал-царанистскую, и на правых

[29] «Poporul», 1 sept. 1944.

социал-демократов. Эти партии должны были помешать организации и сплочению демократических сил вокруг Коммунистической партии для завершения буржуазно-демократической революции.

Национал-царанистская партия, широко прибегавшая к социальной демагогии, пыталась выступать как партия, якобы защищающая интересы крестьян. В предвоенный период она не успела еще разоблачить себя как антинародная партия: невыполнение своих предвыборных обещаний и программных положений в период пребывания у власти объяснялось ею обстановкой экономического кризиса 1929—1933 годов. Эта партия, все еще оказывавшая влияние в среде крестьян и наиболее отсталых рабочих, окончательно не порвавших связей с сельским хозяйством, стремилась сорвать союз пролетариата с крестьянством, без которого не могла победить народная революция. Национал-царанисты, спекулировавшие на своей «оппозиционной» деятельности в годы диктатуры, теперь пытались представить себя в роли «защитников демократии». Ю. Маниу выступал идейным вождем всей румынской реакции, спешно консолидировавшей свои силы вокруг его партии.

Национал-либеральная партия еще в период до 23 августа 1944 г. решила следовать в фарватере национал-царанистской политики [30]. Перед угрозой развивающейся народной революции национал-либералы после освобождения Румынии объединили свои ряды: в партию вернулась группа во главе с Г. Братиану. Правосоциалистические лидеры во главе с Т. Петреску, руководствуясь интересами борьбы против компартии, поставили себя на службу идейному вождю румынской реакции, авторитет которого они безоговорочно признавали. Т. Петреску мечтал о таком сотрудничестве между национал-царанистской и социал-демократической партиями, когда президентом Румынии будет Маниу, а премьером в первом республиканском правительстве станет социал-демократ (из скромности Т. Петреску не называл своего имени). Маниу шел на сотрудничество с Т. Петреску и его сторонниками, надеясь нейтрализовать компартию и обеспечить себе условия для завоевания власти.

---

[30] См. «Romînia liberă», 28 jan. 1944.

Рядясь в тогу демократа и патриота Румынии, Ю. Маниу в начале сентября 1944 года выступил с заявлением перед представителями печати, в котором сказал: «У меня было большое желание покинуть страну, но после раздумья я решил остаться, чтобы среди этого урагана (народной революции.— *Авт.*) поддерживать огонь в факеле демократии»[31]. Но «поддерживать огонь» в потухшем факеле буржуазной демократии оказалось возможным лишь путем активизации недобитых фашистских элементов и превращения их в союзников по борьбе против революционных сил. И Маниу, не колеблясь, вступил на этот путь.

Еще в 1942 году он установил связь с железногвардейцами и, как свидетельствует один из главарей Горацию Команчиу, «помог своими советами в поисках пути, наиболее соответствующего новым обстоятельствам». Маниу рекомендовал «Железной гвардии» «раствориться» в других партиях. После свержения фашистской диктатуры в целях спасения фашистов-легионеров их главарю был дан совет объявить о самороспуске «Железной гвардии», перед железногвардейцами были открыты двери национал-царанистской партии, где их приняли с распростертыми объятиями. Часть легионеров укрылась в национал-либеральной партии. Коммунистическая партия выступила с решительным разоблачением позиции руководства национал-царанистской партии в отношении фашистов-железногвардейцев.

Чтобы оправдать перед общественным мнением свою защиту фашистских элементов, лидеры «исторических партий», спекулируя на факте легионерского мятежа в январе 1941 года, утверждали, что «Железная гвардия» будто бы являлась противником режима Антонеску. Была пущена также в обиход «теория», согласно которой фашизм в Румынии был якобы случайным, наносным явлением, а его иностранное происхождение снимает вопрос о ликвидации фашистского наследия в стране. «Фашизм и нацизм были лишь привходящими политическими болезнями, которые Румыния получила путем инфекции,— говорил глава национал-либеральной партии Д. Братиану.— Когда микробы будут уничтожены в своем источнике (я имею в виду Германию), эти болезни

[31] «Semnalul», 6 sept. 1944.

никого не будут тревожить»[32]. Это была насквозь лживая теория, ибо фашизм не был привнесен извне, а являлся собственным продуктом политической борьбы в Румынии, где эксплуататорские классы уже не могли сохранять свое господство методами буржуазной демократии и парламентаризма и потому прибегли к установлению фашистской диктатуры.

Если внутри страны союзниками крупной буржуазии и помещиков в борьбе против сил народной революции выступали недобитые фашистские элементы, то поддержку извне оказывали им империалистические круги США и Англии, заинтересованные в сохранении буржуазно-помещичьих порядков в Румынии. В целях оказания помощи контрреволюционным силам в Румынию были направлены после 23 августа 1944 г. агенты американской и английской разведок. Английский шпион Портер говорил своим румынским сообщникам, что Англия должна восстановить свои довоенные позиции в Румынии, что она всеми средствами будет бороться против установления власти демократических сил во главе с компартией. Он подчеркивал, что «рост политической силы трудящихся и Коммунистической партии представляет в равной степени угрозу» для буржуазно-помещичьего господства и для позиций империалистов в Румынии[33]. Империалистические круги США и Англии, так же как и крупные румынские капиталисты и помещики, связывали свои надежды на сохранение буржуазно-помещичьего строя в Румынии с деятельностью национал-царанистской партии во главе с Ю. Маниу. В одной американской книге о проблемах послевоенной Европы прямо говорится, что «Запад возлагал большие надежды на Ю. Маниу»[34].

Правительство Санатеску, находившееся под идейным руководством лидеров «исторических партий», с первых же дней своей деятельности стало чинить препятствия организации и развитию революционной борьбы масс. С этой целью оно старалось сохранить без изменений государственный аппарат и репрессивные органы, оставшиеся от времен военно-фашистской диктатуры Антоне-

[32] «Война и рабочий класс», 1944 г., № 22, стр. 12.
[33] «Scînteia», 26 apr. 1950.
[34] H. K. Smith, op. cit, p. 134.

ску. Под предлогом военной обстановки, якобы исключающей возможность немедленной замены старой фашистской администрации, министр внутренних дел генерал Алдя дал распоряжение всем представителям местных властей оставаться на своих постах и продолжать деятельность на основе оставшихся в силе фашистских законов. Как бы подчеркивая общность целей правительства реакционного большинства с целями предшествовавшего ему антинародного фашистского правительства Антонеску, распоряжение указывало на необходимость «любой ценой обеспечить преемственность общественной жизни»[35]. Эта мера должна была положить конец панике и дезорганизации государственного аппарата, вызванным свержением военно-фашистской диктатуры и освобождением страны от гитлеровского господства, успокоить фашистские элементы в государственном аппарате и поощрить их на борьбу против демократических сил.

Реакционное большинство правительства Санатеску предпринимало попытки ликвидировать демократические свободы и гражданские права, завоеванные в результате победы вооруженного антифашистского восстания. В частности, оно пыталось, ссылаясь на то, что «идет война», запретить проведение собраний, митингов и демонстраций или, в крайнем случае, проводить их только с предварительного разрешения властей. Категорически выступив против этого, представитель компартии И. Г. Маурер на заседании правительства 31 августа 1944 г. потребовал безусловной свободы для демократических партий проводить собрания и демонстрации[36]. Министры-реакционеры были вынуждены отказаться от своих намерений.

Румынская реакция, страшась организованной силы пролетариата, всячески тормозила объединение рабочих в профсоюзы и создание фабричных комитетов. 30 августа 1944 г. военный министр, а 23 сентября 1944 г. государственный субсекретарь военной промышленности издали приказы, в которых потребовали от военных комендантов крупных предприятий препятствовать организации рабочих и запрещать их собрания. Администра-

---

[35] «Viaţa», 30 aug. 1944.

[36] См. Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8467, ff. 57—58.

ция государственных и частных предприятий увольняла с работы и отправляла на фронт тех рабочих, которые активно участвовали в организации фабричных комитетов и профессиональных союзов. На основании приказа генерального штаба, сократившего на 10—20% число забронированных за предприятием рабочих, наиболее сознательные рабочие, члены фабричных комитетов и т. п. были призваны в армию. Реакционеры и фашисты не останавливались перед угрозами и применением силы, чтобы не допустить объединения рабочих в их организации. На ряде предприятий рабочим угрожали расстрелом, а на строительстве железнодорожной линии в Питешть стреляли в рабочих, призывавших к организации [37].

Министры-реакционеры с ожесточением противились принятию закона об организации профессиональных союзов. Они отказывались признавать единые профсоюзы, создавшиеся на базе Единого рабочего фронта. Неоднократные обращения комиссии по организации профсоюзного движения в правительство Санатеску принять закон о создании единых профсоюзов долгое время не получали положительного ответа. Выступая против единства профсоюзного движения, реакция хотела, чтобы закон об организации профсоюзов признавал право за кем бы то ни было создавать любое количество профессиональных союзов в отраслях промышленности. Резкие возражения встретила идея организации государственных служащих в профессиональный союз, якобы «подрывающая государство». Само собой разумеется, реакционные круги отказывались признать за возникшими в огне революционной борьбы фабричными комитетами право участвовать в управлении производством, бороться за чистку предприятий от фашистских элементов и т. п.

Все более отходя от программы Национально-демократического блока, буржуазно-помещичьи партии выступили против демократизации политической жизни в стране. 6 сентября 1944 г. по инициативе компартии создалась Патриотическая антигитлеровская группа в составе КПР, СДП, «Союза патриотов», «Фронта плугарей» и социалистической крестьянской партии. Патриотическая антигитлеровская группа ставила перед собой задачи закрепления победы, одержанной 23 августа 1944 г. Ее це-

---

[37] См. «Studii», 1964, N 4, p. 825.

лями были: освобождение всей территории страны от гитлеровских захватчиков, немедленная чистка общественной жизни и государственного аппарата от фашистских элементов, обеспечение гражданских прав и демократических свобод. Лидеры «исторических партий» заявили о своем отказе присоединиться к патриотической антигитлеровской группе, показав тем самым, что они считают борьбу против фашизма закончившейся после свержения диктатуры Антонеску и сформирования правительства реакционного большинства.

Разоблачая политику правительства Санатеску, отказывавшегося от доведения до конца борьбы против фашизма, за демократизацию страны, газета «Ромыниа либера» писала: «Режим Антонеску был свергнут 23 августа 1944 г. и был провозглашен новый демократический строй. В этой связи были арестованы всего лишь пять военных преступников. А что же после этого? Разве эти пять делали все своими руками? Разве в их распоряжении не находился огромный репрессивный аппарат, разве повсюду они не имели соучастников?.. Режим Антонеску пал, но в государственном аппарате по-прежнему остаются на командных постах сообщники военных преступников. Они угрожают победе 23 августа...». В национальной экономике также сохранились фашистские порядки — произвол администрации в отношении рабочих, режим карцеров и военных комендантов и т. п. Необходимо было приступить к немедленной чистке государственного аппарата и всех областей политической и экономической жизни от фашистских, легионерских и прогитлеровских элементов. Ссылки на невозможность найти квалифицированную замену несостоятельны: «Имеются достаточные кадры... Нужна лишь политика широкой концентрации всех патриотических антигитлеровских сил...» [38]. Газета предупреждала, что румынский народ не остановится на полпути, а будет закреплять и развивать победу вооруженного антифашистского восстания.

Реакционные силы враждебно приняли заключенное 12 сентября 1944 г. соглашение о перемирии с Румынией, в особенности ее политические статьи, содержавшие требования ликвидации фашистских остатков и обеспечения развития страны по демократическому пути. На заседа-

---

[38] «Rominia liberă», 11 sept. 1944.

нии правительства 16 сентября 1944 г. Маниу, Братиану и другие буржуазные деятели открыто выступили против этих статей, наносивших удар по позициям румынской реакции [39].

Встав на путь саботажа выполнения соглашения о перемирии, правительство Санатеску не принимало мер к аресту военных преступников, ликвидации профашистских организаций, чистке государственного аппарата и армии. Вынужденное согласиться на принятие по предложению представителя компартии декрета-закона об устранении фашистских элементов из государственного аппарата, оно сделало все, чтобы этот закон был неэффективным. В то время как Коммунистическая партия в своем проекте закона дала четкое определение и перечень организаций, участники которых подлежали удалению из государственного аппарата, Ю. Маниу внес поправку, которая исключала из этого списка фашистскую «Железную гвардию» [40]. В результате этого реакционное большинство правительства Санатеску как бы получило правовую основу сохранения в государственном аппарате легионеров и других фашистов, включившихся в контрреволюционный фронт. Закон о чистке был принят реакционным большинством правительства Санатеску в отсутствии представителя компартии 24 сентября 1944 г. Он предусматривал удаление из государственного аппарата тех, кто, как говорилось в законе, по «собственной инициативе» занимался «чрезмерной» фашистской деятельностью. Действие этого закона ограничивалось трехмесячным сроком с момента его опубликования. В результате этого фашистским элементам представлялась возможность под предлогом того, что их деятельность якобы не была «чрезмерной», затягивать чистку на срок трех месяцев, после которого закон о чистке утрачивал свою силу.

Государственный аппарат продолжал оставаться после 23 августа 1944 г. таким же, каким был при Антонеску. Во всех его звеньях, начиная от бухарестских канцелярий и кончая местными органами управления — примариями, находились прежние чиновники. «Обеспечивая преемственность общественной жизни», правительство

---

[39] См. Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8945.
[40] Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8947, f. 46.

реакционера Санатеску восстанавливало администрацию времен военно-фашистского режима, разыскивало и возвращало на должности примарей, бежавших в связи с освободительным наступлением советских войск. В самом правительстве до середины октября 1944 года находился военный преступник генерал Потопяну, которого по требованию Союзной контрольной комиссии все же пришлось вывести из правительства и заключить под арест.

В тех случаях, когда население само проводило чистку аппарата государственной власти на местах, изгоняя фашистов и заменяя их демократически настроенными людьми, правительство не останавливалось перед применением любых средств, вплоть до использования вооруженной силы, чтобы помешать этому. В селе Колентина крестьяне поставили на место примаря-фашиста своего представителя. По распоряжению министра внутренних дел Алдя туда были направлены войска, которые арестовали избранного народом примаря и затем стреляли по демонстрантам, протестовавшим против насилия над волей народа. Специальным распоряжением министерства внутренних дел выборы новых примарей народом объявлялись незаконными и полиции было предложено «принимать меры к нарушителям, предавая их суду военного трибунала» [41].

Саботаж демократизации страны был настолько очевидным, что о нем писали некоторые английские и американские буржуазные газеты. «Хотя прошло два месяца с момента капитуляции Румынии,— отмечала в октябре 1944 года газета «Нью-Йорк таймс»,— не видно, чтобы румынское правительство намеревалось очистить армию и гражданскую администрацию от большого числа пронацистских офицеров и чиновников, которых до сего времени не трогают». Создается впечатление, писала эта газета, что румынское правительство как бы намеренно назначает на государственные посты и в администрацию заведомых антидемократов.

В результате политики покровительства и поощрения фашистских элементов, проводившейся правительством под идейным руководством лидеров «исторических партий», последние осмелели и стали нагло выступать против демократических сил. Легионеры совместно с поли-

---

[41] «Scînteia», 13 oct. 1944.

цией совершали нападения на собрания, проводимые демократическими организациями, избивали население лишь за то, что оно оказывало гостеприимство советским воинам. Фашиствующие предприниматели и директора предприятий увольняли рабочих по подозрению в коммунизме, наказывали их даже за проступки, совершенные до 23 августа 1944 г. Дело дошло до того, что за опубликование статьи с требованием очистить армию от фашистских элементов газета «Скынтейя» получила предупреждение от главного цензора реакционного правительства Санатеску.

В Трансильвании банды легионеров, организованные в так называемую «национальную гвардию», или «гвардию Юлиу Маниу», развязали кровавый террор против венгерского населения, в первую очередь венгерских демократов. Патриарх румынской реакции Ю. Маниу высоко оценил бандитские действия и зверства «национальной гвардии», опубликовав в центральном органе своей партии «Воззвание к товарищам из ,,национальной гвардии"», в котором благодарил их за патриотизм, с каким они «отдались совершенным действиям» [42]. Поведение «гвардии Юлиу Маниу» вызвало гневное возмущение румынского народа, отмежевавшегося от преступников и потребовавшего сурового возмездия для них. «Мы, румыны,— говорилось по этому поводу в передовой статье газеты «Скынтейя»,— считаем, что наш народ не имеет ничего общего с этими преступными бандами, унижающими его имя» [43]. Попытка румынской реакции разжиганием национальной вражды сбить массы с пути народной революции, с пути борьбы против фашизма, за демократизацию страны не удалась.

В связи с тем что действие банд «гвардии Юлиу Маниу» и поведение румынской администрации, полиции и жандармерии, потворствовавших им, создали напряженное положение в ближайшем тылу советских и румынских войск, сражавшихся против гитлеровцев, советское командование разоружило эти отряды и потребовало вывода из Северной Трансильвании румынской профашистской администрации. Управление Северной Трансильва-

---

[42] «Dreptatea», 16 noembr. 1944.
[43] «Scînteia», 17 noembr. 1944.

нией временно было передано в руки советских военных властей. Эта справедливая мера, продиктованная соображениями безопасности тыла, не могла не подорвать позиций реакционного правительства Санатеску, представшего в глазах всех румынских патриотов препятствием на пути осуществления территориального единства страны.

Народная революция в Румынии развертывалась в условиях тяжелого экономического положения ее трудящихся масс. Гитлеровский грабеж и тяжкое бремя антисоветской войны подорвали народное хозяйство. Этому способствовали также англо-американские бомбардировки важнейших городов Румынии весной — летом 1944 года. Наибольшие потери были нанесены войной железнодорожному транспорту и нефтяной промышленности. К 23 августа 1944 г. пропускная способность железных дорог сократилась до 30% по сравнению с пропускной способностью в 1943 году. Были разрушены многие тысячи километров железнодорожного пути, большое количество мостов и других сооружений. Численность паровозного и вагонного парка уменьшилась больше чем на половину. Мощности нефтеперерабатывающей промышленности сократились на 80—85%. Добыча нефти упала с 5273 тыс. *т* в 1943 году до 3505 тыс. *т* в 1944 году. Многие промышленные предприятия были эвакуированы и разбросаны отдельными цехами и секциями в разных частях страны, что имело своим следствием резкое падение объема промышленного производства. Большой ущерб был нанесен сельскому хозяйству, потерявшему много скота, в том числе тяглового, и сельскохозяйственного инвентаря.

После 23 августа 1944 г. крупная буржуазия и помещики стали саботировать восстановление экономики, чтобы путем создания хозяйственного хаоса, инфляции и голода ослабить патриотический подъем, сорвать снабжение антигитлеровского фронта и подготовить почву для порабощения страны империалистами под видом оказания ей экономической «помощи». В конечном итоге экономический саботаж преследовал цель помешать установлению подлинно демократического строя в Румынии. Костлявой рукой голода буржуазно-помещичьи круги намеревались задушить народную революцию и таким путем сохранить свое господство.

Экономический саботаж охватил важнейшие отрасли румынской промышленности, осуществляясь под руководством иностранных монополистов, контролировавших ее. В конце августа 1944 года из США вернулся один из крупнейших румынских капиталистов — «железный король Румынии» Макс Аушнит. Он был тесно связан с английскими и американскими монополистическими кругами, будучи собственником ряда крупных предприятий как в Румынии, так в Англии и США. В Румынии ему принадлежали заводы «Решица», заводы «Титан-Надраг-Калан» и др. М. Аушнит был крупным акционером английского концерна вооружений «Виккерс» и Вестминстерского банка в Лондоне. В Соединенных Штатах ему принадлежала «Трединг компани фор Ориент», он владел также крупным пакетом акций «Американского кредитного общества». Макс Аушнит во времена королевской диктатуры был приговорен к тюремному заключению по обвинению в нарушении закона о валюте. Король Кароль пытался таким образом наложить руку на огромные богатства этого капиталиста. В июле 1944 года Аушнит бежал из Румынии на остров Мальту, а оттуда перебрался в США. Вернувшись в Румынию, он возглавил «Всеобщий союз румынских промышленников» и стал финансировать деятельность реакционных партий и групп, боровшихся против революционных сил.

Из Англии прибыли в освобожденную от фашизма Румынию Ф. Гартнер, назначенный в сентябре 1944 года главным администратором крупнейшего нефтяного общества «Астра Ромына», и представитель «Ройял-датч Шелл» О. Штерн, под руководством которого вскоре был создан комитет для координации подрывной деятельности в румынской нефтяной промышленности[44]. Опорными пунктами империалистических саботажников являлись четыре крупнейшие нефтяные компании — «Астра Ромына», «Стяуа Ромына», «Ромына американа» и «Униря», на долю которых приходилась основная масса добычи и переработки нефти в Румынии. В угольной промышленности саботажем капиталистов руководил И. Бужой, являвшийся заместителем М. Аушнита по «Всеобщему союзу румынских промышленников».

---

[44] См. «Procesul unor sabotori in industria petroliferă din RPR» («Scînteia», 13 febr. 1944).

Саботаж промышленного производства выражался в закрытии предприятий и массовых увольнениях рабочих, в отказе от монтажа возвращенного из эвакуации оборудования, в непринятии заказов, связанных с выполнением условий перемирия, в утайке сырья и произведенной продукции, в преднамеренном выводе из строя производственных мощностей и т. п. Демократические газеты ежедневно сообщали факты дезорганизации промышленного производства реакционерами и фашистами. Военный комендант завода «Астра» под предлогом отсутствия заказов пытался уволить 800 рабочих. Попытка проведения массового локаута была предпринята на заводах «Малакса» в Брашове и Бухаресте. На фабрике взрывчатых веществ по решению дирекции число рабочих дней было сокращено с шести до трех.

Результаты этого саботажа, начавшегося сразу же после 23 августа 1944 г. и принявшего еще больший размах в связи с приходом к власти демократического правительства 6 марта 1945 г., не заставили себя ждать. Выпуск продукции предприятиями «Решица» в январе 1945 года оказался в несколько раз меньше уровня 1943 года, что привело к резкому сокращению производства на металлообрабатывающих заводах, получавших от «Решицы» более половины полуфабрикатов. Ежемесячная добыча угля в бассейне Валя Жиулуй сократилась с 180 тыс. *т* до 70 тыс. *т*.

Усиливая дезорганизацию и хаос в экономике страны, правительство реакционеров не принимало мер для восстановления железных дорог и других средств сообщения. Национальный банк, являвшийся орудием политики буржуазно-помещичьих партий, в первую очередь национал-либеральной партии, отказывал в кредитах на восстановление страны. Он затягивал обмен на леи советских рублей, полученных населением за поставки Красной Армии, стремясь таким путем вызвать недовольство населения и сорвать снабжение советских войск, сражавшихся за полное освобождение территории Румынии и окончательный разгром гитлеризма. В стране продолжала свирепствовать инфляция. Количество денег в обращении увеличилось за вторую половину 1944 года почти в два раза [45].

---

[45] «Scînteia», 4 martie 1945.

Саботаж развернулся и в сельском хозяйстве, где помещики и крупные землевладельцы пытались сгноить хлеб на корню, лишить трудящееся население городов и армию продовольствия. «Помещики не убирают хлеб с полей»,— писала в октябре 1944 года газета «Скынтейя», приводя многочисленные примеры.

Реакционные власти не разрешали крестьянам убирать хлеб с земель, брошенных бежавшими помещиками. Чтобы подорвать продовольственное положение страны и голодом принудить трудящиеся массы прекратить революционную борьбу, помещики и крупные землевладельцы при поддержке правительства Санатеску повели саботаж осеннего сева. Многие из них совершенно не засевали или засевали крайне незначительные участки своих владений. На конец октября 1944 года по всей стране было засеяно не более 5—6% земельной площади, предусмотренной планом. Разоблачая действия саботажников, орган Коммунистической партии писал: «Причина с затягиванием (сева.— *Авт.*) не столько в известной нехватке тягла, инвентаря и рабочих рук, сколько в преднамеренном саботаже реакционеров, фашистов» [46].

Министерство сельского хозяйства во главе с министром-реакционером Неджелем отвергло выработанный группой демократически настроенных агрономов план выправления положения с осенним севом. Этот план предусматривал передачу в аренду крестьянам всех земель, которые не обрабатывались помещиками, из расчета, что две трети урожая будут оставаться крестьянину-арендатору и только одна треть пойдет помещику как плата за пользование его землей. В числе мер, предлагавшихся агрономами-демократами, было использование всех имевшихся резервов тягла, рабочих рук, семенного материала и др., ремонт сельхозинвентаря, проведение агротехнических мероприятий.

Экономический саботаж и сопутствовавшая ему безудержная спекуляция вели к дальнейшему падению жизненного уровня трудящихся. За период с августа 1939 года по август 1944 года цены возросли почти в 14 раз, а заработная плата — лишь в 2,7 раза. К февралю 1945 года розничные цены поднялись по сравнению с сентябрем 1944 года на 245%. Некоторое увеличение заработной

---

[46] «Scînteia», 20 noembr. 1944.

платы, которого добились после 23 августа 1944 г. рабочие и служащие, организованные в профсоюзы, не могло угнаться за головокружительным ростом цен. Реакционеры, входившие в правительство, не принимали мер для снабжения населения.

Ухудшению положения трудящихся масс способствовало также и то, что выполнение экономических условий соглашения о перемирии взваливалось на плечи бедняков. Правительственные органы по выполнению соглашения о перемирии подвергали хозяйства трудящихся крестьян грабительским реквизициям, забирая бесплатно или за бесценок скот и зерно. Не было проведено ни конфискации имущества военных преступников, ни прибылей тех, кто разбогател на военных поставках; не было проведено такого распределения налогов, при котором все социальные слои несли бы расходы, связанные с выполнением условий перемирия, пропорционально их богатству. Вместо этого реакционеры, находившиеся у власти, прибегли к необеспеченному выпуску бумажных денег Национальным банком, еще более усиливая инфляцию со всеми ее тяжелыми последствиями для экономики страны.

Разорение страны и непрерывно ухудшающееся положение народных масс румынская реакция пыталась представить как прямой результат якобы «непосильных» экономических условий перемирия. Таким путем делалась попытка подорвать признательность румынского народа Советскому Союзу, сыгравшему решающую роль в освобождении Румынии от ига гитлеризма, посеять рознь между советским и румынским народами. Демократическая печать, разоблачая эти гнусные происки румынских реакционеров, указывала народу на истинных виновников его лишений и бедствий.

Действия румынской реакции, направленные на сохранение буржуазно-помещичьих порядков, были обречены на провал. Против этих порядков, против реакционного большинства правительства Санатеску, противившегося демократическим преобразованиям и таким образом разоблачавшего себя в глазах народа, поднимались могучие революционные силы, руководимые Коммунистической партией Румынии.

26 Заказ № 103

Глава 3

СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ФРОНТА

За короткий период времени правительство генерала Санатеску показало себя ярым противником подлинной демократизации страны, подъема ее экономики, выполнения условий перемирия. Оно ограничилось отменой фашистского законодательства и предоставлением некоторых демократических прав и свобод, не угрожавших существованию буржуазно-помещичьего режима, решительно воспротивившись более глубоким преобразованиям в экономической и общественно-политической областях. Реакционное большинство правительства Санатеску было против углубления процесса демократизации страны и перехода к режиму народной демократии, основным содержанием которого являлась рабоче-крестьянская власть.

Таким образом, это правительство, сыгравшее свою роль в решении антифашистских задач — выхода из гитлеровского блока и включения Румынии в войну против фашистских государств, подписания перемирия, восстановления конституционного режима и т. п.,— превратилось в тормоз дальнейшего развития народной революции.

Таким же тормозом в новых условиях, когда на первый план помимо антифашистских задач выдвигались задачи завершения буржуазно-демократической революции, стал и Национально-демократический блок. Созданный еще до 23 августа 1944 г. в составе Коммунистической, социал-демократической, национал-царанистской и национал-либеральной партий Национально-демократический блок ставил перед собой сравнительно узкие задачи, связанные с борьбой за освобождение от фашистского ига. Эти задачи в основном были достигнуты в первые же дни после свержения диктатуры Антонеску.

Развитие народной революции, главным вопросом которой было установление рабоче-крестьянской власти, требовало новой перегруппировки классовых сил, ибо буржуазно-помещичьи партии были врагами этой рево-

люции. Кроме того, своим отказом присоединиться к Патриотической антигитлеровской группе, организованной в первой половине сентября 1944 года демократическими партиями и организациями во главе с КПР, «исторические партии» показали, что даже антифашистские задачи народной революции нельзя решить до конца без устранения от власти главных сил буржуазии и помещиков, группировавшихся вокруг этих партий.

Установление народно-демократической власти было необходимым условием завершения буржуазно-демократической революции и перехода в дальнейшем к социалистической революции.

Во второй половине сентября 1944 года в связи с успехом в организации сил революции и процессом быстрого саморазоблачения реакционного правительства Санатеску компартия выдвигает лозунг борьбы за устранение этого правительства. Поскольку правительство генерала Санатеску прикрывалось вывеской Национально-демократического блока, возникла также необходимость роспуска НДБ. Компартия предложила всем демократическим партиям и организациям объединиться в Национально-демократический фронт (НДФ), который должен стать решающей силой в управлении страной. Объясняя причины, побуждающие к таким действиям, заявление компартии и демократических организаций гласило: «Нынешнее правительство и Национально-демократический блок, выполнившие свою задачу заключением перемирия, не выражают более воли и интересов широких масс народа и не пользуются доверием страны. Лишенное поддержки народа, это правительство не в состоянии устранить опасность, угрожающую нашей стране, и направить Румынию по пути настоящей демократии, которую желает и требует весь народ» [47].

В целях мобилизации всех демократических сил, заинтересованных в решении задач народной революции, Коммунистическая партия выработала «Проект платформы Национально-демократического фронта Румынии». В этом документе, опубликованном в номере «Скынтейи» от 26 сентября 1944 г., был дан глубокий анализ развития Румынии, изменения ее внутриполитического и международного положения после 23 августа 1944 г., показаны

---

[47] «Scînteia», 7 oct. 1944.

причины, мешающие глубоким преобразованиям в общественно-политической жизни страны, и поставлены задачи, решение которых обеспечит развитие страны по пути прогресса.

Основные положения проекта платформы отвечали интересам широких народных масс, имели общенациональный характер, позволяя объединить все демократические силы вокруг рабочего класса, единственного последовательно революционного класса, способного довести до конца народную революцию, начатую вооруженным восстанием 23 августа 1944 г. Выдвинутая компартией платформа Национально-демократического фронта являлась программой завершения буржуазно-демократической революции в условиях борьбы против фашизма внутри страны и еще не закончившейся войны против гитлеровской Германии.

Подчеркивая важность окончательного разгрома гитлеризма для судеб демократии и независимости Румынии, проект платформы ставил в качестве одного из главных своих положений обеспечение участия Румынии совместно с Красной Армией в войне до полного разгрома гитлеровской Германии. В тесной связи с этим положением находился пункт о проведении политики искренней дружбы с Советским Союзом, являвшимся в тот момент главным гарантом независимого демократического развития страны. В документе говорилось о необходимости всеми средствами поддерживать справедливую войну. В нем указывалось также на необходимость полного уничтожения внутреннего фашизма и наказания военных преступников, проведения чистки государственного аппарата от фашистских и профашистских элементов и установления подлинно демократического строя, осуществления полного равенства в правах между национальными меньшинствами и румынским народом.

Проект платформы НДФ в своем вступлении говорил об установлении в стране «режима реальной демократии», то есть такой демократии, при которой трудящиеся массы, а не эксплуататоры решали бы дела государства. Эта новая демократия создавалась при использовании старого государственного аппарата и системы буржуазного парламентаризма, которые должны были претерпеть радикальные изменения в интересах народа. Проект платформы предусматривал выработку новой конститу-

ции, установление «принципов государственной жизни страны на основе демократического парламентского строя в соответствии с интересами румынского народа» [48].

Учитывая специфические условия развития народной революции, компартия не ставила задачи немедленного слома старого государственного аппарата и ликвидации монархии, ибо это облегчило бы демагогические маневры «исторических партий» с целью завоевания влияния в массах, затруднило бы привлечение на сторону народной революции мелкой и части средней буржуазии, не говоря уже о том, что возникли бы трудности в обеспечении активного участия страны в войне против гитлеровской Германии. КПР правильно решила, что для победы народной революции необходимо сначала захватить старый государственный аппарат, подвергнуть его радикальной чистке от реакционных элементов, ликвидировать все фашистские законы и учреждения, превратить старый государственный аппарат в инструмент осуществления революционных задач, стоявших на повестке дня [49].

Проект платформы предлагал некоторые глубокие социально-экономические реформы, преследовавшие цели восстановить и развить национальную экономику, улучшить жизнь народа. Речь шла в первую очередь об аграрной реформе, без которой был немыслим дальнейший прогресс страны. Для быстрейшего восстановления и развития страны, указывалось в проекте, необходимо удовлетворить самые насущные и справедливые требования румынского крестьянства, а именно: провести широкую аграрную реформу путем экспроприации крупной земельной собственности, земельных излишков свыше 50 *га* и наделения этой землей безземельных и малоземельных крестьян.

Аграрный вопрос в Румынии являлся следствием незавершенности буржуазно-демократической революции. Аграрные реформы 1864 года и 1918—1921 годов не уничтожили крупного помещичьего землевладения, не дали крестьянству желаемой земли. По официальным данным переписи 1930 года, кучка помещиков, не превышавшая по своей численности 0,8% сельскохозяйственно-

---

[48] «Scînteia», 26 sept. 1944.
[49] См. «Studii», 1964, N 4, p. 845.

го населения, владела 57% всей пахотной земли. В последующие годы в результате разорения бедняцких хозяйств и перехода их участков во владение помещиков и кулаков неравномерность в распределении земли в Румынии усилилась. Перед войной в руках 12 тыс. крупных помещиков находилось 5,5 млн. *га*, в то время как 1,7 млн. крестьянских хозяйств имели всего 2,5 млн. *га* земли, а 700 тыс. крестьянских семей совершенно были лишены земли [50]. Чтобы не умереть с голода, малоземельное и безземельное крестьянство было вынуждено на кабальных условиях арендовать землю у помещиков, отдавая половину, а то и две трети урожая с арендуемой земли. Крупное помещичье землевладение и связанные с ним феодально-крепостнические отношения тормозили развитие сельского хозяйства, увековечивали его отсталость и низкую продуктивность, обрекали широкие массы крестьянства на нищенскую жизнь. Они тормозили расширение внутреннего рынка и индустриализацию страны.

Еще до опубликования проекта платформы НДФ компартия в своем центральном органе — в газете «Скынтейя», в ее первом легальном номере, поставила вопрос об аграрной реформе, требуя конфискации земли помещиков, сотрудничавших с Гитлером и Антонеску [51]. В проекте платформы НДФ это требование было сформулировано как требование ликвидации крупного помещичьего землевладения вообще, диктуемой интересами прогрессивного развития страны. Лозунг ликвидации помещичьего землевладения и наделения за этот счет малоземельных и безземельных крестьянских хозяйств обеспечивал рабочему классу самого массового, главного союзника, создавая важнейшие условия для победы народной революции, для свержения буржуазно-помещичьей власти.

Компартия подчеркивала, что осуществление вековой мечты крестьян об уничтожении помещичьей эксплуатации возможно только в случае устранения правительства реакционного большинства и прихода к власти демократического правительства. Наряду с требованием аграрной реформы проект платформы говорил о необходимости аннулирования задолженности крестьян государству

---

[50] «Обзор крестьянского вопроса в Румынской Народной Республике», Бухарест, 1948, стр. 8.

[51] См. «Scînteia», 21 sept. 1944.

и банкам, вытекающей из обязательств по аграрной реформе 1921 года и конверсии долгов. Эта мера была призвана облегчить материальное положение трудящегося крестьянства.

Проект платформы Национально-демократического фронта ставил вопрос о принятии ряда мер для обеспечения, как об этом было сказано в нем, «человеческих условий жизни рабочих и служащих». Имелись в виду такие меры, осуществление которых еще не затрагивало основ капиталистического производства. В числе этих мер было установление минимальной заработной платы на уровне, соответствующем дороговизне. В интересах народа должна была оказываться поддержка ремеслам и свободе торговли. Содержалось также требование демократизации образования и др.

Особо следует остановиться на пункте проекта платформы, в котором говорилось об огосударствлении Национального банка и 18 других крупных банков, а также картелей в основных отраслях промышленности. Это требование в конкретных условиях того времени не выходило за пределы завершения буржуазно-демократической революции и было продиктовано прежде всего интересами восстановления экономики, мобилизации ресурсов страны, ее промышленного потенциала для нужд антифашистской войны.

Г. Георгиу-Деж подчеркивал тогда же, что требование национализации банков и некоторых промышленных предприятий не следует смешивать с обобществлением их, с социалистической национализацией[52]. Компартия спустя некоторое время после опубликования проекта платформы и его принятия демократическими партиями и организациями выступала с разъяснениями того, что национализация банков, которую предлагал НДФ, не означала конфискации акций и вкладов, а имела своей целью установление государственного контроля над распределением кредитов. Эти разъяснения должны были успокоить мелких держателей акций, предупредить их переход в стан врагов революции. Но выдвижение требования национализации оказалось, по-видимому, преждевременным. Поэтому в «Правительственной программе», которая была опубликована Национально-демократиче-

---

[52] См. Arhiva CC al PMR, fond 1, dos. 3, f. 67.

ским фронтом в январе 1945 года, этот пункт был снят.

Требования, содержавшиеся в проекте платформы НДФ, могли быть реализованы лишь в случае устранения правительства реакционного большинства во главе с генералом Санатеску и прихода к власти демократического правительства. «Эта программа,— подчеркивалось в документе,— может быть претворена в жизнь только правительством, представляющим все национальные и демократические силы страны и пользующимся активной поддержкой широких слоев румынского народа» [53].

Следовательно, с выдвижением платформы Национально-демократического фронта окончился очень короткий период, когда Коммунистическая партия Румынии после победы антифашистского вооруженного восстания 23 августа 1944 г. официально не выступала против этого правительства. Компартия сочла возможным выдвинуть лозунг замены этого правительства после того, как оно стало все больше разоблачать себя в глазах народных масс, препятствуя демократизации страны и проведению необходимых преобразований, диктовавшихся ходом народной революции.

Итак, выработанный компартией проект платформы Национально-демократического фронта исходил из возможности объединения широких сил румынского народа, сил, заинтересованных в доведении до конца антифашистской борьбы, демократизации страны и проведения аграрной реформы. Этот документ свидетельствует о творческом применении указаний V съезда КПР относительно характера движущих сил и этапов развития революционного процесса в Румынии. Начавшийся после 23 августа 1944 г. первый этап народной революции своим основным содержанием имел завершение буржуазно-демократической революции, протекавшее в условиях еще не оконченной войны против гитлеризма, что налагало свой отпечаток на развитие румынской революции в этот период.

Проект платформы НДФ, выработанный Коммунистической партией Румынии и предложенный в качестве программы действий всем демократическим силам страны, сыграл большую роль в дальнейшем развитии народной революции. Широкая пропаганда и популяриза-

---

[53] «Scînteia», 26 sept. 1944.

ция основных пунктов проекта в коммунистической и демократической печати и разоблачение в связи с этим враждебных народу действий румынской реакции способствовали политическому просвещению народных масс, активизации их борьбы за власть, за демократические преобразования. Предложенный компартией проект платформы, найдя широкий отклик в народных массах, привел к дальнейшему росту влияния КПР, укрепил ее руководящую роль в коалиции революционных и демократических сил.

Опубликование проекта платформы НДФ вызвало невиданную политическую активизацию самых различных слоев населения. На многочисленных собраниях и митингах рабочие, крестьяне, интеллигенция обсуждали этот документ, выражая свою полную поддержку программе широких демократических реформ, предложенных Коммунистической партией Румынии. На стадионе «Джулешти» 29 сентября 1944 г. прошло собрание железнодорожников столицы. «Ознакомившись с проектом платформы НДФ, представленным ЦК КПР, — говорилось в резолюции этого собрания, — мы приветствуем инициативу Коммунистической партии и считаем, что проект платформы намечает единственно правильный путь, по которому должен следовать рабочий класс вместе со всем румынским народом» [54]. Рабочие-железнодорожники приняли на себя обязательство немедленно приступить к изгнанию фашистских элементов и саботажников из администрации железнодорожных мастерских, добиться роста производства и т. п. Подобные резолюции были приняты на собраниях рабочих заводов «Малакса», «Мочорница» и др. Рабочий класс всей страны выразил безоговорочную поддержку платформе коммунистов.

Уже в конце сентября — начале октября 1944 года на своих собраниях выразили одобрение основным пунктам платформы, в первую очередь пункту об аграрной реформе, крестьяне уездов Яломица, Ильфов, Долж, Арджеш, Дымбовица, Горж и др. Представители крестьян Ильфовского уезда на своем собрании назвали предложенную компартией платформу «своей собственной, крестьянской платформой» [55]. Рассматривая ее как про-

[54] «Scînteia», 1 oct. 1944.
[55] «Scînteia», 11 oct. 1944.

грамму немедленных действий, крестьяне ряда сел изгнали реакционных примарей, избрали на их место своих представителей, которые приняли меры, наносившие удары по местным помещикам. Все демократические партии и организации заявили о своей поддержке проекта платформы, предложенного Коммунистической партией Румынии. Руководство «Фронта земледельцев» призвало бороться за претворение этой платформы в жизнь. «Союз патриотов» организовал 1 октября большую демонстрацию под лозунгами: «Смерть гитлеровским бандитам!», «Очистить государственный аппарат от фашистских элементов!», «Требуем экспроприации крупных помещиков и раздела их земли между крестьянами!», «Безграничная любовь и признательность к Красной Армии — освободительнице — никогда не должна угаснуть!».

Левсе крыло социал-демократической партии встретило с одобрением проект платформы Национально-демократического фронта. Но правое крыло во главе с Тителем Петреску заняло позицию срыва широкого демократического фронта борьбы, создание которого преследовала компартия, выдвигая проект платформы НДФ. Правосоциалистические лидеры выступили с критикой этого проекта и самой идеи создания Национально-демократического фронта. Т. Петреску утверждал в своих комментариях к проекту, что объединение совместно «слишком многих» организаций якобы «вредно». Взамен широкого объединения демократических сил он предлагал в письме ЦК СДП к ЦК КПР создать «консультативное собрание», в котором четыре партии — Коммунистическая, социал-демократическая, национал-царанистская и национал-либеральная — имели бы равное представительство[56]. Это предложение было направлено фактически на сохранение власти реакции, которая прикрывалась бы по-прежнему «сотрудничеством» с демократическими силами, мешая мобилизации революционных сил для захвата власти рабочими и крестьянами.

Т. Петреску и его сторонники выступали также против пункта проекта платформы об экспроприации помещичьих владений свыше 50 *га*. Они выдвигали демагоги-

[56] См. «Libertatea», 30 sept. 1944 si 1 oct. 1944.

ческий лозунг экспроприации всех земель, которые обрабатывались наемным трудом, ставя условием этой экспроприации «предварительное и справедливое возмещение». Лозунг экспроприации всей земли, обрабатываемой чужим трудом, с обеспечением предварительно «справедливого возмещения» был неприемлем по двум соображениям. Во-первых, требование экспроприации всей земли, обрабатываемой чужим трудом, сделало бы невозможным нейтрализацию кулачества на первом этапе народной революции, толкнуло бы его в лагерь крупной буржуазии и помещиков. Во-вторых, в тогдашних условиях было невозможно найти средства для «предварительного и справедливого возмещения» собственников, не обрабатывавших землю своим трудом, а это означало, что проведение аграрной реформы должно было быть отложено на неопределенно долгий срок.

Происки правосоциалистических лидеров оказались безуспешными. Под давлением рабочих и лидеров левого крыла партии они были вынуждены принять проект платформы НДФ, предложенный компартией, внеся в него лишь мелкие изменения. 2 октября 1944 г. состоялось совместное заседание делегаций Центральных комитетов Коммунистической и социал-демократической партий, на котором одобренная платформа Национал-демократического фронта стала платформой Единого рабочего, фронта. Был создан Центральный комитет Единого рабочего фронта, а также было решено создать местные комитеты ЕРФ, где имелись организации обеих партий.

Соглашение от 2 октября 1944 г. устанавливало общую линию двух рабочих партий в области политической борьбы и профсоюзного движения. Оно явилось важным моментом в деле обеспечения единства рабочего класса. Единый рабочий фронт, созданный 1 мая 1944 г. на основе антифашистской борьбы, был, таким образом, укреплен с целью решения революционных задач, стоявших перед рабочим классом и всем румынским народом на новом историческом этапе.

Укрепление единства действий рабочего класса позволило ему сплотить вокруг себя все демократические силы, возглавить их борьбу за победу народной революции. Как отметил А. Могиорош в январе 1946 года, «единый рабочий фронт явился силой, помогавшей заверше-

нию буржуазно-демократической революции»[57]. Принятая 2 октября 1944 г. совместная резолюция делегаций двух партий подчеркивала задачу трудящихся бороться за демократию нового типа, которая защищала бы их интересы. Осуществление единства действий, говорилось в резолюции, необходимо для защиты интересов трудящихся и всего народа путем установления настоящей, прогрессивной демократии.

7 октября 1944 г. «Скынтейя» опубликовала платформу НДФ, одобренную двумя рабочими партиями, и призыв Центрального комитета Единого рабочего фронта ко всем демократическим организациям и партиям объединиться на ее основе, для того чтобы поставить у власти правительство Национально-демократического фронта. На следующий день в Бухаресте на стадионе Национального общества физического воспитания состоялся грандиозный 100-тысячный митинг, участники которого одобрили будущую платформу НДФ, отметив в своей резолюции, что «с сегодняшнего дня проект платформы Национально-демократического фронта является программой борьбы всего румынского народа за свободную, демократическую и независимую Румынию». Они выразили решимость устранить правительство реакционера Санатеску, которое саботировало выполнение соглашения о перемирии, отказывалось проводить чистку государственных учреждений от фашистских элементов, отказывалось от принятия мер по улучшению жизненных условий народных масс и т. п. Многотысячные митинги с требованием заменить правительство Санатеску демократическим правительством прошли под руководством местных организаций КПР почти во всех городах страны, в том числе Плоешти, Брашове, Галаце, Тыргу-Жиу, Яссах, Бакэу, Петрошанах, Араде, Сибиу, Тимишоаре и др. В них принимали участие также крестьяне близлежащих сел. Манифестации масс явились свидетельством полного одобрения народом революционных требований платформы.

В этих условиях был создан 12 октября 1944 г. Национально-демократический фронт, в который вошли Коммунистическая партия Румынии, социал-демократическая партия, Единые профсоюзы, «Фронт земледель-

[57] Arhiva Inst., fond 1, dos. 385, f. 52.

цев», «Союз патриотов» и МАДОС. Свое согласие с программой, изложенной в платформе, выразили также Союз коммунистической молодежи, «Патриотическая защита», крестьянская социалистическая партия и т. п. Для координации действий организаций, вошедших в НДФ, для руководства их совместными выступлениями был создан Национальный совет НДФ, в который от компартии вошли Г. Георгиу-Деж, Киву Стойка и др. Этот совет был призван выражать единую волю двух рабочих партий и организаций, объединившихся в Национально-демократический фронт.

«Исторические партии» отказались вступить в Национально-демократический фронт. Для оправдания своего отказа они прибегли к заявлениям о том, что расширение Национально-демократического блока путем включения в него других партий и организаций и превращения таким образом его в Национально-демократический фронт приведет к нарушению «равновесия», сложившегося 23 августа 1944 г. Буржуазно-помещичьи партии не хотели, чтобы взамен НДБ, где они были двумя из четырех участников этого политического блока, был создан НДФ, в котором демократические партии и организации составляли бы большинство, а они оказались бы в меньшинстве. Национал-либеральная и национал-царанистская партии выступили с критикой аграрной и других реформ, намечавшихся платформой НДФ, объявив их несвоевременными, неосуществимыми до окончания войны. Своим отказом от вступления в Национально-демократический фронт «исторические партии» ясно показали, что они являются противниками осуществления демократических преобразований. Вынужденное саморазоблачение буржуазно-помещичьих партий вело к их изоляции, давая возможность компартии привлечь на сторону революции те круги населения, которые до того находились под влиянием «исторических партий».

В связи с созданием НДФ Коммунистическая и социал-демократическая партии вышли из Национально-демократического блока, объявив его распущенным. В заявлении Национального совета НДФ по этому поводу указывалось, что Национально-демократический блок и его правительство основывали свою политику не на «объединении национально-демократических сил, а на устранении наиболее активных из них», вследствие чего

они превратились в тормоз на пути прогресса страны [58]. Вслед за этим представители Коммунистической и социал-демократической партий вышли из состава правительства Санатеску, в результате чего реакция лишилась возможности продолжать выступать под прикрытием вывески Национально-демократического блока.

Возникший таким путем правительственный кризис заставил генерала Санатеску подать королю заявление об отставке.

16 октября 1944 г. на аудиенции у короля представители Коммунистической и демократической партий поставили вопрос об учреждении нового правительства, политика которого основывалась бы на платформе НДФ. На пост главы нового правительства выдвигалась кандидатура доктора Петру Гроза, председателя «Фронта земледельцев». Новое правительство должно было состоять в основном из представителей партий и организаций, вошедших в НДФ. Вместе с тем предусматривалось, что представители национал-царанистской и национал-либеральной партий сохранят в нем ряд министерств [59].

Исходя из учета международной и внутренней обстановки, соотношения классовых сил в стране, компартия предлагала сформирование коалиционного правительства, которое в своей деятельности руководствовалось бы основными положениями платформы Национально-демократического фронта, такими как мобилизация всех сил и ресурсов страны на ведение антигитлеровской войны, строгое выполнение статей соглашения о перемирии, демократизации страны и т. п.

Будучи идейными вдохновителями правительства реакционного большинства во главе с генералом Санатеску, буржуазно-помещичьи партии в демагогических целях выражали, однако, недовольство политикой этого правительства, все более разоблачавшего себя в глазах народа. Газета «Дрептатя», являвшаяся официальным органом национал-царанистской партии, писала: «Тезис сотрудничества, положенный в основу Национально-демократического блока, с самого начала упирался в неспособность настоящего правительства разрешить что-

---

[58] «Scînteia», 18 oct. 1944.
[59] См. «Scînteia», 19 oct. 1944.

либо, помимо текущих дел. Как стремление масс к реформам, так и серьезная проблема ответственности (за военные преступления. — *Авт.*) не получили ожидаемых политических ответов от технических специалистов, стоявших у власти»[60].

«Исторические партии» желали такой замены правительства Санатеску, при которой их политические деятели заняли бы место так называемых технических специалистов, сохранив в нем засилье реакции. Поэтому предложение Национально-демократического фронта о сформировании коалиционного правительства, предусматривавшее расширение позиций демократических сил в управлении страной, первоначально было отвергнуто руководством национал-царанистской и национал-либеральной партий, они соглашались на сформирование нового политического правительства только из представителей четырех партий бывшего Национально-демократического блока. Лишь позднее, в ходе переговоров с представителями Национально-демократического фронта, они согласились на создание более широкого коалиционного правительства. К этому их вынудили принявшие широкий размах выступления масс под руководством компартии за немедленное устранение правительства реакционного большинства и сформирование демократического правительства.

В ходе переговоров о создании нового правительства Маниу, Братиану и другие руководящие деятели национал-царанистской и национал-либеральной партий придерживались тактики проволочек, ведя бесконечную дискуссию и неоднократно возвращаясь к уже согласованным пунктам, чтобы помешать принятию демократической программы правления будущего правительства. Руководители «исторических партий» пытались вести закулисные переговоры с каждой группировкой, входящей в НДФ, стремились расколоть Национально-демократический фронт, хотели выторговать себе больше министерских портфелей и высоких правительственных постов в новом правительстве.

Коммунистическая партия и другие демократические организации приняли меры к тому, чтобы пресечь происки буржуазно-помещичьих партий. В своей печати они

---

[60] «Dreptatea», 7 oct. 1944.

регулярно публиковали коммюнике Национального совета НДФ, информируя трудящиеся массы о ходе переговоров и позиции сторон — «исторических партий» и Национально-демократического фронта. Это способствовало разоблачению национал-царанистской и национал-либеральной партий, вело к росту их изоляции от широких масс, воочию убеждавшихся во враждебности этих партий.

В то время как «исторические партии» затягивали переговоры о сформировании коалиционного правительства, реакционное большинство правительства Санатеску стало открыто прибегать к репрессиям против революционных сил, надеясь таким образом запугать их и затормозить борьбу за демократизацию страны. Требуя соблюдения «порядка» и «спокойствия», министр внутренних дел генерал Алдя дал категорический приказ жандармерии и полиции самым строгим образом подавлять попытки населения сменить реакционные власти на местах. По его распоряжению в ряде сел и городов были использованы против народа воинские части, производившие аресты представителей демократических сил, избранных взамен реакционных примарей и префектов.

Официально объявив о своей отставке после ухода из него представителей Коммунистической и социал-демократической партий и роспуска НДБ, правительство Санатеску, инспирируемое Маниу и Братиану, продолжало с согласия короля оставаться у власти. Более того, реакционное большинство специальным коммюнике сообщило неожиданно, что оно не собирается уходить в отставку и будет продолжать свою деятельность [61]. Реакция предприняла безнадежный маневр ликвидировать одно из наиболее важных завоеваний восстания 23 августа 1944 г., каковым являлось впервые в истории Румынии вхождение представителей трудящихся в правительство страны.

Став целиком реакционным по своему составу, правительство Санатеску лихорадочно приступило к обсуждению и принятию некоторых мер с целью остановить революционную борьбу трудящихся масс. На его заседаниях вносились предложения запретить деятельность

---

[61] См. «Scinteia», 20 oct. 1944.

Комиссии по организации профсоюзного движения, принять закон против создания революционных профсоюзов и объединения в профсоюзы государственных служащих, подготовить новый «закон о чистке», по которому вопросы демократизации и устранения фашистских элементов были бы переданы в руки реакционеров из государственного аппарата и хозяев, а рабочие были бы устранены от этого дела, а также другие контрреволюционные меры [62].

В этой обстановке руководители национал-либеральной и национал-царанистской партий стали шантажировать Коммунистическую партию, которая на переговорах о создании коалиционного правительства твердо отстаивала интересы демократических сил. В коммюнике руководящего бюро национал-царанистской партии, опубликованном в газете «Дрептатя» 26 октября 1944 г., от компартии потребовали прекратить борьбу за создание демократического правительства. В противном случае, подчеркивалось в коммюнике, национал-царанистская партия «одна возьмет на себя ответственность за управление страной» или разделит ее с теми, кто желает сотрудничать с ней (имелись в виду национал-либералы и правые социал-демократы). Кстати сказать, руководители «исторических партий» призывали занять ставшие вакантными места в правительстве Санатеску после ухода коммунистов и социал-демократов так называемыми специалистами — ставленниками буржуазии и помещиков.

Национальный совет НДФ выступил с решительным разоблачением попытки реакции удержаться у власти, не допустить расширения позиций демократических сил в правительстве. В манифесте Совета НДФ от 22 октября 1944 г. отмечалось, что правительство Санатеску, сформированное 23 августа 1944 г., носило временный характер, а задачи же, стоявшие перед ним, теперь отошли в прошлое. Манифест указывал, что правительство Санатеску фактически стало незаконным с момента выхода министров социал-демократов и коммунистов из него. «Правительство стремится укомплектоваться министрами — «специалистами» в технике управления государством, которых ему рекомендует реакционная кли-

---

[62] См. Arhiva CC al PMR, fond 103, Stenogramele şedinţelor Consiliului de Miniştri din 20, 21, 23, 24, 27 oct. 1944.

ка... Это представляет собой попытку движения назад к старым методам правления, открывшим путь фашизму и национальной катастрофе Румынии».

Стремление реакции путем маневров и интриг сохранить у власти реакционное правительство Санатеску являлось вызывом демократическим силам и всему румынскому народу.

Клеймя позором действия руководителей «исторических партий», которые ставили свои групповые интересы выше интересов румынского народа, манифест Совета НДФ указывал, что жизненные интересы румынского народа требуют немедленного устранения обанкротившегося реакционного правительства. Национальный совет НДФ призвал широкие массы народа сплотиться и усилить борьбу за устранение реакционного правительства.

Отвечая на этот призыв, народные массы дали решительный отпор попыткам реакции оживить старые методы фашистского правления. Под руководством компартии и демократических организаций НДФ 22 октября 1944 г. десятки тысяч рабочих, крестьян и интеллигенции в разных городах страны вышли на демонстрацию, собрания и митинги протеста против сохранения у власти реакционного правительства, за приход к власти правительства Национально-демократического фронта. В демонстрации трудящихся в Лупени, например, участвовало более 25 тыс. человек, в Петрошени — 20 тыс., в Яссах — 10 тыс., в Бакэу — 5 тыс. и т. д.

Массовые демонстрации имели место также в Тимишоаре, Араде, Констанце, Плоешти, Сибиу, Крайове и других городах. В Бухаресте 22 октября состоялась 10-тысячная демонстрация молодежи. Участники этих манифестаций направляли в адрес ЦК КПР и Национального совета НДФ телеграммы, в которых заявляли о своей решимости довести до конца борьбу против реакционного правительства. «Рабочие Плоешти,— говорилось в одной из телеграмм,—торжественно берут на себя обязательство мобилизовать все силы и не складывать оружия до тех пор, пока нынешнее правительство не будет изгнано и во главе страны будет поставлено правительство Национально-демократического фронта — единственное, которое может спасти страну от гибели... Мы не сложим оружие до тех пор, пока весь государственный аппарат не будет очищен от фашистских, реакционных

и предательских элементов, выступающих против жизненных интересов румынского народа»[63].

В целях укрепления положения реакционного правительства национал-царанистская и национал-либеральная партии при содействии властей пытались организовать контрвыступления. Однако на собрания в поддержку правительства Санатеску им удалось собрать лишь несколько тысяч человек из числа эксплуататорских элементов, реакционных служащих, легионеров и т. п. Народ все более отворачивался от буржуазно-помещичьих партий, убеждаясь в правильности политической линии компартии. 28 октября 1944 г. одновременно с карликовой демонстрацией, организованной реакцией в Бухаресте, по улицам румынской столицы прошли 70 тыс. граждан, неся лозунги Национально-демократического фронта[64]. Эти две демонстрации ясно показали растущую изоляцию буржуазно-помещичьих партий и их ставленника — реакционера Санатеску.

Неудачу потерпела идеологическая диверсия «исторических партий», предпринятая для того, чтобы сбить массы с пути революционной борьбы. Стремясь нейтрализовать революционизирующее воздействие платформы НДФ, руководство национал-царанистской партии в октябре 1944 года в спешном порядке подготовило и опубликовало ряд своих программных документов, сдобренных большой порцией демагогии, при помощи которой оно надеялось ввести в заблуждение трудящиеся массы. Были внесены некоторые «демократические» поправки в партийную программу 1934 года, гвоздем которой был лозунг превращения Румынии в «крестьянское государство», базирующееся на так называемой «трудовой крестьянской собственности». Программа-манифест национал-царанистской партии, или, как она называлась, «правительственная программа-минимум», обещала выполнение соглашения о перемирии, чистку кадров, обеспечение населения продовольствием и т. п.[65] Один из руководящих деятелей национал-царанистской партии Ион Худица заявил тогда, что его партия намерена «немедленно приступить к установлению нового строя в Румынии — созданию крестьянского государства».

---

[63] «Scînteia», 26 oct. 1944.
[64] См. «Scînteia», 30 oct. 1944.
[65] См. «Dreptatea», 9 oct. 1944.

Демагогическая программа национал-царанистской партии и ее реакционная теория «крестьянского государства» были подвергнуты уничтожающей критике в печати компартии и демократических организаций, а также на многочисленных собраниях в городах и селах. К тому же сама жизнь заставляла деятелей этой партии занимать позицию, расходившуюся с демагогическими декларациями и посулами. На собрании в зале «Аро» 29 октября 1944 г. по случаю официального изложения манифеста-программы национал-царанистской партии Ион Михалаке, являвшийся заместителем Ю. Маниу, был вынужден сказать, что национал-царанисты против осуществления каких бы то ни было реформ до окончания войны. Он заявил, что профсоюзы должны быть «инструментом лишь профессиональной защиты», что трудящиеся массы не должны заниматься политикой, являющейся уделом «избранников наций», ее элиты.

Отвергая призывы буржуазно-помещичьих партий подождать окончания войны и не нарушать «порядок и спокойствие», трудящиеся массы развернули широкую кампанию собраний, митингов и демонстраций, на которых требовали немедленного осуществления подлинной демократизации страны. Со второй половины октября, после того как представители НДФ вышли из правительства Санатеску, большой размах приняла проводившаяся снизу, революционным путем, демократизация государственного аппарата, чистка учреждений и предприятий от фашистских и реакционных элементов. Рабочие и крестьянские массы перешли к насильственному захвату примарий (городских управ) в ряде уездных городов (Галаце, Констанце, Тульче), а также в некоторых уездных префектурах (Коворулуй и др.). К концу октября — началу ноября 1944 года во многих примариях и префектурах Молдовы, Трансильвании, Добруджи и Мунтении руководящие посты были заняты избранниками народа[66].

Смена революционным путем местных властей имела огромное значение, ограничивая возможности выступления контрреволюции и облегчая борьбу масс за установ-

---

[66] А. Петрик, Г. Цуцуй, Борьба за установление и укрепление народно-демократического строя в Румынии, Бухарест, 1964, стр. 43.

ление народной власти. Избранные рабочими фабричные комитеты изгоняли фашистов с предприятий, заменяя их демократическими элементами, заинтересованными в восстановлении экономики, улучшении хозяйственного положения страны.

В ходе борьбы за претворение в жизнь программы НДФ, за установление власти демократического правительства создавался и укреплялся союз рабочего класса с крестьянством. Трудовое крестьянство увидело, что Коммунистическая партия, а не национал-царанистская, именовавшая себя крестьянской партией, выступает верным защитником его интересов. На собрании организации «Фронта земледельцев» Кэлэраш 18 октября 1944 г. один из крестьян сказал: «Беда земледельца состояла в том, что до нынешнего времени он думал только о своем поле. Это — большая ошибка. Настало время вступать в открытую борьбу. Коммунистическая партия поддержит нас повсюду». «Фронт земледельцев» все больше усиливал свое влияние в стране, мобилизуя крестьянские массы на борьбу за демократические реформы, в том числе аграрную реформу, на поддержку справедливой антигитлеровской войны.

Соотношение классовых сил в стране после 23 августа 1944 г. быстро менялось в пользу демократии. Большую роль в этом сыграла выработанная компартией платформа Национал-демократического фронта. Следствием роста революционных, демократических сил и их объединения в НДФ явился кризис правительства Санатеску. Влияние реакционных «исторических партий» резко падало, о чем свидетельствовали результаты выборов примарей в ряде сел. В коммуне Милитари кандидат НДФ был избран подавляющим большинством голосов: за него проголосовали 265 человек, в то время как кандидат национал-царанистской партии получил лишь 37 голосов. Примерно такое же соотношение голосов было отмечено на выборах в коммунах Недельку, Брэилица и др. [67]

В самих «исторических партиях» в это время появлялось глубокое недовольство рядовых членов реакционной политикой, проводимой их руководителями Маниу и Братиану. Некоторые местные организации этих пар-

[67] См. «Scînteia», 5 şi 6 noembr. 1944.

тий в период борьбы за устранение правительства Санатеску стали присоединяться к Национально-демократическому фронту. Начался процесс разложения буржуазно-помещичьих партий, которые стали терять массовую базу, а после установления народной власти превратились в жалкие заговорщические группы.

Несмотря на все это, реакция продолжала препятствовать созданию коалиционного правительства, в котором демократические революционные силы были бы представлены значительно шире, чем в правительстве, сформированном 23 августа 1944 г. Лидеры «исторических партий», отказываясь от участия в правительстве, руководствующемся платформой НДФ, затягивали правительственный кризис, что тормозило восстановление экономики страны и оказание поддержки антигитлеровской войне. Коммунистическая партия проявила большую выдержку и такт в переговорах с руководителями национал-царанистской и национал-либеральной партий. Руководимый ею Национально-демократический фронт, исходя из интересов страны, требовавших самого широкого объединения общественно-политических сил для поддержки еще не закончившейся войны против фашизма, согласился на сформирование коалиционного политического правительства на основе программы-минимума государственного управления: поддержание усилий в ведении антигитлеровской войны, экономическое восстановление страны, выполнение обязательств по соглашению о перемирии [68]. Вместе с тем НДФ оставил за собой право бороться за полное осуществление программы социально-экономических преобразований, изложенной в платформе НДФ.

Даже после того, как была, наконец, достигнута договоренность относительно правительственной программы и распределения министерских постов и были уже подготовлены декреты о назначениях в новом правительстве, Маниу выдвинул новые требования, стремясь продлить затянувшийся кризис. Тогда Национально-демократический фронт выступил с серьезным предупреждением в адрес руководства «исторических партий». В своем заявлении от 4 ноября 1944 г. Национальный совет НДФ сказал, что если в течение данного дня не будет учреждено

---

[68] См. «Scînteia», 1 noembr. 1944.

новое коалиционное правительство на согласованной основе, то Национально-демократический фронт перейдет к прямым действиям для разрешения вопроса о правительственном кризисе в интересах румынского народа и взятых перед Объединенными Нациями обязательств.

Большую помощь демократическим силам Румынии, боровшимся против реакционного правительства Санатеску, оказала в это время Союзная контрольная комиссия, действовавшая под руководством и по указаниям Советского Главнокомандования, выступавшего от имени трех союзных держав. 2 ноября 1944 г. Союзная контрольная комиссия направила меморандум, в котором констатировались совершенно неудовлетворительный ход выполнения статей соглашения о перемирии и отсутствие со стороны правительства Санатеску желания обеспечить их выполнение. Этот меморандум, разоблачавший политику румынской реакции, способствовал усилению борьбы масс за приход к власти правительства, способного выполнить соглашения о перемирии и обеспечить демократизацию страны.

Но Советский Союз, войска которого находились на румынской территории, не вмешивался во внутриполитическую борьбу в Румынии, хотя его симпатии, естественно, были на стороне демократических, антифашистских сил. Признавая этот факт, английская буржуазная печать писала в ноябре 1944 года: «Вся полученная до сих пор информация убедила даже скептически настроенных лиц, что русские гражданские и военные представители в этих странах (Румынии и Болгарии. — *Авт.*) занимаются только выполнением условий перемирия и скрупулезно воздерживаются от вмешательства во внутренние дела».

Борьба народных масс, объединившихся в Национально-демократический фронт, руководимый компартией, решила судьбу реакционного правительства Санатеску. Румынская реакция во главе с монархией была вынуждена отступить. 3 ноября 1944 г. НДФ организовал в Бухаресте 100-тысячный митинг, на котором еще раз была продемонстрирована решимость трудящихся добиться сформирования демократического правительства. А 4 ноября 1944 г. за подписью короля Михая был издан декрет о создании коалиционного правительства, во

главе которого опять-таки был поставлен генерал Санатеску. Позиции демократических сил в этом правительстве были значительно расширены по сравнению с позициями в предшествующем правительстве. Национально-демократический фронт располагал шестью министерскими постами (министерства путей сообщения, юстиции, труда, национального образования, здравоохранения и социального обеспечения, национальных меньшинств) и тремя постами заместителей министров (внутренних дел, сельского хозяйства и земельных владений, национальной экономики). Впервые в истории Румынии пост министра занял простой рабочий: бывший железнодорожник Г. Георгиу-Деж возглавил министерство путей сообщения. Руководитель «Фронта земледельцев» доктор Петру Гроза от имени НДФ был поставлен на пост заместителя председателя Совета министров.

Несмотря на то что новое правительство не было однородным по своему составу и продолжало оставаться коалиционным правительством, большинство в котором все еще принадлежало представителям буржуазно-помещичьих партий, все же его следует рассматривать как большую победу демократических, революционных сил. Это было такое правительство, программа которого предусматривала решение неотложных задач участия в антигитлеровской войне, экономического восстановления страны и выполнения обязательств по соглашению о перемирии. Именно на основе этой программы Национально-демократический фронт согласился сотрудничать с «историческими партиями». Расширение позиций демократических сил в правительстве давало возможность оказывать воздействие на реакцию не только путем выступлений масс «снизу», но также и действиями «сверху» — внутри самого правительства.

Создание коалиционного политического правительства из представителей НДФ и двух буржуазно-помещичьих партий свидетельствовало о том, что господствующие классы Румынии не могли управлять по-старому и вынуждены были вследствие этого уступать свои позиции представителям революционных сил.

Расширяя и закрепляя свои завоевания, народная революция продолжала наступление.

Глава 4

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ КПР ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕ АКТИВНОГО УЧАСТИЯ РУМЫНИИ В АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ ВОЙНЕ

Составной частью народной революции в Румынии была борьба против фашизма как внутри страны, так и на фронте, где румынские войска бок о бок с Советской Армией вели бои за освобождение всей румынской территории и окончательный разгром гитлеризма. Платформа Национально-демократического фронта, являвшаяся программой действий революционных сил, подчеркивала, что «жизненные интересы румынского народа требуют его самого активного участия в борьбе за освобождение страны от ига фашистских оккупантов, в борьбе за разгром гитлеризма, в борьбе, которую ведет все прогрессивное человечество» [69].

Участие в антигитлеровской войне было одним из обязательств, взятых на себя Румынией по соглашению о перемирии от 12 сентября 1944 г. Окончательный разгром гитлеризма являлся необходимым условием укрепления и расширения завоеваний августовского вооруженного восстания, отрыва страны от системы империализма. Борясь за победу народной революции, за свержение реакционного правительства и установление демократической власти, компартия считала поэтому повелительно необходимым активное участие Румынии в антигитлеровской войне. Только таким путем можно было обеспечить освобождение Северной Трансильвании, отторгнутой от Румынии по «венскому арбитражу».

Коммунистическая партия, возглавившая революционную борьбу народных масс, с первых же дней после победы вооруженного антифашистского восстания призывала румынскую армию не только вести борьбу за освобождение всей румынской территории, но и продолжать войну до окончательного уничтожения фашистских армий. В манифесте к солдатам и офицерам румынской армии, выпущенном в начале сентября 1944 года, ком-

[69] «Scînteia», 26 sept. 1944.

партия разъяснила, что после свержения фашистской диктатуры и перехода Румынии на сторону антигитлеровской коалиции румынская армия стала вести справедливую, освободительную войну.

Призыв коммунистов был горячо встречен румынской армией, ибо они сумели завоевать огромный авторитет и влияние среди рядового и командного состава своей бесстрашной борьбой против фашизма в годы диктатуры Антонеску и той ролью, которую сыграли в подготовке и проведении вооруженного восстания 23 августа 1944 г. В начале сентября 1944 г. правительственная информационная служба, которую нельзя заподозрить в симпатии к коммунистам, сообщала, что военные румынские круги «с гордостью воспринимали действия Коммунистической партии», находя ее лозунги патриотичными, а самих коммунистов — «людьми с хорошими намерениями и любящими страну» [70]. Информационная служба, обеспокоенная ростом влияния коммунистов в румынской армии, обращала особое внимание на то, что в офицерской среде, в особенности среди молодежи, формируется течение за присоединение к общей политической линии компартии.

На первом этапе участия в антигитлеровской войне румынская армия решала задачу освобождения румынской территории в пределах границы, установленной «венским арбитражем». Одновременно с этим началось выполнение оперативной директивы генерального штаба относительно прикрытия северных и западных границ Румынии, чтобы не допустить проникновения немецких и венгерских войск в страну. 1-я румынская армия развернула свои боевые порядки вдоль границы в Банате и Трансильвании. В начале сентября 1944 года 4-я румынская армия с войсками, пришедшими из Молдовы и других районов страны, сконцентрировалась в Трансильвании, взяв на себя оборону временной границы, навязанной «венским арбитражем», а 1-я румынская армия перегруппировалась и заняла пограничную линию в Кришане и Банате.

Германское командование, решив овладеть перевалами через Южные Карпаты и создать прочную линию обороны, 5 сентября 1944 г. силами 6 венгерских и немецких

---

[70] Arhiva CC al PMR, fond 35, dos. N 6, ff. 43—44.

дивизий перешло в наступление из района Турды против войск 4-й румынской армии, нанеся ей весьма чувствительный удар [71]. Дело в том, что румынские войска здесь еще только подтягивались и не были подготовлены к обороне. В первый же день фашистские войска продвинулись на 20—40 *км*, в последующие два дня они продвинулись еще на 20—25 *км*, создавая угрозу разгрома 4-й армии, прежде чем она развернет свои силы для обороны. На помощь ей пришли советские войска — 6-я танковая и 27-я армии, которые, преодолев Южные Карпаты, с марша вступили 9—11 сентября в бой с противником. Завязались ожесточенные бои, в результате которых советские и румынские войска не только остановили наступление гитлеровцев, но и отбросили их на исходные рубежи.

Почти одновременно с наступлением из района Турды гитлеровцы предприняли попытку продвинуться в Банате и Кришане. Войска 1-й румынской армии в течение нескольких дней сдерживали гитлеровские атаки до подхода 53-й советской армии в район Карансебеша и 18-го танкового корпуса в район Липовы. В этих сражениях румынские войсковые соединения и подразделения в тяжелых условиях перегруппировки проявили мужество и отвагу, остановив натиск немецких и венгерских войск.

С утра 6 сентября 1944 г. в оперативное подчинение командующему 2-м Украинским фронтом были переданы 1-я и 4-я румынские армии и 1-й авиационный корпус общей численностью свыше 138 тыс. человек (по данным румынского генерального штаба на 15 сентября 1944 г.) [72]. В тесном взаимодействии советские и румынские войска в течение сентября 1944 года в ходе тяжелых боев освободили часть Северной Трансильвании, ликвидировав так называемый «секлерский выступ», а в Кришане перешли венгерскую границу. В октябре развернулась дебреценская операция, в ходе которой было завершено освобождение Северной Трансильвании. 12 октября советские соединения вместе с двумя румынскими дивизиями освободили Орадию — крупный экономический центр и узел путей сообщения на западе Румынии.

---

[71] См. «Ясско-Кишиневские Канны», стр. 224.

[72] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 4, стр. 282.

В тот же день 27-я армия заняла город Клуж. 25 октября 1944 г. занятием пограничных городов Карей и Сату-Маре закончилось освобождение всей румынской территории. Этот день стал праздником румынского народа. Позднее он был объявлен Днем румынской народной армии.

Румынский народ навсегда сохранит признательность Советскому Союзу, вооруженные силы которого пролили кровь в борьбе за освобождение всей румынской территории.

Советским и румынским войскам, ведшим борьбу за освобождение Трансильвании, оказывали поддержку патриотические формирования и вооруженные рабочие отряды, широкие слои населения городов и сел. В уезде Бихор группы рабочих с оружием в руках защищали учреждения и предприятия от гитлеровцев в конце сентября — начале октября 1944 года. Партизанские группы, сформированные из рабочих — румын и венгров, наносили удары по фашистам в период боев за освобождение города Орадя; в том же месте группа крестьян помешала отступающим гитлеровцам взорвать мост, погибнув при его защите. В Клужской области трудящееся население препятствовало попыткам фашистов разрушить промышленные предприятия или демонтировать и вывезти их. Пример героической борьбы показали рабочие электростанции «Сомешул рече», которые 10 часов оборонялись против отряда гитлеровцев, имевшего приказ взорвать предприятие.

В боевых операциях в северной части Трансильвании в период 20 сентября — 25 октября 1944 г., вспоминает бывший заместитель начальника румынского генерального штаба генерал-полковник Илие Крецулеску, участвовали румынские войска общей численностью 260 тыс. человек, включая сюда румынскую добровольческую дивизию имени Тудора Владимиреску [73]. В тяжелых боях румынская армия, сражавшаяся бок о бок с Красной Армией, потеряла более 33 тыс. солдат и офицеров — убитых, раненых и пропавших без вести. После этих боев румынские войска были реорганизованы, количество дивизий в связи с этим сократилось, оставаясь все же на уровне, превышающем требование соглашения о пе-

---

[73] «Scînteia», 19 aug. 1964.

ремирии[74]. И после освобождения всей своей территории румынский народ и его армия продолжали активно участвовать в борьбе за полный разгром фашизма.

Маршал Р. Я. Малиновский, являвшийся тогда командующим 2-м Украинским фронтом, в составе которого действовали румынские войска, отмечал, что боевой порыв, храбрость и самопожертвование некоторых румынских дивизий вызывали восхищение у советских воинов. «Эти ценные качества, свойственные войскам румынской народной армии, доказали, что она может сражаться очень хорошо и быть нашим достойным союзником»[75]. Справедливый характер войны и развивающаяся народная революция в Румынии определили патриотический подъем и вызвали массовый героизм в румынских войсках, сражавшихся на антигитлеровском фронте.

После 23 августа 1944 г. румынский народ вел войну против своего злейшего врага — германского фашизма, который «венским арбитражем» расчленил Румынию, закабалил страну и вверг ее в преступную антисоветскую войну, принесшую столько страданий румынским трудящимся. Румынских солдат и офицеров вдохновляло сознание того, что в союзе с СССР и другими странами антигитлеровской коалиции они ведут войну за национальные интересы, за освобождение всей территории страны, что от уничтожения гитлеризма зависит укрепление национальной независимости и развитие демократических завоеваний антифашистского вооруженного восстания 23 августа 1944 г. Борьба народных масс под руководством Коммунистической партии за завершение буржуазно-демократических преобразований, действия масс по установлению рабоче-крестьянской власти, переход к революционному осуществлению аграрной реформы, расширение позиций демократических сил в государственном управлении оказывали большое влияние на настроения солдат и офицеров на фронте, на боеспособность румынской армии.

Деятельность компартии играла первостепенную роль в поднятии боевого духа румынских войск на фронте. Через свою печать, проникавшую на фронт вопреки противодействию реакционного большинства правительства

---

[74] См. «Studii», 1964, N 4, p. 802.
[75] «Военно-исторический журнал», 1959 г., № 2, стр. 32.

Санатеску, Коммунистическая партия несла в солдатские массы правду о положении в стране. Выработанная компартией платформа НДФ с радостью была встречена солдатскими массами, ибо она отражала их чаяния быстрее разгромить гитлеризм, свергнуть власть реакции и улучшить жизнь. Положение платформы относительно того, что при проведении аграрной реформы участники борьбы против германского фашизма будут наделяться землей в первую очередь, вдохновляло крестьян, одевших солдатские шинели, на борьбу против гитлеризма. Настойчивая борьба компартии за демократизацию армии, против произвола и жестокостей офицерского состава по отношению к солдатам также способствовала большому росту влияния и авторитета КПР в рядах румынской армии, создавала новые отношения между солдатами и офицерами. Это не могло не привести к повышению боеспособности румынских войск.

Армия повседневно чувствовала заботу и поддержку народа, который Коммунистическая партия призывала мобилизовать все материальные ресурсы страны на поддержку войскам, сражающимся против гитлеровской Германии. Задача мобилизации и руководства действиями трудящихся масс по обеспечению активного участия страны в войне с целью окончательного уничтожения фашизма выпала на долю рабочего класса и его марксистско-ленинской партии. «Рабочие, — говорилось в обращении ЦК КПР от 21 сентября 1944 г., — на вас ложится задача выступить организованной силой в патриотическом движении поддержки фронта, обеспечивая нормальный ход производства, срывая всякие попытки саботажа, откуда бы они ни шли. В современной обстановке саботаж является актом национального предательства, является преступлением против родины. Защищайте предприятия от вредителей. Ваши боевые патриотические отряды должны арестовывать и передавать фашистских преступников военным и гражданским властям».

Трудящиеся массы, откликнувшись на лозунг компартии «Все для фронта, все для победы!», с самого начала антигитлеровской войны стали оказывать все возрастающую помощь фронту. Несмотря на тяжелые условия жизни и труда, рабочий класс проявлял героизм и самоотверженность, восстанавливая заводы и фабрики и обеспечивая выпуск продукции, необходимой фронту и

стране. При решении этой жизненно важной проблемы ему приходилось преодолевать саботаж эксплуататорских классов, которые всячески препятствовали восстановлению экономики страны, стремясь костлявой рукой голода задушить начавшуюся 23 августа 1944 г. народную революцию и помешать активному участию румынского народа в разгроме фашистской Германии.

При покровительстве реакционного большинства правительства Санатеску капиталисты сокращали производственные мощности своих предприятий, отказывались вкладывать капитал в производство, делать новые инвестиции, скрывали сырье, отказывались принимать заказы, сокращали численность рабочих и даже закрывали фабрики и заводы. В результате этого промышленное производство сразу после 23 августа 1944 г. упало. Выпуск военной продукции сократился, что осенью 1944 года привело к резкому уменьшению поставок для армии [76].

Реакционеры в правительстве Санатеску вели прямой саботаж военных усилий Румынии в антигитлеровской войне путем срыва снабжения фронта, предпринимали попытки не посылать некоторые воинские подразделения, которые они надеялись использовать для вооруженной борьбы против революционных сил. На одном из заседаний правительства реакционного большинства был даже поставлен вопрос о сокращении бюджета министерства национальной обороны, об уменьшении военных расходов. Реакционеры из румынского генерального штаба резко сократили на сентябрь 1944 года перечень необходимых поставок, исключив из него даже такие виды поставок, без получения которых немыслимо ведение войны. Чтобы сорвать снабжение фронта и одновременно снять с себя ответственность за это, реакционные элементы правительства Санатеску предлагали передать в руки частных лиц и обществ обеспечение военных поставок [77].

Борясь за восстановление национальной экономики, рабочий класс во главе с компартией разоблачал действия саботажников. «Рабочие констатируют полную бездеятельность министерства военного снабжения..,— от-

---

[76] См. «Analele», 1961, N 2, p. 21.
[77] См. Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8437, f. 12.

мечалось в резолюции рабочих завода «Малакса». — Единодушно голосуя за данную резолюцию, рабочие решительно протестуют против самоуправства министерства военного снабжения, которое подрывает военные усилия». Рабочие изгоняли саботажников из управления предприятий и учреждений и принимали меры к увеличению выпуска продукции. Показателен в этом отношении пример рабочих уже упомянутого завода «Малакса». Реакционное руководство завода утверждало, что отсутствие сырья и разрушения, причиненные предприятию, не позволяют выпускать какую бы то ни было продукцию. Под этим предлогом готовилось закрытие завода и оставление без работы более 8 тыс. рабочих. Тогда рабочие в конце октября 1944 года отстранили реакционеров и профашистов из администрации, поставив на их место демократически настроенных людей. Новое руководство сумело менее чем в месячный срок вернуть на завод и пустить в действие 95% эвакуированного оборудования. Завод принял крупные заказы, ибо обнаружилось, что предприятие имеет достаточно сырья [78].

Главным звеном в восстановлении хозяйственной жизни было налаживание путей сообщения, в особенности железных дорог, без которых невозможно своевременно снабжать фронт вооружением и питанием, промышленные предприятия — сырьем и топливом, а население — предметами первой необходимости и продовольствием. По призыву компартии рабочие-железнодорожники упорно трудились, восстанавливая разрушенные железнодорожные линии и депо, ремонтируя вагоны и паровозы и т. п. По инициативе рабочих паровозного депо Гривица в октябре 1944 года было решено добровольным трудом досрочно отремонтировать несколько локомотивов. Это начинание, подобное субботникам или воскресникам, проводившимся в Советской стране, было подхвачено железнодорожниками других служб и узлов, а также было распространено профсоюзными организациями в других отраслях промышленности. «В этот период,— отмечает Г. Апостол в книге «Профсоюзы РНР в борьбе за построение социализма», — в ходе борьбы за восстановление предприятий и рост промышленного производства родилось патриотическое соревнование ра-

[78] См. «Scînteia», 25 noembr. 1944.

бочих, явившееся зародышем социалистического соревнования, которым ныне охвачено большинство рабочих на социалистических предприятиях» [79]. В добровольном труде ради повышения выпуска продукции, необходимой стране и фронту, сказывалось влияние на сознание рабочих социально-политических изменений, начавшихся с момента вооруженного восстания.

Важную роль в борьбе за восстановление железнодорожного транспорта и оказание поддержки антигитлеровскому фронту сыграло то обстоятельство, что министерство путей сообщения возглавил Г. Георгиу-Деж. Под руководством министра-коммуниста развернулась работа по налаживанию коммуникаций. Рабочие-железнодорожники считали своим патриотическим долгом не жалеть сил для обеспечения скорой победы над фашизмом, для экономического восстановления страны, для снабжения населения городов и сел.

Начиная с 5 ноября 1944 г., когда Центральный Комитет Коммунистической партии Румынии взял на себя руководство министерством коммуникаций, считая его в тот момент одним из наиболее важных секторов как в деле обеспечения нашего вклада в победу на антигитлеровском фронте, так и в деле экономического восстановления страны, вся сеть железных дорог стала великой стройкой. По инициативе компартии были организованы собрания рабочих и техников на железнодорожном транспорте, на которых были внесены многочисленные предложения о путях решения стоявших задач, об обеспечении перевозок для фронта. Для быстрого восстановления железных дорог и подвижного состава рабочие создавали ударные бригады.

Реакция чинила всяческие препятствия работе компартии по восстановлению путей сообщения в стране. Король Михай и премьер Санатеску, стремясь ограничить сферу деятельности министра-коммуниста и помешать налаживанию всех коммуникаций в стране, изъяли из его ведения морской и речной транспорт, авиацию и шоссейные дороги, ранее входившие в министерство коммуникаций. Чтобы сорвать восстановление железных дорог и заодно скомпрометировать министра-коммуни-

---

[79] Gh. Apostol, Sindicatele din RPR în lupta pentru construirea socialismului, Buc., 1957, p. 47.

ста, реакционеры из министерства финансов отказывали в средствах и кредитах.

Несмотря на это, дело восстановления железных дорог стало продвигаться вперед. Благодаря героическому самоотверженному труду рабочих за последние два месяца 1944 года была восстановлена одна пятая протяженности разрушенных железнодорожных путей, отремонтировано много тоннелей и мостов на главных линиях, обеспечивавших перевозки для фронта, и др. Советский Союз, уже в тот период оказывавший значительную помощь румынскому народу в восстановлении экономики, содействовал налаживанию работы румынских железных дорог. В результате поездки министра Г. Георгиу-Дежа в Москву между СССР и Румынией была достигнута договоренность, по которой Советский Союз направил в распоряжение министерства коммуникаций группу советских специалистов для оказания помощи в организации работы железнодорожного транспорта, предоставил в распоряжение Румынии 23 тыс. трофейных вагонов, обязался поставлять ежемесячно специальные масла для нужд румынского паровозного парка и т. п. Высоко оценивая эту помощь, Г. Георгиу-Деж в газете «Известия» 16 января 1945 г. выразил глубочайшую благодарность «за то высокое понимание, с которым Советское правительство отнеслось ко всем вопросам общего положения в Румынии», проявило готовность оказать румынскому народу полное содействие в экономическом восстановлении страны [80].

Коммунистическая партия призывала всех трудящихся вести патриотическую борьбу за подъем производства. По заданию компартии Г. Георгиу-Деж в конце ноября 1944 года посетил угольный бассейн Валя Жиулуй. Обращаясь к шахтерам, он сказал: «Хотя вы больше всех страдаете и переносите величайшие трудности, нужно показать, что именно вы поднялись до уровня понимания высших интересов нашего народа. Я приехал сюда, в Валя Жиулуй, уверенный, что вы поймете меня, что ваше сознание и ваши патриотические чувства достаточно высоки, чтобы проникнуться пониманием того, что страна во всех отраслях нуждается в повышении производства» [81].

---

[80] «Известия», 16 января 1945 г.

[81] Gh. Gheorghiu-Dej, O politică romîneasca de realizări democratice, pp. 42—43.

Проявляя высокий патриотизм и веру в Коммунистическую партию, шахтеры с энтузиазмом откликнулись на призыв министра-коммуниста. Вспоминая об этом на совещании работников угольной промышленности РНР в 1952 году, Г. Георгиу-Деж говорил: «И эти голодные и разутые люди, которым мы ничего не могли обещать, так как это не в нашей привычке и потому, что условия не позволяли, — эти люди, как один человек, откликнулись на призыв Центрального Комитета нашей партии, и добыча угля начала неуклонно расти»[82]. По сравнению с сентябрем 1944 года в ноябре она составила 248%, в декабре — 276%, а в январе 1945 года — 301%. Были достигнуты также успехи в нефтяной промышленности, где за период с осени 1944 года по весну 1945 года значительно увеличился объем производства горючего для нужд фронта и экономики страны.

Рабочие военных предприятий также увеличили выпуск продукции. С сентября 1944 года по январь 1945 года решицкие заводы изготовили 192 противотанковых пушки, более 400 тыс. мин для минометов и др. Рабочие завода «Войня» (ныне завод «Василие Роайта») довели производство до 90% от уровня 1943—1944 годов, а рабочие завода «Вольф» (ныне «Стяуа рошие») увеличили на 200% производство снарядов. На авиационном заводе в городе Брашов, который из-за разрушений, причиненных бомбардировками, и эвакуации станков фактически прекратил производство, рабочие сумели наладить работу. С помощью советского командования, предоставившего в их распоряжение 1000 вагонов, они вернули эвакуированное оборудование и, работая по 17 часов в день, установили его в цехах[83].

Борьба за подъем производства была неразрывно связана с борьбой рабочих за улучшение условий труда и жизни, за повышение заработной платы. Выступая единым фронтом и действуя через свои профсоюзные организации, рабочие добивались определенных успехов в этом направлении. Как видно из протокола, заключенного 25 ноября 1944 г. между рабочим коллективом бумажной фабрики в Буштени, с одной стороны, и администрацией этого предприятия и представителем министерства

---

[82] «Scînteia», 30 julie 1952.
[83] «Analele», 1961, N 2, p. 27.

национальной экономики — с другой, повышалась почасовая оплата труда на 60—150% в зависимости от квалификации, соблюдался 8-часовой рабочий день и повышенная оплата сверхурочного труда, рабочая неделя устанавливалась в 45 часов (рабочий день в субботу длился только до обеда), предусматривалось обеспечение рабочих одеждой и обувью по себестоимости, выдача денежных пособий на детей и др. В протоколе говорилось также об обязательстве администрации устранить фашистско-легионерские элементы, положить конец злоупотреблениям начальников цехов, заставлявших рабочих выполнять для них своего рода барщину. Протоколом устанавливалось далее, что рабочие других предприятий общества «Буштень» также будут пользоваться правами, завоеванными рабочими бумажной фабрики [84].

Восстановление экономики страны было одной из центральных задач деятельности компартии уже в период после 23 августа 1944 г. Оно являлось жизненно важной проблемой, неразрывно связанной с обеспечением активного участия Румынии в антигитлеровской войне и перспективой ее демократического развития. В целях обеспечения экономического восстановления страны Г. Георгиу-Деж на заседании правительства 25 ноября 1944 г. настойчиво ставил вопрос о национализации угольных шахт [85]. Буржуазно-помещичьи представители, видя в этом покушение на частную собственность, не поддержали министра-коммуниста. Национализация шахт в условиях сохранения буржуазно-помещичьей власти не была бы социалистическим мероприятием, но она способствовала бы оздоровлению экономической жизни, лишила бы шахтовладельцев возможности саботировать производство.

Действенным орудием борьбы против капиталистического саботажа являлось установление рабочего контроля на предприятиях. Первоначальными формами рабочего контроля были создавшиеся при профсоюзных организациях «технические советы» или «производственные комиссии», имевшие своей целью увеличение производства, обеспечение выполнения заказов для фронта, борьбу с саботажем и спекуляцией, изгнание с предприятия

---

[84] См. Arhiva CC al PMR, fond 49, dos. 9286, ff. 8—10.
[85] I b i d., fond 103, dos. 8478, f. 11.

фашистов и реакционеров. Рабочие предприятий добивались включения в коллективные договоры пункта о рабочем контроле, о своем праве контролировать производство, чтобы, как говорилось в одном из договоров, «обеспечить таким образом беспрерывный ход производства и его интенсификацию».

Рабочие навязывали свою волю, добиваясь установления рабочего контроля и включения своих представителей в управление предприятий. В Решице, например, 15-тысячный коллектив заводов «Узинеле ши домениилединн Решица» на своей профсоюзной конференции 3 января 1945 г. принял решение ввести двух рабочих и одного служащего в административный совет общества решицких заводов, трех рабочих — в дирекцию, по одному рабочему — в управления шахт и лесоразработок. Направляя это требование в совет министров, министерство труда и правление общества решицких заводов, рабочие предупреждали, что они используют все методы профсоюзной борьбы, чтобы заставить признать своих представителей. Они обосновывали свое требование тяжелым положением, создавшимся на предприятии: в самый разгар зимы рабочие ходят разутыми и раздетыми, не имея возможности удовлетворить свои элементарные потребности, многие из них по причине отсутствия сырья работают неполный день, если дела будут идти так и дальше, то рабочим угрожает безработица и голод. «Чтобы предупредить это, рабочие и служащие требуют помимо принятия срочных мер по налаживанию работы заводов на полную мощность, снабжения и оплаты труда рабочих иметь своих представителей в правлении общества с совещательным голосом. Это позволит рабочим и служащим сказать свое слово при решении вопросов, связанных с выправлением положения на предприятии»[86]. Требование рабочих и служащих было принято.

На заводе «Вулкан» в Бухаресте при заводском комитете была создана так называемая «комиссия сотрудничества», занимавшаяся вопросами организации бесперебойной работы всех цехов и предупреждением саботажа производства. На обувной фабрике «Мочорница» рабочие были вынуждены через свой профсоюз потребовать в конце сентября 1944 года, чтобы Мочорница, хозяин

[86] Arhiva CC al PMR, fond 49, dos. 9286, ff. 20—21.

предприятия, был предан суду за саботаж антигитлеровской войны [87].

Органы рабочего контроля действовали в тесном контакте с вооруженными отрядами рабочей гвардии, которые не допускали саботажников к работе на предприятии. В качестве примера можно сослаться на случай, происшедший на заводе «Вулкан» (Бухарест), где дирекция попыталась отказаться от выполнения требования рабочих об очистке предприятия от легионеров. На следующий день после получения отказа вооруженный отряд рабочих встал у входных ворот и не пустил на завод не только легионеров-фашистов, но и их покровителя — директора предприятия. Затем рабочие завода обратились с письмом ко всем предприятиям общества «Вулкан», призвав не принимать на работу изгнанных саботажников. В октябре — ноябре 1944 года в результате действий рабочих и боевых патриотических отрядов, руководимых коммунистами, были изгнаны фашистские элементы из «Ромына-американа», «Астра ромына», «Вега» и других крупных предприятий и обществ.

В Молдове и Трансильвании, где владельцы предприятий бежали вместе с отступающими гитлеровскими войсками, деятельность рабочих по обеспечению антигитлеровской войны имела свою особенность: здесь рабочие, руководимые коммунистами, брали на себя управление брошенными заводами и фабриками и организовывали производство, руководили им.

Действия рабочих вызывали сильное беспокойство капиталистов и их ставленников в правительстве Санатеску. На заседании совета министров 14 ноября 1944 г. представители «исторических партий» выражали возмущение по поводу того, что борьба рабочих «перешла от материальных вопросов к вопросам управления» [88].

Рабочий контроль мешал капиталистам осуществлять их преступные планы саботажа производства, подрыва усилий страны в антигитлеровской войне и невыполнения соглашения о перемирии. Получив дальнейшее развитие после установления рабоче-крестьянской власти 6 марта 1945 г., он явился школой подготовки кадров рабочих к управлению промышленностью, национализированной в 1948 году.

[87] См. «Viața sindicală», 21 ian. 1945.
[88] Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8478, f. 9.

Большое значение для обеспечения активного участия Румынии в антигитлеровской войне, для поддержания высокого боевого духа румынской армии на фронте имела поддержка и забота о ней всего румынского народа. Среди населения проводился сбор денег, продуктов питания, одежды и т. п., направлявшихся потом солдатам — фронтовикам, а также их семьям. Организация «Патриотическая оборона», занимавшаяся этим делом под руководством компартии, отправила на фронт более 150 тыс. пакетов с подарками. Из сумм, собранных среди населения и расходовавшихся в основном на покупку медикаментов и оборудования для госпиталей, для организации бесплатных столовых, было выделено по инициативе компартии 327 млн. лей на оказание помощи семьям солдат, на приобретение им сельскохозяйственного инвентаря [89].

В то время как компартия и руководимый ею Национально-демократический фронт, выполняя неотложные задачи, стоявшие перед коалиционным правительством, мобилизовывали массы на поддержание антигитлеровской войны, экономическое восстановление и демократизацию страны, выполнение соглашения о перемирии, реакционное большинство второго правительства Санатеску продолжало вести прежнюю антинародную политику. «И сейчас продолжается то, что было при старом правительстве...», — констатировала «Скынтейя» 13 ноября 1944 г.

Хотя реакционное большинство в правительстве согласилось под давлением НДФ на создание комиссии по контролю над выполнением соглашения о перемирии во главе с П. Гроза, попытки саботажа в этой области не прекратились. На заседании совета министров 13 ноября 1944 г. П. Гроза обратил на это внимание, заявив, что решение Советского Командования о выводе румынской администрации из Северной Трансильвании было вызвано тем, что «румынское правительство не выполняло лояльно условий перемирия в целом и в частности» [90]. Оно было продиктовано стремлением Советского Командования обеспечить мир и спокойствие населению Северной Трансильвании, защитить его от бандитских дей-

---

[89] См. «Apararea patriotică. Primul congres liber, august 1945», Buc., 1945, pp. 63—65.

[90] Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8478, f. 16.

ствий и зверств банд железногвардейцев, а также обеспечить тыл советских и румынских войск, сражавшихся за полный разгром гитлеровской Германии. П. Гроза подчеркнул, что восстановления румынской администрации в Северной Трансильвании можно добиться только лояльным выполнением соглашения о перемирии, разоружением и ликвидацией фашистских банд, именовавшихся «гвардией Ю. Маниу». Национал-царанистский министр внутренних дел Н. Пенеску публично заявил, что не намерен пресекать деятельность «Железной гвардии», что, напротив, он видит свою задачу в защите ее.

Представители «исторических партий» во втором правительстве Санатеску тайно, а иногда и открыто саботировали выполнение программы управления страной коалиционным правительством. Несмотря на принятое этим правительством решение, чтобы министерство внутренних дел с согласия всех представителей входящих в правительство партий срочно назначило новых примарей и префектов, национал-царанист Н. Пенеску продолжал сохранять на этих постах ставленников фашистской диктатуры Антонеску. Во вверенных им министерствах и государственных учреждениях национал-царанисты и национал-либералы медлили с проведением чистки или же под видом чистки удаляли из администрации демократические элементы. Реакционеры в правительстве продолжали оказывать покровительство саботажникам в промышленности и в сельском хозяйстве, стремясь вызвать еще большую дезорганизацию хозяйственной жизни страны.

Характеризуя второе правительство Санатеску, в одном из своих выступлений в декабре 1944 года Г. Георгиу-Деж сказал, что он не может «назвать его правительством национальной сплоченности и сотрудничества, а только коалиционным правительством, в котором сталкиваются самые острые противоположные политические интересы» [91].

В этих условиях компартия, действуя сверху и разоблачая реакционный характер буржуазно-помещичьих партий, стоявших на пути народной революции, усилила также организованные выступления трудящихся масс снизу, чтобы явочным путем добиться решения неотлож-

[91] «Şcînteia», 3 dec. 1944.

ных задач. В целях борьбы с проводившимся помещиками саботажем осеннего сева, угрожавшим оставить армию и трудящееся население без хлеба, компартия в конце ноября 1944 года призвала крестьян занять брошенные помещичьи земли и провести на них осенний сев. В начале декабря 1944 года в газете «Скынтейя», центральном органе ЦК КПР, была опубликована статья под призывным заглавием «Крестьяне имеют право и обязаны занять помещичью землю», в которой подчеркивалось, что крестьяне, никого не спрашивая, без промедления должны занять земли помещиков, которые сбежали или саботируют осенний сев. В призыве компартии шла речь в тот момент не о взятии крестьянами помещичьей земли в окончательное владение, а лишь о временном использовании ее крестьянскими комитетами для обеспечения осеннего сева 1944 года. Тем не менее эта мера оказала революционизирующее воздействие на крестьянство, подготовив переход к явочному осуществлению аграрной реформы в последующие месяцы.

Еще до этого призыва крестьяне отдельных сел начали захватывать земли сбежавших фашистов. На собрании коммуны Колаку 12 ноября 1944 г. было решено поделить поместье легионера Попеску, удравшего в Германию, между безземельными и малоземельными крестьянами, «согласно тому как записано в платформе НДФ» [92]. После ноябрьского обращения компартии к крестьянам захват необрабатываемых помещичьих земель принял повсеместный характер; он проводился крестьянскими комитетами с помощью рабочих, направленных компартией в деревню. В коммуне Цинтя-Бэйкой крестьяне в присутствии рабочих заняли и поделили на участки поместье в 600 *га* и сразу же приступили к проведению осенних сельскохозяйственных работ. На собрании в коммуне Валул луй Траян (Констанца) было принято решение о конфискации земли помещика Кандяно Попеску, которая сдавалась им в аренду.

В результате принятых мер в сравнительно короткий срок было выправлено положение с осенним севом. Несмотря на саботаж и наличие других трудностей (недостаток тягла, инвентаря и др.), сев был проведен на площади более 1,8 млн. *га* из 2,5 млн. *га*, намеченных

---

[92] «Scînteia», 20 noembr. 1944.

государственным заданием[93]. План реакции сорвать осенний сев был провален. Этот успех был достигнут при участии патриотически настроенных агрономов, выработавших детальный план обеспечения осеннего сева 1944 года.

В ноябре 1944 года усилилась и поднялась на более высокую ступень проводившаяся массами под руководством компартии демократизация государственного аппарата: она стала осуществляться в тех уездах и крупных городах, в которых власти не эвакуировались, а оставались на местах после 23 августа 1944 г. Демократизация в северной части Молдовы, освобожденной советскими войсками весной 1944 года, осуществлялась очень быстро, ибо фашистские власти Антонеску бежали оттуда вместе с отступающими гитлеровскими войсками. После изгнания хортистской администрации из Северной Трансильвании в результате ее освобождения советскими и румынскими войсками там также была установлена демократическая местная власть.

Захватывая власть в административных центрах, демократические силы сверху, так сказать, оказывали воздействие на процесс демократизации в сельских и городских коммунах. В качестве примера можно привести решение демократической администрации уезда Констанцы, установленной в начале ноября 1944 года, о том, чтобы «во всех селах и городских коммунах свободным путем были избраны примарь и коммунальный совет из числа уважаемых борцов за демократию»[94]. Этим же решением жандармы переходили под контроль избранных крестьянских комитетов.

Борьба за очищение местных органов власти от фашистских и реакционных элементов в это время охватила всю страну. Народные массы революционным путем проводили демократизацию страны снизу, несмотря на ожесточенное сопротивление реакционного большинства правительства Санатеску, пытавшегося применением силы остановить этот процесс. В ряде мест борьба за устранение фашистских элементов из руководства примариями и префектурами доходила до кровопролитных схваток демонстрантов с вооруженными легионерами и реакцион-

---

[93] «Scînteia», 24 dec. 1944.
[94] «Studii», 1959, N 4, pp. 290—291.

ными профашистскими властями. Маневры буржуазно-помещичьих партий с целью затормозить процесс революционной смены местных властей призывами к населению подождать и обещаниями, что правительство само осуществит чистку, успеха не имели. Давая отпор представителям реакции, объявлявшим «незаконными» власти, назначенные народом, Г. Георгиу-Деж на заседании совета министров 20 ноября 1944 г. сказал, что не может быть и речи о непризнании этих демократических властей. Он отверг предложение обратиться с призывом к народу подождать с заменой реакционной администрации до выработки закона о выборах префектов и примарей. Массы не могут больше терпеть, заявил Г. Георгиу-Деж [95].

В результате массовых выступлений, организованных Национально-демократическим фронтом во главе с компартией, в ноябре были избраны новые и заменены старые городские и уездные власти в целом ряде городов. В Брэиле 15 ноября 1944 г. состоялось собрание населения, в котором участвовали более 10 тыс. человек — рабочие порта, предприятий города, служащие, а также крестьяне уезда. На нем было принято решение сместить старого примаря, вместо которого был избран рабочий-металлург. В тот же день был сменен и префект. На многотысячном собрании в Тырговиште 28 ноября 1944 г. были смещены национал-царанистский примарь и префект, назначенный еще при режиме Антонеску. Попытка властей помешать установлению новой демократической администрации провалилась: население, руководимое коммунистами, не испугалось угрозы оружием со стороны реакционных властей и заняло помещение префектуры. Революционный захват примарий и префектур имел место в Араде, Тимишоаре, Хунедоаре, Дымбовице, Прахове и других уездах. К концу ноября 1944 года более чем в половине уездов страны административное управление осуществляли примари и префекты, избранные волей народа [96].

Важную роль в революционном осуществлении демократизации государственного управления страны играли вооруженные группы рабочих, патриотические отряды,

---

[95] См. Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8477, f. 6.
[96] См. А. Петрик, Г. Цуцуй, цит. раб., стр. 57.

число которых непрерывно росло. Вооруженные отряды энергично действовали при смене народом фашистской администрации в Констанце, Брэиле, Галаце, Тульче и других городах, давая отпор попыткам реакции запугать народ, помешать ему выполнить свою волю. В этой связи национал-царанисты на заседании правительства 20 ноября 1944 г. вновь требовали разоружения патриотических отрядов, отметив, что в последнее время они были также созданы в уездах Коворулуй, Тутова и других местах.

Обеспокоенный неуклонным укреплением позиций демократических сил в управлении страной, К. Санатеску сказал на заседании совета министров 20 ноября 1944 г.: «Меня тревожит следующий факт, как бы власть не ускользнула из наших рук и как бы не сели бы нам на голову эти массы, которые сегодня желают выбирать примарей, завтра потребуют работы и т. п., а мы не сможем их остановить» [97]. Реакционные министры настаивали на применении силы, чтобы помешать революционным действиям масс по очищению местных органов государственной власти и управления предприятий от фашистских элементов. Национал-царанистский министр внутренних дел Н. Пенеску предлагал ввести военную охрану на предприятиях. Но реакция чувствовала и признавала свое бессилие перед лицом могучего революционного натиска. Тот же Пенеску на заседании правительства 25 ноября 1944 г. заявил, что применить силу правительство реакционного большинства не может, ибо оно не имеет ее в своем распоряжении.

Предшественник Пенеску на посту министра внутренних дел генерал Алдя уже испытал на практике это бессилие, когда пытался воспрепятствовать смене властей в Констанце в период кризиса первого правительства Санатеску. В телеграмме на имя реакционного префекта Констанцы он требовал установить контакт с военным командованием округа Добруджи и при необходимости применить оружие. 3 ноября он послал новый, еще более категорический приказ не допускать народной демонстрации и стрелять по демонстрантам после предупредительного залпа в воздух. Однако это не помешало рабочим и крестьянам занять префектуру и примарию и по-

---

[97] Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8477, f. 22.

ставить во главе их своих избранников. Многие солдаты братались с демонстрантами, показав, что армия перестает быть слепым орудием в руках эксплуататорских классов[98]. Работа компартии в рядах армии не пропадала даром.

Профашист Пенеску также пытался силой не допустить проведения демократизации снизу, решительно отказываясь от признания избранных народом примарей и префектов. 25 ноября 1944 г. руководимое им министерство внутренних дел организовало налет группы полицейских на собрание рабочих, в результате которого два рабочих было убито и несколько человек ранено. Дикая выходка распоясавшихся реакционеров-фашистов, пытавшихся путем террора запугать революционные силы, заставить их отказаться от борьбы за демократизацию страны, имела прямо противоположные результаты. По всей стране прокатилась новая волна народных демонстраций против реакционных правителей. В день похорон жертв фашистского террора в Бухаресте на площади Виктории состоялся огромный митинг, участники которого требовали немедленного ареста Пенеску, ответственного за совершенное преступление. Представители Национально-демократического фронта потребовали отставки министра внутренних дел и некоторых других наиболее ярых реакционеров и назначения на их место представителей демократических сил. НДФ настаивал также на передаче ему вакантного поста военного министра, что способствовало бы обеспечению активного участия Румынии в антигитлеровской войне.

В условиях, когда соотношение сил все более складывалось в пользу демократии, когда контрреволюция теряла одну позицию за другой, реакционное большинство правительства Санатеску решило использовать требование НДФ об отставке Пенеску в качестве повода для ухода в отставку всего правительства. Выразив солидарность с действиями национал-царанистского министра внутренних дел, генерал Санатеску 2 декабря 1944 г. заявил королю об отставке своего правительства. «Исторические партии», заставившие Санатеску поступить таким образом, рассчитывали, что при создании нового прави-

---

[98] См. «Din lupta PCR pentru inchegarea alianţei între clasa muncitoare şi ţărănimea», vol. 1, 1955, p. 32.

тельства им удастся устранить представителей Национально-демократического фронта от управления страной. Они надеялись вновь вернуться к правительству «специалистов», которое было бы послушным орудием в руках румынской реакции. Вследствие этого в Румынии по истечении четырех недель со дня сформирования второго правительства Санатеску вновь наступил правительственный кризис, в основе которого лежало прогрессирующее изменение соотношения сил в стране в пользу демократии.

Глава 5

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ГЕНЕРАЛА РАДЕСКУ

Совет Национально-демократического фронта выступил 4 декабря 1944 г. со специальным заявлением по поводу нового правительственного кризиса. «Ответственность за этот кризис, — говорилось в заявлении, — ложится на реакционные элементы из руководства национал-царанистской партии, посланные в правительство не для честного сотрудничества, а для того, чтобы сорвать лояльное выполнение перемирия, чтобы помешать уничтожению фашизма внутри страны, сорвать демократизацию политической и экономической жизни»[99]. Национально-демократический фронт был против отставки всего правительства, он требовал удаления из него лишь преступника Пенеску, пролившего народную кровь. Руководствуясь интересами обеспечения наиболее полного участия Румынии в антигитлеровской войне, НДФ был готов продолжать сотрудничество с буржуазно-помещичьими партиями в правительстве Санатеску. Но румынская реакция решила воспользоваться новым правительственным кризисом, чтобы еще раз попытаться освободиться от вынужденного сотрудничества с представителями демократических, революционных сил. Буржуазно-помещичьи круги

[99] «Scînteia», 4 dec. 1944.

Румынии и стоявшие за их спиной иностранные империалисты решили поставить во главе правительства человека «твердой руки», который мог бы подавить развивавшуюся народную революцию и предотвратить падение буржуазно-помещичьего господства.

2 декабря 1944 г. король Михай поручил формирование нового правительства генералу Н. Радеску, которого считали наиболее подходящей фигурой для осуществления замыслов румынской контрреволюции. «Человек, который, как надеялись «исторические партии», мог спасти положение, — генерал Радеску казался очень подходящим для этой работы...»[100], — пишут американские авторы. Выбор пал на генерала Радеску не случайно. Еще до первой мировой войны он зарекомендовал себя как палач румынского народа и был награжден за подавление крестьянского восстания в Васлуе. Одно время он возглавлял инспекторат королевской жандармерии. С 1927 года Радеску в течение нескольких лет был румынским военным атташе в Англии. По возвращении в Румынию он занимал видные посты в армии. Являясь представителем реакционнейших румынских кругов, Н. Радеску сотрудничал с фашистско-легионерскими элементами и был почетным председателем легионерской организации «Крестовый поход румынизма». Жестокий и властолюбивый Радеску имел большое влияние в реакционных кругах румынской армии, начальником генерального штаба которой он был назначен осенью 1944 года. Назначение такого человека, как Радеску, на пост главы правительства в условиях развивавшейся народной революции оказалось возможным в силу того, что он незаслуженно пользовался славой противника гитлеровцев, жертвы фашистского режима Антонеску: в 1941—1942 годах Радеску находился в заключении в лагере Тыргу-Жиу, где ему были созданы, однако, специальные условия: «жертва» фашизма жила и столовалась у коменданта и могла в любое время выехать в Бухарест.

Румынская реакция предпринимала попытки создать правительство без участия НДФ, так называемое правительство технических «специалистов». Компартия и

---

[100] W. King, M. O'Brien, Balkans, Frontier of two worlds, N. Y., 1947, p. 128.

руководимые ею демократические силы решительно воспротивились этому. У Радеску не осталось иного выбора, как приступить к формированию «политического правительства» из представителей различных партий.

В целях вызвать отказ компартии и возглавляемого ею Национально-демократического фронта от участия во вновь создаваемом правительстве Радеску выступил перед представителями прессы с провокационным по своему характеру заявлением относительно программы управления страной. Он подчеркнул намерение «восстановить порядок и дисциплину по всей стране», подразумевая под этим удушение демократических сил. Радеску потребовал от народа «не злоупотреблять свободой», обрушился с угрозами на рабочий класс, который «много занимается политикой и митингует». Он прямо заявил, что будет придерживаться в своей политике курса двух предшествующих правительств реакционного большинства и не допустит «самовольных» и «незаконных» замен представителей власти.

Эту реакционную, антидемократическую программу управления страной генерал Радеску прикрывал лживыми обещаниями «удовлетворить нужды масс и устранить виновных представителей власти», провести чистку государственного аппарата от фашистских элементов и др. В целях обмана народных масс он демагогически заявлял, что является сторонником активного участия Румынии в антигитлеровской войне и развития румыно-советских отношений. Спекулируя на чувствах любви и признательности румынского народа советскому народу, сыгравшему решающую роль в освобождении Румынии от гитлеровской тирании, Радеску обещал сделать «главным пунктом» своего правления максимальное укрепление дружественных связей с СССР [101].

Программа Радеску, стремившегося любыми средствами покончить с развивавшейся в стране революцией, встретила одобрение иностранных империалистических кругов. Комментируя эту программу, американская газета «Нью-Йорк таймс» 10 декабря 1944 г. с удовлетворением отмечала его намерения «твердой рукой» управлять Румынией и выражала надежду, что «под руководством премьера генерала Радеску в Румынии будет

---

[101] См. «Scînteia», 6 dec. 1944.

обеспечено положение, подобное положению в Греции»[102], где монархо-фашисты с помощью империалистических интервентов потопили в крови борьбу греческого народа за свое освобождение. Лидеры буржуазно-помещичьих партий, целиком разделяя эту реакционную программу, выразили готовность сотрудничать в деле ее претворения в жизнь.

Исходя из реального соотношения классовых сил в стране и руководствуясь интересами мобилизации всех ресурсов на продолжавшуюся войну против гитлеровской Германии, компартия и руководимый ею Национально-демократический фронт приняли предложение Радеску о вступлении в новое правительство. Но Коммунистическая партия Румынии решительно выступила против реакционного требования генерала Радеску о «дисциплинированной демократии», означавшего не что иное, как ликвидацию завоеванных народом свобод и подавление демократических сил. Стремясь сохранить и укрепить свои позиции в управлении страной, демократические силы во главе с компартией вступали в правительство Радеску также для того, чтобы разоблачать и бороться против его реакционного курса. Нахождение в правительстве давало Национально-демократическому фронту возможность использовать отдельные звенья государственной машины в интересах дальнейшего развития революции.

В сформированном 6 декабря 1944 г. правительстве генерала Радеску Национально-демократический фронт сохранил свои позиции. Глава «Фронта земледельцев» доктор П. Гроза остался заместителем премьер-министра, Г. Георгиу-Деж по-прежнему возглавлял министерство коммуникаций, остались на своих постах и другие представители НДФ. Но большинство в правительстве составляли, как и раньше, представители буржуазно-помещичьей реакции. Генерал Радеску, являясь премьер-министром, взял себе по совместительству портфель министра внутренних дел, а на пост военного министра назначил своего ставленника генерала Негулеску. Характеризуя вновь созданное правительство, Г. Георгиу-Деж писал: «Обе реакционные партии — НЦП и НЛП — сохранили в этом правительстве руководящую роль, саботируя условия перемирия с СССР, упрямо выступая

---

[102] «New-York Times», Dec. 10, 1944.

против требований осуществить демократические реформы»[103]. Хотя в новом правительстве сохранилось реакционное большинство, оно уже не могло направлять развитие страны по своему желанию: ход событий во все большей и большей степени определялся народными массами, активно включавшимися в борьбу за коренные экономические и общественно-политические изменения.

Революционные силы во главе с компартией прибегли к тактике, ведшей к быстрому саморазоблачению представителей реакции в правительстве Радеску, которые на словах выступали за искоренение фашизма, а на деле всячески сопротивлялись демократизации страны. Когда генерал Радеску, пытаясь ввести в заблуждение широкую общественность страны, заявил, что проведение чистки фашистских элементов «по официальной линии» якобы тормозится тем, что ее «анархически» ведет само население без санкции правительственных органов, то организационная комиссия профсоюзного движения по предложению компартии обратилась к рабочим с призывом временно прекратить чистку без разрешения правительства. «Принимая во внимание обещание генерала Радеску провести чистку предприятий от гитлеровцев и других враждебных элементов,— говорилось в этом призыве,— рабочие предоставляют ему приоритет в этом деле. Но как следствие этого мы требуем от правительства решительного перехода к действиям. Жизнь подтвердила правильность этой тактики, которая вынуждала «исторические партии» показывать истинное лицо, ведя к их саморазоблачению и высвобождению масс из-под влияния этих партий.

Реакционное большинство правительства Радеску продолжало следовать тому же антинациональному и антидемократическому курсу, которого придерживались до него два правительства реакционера Санатеску. Румынские власти по-прежнему саботировали выполнение перемирия. В связи с этим ТАСС выступил 29 декабря 1944 г. с заявлением, в котором отмечалось, что выполнение ряда статей соглашения, в том числе статей, предусматривающих демократизацию страны и наказание военных преступников, продолжает оставаться неудовлетворитель-

---

[103] Gh Gheorghiu-Dej, Articole şi cuvîntări, Buc., 1950, p. 103.

ным [104]. Военные преступники все еще занимали видные посты в государственном управлении. Лишь 1 февраля 1945 г. был опубликован официальный список военных преступников. «Потребовалось пять месяцев, чтобы констатировать, что предатели Антонеску, Эуджен Кристеску и др. являются военными преступниками,— писала по этому поводу газета «Скынтейя».— Пять месяцев шли дискуссии, сменилось три правительства, и, наконец, появилось сообщение о том, что арестовано 65 военных преступников, хотя, как известно, Ион и Михай Антонеску, генералы Пантази, Василиу и др. были арестованы еще 23 августа». Лидеры буржуазно-помещичьих партий Маниу и Братиану, направляя деятельность реакционного большинства правительства Радеску, выступали против ареста железногвардейских бандитов, настаивали на смягчении мер в отношении легионеров и т. п. Нередко власти освобождали из тюрем арестованных военных преступников, давая им возможность скрыться от правосудия. Под предлогом празднования Нового года префектура Бухареста выпустила из заключения 107 легионеров.

Вынужденные под давлением борьбы демократических сил пойти на принятие декрета-закона об отмене фашистского расового законодательства (18 декабря 1944 г.), закона о преследовании и наказании военных преступников и лиц, виновных в бедствиях страны (20 января 1945 г.), и статута равноправия национальных меньшинств (6 февраля 1945 г.) Радеску и его сторонники в правительстве ничего не делали для претворения в жизнь этих законов. «Исторические партии», заключив 16 декабря 1944 г. соглашение с Национально-демократическим фронтом о проведении выборов административных органов в 11 уездах, сорвали его выполнение. Румынская реакция в тот момент была заинтересована в сохранении фашистских элементов в органах управления, чтобы опереться на них в своей борьбе против победоносно развивающейся народной революции.

Всячески препятствуя демократизации страны, Радеску пытался насаждать прежнюю реакционную администрацию. 13 декабря 1944 г. он предпринял попытки сместить префекта города Брашова, избранного народом 23 ноября 1944 г. По распоряжению Радеску правитель-

[104] См. «Красная звезда», 29 декабря 1944 г.

ственные войска заняли помещение префектуры, готовясь применить оружие против населения, выступавшего в защиту префекта-демократа. Опасность кровопролития в городе была устранена в результате вмешательства советского уполномоченного Союзной контрольной комиссии, который потребовал вывода войск из префектуры и восстановления порядка [105]. Присутствие советских войск не давало возможности румынской контрреволюции применить вооруженную силу против народных масс, исключало насилие над их волей.

15 января 1945 г. генерал Радеску созвал в Яссах совещание префектов Молдовы и Буковины, на котором потребовал усиления борьбы против революционных сил, добивавшихся подлинной демократизации страны и осуществления назревших социально-экономических реформ. Он ополчился против вооруженных отрядов патриотической гвардии, дававших отпор нападениям со стороны румынской реакции, и потребовал их роспуска. Однако требование премьер-министра не было поддержано присутствовавшими на совещании префектами, избранными волей народных масс. Встретив сопротивление, Радеску был вынужден отказаться от восстановления старых порядков в этой части страны [106]. Реакционеры оказались также бессильными изменить положение в Северной Трансильвании, где после устранения старой администрации население назначило своих представителей. В 9 уездах из 11 во главе префектур стояли демократические элементы, были демократизированы и другие звенья местного административного аппарата. В уезде Бихор по инициативе уездного комитета КПР возникла народная полиция, составленная из рабочих, которая имела своей задачей защиту революционных завоеваний, обеспечение общественного порядка. В декабре 1944 года были созданы самим населением жандармские части для борьбы против бандитских выступлений фашистской реакции.

С приходом к власти генерала Радеску борьба против господства реакции, за демократизацию страны приняла еще более острый характер. Отстаивая свои позиции, реакция при поддержке и поощрении со стороны Радеску

---

[105] См. Arhiva MFA, dos. 1, vol. IV, f. 373.

[106] См. «Din lupta PCR pentru închegarea aliantei intre clasa muncitoare şi tărănimea», vol. 1, p. 78.

перешла к организации открытых нападений на помещения демократических организаций, на руководителей рабочего движения. В декабре 1944 года имело место покушение на П. Гроза. Для борьбы против революционных сил Радеску отзывал с фронта пехотные и даже танковые части. В тыловых частях реакционное офицерство терроризировало солдат, стремясь помешать пробуждению их политической сознательности и превратить их в беспрекословных исполнителей воли начальства. Фашиствующие офицеры угрожали солдатам: «Не занимайтесь политикой, подумайте, что дела могут измениться очень скоро...». Национал-царанистская и национал-либеральная пресса вела националистическую пропаганду, направленную против СССР, подстрекала к выступлениям против демократических сил, поддерживая среди румынской реакции надежды на интервенцию англо-американских империалистов в целях сохранения буржуазно-помещичьих порядков в стране.

Под видом заботы об интересах страны реакционеры в правительстве Радеску хотели помешать румынскому народу внести достойный вклад в разгром фашизма на заключительном этапе войны против гитлеровской Германии, хотели иметь в своем распоряжении в тылу крупные военные силы для борьбы против революции. Они выступали за сокращение военных усилий, за отзыв части румынских войск с фронта под предлогом истощения людских и материальных ресурсов Румынии. На одном из заседаний правительства начальник румынского генерального штаба заявил, что если не будут сокращены масштабы румынского участия в войне, то страна сможет продолжать участвовать в ней не более полутора — двух месяцев. Продолжение военных усилий в прежних размерах, пугал он, обессилит страну. «Я считаю, в наших интересах, чтобы в момент, когда завершится 5-й акт и упадет занавес (т. е. окончится война.— *Авт.*), мы смогли оставаться на сцене» [107].

Националистическая спекуляция была характерна для румынской реакции и в других вопросах внутриполитического и внешнеполитического положения страны. Пытаясь выступать в роли «третьей силы», Радеску обращался с призывом помнить, что «прежде всего все мы —

---

[107] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8494, ff. 16—17.

румыны, и все мы хотим видеть нашу страну вырвавшейся из трагического положения, в котором она находится» [108]. Но эта националистическая спекуляция, призыв к классовому примирению не имели успеха у румынских коммунистов, стоявших на революционных позициях пролетарского интернационализма, позициях марксизма-ленинизма.

В целях подрыва военных усилий страны министры-реакционеры препятствовали восстановлению экономики, разрушенной войной и гитлеровским грабежом, принимали меры к еще большей дезорганизации хозяйственной жизни. Так, например, министр национальной экономики национал-царанист Леукутья совместно с директором управления нефтяной промышленности Андоние, занимавшим этот пост еще при Антонеску, составил план сокращения добычи нефти к концу 1945 года. Намечалось также закрыть некоторые нефтеочистительные заводы, производившие бензин для нужд антигитлеровского фронта. Национал-царанист Худице, стоявший во главе министерства сельского хозяйства, саботировал подготовку к весеннему севу, срывая ремонт машин и инвентаря, заготовку горючего для тракторов, семенного материала и т. п. Этот саботаж имел тяжелые последствия для урожая 1945 года.

Саботируя производство, реакция стремилась переложить ответственность за создавшееся экономическое положение на министров-коммунистов, в частности на Г. Георгиу-Дежа, обвиняя его в том, что его министерство коммуникаций якобы неправильно распределяет между министерствами и ведомствами подвижной состав, уголь и др. [109] Под видом обеспечения координации перевозок на железнодорожном транспорте и его реорганизации вообще они пытались на заседаниях правительства во второй половине декабря 1944 года протащить решение о создании специальной комиссии из представителей политических партий, входивших в правительство. Представители НДФ выступили против этих предложений, направленных на создание препятствий в работе министерства коммуникаций, на дискредитацию министра-коммуниста. Г. Георгиу-Деж заявил на заседании пра-

---

[108] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8493, f. 103.
[109] Ibid., dos. 8486, ff. 41—42.

вительства 22 декабря 1944 г., что нет никаких оснований для создания такой комиссии, поскольку речь идет о чисто технической стороне дела, а не о политическом вопросе [110].

Чтобы вызвать недовольство в стране ведением антигитлеровской войны, реакционное большинство правительства Радеску перелагало всю тяжесть связанных с ней расходов на плечи трудящихся, повышая налоги, проводя реквизиции у крестьян и т. п. Выпущенный в декабре 1944 года «заем восстановления» послужил поводом для распродажи части золотого запаса, которая вела к усилению инфляции и обогащению имущих классов. В соответствии с условиями этого займа приобретавший его получал право на покупку специальной золотой медали, на чеканку которой предназначались три вагона старых золотых монет, в том числе русских золотых рублей, хранившихся в Национальном банке.

С первых же дней своего правления Радеску повел решительную борьбу против захвата и раздела крестьянами помещичьих земель. Используя фашистские и реакционные элементы, сохранившиеся в государственном аппарате и армии, помещики прибегли к террору против крестьян, явочным путем осуществлявших аграрную реформу. В борьбе против аграрной реформы Радеску наряду с репрессиями применял политику обещаний: он заверял крестьянство, что правительство само проведет эту реформу. Создавая впечатление, что проведение аграрной реформы — вопрос решенный, Радеску направил в деревни специальный вопросник, призвав крестьян дать ответ на него, высказать в письменной форме свои пожелания, которые, как он обещал, будут учтены правительством при выработке закона.

Но и без этого вопросника было ясно, какой аграрной реформы хотели трудящиеся крестьяне. В уезде Тутова избранная народом префектура приняла следующее решение по вопросу конфискации и раздела помещичьих земель:

«Статья 1. Все поместья свыше 50 *га,* независимо от характера земли — пахотная, луга, лес и т. п., переходят в пользование крестьян на основе актов о передаче земли.

---

[110] См. Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8487, f. 27.

Статья 2. Поместья, собственники которых бежали после 23 августа 1944 г. и до сего времени не вернулись, если они даже управлялись присланными помещиками людьми, полностью подлежат разделу между крестьянами.

Статья 3. Земли, которые трудно поделить, как-то: леса, луга, сенокосы, будут взяты под контроль и распоряжение сельских комитетов.

Статья 4. Недвижимое имущество помещичьих имений, как-то: дома и хозяйственные постройки, ульи, мельницы, также переходят в собственность сельских комитетов, которые позаботятся об их использовании.

Статья 5. Сельскохозяйственная палата и ее органы совместно с административными органами и сельскими комитетами примут срочные меры для проведения в жизнь вышеупомянутых положений.

Статья 6. Сельские комитеты вместе с административными коммунальными органами немедленно составят списки крестьян, имеющих право на получение земли из помещичьих владений, руководствуясь следующей очередностью:

а) солдаты, которые сражались или сражаются на фронте борьбы против германского фашизма, не имеющие земли или имеющие малые участки;

б) вдовы солдат, сироты и инвалиды войны, безземельные или малоземельные;

в) селяне, не имеющие земли;

г) малоземельные селяне, способные обработать дополнительную землю.

Статья 7. Размер наделов устанавливается в соответствии с количеством экспроприируемой помещичьей земли в уезде и количеством членов семьи, внесенных в списки.

Статья 8. В случае, если размеры конфискуемого помещичьего имения окажутся больше той площади, которая необходима для наделения крестьян землей по упомянутой выше норме, оставшаяся земля будет распределена между крестьянами соседних коммун, где ее будет недостаточно. При этом будет соблюдаться очередность в наделении землей, установленная той коммуной, где проживает крестьянин.

Статья 9. Имеющийся сельскохозяйственный инвентарь в поместьях уезда будет распределен среди кресть-

ян, совершенно не имеющих его. Что касается тракторов, трееров, двигателей и т. п., то они перейдут к коммунальным комитетам и под контроль вышестоящих органов.

Статья 10. Последующий регламент дополнит и расширит положения настоящего распоряжения» [111].

Зачитав на заседании правительства 14 декабря 1944 г. этот документ, генерал Радеску осудил «анархические», по его мнению, действия демократических властей уезда Тутова, посягнувших на святую святых — частную собственность. Он заявил, что не допустит «незаконной» конфискации помещичьих владений, пока правительством не будет принят соответствующий декрет.

16 декабря 1944 г. правительство Радеску создало «комиссию по изучению вопроса об аграрной реформе» в составе 19 человек во главе с министром сельского хозяйства национал-царанистом Худице. Большинство в ней принадлежало представителям буржуазно-помещичьих кругов, фактически выступавших против аграрной реформы. Национально-демократический фронт имел в этой комиссии четыре места. Национал-царанистская и национал-либеральная партии вместе располагали восемью местами, остальные шесть мест принадлежали так называемым «специалистам», которые стояли на позициях «исторических партий». Таким образом, НДФ был представлен в комиссии в пропорции меньшей, чем в самом правительстве. В составе комиссии находились ярые противники аграрной реформы — крупный помещик национал-либерал Берчану, бывший министр земледелия в правительстве Антонеску Мареш, впоследствии осужденные вместе с главными румынскими военными преступниками, и др.

Само собой разумеется, что при таком составе комиссия была не в состоянии выработать конкретных предложений по аграрной реформе. В то время как представители Национально-демократического фронта требовали экспроприации помещичьей земли и скорейшего проведения аграрной реформы самими крестьянами в соответствии с платформой НДФ, представители буржуазно-помещичьих кругов стремились сорвать или как можно больше урезать аграрную реформу. Они вели бесплодные дискуссии о сроках проведения аграрной ре-

---

[111] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8486, ff. 81—82.

формы, размерах экспроприируемых имений и т. п., затягивая разрешение важнейшего в то время вопроса румынской революции.

Национал-либералы выступали открытыми защитниками помещичьего землевладения, пугая тем, что конфискация крупных имений якобы будет иметь своим следствием падение сельскохозяйственного производства. Национал-царанисты, не выступая прямо против аграрной реформы, вносили предложения, направленные на сохранение крупного помещичьего землевладения. Один из лидеров этой партии Ион Михалаке вместо наделения крестьян землей предлагал в качестве средства разрешения аграрного вопроса... «создание образцовых помещичьих ферм». Выступая против предложения НДФ о конфискации помещичьих земель свыше 50 *га*, представитель национал-царанистской партии заявлял, что не следует ограничивать размер тех хозяйств, которые находятся в хорошем состоянии. Против аграрной реформы высказывались «специалисты», заседавшие в комиссии. Они утверждали, что ликвидация помещичьего землевладения будто бы приведет к голоду в стране, что вопрос об аграрной реформе якобы требует длительного изучения, которое «может продлиться год-два, а может быть, и десять лет». И представители «исторических партий», и «специалисты» полностью солидаризировались с генералом Радеску, заявившим о «несвоевременности» аграрной реформы, о невозможности ее осуществления до окончания войны и возвращения солдат с фронта. Разоблачая уловки буржуазно-помещичьих кругов, компартия указывала, что разговоры о проведении аграрной реформы после окончания войны преследуют цель обмануть массы.

Проводившийся генералом Радеску политический курс находился в явном противоречии с его демагогическими обещаниями относительно демократизации страны, выполнения условий перемирия, налаживания дружественных связей с СССР. Сбросив с себя маску «нейтрала» и «демократа», он открыто встал на сторону реакции. Таким образом, в очень короткий срок произошло саморазоблачение правительства реакционного большинства во главе с Радеску, деятельность которого направлялась «историческими партиями».

В новогоднем обращении к рабочим, крестьянам, ин-

теллигенции, солдатам и офицерам 1 января 1945 г. Совет Национально-демократического фронта констатировал, что реакционное большинство не выполняет программы, на базе которой было сформировано коалиционное правительство Радеску. Разоблачая действия румынской реакции, саботировавшей проведение в жизнь условий соглашения о перемирии и ведшей к разрыву отношений с СССР, обращение подчеркивало всю опасность такой политики. «Только вместе с СССР,— указывалось в обращении Совета НДФ,— Румыния обеспечит себе свободу и независимость». Совет НДФ призвал еще настойчивее бороться за уничтожение фашистских остатков и демократизацию страны, за арест военных преступников и конфискацию их имущества в фонд покрытия репараций, за облегчение тягот войны, возложенных на плечи трудящихся, против спекуляции, за общественный контроль над производством и распределением, за немедленное осуществление реформ, намеченных платформой Национально-демократического фронта. В новогоднем обращении Совета НДФ было сказано, что крестьяне должны как можно быстрее получить землю, чтобы уже весной 1945 года провести на ней сев [112].

Саморазоблачение правительства Радеску и «исторических партий», стоявших за его спиной, ведя к их полной изоляции от народных масс, делало возможным выдвижение лозунга устранения правительства реакционного большинства и установления власти правительства Национально-демократического фронта. К этому времени Коммунистическая партия завершала мобилизацию и организацию революционных сил — пролетариата и его главного союзника в борьбе за завершение задач буржуазно-демократической революции — крестьянства.

В декабре 1944 — январе 1945 года закончилась работа по созданию единых профсоюзов. Съезды отраслевых профсоюзных объединений продемонстрировали непоколебимое единство рабочего класса, выкованное в огне боев за поддержку антигитлеровского фронта, за восстановление разрушенного войной хозяйства и за демократизацию страны. Рабочий класс, организованный в единые профсоюзы, все сильнее проявлял себя как руководящая сила румынского народа.

---

[112] См. «Scînteia», 3 ian. 1945.

С 26 по 30 января 1945 г. в Бухаресте в здании румынского парламента проходил первый свободный всеобщий съезд объединенных профсоюзов Румынии, который закрепил восстановление единства профсоюзного движения в стране на базе ЕРФ. В докладах Киву Стойку и Георге Апостола на этом съезде были отмечены успехи в деле восстановления профсоюзного движения и борьбы за экономические и политические права рабочего класса. К моменту созыва съезда насчитывалось 12 профсоюзных объединений, охватывавших 519 тыс. рабочих. Через фабрично-заводские комитеты они охватывали своим влиянием рабочий класс. Профсоюзы дважды добились от правительства принятия постановлений о повышении заработной платы, соблюдения восьмичасового рабочего дня и пр. Перенося тяжелые лишения, рабочий класс самоотверженно трудился ради восстановления экономики и обеспечения военных усилий страны.

Выступления на съезде, как отмечал Г. Георгиу-Деж, показали, что румынский рабочий класс вплотную и по-серьезному занимается политическими проблемами страны [113]. На предприятиях была проделана большая работа по чистке фашистских элементов и саботажников производства. Рабочие активно участвовали в замене реакционных властей демократическими, помогали крестьянству в его борьбе. Борьба за демократизацию страны, за осуществление аграрной реформы, против экономического саботажа буржуазии и помещиков, за активное участие Румынии в войне, как подчеркивалось на съезде, продолжала оставаться на повестке дня, и успешное решение всех этих задач зависело в первую очередь от установления власти демократического правительства.

Съезд принял решение о создании Всеобщей конфедерации труда на основе революционных принципов профсоюзного движения. Одним из таких принципов являлся принцип нерушимого единства профсоюзного движения. Съезд предупредил, что всякая попытка подрыва профсоюзного единства будет рассматриваться как преступление против трудящихся. Другим принципом, на котором строили свою деятельность созданные профсоюзы, был принцип пролетарского интернационализма. Создание единых

---

[113] См. «Dezbaterile primului Congres general liber al sindicatelor unite din Romînia», Buc., 1945, p. 147.

профсоюзов укрепило рабочий класс, усилило его руководящую роль в борьбе трудящихся масс против буржуазно-помещичьего господства.

Рабочий класс сплотил вокруг себя широчайшие массы крестьянства, которое видело в нем своего верного союзника и руководителя в борьбе за избавление от помещичьей эксплуатации, за землю. Работавший под руководством компартии «Фронт земледельцев», его организации на селе стали признанными вожаками крестьянских масс. В совместной борьбе против буржуазии и помещиков все более укреплялся союз рабочего класса с трудящимся крестьянством под руководством рабочего класса. На проходивших в то время областных конференциях по выборам руководящих органов «Фронта земледельцев» была подчеркнута твердая решимость крестьянства крепить союз с пролетариатом, бороться за демократическое правительство и осуществление аграрной реформы до весны 1945 года. «Только совместная борьба трудящихся города и деревни может привести к удовлетворению наших требований» [114],— говорилось в резолюции конференции «Фронта земледельцев» в Яссах в январе 1945 года. На конференции в Мехединци, созванной в январе по инициативе уездного комитета КПР, делегаты крестьян приняли решение устранить оставшиеся фашистские элементы в местной администрации и революционным путем ликвидировать помещичье землевладение. Присутствовавшие на этой конференции рабочие заявили, что они всеми силами поддержат борьбу крестьянства.

Мелкая городская буржуазия, страдавшая от экономического саботажа и инфляции, несмотря на запугивания «большевизацией», «введением коммунизма», ликвидацией частной собственности и т. п., становилась на путь борьбы за демократию и прогресс. Все это вело к дальнейшему ослаблению позиций буржуазии и помещиков, усиливало изоляцию «исторических партий».

В условиях изменения соотношений сил на политической арене в пользу демократии появилась возможность поставить у власти в стране правительство демократических сил, которое обеспечило бы проведение назрев-

---

[114] «Studii», 1954, N 1, p. 75.

ших революционных преобразований буржуазно-демократического характера. С этой целью по предложению компартии Национально-демократический фронт выдвинул 28 января 1945 г. программу управления страной после его прихода к власти. Этой программой рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, заявлял о своей решимости революционным путем осуществить демократические преобразования, подчеркнув, что уже созрели условия и наступил момент для окончательного устранения реакции от власти и установления народно-демократического строя.

На основе всестороннего анализа внутреннего и международного положения Румынии в «Правительственной программе НДФ» утверждалось, что в стране имелись все условия для быстрого восстановления и развития народного хозяйства. Но из-за антинародной политики, проводившейся как в правительстве, так и вне его реакционными элементами из руководящих кругов национал-царанистской и национал-либеральной партий, которые препятствовали демократизации страны, из-за саботажа и проволочек при выполнении условий перемирия, из-за препятствий со стороны этих кругов в осуществлении экономических и социальных реформ, говорилось в документе, страна находится в тяжелом положении и ей грозит экономическая и национальная разруха.

Возлагая всю ответственность за создавшееся тяжелое положение на руководство буржуазно-помещичьих партий, на реакционные румынские круги, Национально-демократический фронт указывал, что единственным выходом из создавшегося положения является отстранение реакции от власти, создание правительства НДФ. «Только правительство Национально-демократического фронта способно уничтожить недоверие к Румынии со стороны Советского Союза и союзников. Только правительство Национально-демократического фронта способно положить конец спекуляции, дороговизне, экономическому хаосу и прекратить страдания народных масс — рабочих, крестьян, чиновников и интеллигенции. Только правительство Национально-демократического фронта сможет обеспечить нормальные условия деятельности представителей национального хозяйства, которые желают сотрудничать в деле экономического и финансового

восстановления нашей страны,— промышленников, коммерсантов, ремесленников» [115].

Сформулированная Национально-демократическим фронтом программа управления страной одним из своих главных пунктов имела задачу обеспечить максимальное участие Румынии в антигитлеровской войне, точное и лояльное выполнение соглашения о перемирии, установление подлинно дружественных отношений со всеми демократическими странами, в особенности с Советским Союзом. Она предусматривала также ликвидацию остатков фашизма, арест и предание суду военных преступников, чистку государственного аппарата, проведение политики братства между национальностями, проживающими в Румынии, и др. В экономической области первоочередной задачей выдвигалось немедленное осуществление аграрной реформы путем конфискации помещичьих владений свыше 50 *га*, а также всех земель военных преступников, коллаборационистов и саботажников. Все эти земли конфисковывались без всякого возмещения убытков бывшим собственникам и распределялись между безземельными и малоземельными крестьянами. НДФ заявлял о своем намерении добиться восстановления и развития национальной экономики, ликвидировать безработицу и поднять экономический и культурный уровень масс.

«Правительственная программа НДФ», повторяя в основном требования платформы Национально-демократического фронта от сентября 1944 года, содержала некоторые новые положения, включение которых было продиктовано изменениями, происшедшими в общественно-политической жизни Румынии. Так, например, предусматривалось восстановление румынской администрации в Северной Трансильвании путем демократизации местных органов этой провинции, реорганизация и демократизация армии, принятие мер к скорейшему возвращению военнопленных, находившихся в Советском Союзе. В целях обеспечения промышленности сырьем и оборудованием намечалось установление постоянного торгового обмена со всеми демократическими странами. Подобные требования привлекали все более широкие круги населения, способствуя налаживанию сотрудниче-

---

[115] «Scînteia», 29 ian. 1945.

ства демократических сил с другими политическими группировками, не входившими в НДФ, в том числе с некоторыми буржуазными группировками.

Национально-демократический фронт не включил в «Правительственную программу» содержавшиеся в сентябрьской платформе НДФ пункты о национализации Национального банка и других 18 крупнейших банков, о национализации картелей в основных отраслях промышленности. Это было сделано в результате правильной оценки тогдашней обстановки, требовавшей сотрудничества со всеми силами, заинтересованными в восстановлении экономики страны. Исключение пункта о национализации банков и картелей давало возможность привлечь на сторону НДФ промышленников, торговцев, кустарей и др., желающих честно сотрудничать в деле восстановления предприятий и поднятия производства в интересах экономического развития страны.

Программа правления НДФ, отражавшая насущные интересы демократического развития страны, получила горячую поддержку широких народных масс. Повсюду в Румынии проходили собрания, митинги и демонстрации, на которых принимались решения требовать передачи власти в руки правительства Национально-демократического фронта. В числе первых одобрили программу правления НДФ рабочие бухарестских предприятий «Малакса», «Леметр», «Леонида» и др., фабрики «Скандиа» в Сибиу, авиационного завода «И. А. Р.» в Брашове, общества «Ромыно-американа» в Плоешти и пищевики Галаца. В резолюции, принятой на собрании рабочих и служащих фабрики «Вулкан» (Бухарест), говорилось: «Мы не прекратим борьбу до тех пор, пока в нашей стране у власти не будет стоять правительство Национально-демократического фронта... Только такое правительство может удовлетворить требования, выдвигаемые румынским народом» [116].

Под лозунгом «Хотим правительство НДФ!» массовые демонстрации следовали одна за другой в Бухаресте и других городах Румынии. Число демонстрантов росло изо дня в день, свидетельствуя о притягательной силе программы правления НДФ и решимости масс претворить ее в жизнь. 2 февраля 1945 г. на митинге в Бухаресте

---

[116] «Scînteia», 3 febr. 1945.

участвовало около 300 тыс. человек. 4 февраля в Плоешти принимали участие в демонстрации 30 тыс. человек, в Констанце — 30 тыс., в Тырговиште — 10 тыс., в Браиле — 8 тыс. В последующие дни в Бухаресте число демонстрантов возросло до 500 тыс., в Плоешти —до 60 тыс., в Браиле — до 10 тыс.

Правительственную программу НДФ с огромным энтузиазмом встретили румынские крестьяне. «Нам нечего ждать от нынешнего правительства,— указывалось в манифесте «Фронта земледельцев» к крестьянству.— Немедленно переходите к осуществлению программы! Боритесь за правительство Национально-демократического фронта!» [117]. Поддержку программе НДФ выразили многочисленные профессиональные организации, в том числе демократические группы инженеров-агрономов, медиков и владельцев ремесленных мастерских.

Против программы правления НДФ ополчились «исторические партии». Редакция газеты «Дрептатя» — центрального органа национал-царанистской партии — подготовила к опубликованию передовую статью с клеветническими нападками на Национально-демократический фронт; рабочие типографии отказались набирать ее. Деятели буржуазно-помещичьих партий называли эту программу «демагогической», «пропагандистской», утверждая, что немедленное осуществление ее якобы подорвет военные усилия страны [118]. Их позиция вызывала недовольство рядовых членов национал-царанистской и национал-либеральной партий. Несогласие с руководством высказали в это время некоторые местные организации НЦП и НЛП, решившие примкнуть к программе правления Национально-демократического фронта. В начале февраля 1945 года такое решение приняли организации национал-царанистской и национал-либеральной партий в Яссах, Сату Маре, Быстрице, Нямце, Пьептэнаре, Сомеше и др. Из национал-царанистской партии в массовом порядке стали выходить крестьяне, возмущенные позицией руководства НЦП в земельном вопросе, вступая в «Фронт земледельцев».

Процесс разложения «исторических партий», который

---

[117] М. Г. Сазина, Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя (1944—1947), изд-во «Наука», 1963, стр. 258.

[118] «Dreptatea», 1 febr. 1945.

отражал глубокий кризис буржуазно-помещичьих порядков, доживавших свои последние дни, был в полном разгаре.

Используя углубившиеся противоречия в рядах эксплуататорских классов, компартия привлекла на сторону демократических сил буржуазные группировки, выразившие желание сотрудничать в деле осуществления программы правления НДФ. Так была установлена связь с отколовшейся от национал-либеральной партии группировкой Г. Татареску, которая представляла интересы части буржуазии, понесшей определенный ущерб в период господства военно-фашистской диктатуры. Эта группировка сотрудничала с компартией еще до 23 августа 1944 г. Ее лидер, трезво оценивая политическую обстановку, считал необходимым сближение с демократическими силами внутри и антигитлеровскими государствами, в том числе с СССР, на внешней арене. В этом было его отличие от руководителей «исторических партий», строивших свои политические расчеты на конфликте внутри антигитлеровской коалиции между СССР, с одной стороны, США и Англией — с другой. Во второй половине февраля 1945 года к Национально-демократическому фронту присоединилась вышедшая из национал-царанистской партии группа во главе с Антоном Александреску.

Глава 6

ПРОВАЛ ПОПЫТКИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕВОРОТА И ПРИХОД К ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА НДФ

Борьба за приход к власти демократического правительства, за немедленное проведение аграрной реформы и других демократических преобразований вступила в решающий этап, когда в глазах народных масс были до конца разоблачены реакционные силы, пытавшиеся предотвратить демократическое развитие страны. Активизация борьбы демократических сил Румынии происходила также под влиянием принятой на Ялтинской конференции

глав правительств трех держав «Декларации об освобожденной Европе», предусматривавшей оказание помощи «народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств — сателлитов оси в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем» [119]. Правящие круги США и Англии, идя на принятие этой декларации, не собирались способствовать установлению подлинно демократического строя в освобожденных от фашизма странах. Но твердое намерение Советского Союза добиться осуществления этой декларации сделало ее важным моментом в развитии борьбы народных масс Румынии за демократизацию страны.

Комментируя «Декларацию об освобожденной Европе», Совет НДФ подчеркнул то место коммюнике Крымской конференции, где указывалось, что только правительство, «широко представляющее все демократические элементы населения», сможет разрешить демократическими методами жизненно важные проблемы. Подобного рода правительство не может состоять из реакционных руководителей «исторических партий», из реакционеров вроде Радеску, со всей решительностью заявлял Совет Национально-демократического фронта. Газета «Скынтейя» писала, что решения Крымской конференции еще яснее показали путь, по которому должен идти румынский народ [120].

Народные массы во главе с Коммунистической партией с новой силой развернули действия по революционному осуществлению программы Национально-демократического фронта. Главное внимание было направлено на проведение аграрной реформы, являвшейся центральной задачей завершающего периода буржуазно-демократической революции: в борьбе за конфискацию помещичьей земли и распределение ее между безземельными и малоземельными крестьянами создавался союз рабочего класса с трудовым крестьянством — решающая сила победоносной народной революции.

После того как комиссия по изучению аграрной реформы выявила свою реакционную сущность и крестьян-

---

[119] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, Госполитиздат, 1947, стр. 105.

[120] «Scînteia», 17 febr. 1945.

ству стало совершенно очевидно, что нельзя надеяться на получение земли от правительства Радеску, компартия приняла решение рекомендовать представителям НДФ выйти из состава этой комиссии.

7 февраля 1945 г. «Фронт земледельцев» призвал к созданию специальных органов по проведению аграрной реформы, опубликовав необходимые разъяснения по этому вопросу. Сельские комитеты по проведению аграрной реформы создавались под руководством «Фронта земледельцев». Эти комитеты должны были состоять из крестьян, «которые обязуются вместе с организованным крестьянством бороться за конфискацию помещичьих имений размером свыше 50 *га*» [121]. На комитеты возлагалась задача немедленного составления списков нуждающихся в земле крестьян, обмера конфискуемых помещичьих земель, чтобы до наступления весны закончить аграрную реформу и передать помещичьи земли крестьянам.

10 февраля 1945 г. в связи с выходом представителей НДФ из правительственной комиссии по изучению аграрной реформы руководство «Фронта земледельцев» обратилось с манифестом к своим организациям, призывая их перейти к немедленному и повсеместному осуществлению аграрной реформы снизу. «От стоящего у власти правительства, — указывалось в манифесте, — нечего ждать добра. Нельзя терять время. Приступайте немедленно к работе. Ваша судьба в ваших руках. Сплотите ряды, соберите силы и осуществляйте немедленно аграрную реформу» [122]. Крестьянам разъяснялось, что помещичья земля подлежала конфискации без всякой компенсации, что за полученный земельный участок нужно выплатить государству в течение 10—20 лет сумму, равную стоимости одного урожая с него.

Для оказания помощи крестьянству в организованном и быстром проведении аграрной реформы из промышленных центров были направлены на село десятки тысяч рабочих [123]. В течение всего лишь двух-трех недель раздел помещичьих земель стал общим явлением, охватив всю страну. Попытки Радеску репрессиями остановить

---

[121] «Frontul plugarilor», 7 febr. 1945.

[122] «Scînteia», 12 febr. 1945.

[123] См. «50 de ani de la crearea Consiliului general al Sindicatelor din Rominia», Buc., 1957, p. 36.

этот процесс оказались безуспешными. В селе Моцецей жандармы арестовали 17 членов сельского комитета аграрной реформы и отправили их в Крайову в военный трибунал, который, однако, под давлением масс, руководимых коммунистами, был вынужден освободить их. Вернувшись домой, крестьяне завершили раздел помещичьих земель. В коммуне Бэйнец «за подстрекательство крестьян к захвату помещичьих земель» были задержаны два бухарестских рабочих. Поднявшееся в их защиту все крестьянство Рэдэуцского уезда заставило реакционную власть отпустить рабочих на свободу. Уверенные в своей правоте крестьяне при поддержке рабочих действовали решительно. Их не смущало отсутствие закона о конфискации помещичьих земель. «Мы сами создаем законы» [124], — говорили они. Крестьяне готовы были любой ценой отстоять полученную ими землю. «Мы скорее умрем на борозде, чем уйдем с этой земли», — заявили крестьяне деревень Линчени и Драгичени, когда жандармы попытались согнать их с помещичьей земли.

Для борьбы против крестьянских масс, захватывавших помещичьи земли, Радеску направил во многие уезды воинские части. Компартия провела в армии большую разъяснительную работу, чтобы парализовать контрреволюционные замыслы реакции, помешать использованию армии против народа. В одной из листовок, озаглавленной «К офицерам, сержантам и солдатам, рабочим и крестьянам, находящимся в рядах армии!», говорилось: «Ваши братья-крестьяне, видя, что правительство, состоящее в своем большинстве из реакционеров, отказывается осуществить аграрную реформу, сами приступили к конфискации помещичьих земель. Они решили наделить этой землей в первую очередь вас, находящихся на фронте или в тылу, борющихся с оружием в руках за свободу родины. Перепуганные помещики стремятся использовать вас против ваших братьев — крестьян и рабочих. По той причине, что в армии и ее руководстве имеются фашистские и профашистские элементы, генералы-помещики вроде Алди, делаются попытки превратить армию в инструмент помещиков и реакционеров для борьбы против рабочих и крестьян» [125]. Армия, гово-

---

[124] «Scînteia». 17 febr. 1945.
[125] Arhiva MFA, dos. 230/56, f. 226.

рилось в заключение этой листовки, должна стать на сторону народа, отказываясь выполнять любой приказ, направленный против рабочих и крестьян. В результате проводившейся коммунистами разъяснительной работы воинские части, посланные Радеску на подавление крестьянских выступлений, в ряде уездов (Телеорман, Сибиу и др.) отказались выполнять приказы реакционного командования, не стали стрелять в крестьян [126].

Осуществление крестьянами аграрной реформы проходило в благоприятных условиях в тех уездах, где уже установилась демократическая власть. В Констанцском уезде, например, уже к концу февраля 1945 года в основном было завершено распределение земель между крестьянами. К середине февраля в большинстве сел Хунедоарского уезда также была завершена эта работа. В Молдове на совещании демократических префектов 14—15 февраля 1945 г. было принято решение в административном порядке поддержать борьбу масс за аграрную реформу и другие требования программы правления НДФ. Такое же решение было принято на совещании НДФ совместно с префектами в Клуже 12—14 февраля 1945 г.

К концу февраля — началу марта 1945 года во многих местах уже было завершено проведение явочным путем аграрной реформы. Это явилось сильнейшим ударом по буржуазно-помещичьим позициям. В огне революционной борьбы за конфискацию и раздел помещичьих земель был создан и окреп союз рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса.

Одновременно с революционным осуществлением аграрной реформы народные массы во главе с компартией с новой силой и еще большим размахом возобновили действия по смещению реакционных префектов и примарей и замене их своими представителями. «Мы решили сами очистить государственный аппарат и администрацию частных учреждений и предприятий от фашистских элементов, — говорилось в одной из рабочих резолюций. — Мы решили изгнать из правительства преступную клику Радеску» [127]. Демократизация властей успешно проходила в Телеорманском, Должском, Романацском

---

[126] См. М. Г. Сазина, цит. раб., стр. 251.
[127] «Scînteia», 23 febr. 1945.

и других уездах, несмотря на ожесточенное сопротивление реакции.

Революционные действия масс по демократизации государственного аппарата и осуществлению аграрной реформы, охватившие всю страну, усилили панику в рядах реакции. На одном из заседаний правительства в феврале 1945 года генерал Радеску говорил: «В последние дни сильно возросло движение в уездных городах. То же самое и в отношении примарей. Что же касается волнений в селах в связи с аграрной реформой, то положение стало исключительно тяжелым». Серьезность положения для румынской реакции отмечал в своем выступлении также министр общественных работ, сообщавший: « В трех уездах были совершены успешные нападения на префектуры, в одном из них даже при помощи самого префекта. В уезде Яломица в течение нескольких дней были изгнаны сто примарей» [128].

Реакция предпринимала отчаянные попытки, чтобы остановить или, по крайней мере, затормозить действия масс по демократизации страны. 15 февраля 1945 г. генерал Радеску по телеграфу и телефону отдал во все префектуры распоряжение силой отвечать на «насильственные действия» по замене реакционных властей, захвату помещичьих имений и т. п. Военному министерству он дал указание обеспечить участие военных гарнизонов в операциях органов министерства внутренних дел против «нарушителей закона» [129]. В уезде Байа Маре, где население сместило префекта-реакционера, жандармы с винтовками и пулеметами предприняли нападение на здание префектуры, чтобы арестовать новую демократическую власть. Эта атака была отбита демократическими силами, поддержанными населением. Неудачей окончилась попытка восстановления реакционной власти в Яссах: население отбило нападение полицейского отряда и разоружило его. В Турну-Мэгуреле по приказу Радеску двухтысячный отряд войск блокировал здание префектуры, пытаясь заставить капитулировать избранного народом префекта и его сотрудников. Блокада префектуры длилась до тех пор, пока 6 марта 1945 г. к власти в Румынии не пришло демократическое правительство. Для

---

[128] А. Петрик, Г. Цуцуй, цит. раб., стр. 72.
[129] См. Arhiva CC al PCR, fond 49, dos. 9286, f. 49.

борьбы против демократических сил Радеску вооружал также фашистские элементы, предпринимавшие нападение на народные собрания, митинги и демонстрации.

В выступлении на заседании правительства, разоблачая контрреволюционные действия Радеску и его сторонников, Г. Георгиу-Деж сказал, что «не может быть и речи о том, чтобы оспаривать правомочность и законность органов власти, созданных свободным волеизъявлением народа» [130]. Компартия оказала также решительное сопротивление новым попыткам реакционного большинства правительства добиться роспуска и разоружения вооруженных формирований народа, численность которых продолжала расти. 17 февраля 1945 г. жандармерия доносила о том, что как в столице, так и в провинции рабочие ряда предприятий вооружены. Об этом сообщали также военные органы, отмечавшие, что «экстремистские организации» и население Молдовы располагают оружием [131].

Отряды патриотической гвардии и другие вооруженные народные формирования стояли на защите демократических завоеваний, давая отпор нападениям со стороны фашистов и реакционеров. Префект Ясского уезда отказался выполнить приказ министерства внутренних дел о роспуске сельской полиции и в своем ответе в Бухарест написал, что она «не должна быть уничтожена, как требуете вы, а, наоборот, ее нужно как можно больше совершенствовать, субсидировать и считать необходимым органом», ибо она является творением народа, который подчиняется ей [132].

В результате революционных действий масс реакционное большинство правительства Радеску все больше и больше теряло контроль над страной. «Уже в период с 23 августа по 6 марта против буржуазно-помещичьей власти поднялись силы, представлявшие собой элементы новой, народно-демократической власти: Национально-демократический фронт, который объединил демократические партии и группировки под руководством нашей партии и который завоевал некоторые позиции в правительстве и государственном аппарате; вооруженные патриотические отряды; фабрично-заводские комитеты; тру-

---

[130] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8496, f. 19.
[131] См. Arhiva MFA, dos. 1355, f. 134.
[132] А. Петрик, Г. Цуцуй, цит. раб., стр. 72.

дящиеся массы, завладевшие улицами, заводами и фабриками; крестьянские комитеты, изгонявшие помещиков и осуществлявшие аграрную реформу»[133]. Это были зачатки новой революционной власти. Еще до свержения правительства Радеску в начале марта 1945 года в подавляющем большинстве уездов (в 52 из 58) во главе префектур были поставлены представители демократических сил, которые отказывались выполнять правительственные распоряжения, противоречившие интересам масс, и осуществляли требования программы правления НДФ[134].

В условиях растущей дезорганизации работы реакционного государственного аппарата и его прогрессирующего развала, перед лицом новой могучей революционной волны румынская реакция, лишенная поддержки масс, решила прибегнуть к развязыванию гражданской войны, чтобы с помощью иностранной империалистической интервенции подавить освободительную народную борьбу, сохранить буржуазно-помещичье господство. Румынская реакция перешла в открытое наступление на демократические силы, организуя одно за другим провокационные выступления, подвергая террору руководителей демократических организаций, деятелей профсоюзов и т. д.

Сигналом к этому наступлению контрреволюции послужила речь генерала Радеску на собрании в кинотеатре «Аро» 11 февраля 1945 г., где он выступил перед реакционной аудиторией — представителями руководства «исторических партий», железногвардейцами и т. п. Чтобы не допустить в зал неугодных реакции людей, его оцепили отрядом из 2000 жандармов. Речь Радеску была проникнута злобой к демократическим силам Румынии. Он требовал от рабочих перестать заниматься политикой, прекратить всякую агитацию, угрожая в противном случае принять меры против них — мобилизовать в армию, отправить на фронт и т. п. «Внимательно взвесив все факты за и против, — говорил он в своей речи, — я пришел к выводу, что сейчас не только не наступил подходящий момент для аграрной реформы, но, больше того, проводить реформу в настоящее время было бы грубей-

---

[133] Г. Георгиу-Деж, Статьи и речи, т. 2, стр. 281.
[134] См. «Studii», 1959, N 4, p. 298.

шей ошибкой»[135]. Утверждая, что передача помещичьей земли крестьянам «несвоевременна» и будто бы вредно отразится на сельском хозяйстве, он выступал против проведения аграрной реформы до окончания войны. Речь Радеску содержала гнусные антисоветские выпады и инсинуации, призывы к реакционным силам решительно бороться с развивающейся в стране революцией. Исчерпывающую характеристику этого выступления дала газета «Скынтейя»: «11 февраля Радеску объявил открытую войну народу»[136].

Полная ненависти и угроз в адрес народа, боровшегося за подлинную демократизацию страны, речь Радеску была подстрекательством к развязыванию гражданской войны. Ее предварительно одобрили дипломатические представители империалистических держав в Бухаресте[137]. Маниу и Братиану заявили представителям печати о своей полной солидарности со взглядами генерала Радеску[138]. Его всецело поддержал также король Михай.

Вслед за речью Радеску последовало нападение фашистских элементов на демонстрантов, выражавших перед кинотеатром «Аро» свое возмущение наглым, провокационным поведением Радеску. Банды легионеров, ободренные речью реакционного премьера, устроили на улицах Бухареста манифестации, выкрикивая антисоветские и фашистские лозунги, избивая всех тех, кто не присоединялся к ним. В тот же день было совершено нападение на редакцию газеты «Скынтейя».

В типографии газет «исторических партий» для подавления сопротивления рабочих, отказывавшихся набирать статьи, содержавшие нападки на компартию, рабочий класс и Национально-демократический фронт, были направлены войска и полиция. Группа фашиствующей молодежи из национал-либеральной партии при попустительстве жандармерии ворвалась в типографию газеты «Виторул» и учинила там расправу над рабочими. Когда же типографские рабочие направили к премьеру свою делегацию, чтобы заявить протест против действий полиции и фашистских элементов, то Радеску стал оправ-

[135] «Universul», 12 febr. 1945.
[136] «Scînteia», 13 febr. 1945.
[137] См. «Central Europeen Observer», March 23, 1945, p. 95.
[138] См. «Ultima oră», 14 febr. 1945.

дывать эти действия. Он заявил рабочим, что поступит так, как поступили в Греции, — поднимет армию и прикажет ей стрелять в народ.

«Если возникнет необходимость, мы дойдем до гражданской войны, мы начнем ее», — заявил Радеску на заседании совета министров 16 сентября 1945 г., разоблачая свои намерения произвести контрреволюционный переворот.

Провокации контрреволюции следовали одна за другой. В Бухаресте, Крайове, Брашове и других городах по приказу Радеску были выведены на улицу войска, установлены военные патрули на важнейших коммуникациях и др. В Крайове три роты солдат и жандармерии, ворвавшись в здание префектуры, арестовали и жестоко избили избранного народом префекта и членов местного совета НДФ. 19—20 февраля на бухарестском заводе «Малакса» бывшие легионеры и члены национал-царанистской партии бандитскими методами пытались распустить профсоюзный комитет. Прибывших на завод представителей конфедерации труда во главе с Г. Апостолом они встретили ружейным огнем, в результате которого был убит один рабочий и получили ранения 11 человек, в том числе Г. Апостол.

19 февраля реакционное большинство правительства Радеску приняло провокационное решение о снятии представителя Коммунистической партии с поста заместителя внутренних дел под предлогом упразднения этой должности. Однако по указанию компартии ее представитель отказался выполнить противозаконное решение и продолжал оставаться на посту заместителя министра внутренних дел, проводя политику в интересах демократических сил.

Вскрывая смысл всех провокационных действий румынской реакции, Совет НДФ в своем коммюнике указывал, что «Румынию втягивают в гражданскую войну» [139].

Руководя решающим наступлением революционных сил, Коммунистическая партия принимала меры к тому, чтобы предупредить попытки реакции спровоцировать уличные столкновения, которые могли быть использованы для развязывания гражданской войны. Компартия считала, что соотношение классовых сил в стране, харак-

---

[139] «Scînteia», 22 febr. 1944.

теризовавшееся бурным ростом сил революции, с одной стороны, и резким ослаблением и дезорганизацией позиций контрреволюции, с другой стороны, позволяло свергнуть буржуазно-помещичью власть мирным путем, без гражданской войны. Не исключая все же возможности того, что реакция попытается прибегнуть к использованию вооруженной силы, компартия усилила свою работу в рядах армии, укрепила боевые патриотические отряды и призвала народные массы повысить бдительность, чтобы с самого начала подавить эту попытку. Созданная по инициативе КПР демократическая группа офицеров и солдат обратилась к своим сослуживцам с призывом встать на сторону революционного народа.

Негодующие народные массы ответили на провокационные действия румынской реакции мощными демонстрациями и митингами под лозунгом борьбы за создание правительства Национально-демократического фронта. «Народ понял, — писала в этой связи газета «Скынтейя», — что только подлинно демократическое правительство НДФ желает и может провести демократизацию страны» [140]. 13 февраля в столице состоялся грандиозный 500-тысячный митинг, на котором перед трудящимися выступил Г. Георгиу-Деж. Он заявил, что в мире нет такой силы, которая могла бы остановить румынский народ на пути, открытом 23 августа 1944 г. Участники этого митинга выразили твердую решимость покончить с остатками фашизма, осуществить демократические реформы, установить дружественные отношения с СССР. Многолюдные митинги и демонстрации с требованием положить конец проискам реакции и установить власть правительства НДФ проходили в Плоешти, Браиле, Морени, Фэлтичени и других городах. Все более широкие круги населения выступали с осуждением политики Радеску. В середине февраля 60 университетских профессоров опубликовали воззвание, в котором требовали создания демократического правительства.

На состоявшемся 21 февраля 1945 г. последнем заседании правительства Радеску в его полном составе представители Национально-демократического фронта выступили с разоблачением подготовки генералом Радеску государственного переворота. «Я вижу, что вы

---

[140] «Scînteia», 13 febr. 1945.

готовитесь к государственному перевороту, чтобы упразднить демократию и ввести диктатуру», — сказал П. Гроза, обращаясь к реакционному премьеру. Национал-цаpанистский министр Поп по существу признал этот факт, когда на заседании оправдывал действия генерала Негулеску, отказывавшегося послать на фронт офицеров и солдат из тыла. Они нам нужны здесь, сказал Поп, «для поддержания спокойствия в стране». Радеску совместно с министрами «исторических партий» обвинил представителей НДФ в «незаконной» смене префектов и примарей, представляя ее в виде акции небольшой кучки коммунистов, стремящейся захватить власть в стране. В ответ ему Г. Георгиу-Деж сказал: «Несколько сот человек!? Почему же вы тогда боитесь, что они захватывают префектуру?» [141].

Единственным выходом из создавшегося положения была отставка правительства реакционного большинства во главе с генералом Радеску, действия которого стали крайне опасными для страны. Ставленники буржуазии и помещики отклонили требование НДФ об отставке, сославшись на то, что они составляют большинство в правительстве. Более того, генерал Радеску нагло предложил представителям НДФ, если они не согласны с его курсом, уйти в отставку. В связи с отказом реакционеров уйти в отставку, Г. Георгиу-Деж заявил, что им все равно не удастся удержаться у власти. «Положение критическое, не станем отрицать, но мы все же заставим вас уйти в отставку.., — сказал он. — Выход из создавшегося положения — ваша отставка, и мы ее добьемся. Мы поднимем народ, и тогда вы увидите, что значит воля народа». Выражая непреклонную волю Коммунистической партии сделать все, чтобы избежать кровопролития, Г. Георгиу-Деж подчеркнул: «Мы не хотим оказаться втянутыми в гражданскую войну. Мы всеми средствами будем препятствовать попыткам превратить внутреннюю борьбу в гражданскую войну» [142].

Крайне обострившееся внутриполитическое положение в Румынии не могло не привлечь внимания советской общественности. Газета «Правда» в редакционной статье «К событиям в Румынии» подчеркивала, что со-

---

[141] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8496, f. 29.
[142] Ibid., f. 30.

ветская общественность не может следить безучастно за внутренней борьбой демократических сил с фашистскими элементами. Она указывала, что генерал Радеску ведет политику, во многом напоминающую политику фашистской диктатуры Антонеску, и что «этот реакционный курс угрожает Румынии катастрофой и неисчислимыми бедствиями». Разоблачая антидемократическую политику Радеску и лидеров буржуазно-помещичьих партий, которые путем полицейских мер насилия над рабочими, крестьянами и интеллигенцией пытались утвердить свою власть, газета писала, что Румыния может выйти из нынешнего положения только при условии решительной и последовательной демократизации, ликвидации всех фашистских режимов, проведения необходимых политических и социальных реформ. Сильным в Румынии, как и в любой стране, напоминала «Правда», может быть лишь правительство, опирающееся на народ, действующее демократическими методами в интересах широких слоев населения [143]. Редакционная статья «Правды», перепечатанная целиком в специальном выпуске газеты «Скынтейя», вдохновила румынский народ, показав, что на его стороне симпатии и поддержка народов великого Советского Союза.

Румынская реакция для развязывания гражданской войны решила прибегнуть к новой чудовищной провокации — расстрелу массовой демонстрации трудящихся, которая была назначена Советом Национально-демократического фронта в Бухаресте на 24 февраля 1945 г. под лозунгом немедленной отставки правительства Радеску. 23 февраля Радеску был на аудиенции у короля, которого проинформировал о ходе подготовки к подавлению демонстрации. Маниу передал Радеску заверения своей полной солидарности с ним и готовности оказать всяческую помощь. Радеску ответил ему, что уверен в успехе своего выступления [144]. Он сконцентрировал в Бухаресте части полиции и жандармерии. Газета «Скынтейя» писала 23 февраля, что в столице сосредоточено много солдат и офицеров, которых умышленно не отправляют на фронт, рассчитывая использовать против демократиче-

---

[143] См. «Правда», 22 февраля 1945 г.

[144] См. Gh. Tuțui, M. Șova, Hohenzollernii in Romînia, Buc., 1962, p. 77.

ских сил. За три дня до демонстрации по приказу Радеску солдатам были выданы патроны и гранаты, офицеры потребовали от своих подчиненных беспрекословного выполнения любых приказов. Солдатам гвардейского полка имени Михая Витязя были розданы револьверы для стрельбы по демонстрантам и было приказано прибыть в центр города в гражданской одежде.

К участию в кровавой расправе над трудящимися лидеры «исторических партий» привлекли своих активистов. По распоряжению Маниу были составлены списки членов национал-царанистской партии, которые должны были быть вооружены и вместе с войсками «защищать общественные учреждения от занятия их рабочими». Радеску снабдил оружием также членов молодежной секции национал-либеральной партии. Буржуазия и помещики с нетерпением ожидали переворота. Председатель организации национал-царанистской партии уезда Дымбовица сообщил 22 февраля своим членам, что через два дня «произойдут важные события» [145].

24 февраля 1945 г. в Бухаресте состоялась огромная демонстрация 600 тыс. жителей столицы и крестьян окрестных сел, которые требовали немедленного ухода в отставку реакционного большинства во главе с генералом Радеску. Жандармские части и другие вооруженные формирования, разместившиеся в королевском дворце, министерстве внутренних дел и других зданиях, открыли огонь по демонстрантам. Было убито 5 и ранено 18 человек. Расстрел мирной демонстрации был прекращен лишь по требованию советского представителя в Союзной контрольной комиссии. Аналогичные события повторились в тот же день и в других городах, в частности в Крайове, Каракале, Брашове, где войска и полиция стреляли в безоружных демонстрантов. Одно это уже свидетельствовало о том, что события в Бухаресте не были случайностью, а являлись частью общего плана разгрома демократических сил и установления диктатуры в Румынии.

Суть этого плана, разработанного иностранными империалистами и румынскими реакционерами, состояла в следующем: потопить в крови народные демонстрации, представив их как попытки «кучки красных» вооружен-

---

[145] «Romînia liberă», 27 febr. 1945.

ной силой захватить власть. Подтверждением этого могут служить однообразные клеветнические версии о событиях 24 февраля в Бухаресте, опубликованные английскими и американскими буржуазными газетами. «Нью-Йорк таймс» писала, например, что в Бухаресте «большие группы вооруженных коммунистов пытались свергнуть румынское правительство и установить «румынские советы». О «восстании под руководством красных» сообщила газета «Вашингтон пост». В таком же духе информировала своих читателей газета «Нью-Йорк геральд трибюн», утверждавшая, будто на королевский дворец и резиденцию Радеску было совершено нападение. Английская газета «Дейли телеграф энд морнинг пост» опубликовала сообщение о том, что «в Бухаресте бунтовщики напали на полицию и солдат». Вторя ей, лондонская «Таймс» писала о «небольшом меньшинстве, стремившемся неприкрытой силой навязать свою волю» [146].

Расстрел мирной демонстрации 24 февраля 1945 г. в Бухаресте вызвал бурю народного негодования. Однако массы, направляемые компартией, не поддались на чудовищную провокацию румынской реакции, преследовавшей цель развязать гражданскую войну в стране. Вечером того же дня участники демонстрации в полном порядке собрались на площади перед королевским дворцом и дали клятву не прекращать борьбы до тех пор, пока не будет создано подлинно демократическое правительство. Народ потребовал немедленной отставки и ареста Радеску и всех тех, кто виновен в расстреле мирных демонстрантов.

Король Михай и лидеры буржуазно-помещичьих партий открыто стали на сторону генерала-убийцы. Позицию защиты палача румынского народа, как свидетельствует тогдашний глава английской военной миссии в Румынии вице-маршал авиации Артур Голд Ли, король Михай занял при поощрении американских дипломатических представителей [147]. В те дни правительство США официально потребовало созвать конференцию трех держав — США, СССР и Англии, для того чтобы помешать победе народ-

---

[146] См. «New York Times», Febr. 26, 1945; «Washington Post», Febr. 26, 1945; «New York Herald Tribune», Febr. 25, 1945; «Dayly Telegraph and Morning Post», Febr. 12, 1945; «Times», March 1, 1945.

[147] См. A. G. Lee, op. cit., p. 104.

ной революции в Румынии. Но эта попытка империалистов вмешаться во внутренние дела Румынии для сохранения господства реакции окончилась провалом.

Обстановка в стране стала исключительно напряженной. Румынская реакция, следуя приказам из Вашингтона и Лондона, упорно стремилась развязать гражданскую войну, которая послужила бы поводом для империалистического вмешательства в целях сохранения в стране господства реакционных классов. Газета «Нью-Йорк таймс» находила тогда, что «имеется большое сходство между теперешним положением в Румынии и положением в Греции накануне недавней войны» [148], имея в виду гражданскую войну, развязанную греческими монархистами с помощью английских оккупационных войск. Такую же оценку давала и английская газета «Манчестер гардиан», утверждавшая, что положение в Румынии «во многих отношениях имеет замечательное сходство с положением в Греции» [149].

Однако подлые замыслы кучки румынских реакционеров и их англо-американских покровителей превратить Румынию во вторую Грецию, где с помощью империалистов было подавлено освободительное движение народных масс, оказались сорванными. Демократические силы Румынии, руководимые компартией, проявляли исключительную выдержку, не поддаваясь на провокации, имевшие своей целью вызвать гражданскую войну в стране. Армия, бывшая ранее слепым орудием в руках реакции, все больше выходила из повиновения: не только солдатские массы, но и офицерский состав переходил на сторону демократии, чем объяснялись многочисленные отказы стрелять в народ. От реакционной политики Радеску отмежевалась значительная группа генералов и высших офицеров, выразив преданность Национально-демократическому фронту. Переход армии на сторону революционного народа обрекал на провал преступные планы внутренней и внешней реакции.

Планы румынской реакции провалились потому, что Советский Союз не мог допустить развязывания гражданской войны в тылу своих войск, сражавшихся против гитлеровской Германии. Вмешательство советского ко-

---

[148] «New York Times», Febr. 27, 1945.
[149] «Manchester Guardian», March 3, 1945.

мандования заставило румынскую контрреволюцию прекратить расстрел мирных демонстрантов в Бухаресте и других городах. «Нынешние события в Румынии,— писал тогда журнал «Война и рабочий класс», — не могут считаться только внутренним делом этой страны»[150]. Нельзя было допустить, чтобы ничтожная кучка реакционеров, стремившихся сохранить свои привилегии и господство над румынским народом, провоцировала гражданскую войну в стране, которая являлась ближайшим тылом Красной Армии, ведущей кровавую борьбу против немецко-фашистских насильников. Советское правительство потребовало безукоснительного выполнения соглашения о перемирии, в частности статей, содержавших обязательство румынского правительства провести демократизацию страны, обеспечения безопасности в тылу советско-германского фронта.

События 24 февраля повлекли за собой дальнейшее усиление борьбы масс против реакционного правительства Радеску. По всей стране прокатилась новая волна многочисленных митингов и демонстраций трудящихся с требованием передачи власти в руки Национально-демократического фронта. В адрес короля Михая беспрерывным потоком шли телеграммы протеста против преступных действий правительства реакционного большинства, с требованием ареста и наказания виновных. 27 февраля 1945 г. представители НДФ, входившие в правительство, заявили королю Михаю решительный протест в связи с преступными действиями Радеску и потребовали его удаления из правительства вместе с другими представителями реакции. Видя, что Радеску уже не в состоянии овладеть положением и что дальнейшее сохранение его у власти становится опасным для монархии, король Михай под все усиливавшимся давлением масс 28 февраля 1945 г. утвердил отставку неудавшегося кандидата в румынские диктаторы. Сам Радеску, боясь ответственности за совершенные злодеяния, укрылся в английской миссии, а затем тайно был переправлен за границу.

Отставка правительства генерала Радеску была признанием провала попытки государственного переворота с целью подавления народной революции. Однако реак-

[150] «Война и рабочий класс», 1945 г., № 5, стр. 6.

ция все еще надеялась сохранить власть в своих руках. Чтобы не допустить прихода к власти демократического правительства, король Михай по совету лидеров национал-царанистской и национал-либеральной партий возложил обязанности по сформированию нового правительства на князя Барбу Штирбея. Реакция пыталась представить его как «не принадлежавшего ни к одной политической группировке». И это говорилось о человеке, который был одним из крупнейших румынских помещиков и который весной — летом 1944 года по заданию румынской реакции добивался на переговорах в Каире оккупации Румынии англо-американскими войсками! Попытка реакции потерпела неудачу, ибо Национально-демократический фронт отказался вести переговоры с ним, а создать правительство без участия НДФ теперь было немыслимо.

2 марта король был вынужден поручить формирование нового кабинета председателю «Фронта земледельцев» П. Гроза, являвшемуся одним из руководителей НДФ. Интересные подробности, связанные с этим, приводятся в книге главы английской военной миссии в Румынии вице-маршала авиации Артура Голд Ли. «Наступило 2 марта, — рассказывает он, — а король все еще не решил. С утра у него находились Маниу, Михалаке, Татареску и др. Король обратился за помощью к миссиям, которые, симпатизируя ему и чувствуя свое бессилие, а также понимая, что король не может тянуть бесконечно, заявили ему утром, что если они до вечера не получат указаний, то ему следует назначить Грозу. Час за часом король ждал сообщений, но они не поступали» [151]. Уже после того, как король поручил П. Гроза сформировать правительство, представители Англии и США сообщили Михаю о получении от своих правительств инструкций, советовавших не соглашаться на создание правительства НДФ.

Когда П. Гроза представил список нового правительства, то Михай отказался утвердить его, заявив, что оно якобы не является «представительным». Король настаивал на том, чтобы места в новом правительстве были распределены поровну между НДФ и «историческими партиями». Согласиться с требованием короля означало

---

[151] A. G. Lee, op. cit., p. 110.

создать правительство, не отражающее соотношения классовых сил в стране и потому неспособное решить важные политические и социально-экономические проблемы, стоявшие перед румынским народом. Национально-демократический фронт, соглашаясь включить несколько представителей партий Маниу и Братиану, категорически отверг притязания буржуазно-помещичьих партий на руководящую роль в новом правительстве.

День проходил за днем после отставки Радеску, а новое правительство все еще не было сформировано. Реакционные силы продолжали свои провокации, чинили самые различные препятствия на пути создания демократического правительства, все еще надеясь вызвать беспорядки в стране и дать тем самым повод для спасительного вмешательства империалистических кругов США и Англии. Они добивались того, чтобы новое правительство было «подходящим» по составу. Лидеры «исторических партий» предлагали королю в случае неудачи с созданием приемлемого для реакции правительства бежать за границу, чтобы подготовить империалистическую интервенцию во внутренние дела Румынии. Однако империалисты были бессильны помешать победоносному развитию народной революции в Румынии: международная обстановка, создавшаяся в результате разгрома основных сил фашизма и освобождения ряда восточноевропейских стран, в том числе Румынии, Советской Армией, делала невозможным вооруженную интервенцию империалистов в эти страны.

Народные массы, руководимые компартией, провели 6 марта 1945 г. огромную демонстрацию с решительным требованием немедленной передачи власти в руки демократического правительства. Грандиозная 800-тысячная демонстрация жителей столицы и лиц, прибывших из других уездов страны, испугала монархию, заставила ее согласиться с требованием демократических сил. В тот же день король Михай утвердил состав правительства, представленный П. Гроза.

Так, в результате победоносного развития народной революции, начавшейся 23 августа 1944 г., к власти пришло 6 марта 1945 г. демократическое правительство, решающую роль в котором играли представители трудящихся. В состав правительства, возглавленного П. Гроза, наряду с представителями Национально-демократиче-

ского фронта вошли также представители отколовшихся от «исторических партий» групп национал-либералов и национал-царанистов: Г. Татареску стал заместителем премьера и министром иностранных дел, национал-либерал Алиманештяну — министром финансов, национал-царанист Александреску — министром кооперативов и т. д. Участие представителей либеральной буржуазии в этом правительстве не могло, однако, изменить характер и содержание государственной власти, которая по существу являлась революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. «Народные массы города и деревни, — указывает Г. Георгиу-Деж, — решили судьбу борьбы за власть, установив 6 марта 1945 г. народно-демократическую власть» [152].

Установление власти народной демократии, означавшее конец буржуазно-помещичьих порядков в этой стране, явилось сильнейшим ударом по планам империалистов в Румынии. Поэтому они бурно реагировали на создание первого в истории Румынии демократического правительства. В английской палате общин был сделан специальный запрос «относительно политического положения в Румынии». Член палаты общин Дункан, сделавший этот запрос, обратил внимание правительства на наличие «значительных английских интересов» в этой стране, в частности в румынской нефтяной промышленности [153]. Министр иностранных дел Иден выступил в защиту генерала-убийцы Радеску, всячески оправдывая его действия и утверждая, будто Радеску «лично не замешан в антисоюзнической деятельности». Вопрос о Румынии дважды за короткий период поднимался на заседаниях американского конгресса. 2 марта 1945 г. член палаты представителей от штата Висконсин выступил с выражением полной солидарности американских правящих кругов с отъявленными румынскими реакционерами — национал-либералами и национал-царанистами — за их упорное сопротивление демократизации Румынии [154]. Второй раз вопрос о Румынии был поднят на заседании палаты представителей 15 марта 1945 г. Один

---

[152] Г. Георгиу-Деж, Статьи и речи, т. II, стр. 281.

[153] См. «Parliamentary Debates. House of Commns», March 14, 1945, vol. 409. col. 211.

[154] См. «Concessional Record», vol. 91, № 40, p. 1736A.

из членов палаты потребовал включить в протоколы заседаний конгресса в качестве приложения к протоколам заседания палаты представителей статью К. Брауна в «Вашингтон стар» от 13 марта 1945 г., в которой в связи с приходом к власти в Румынии демократического правительства автор обвинял СССР в «односторонних действиях».

Продажная американская и английская буржуазная пресса после провала попытки контрреволюционного переворота Радеску развернула клеветническую кампанию против Советского Союза, облыжно обвиняя его в нарушении решений Крымской конференции. Но и в английской и американской печати раздавались трезвые голоса, понимавшие, что приход к власти в Румынии демократического правительства является закономерным результатом борьбы внутренних сил, а отнюдь не результатом воображаемого «советского вмешательства». Журнал «Нью-рипаблик» признавал, что правительства Санатеску и Радеску были неспособны на принятие радикальных мер, вызывавшихся войной и «социальными конфликтами» Румынии, потому их падение было неизбежным[155]. Лондонский еженедельник «Трибюн», рисуя общую картину внутриполитической борьбы в Румынии после ее освобождения от фашизма, приоткрывал завесу над деятельностью дипломатических представителей США и Англии, подстрекавших румынскую реакцию к усилению борьбы против демократических сил. «С момента заключения перемирия, — сообщал он, — Румыния разделилась на две группировки: левую, опирающуюся на НДФ и ориентирующуюся на дружбу с СССР, и правую, консервативную. Сначала вторая группировка действовала осторожно, но после энергичного английского вмешательства в Греции, направленного против левых, она стала усиленно добиваться поддержки англичан, полагая, что проводимая румынским правительством политика, направленная против левых, будет поддержана английскими и американскими членами Союзной контрольной комиссии». Решение Радеску повести решительное наступление против демократических сил, как подчеркивает журнал, не было основано на необеспеченном предположении. «По-видимому, ему были сделаны какие-то намеки со

---

[155] См. «New Republic», March 19, 1945, p. 386.

стороны английских представителей в Бухаресте. Эта глупая провокация дала суровые результаты»[156].

Выдумкой о «советском вмешательстве», об «экспорте революции» идеологи антикоммунизма безуспешно пытаются прикрыть действительное вмешательство англо-американских правящих кругов, преследовавшее цель не допустить победы народной революции в Румынии. Факты свидетельствуют, что не мнимый «экспорт революции», а реальная поддержка контрреволюции западными империалистами отмечалась в тот период в Румынии. Исследование классовой борьбы в Румынии в период с 23 августа 1944 г. по 6 марта 1945 г. убедительно свидетельствует о том, что установление народно-демократической власти есть дело рук румынского народа — подлинного творца своей истории. Советский Союз, верный принципу пролетарского интернационализма, оказал великую помощь трудящимся Румынии в их борьбе за освобождение от империалистического гнета. Но эта помощь, как видно из вышеизложенного, не имела ничего общего с вмешательством во внутренние румынские дела.

6 марта 1945 г. было покончено с политикой зависимости от империалистических держав, а в основу внешней политики румынского демократического правительства легла дружба с Советским Союзом, за что КПР последовательно боролась с первых дней своего существования. Правительство П. Гроза повело политику строгого выполнения условий перемирия, усилило участие страны в антигитлеровской войне, добившись того, что Румыния внесла достойный вклад в окончательный разгром фашистской Германии. Приход к власти демократического правительства создал условия для проведения глубочайших революционных, экономических и политических преобразований, для последующего развития Румынии по социалистическому пути.

Так в результате разгрома фашизма в Румынии установилась народная власть. Ни диктатура Антонеску, ни германский фашизм не спасли прогнившего буржуазно-помещичьего строя.

---

[156] Цит. по «Правда», 21 марта 1945 г.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 299—426.
В. И. Ленин, Государство и революция, Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 1—120.
В. И. Ленин, Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 20—31.
В. И. Ленин, Демократические задачи революционного пролетариата и крестьянства, Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 270—277.
В. И. Ленин, Марксизм и восстание, Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 242—247.
В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 1—104.
В. И. Ленин, О двоевластии, Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 145—148.
В. И. Ленин, Оппортунизм и крах II Интернационала, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 99—128.

* * *

Георге Георгиу-Деж, Статьи и речи, тт. I—II, Госполитиздат, 1956.
Георге Георгиу-Деж, Статьи и речи (июнь 1960 — декабрь 1962), Бухарест, 1963.
Gh. Gheorghiu-Dej, Articole şi cuvintări (1955—1959), Buc., 1959.
Gh. Gheorghiu-Dej, Articole şi cuvintări (1959—1961), Buc., 1961.
Gh. Gheorghiu-Dej, A XX-a aniversare a eliberării Romîniei de sub jugul fascist, Buc., 1964.
Gh. Gheorghiu-Dej, O politică romînească de realizări democtatice, Buc., 1945.

* * *

«ЦК РРП. Информационный бюллетень № 11—12, 1961 (Материалы пленума ЦК РРП 30 ноября — 5 декабря 1961 г.)», Бухарест, 1961.
«Documente din istoria partidului comunist din Romînia 1917—1944», Buc., 1951.
«Institutul de istorie a partidului de pe lîngă CC al P. M. R.», Buc., 1961.

«Lecţii în ajutorul celor care studiază istoria P. M. R.», Buc., 1961.
«Editura politică», Buc. 1961.
«Внешняя политика СССР. Сборник документов», тт. IV—V, Госполитиздат, 1946—1947.
«Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», тт. I—III, Госполитиздат, 1946—1947.
«Агрессивная политика и происки американского империализма против Румынской Народной Республики», Бухарест, 1952.

* * *

Arhiva CC al PCR, fond 1, 103, 104.
Arhiva Ministerului Afacerilor Externe, fond Germania.
Arhiva Ministerului Forțelor Armate, fond Marele Stat Major Arhiva Statului. București. Fond Președinția Consiliului de Miniștri.
Историко-дипломатический архив МИД СССР. Микрофильмы румынских архивных документов (фонды: Совет Министров, Министерство иностранных дел, Военное министерство).
Архив внешней политики СССР, фонд 125.

* * *

«Monitorul oficial», 1940—1945.
«Pe marginea propăstiei», vol. 1—2. Buc., 1941.
«Procesul marii trădari naționale (Stenograma desbaterilor dela tribunalul poporului asupra Antonescu)», Buc., 1946.
«Le procès des dirigeants de l'ancien parti national-paysan: Maniu, Michalake etc», Buc., 1947.
«Le procès du groupe des comploteurs, éspions et saboteurs: Popp, Bujoi, Auschnit etc», Buc., 1948.
«Romînia în războiu 22 iunie 1941 — 22 iule 1943». Buc., 1943.
«Anuarul statistic al Romîniei 1939—1940», Buc., 1940.
«Recensementul general al Romîniei din 6 aprilie 1941. Date sumare provizirii», Buc., 1944.
«Trial of the Major War Criminals before International Military Tribunal, 14 november 1945 — 1 october 1946», vol. I, II, VII, XX, Nuremberg, 1947.
«Documents on German Foreign Policy series D (1937—1945)» vol. IV—XI, N. Y., 1953—1959.

* * *

«Правда», 1940—1945 гг.
«Красная Звезда», 1940—1945 гг.
«Известия», 1940—1945 гг.

* * *

«Romînia liberă», 1943—1945.
«Scînteia», 1944—1945.
«Inainte», 1943—1944.
«Seara populară», 1944—1945.
«Porunca Vremii», 1943—1944.
«Universul», 1940—1944.
«Curentul», 1940—1944.
«Curentul Nou», august — septembrie 1944.
«Dreptatea», 1944—1945.
«Adevărul», 1944—1945.
«Viitorul», 1944—1945.
«Libertatea», 1944—1945.
«Semnalul», 1944—1945.
«The New York Times», 1940—1945.
«The Times», 1940—1945.

* * *

«Большевик», 1940—1945 гг.
«Война и рабочий класс», 1943—1945 гг.
«Мировое хозяйство и мировая политика», 1943—1945 гг.
«Вопросы истории», 1955—1965 гг.
«Новая и новейшая история», 1958—1965 гг.

* * *

«Lupta de clasă», 1944—1965.
«Studii. Revistă de istorie», 1951—1965.
«Analele Institului de istorie a Partidului de pe lînga CC al PCR», 1955—1965.
«Revista arhivelor», 1960—1965.
«Keessing's Contemporary Archives», 1940—1944.
«The Economist», 1940—1944.
«Nineteenth Century and After», 1940—1944.

* * *

«Вклад Румынии в разгром фашистской Германии (23 августа 1944 г.— 9 мая 1945 г.)», Воениздат, 1959.
«История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», тт. 1—4, Воениздат, 1960—1962.
«История Румынии», ИЛ, 1950.
В. Виноградов, Е. Карпещенко, Н. Лебедев, А. Язькова, История Румынии нового и новейшего времени, изд-во «Наука», 1964.
Н. Лебедев, Борьба за установление народной власти в Румынии в период с 23 августа 1944 г. по 6 марта 1945 г. (см. «Новая и новейшая история Румынии», изд-во «Наука», 1963).
Н. Лебедев, Румыния в годы второй мировой войны, Изд-во ИМО, 1961.

Н. Лебедев, Е. Карпещенко, История Румынской Народной Республики, Изд-во ИМО, 1964.
В. Лесаков, Румыния на пути к социализму, Госполитиздат, 1955.
М. Новиков, Конец Дофтаны, ИЛ, 1963.
И. Олейник, Развитие промышленности Румынии в условиях народно-демократического строя, Соцэкгиз, 1959.
«Обзор крестьянского вопроса в Румынской Народной Республике», Бухарест, 1948.
А. Петрик, Г. Цуцуй, Установление и укрепление народно-демократического строя в Румынии, Бухарест, 1964.
А. Пушкаш, Венгрия во второй мировой войне, Изд-во ИМО, 1963.
«Румыния во второй мировой войче», Бухарест, 1964.
Т. Савин, Иностранный капитал в Румынии, ИЛ, 1950.
С. Самойлов, Румыния в 1939—1949 гг., М, 1949.
М. Сазина, Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя (1944—1947), изд-во «Наука», 1963.
А. Шевяков, Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии, Кишинев, 1963.
«Ясско-Кишиневские Канны», изд-во «Наука», 1964.
«Agricultura Romîniei. 1944—1964», Buc., 1964.
Anescu B., Popa M. Jefuirea poporului romîn de cître monarchie, Buc., 1958.
«Apararea Patriotică. Primul congres liber august 1945», Buc., 1945.
«Armata română în războiul antihitlerist», Buc., 1965.
«Aspecte ale dezoltării capitalismului monopolist în Romînia», Buc., 1957.
Bîrza B., Eroi rămîn yeşnic tineri, Buc., 1959.
«Cazute in lupa», Buc., 1949.
Ciachir N., Loghin L., Fraţia de arme romîno — sovietică, Buc., 1959.
«Contributia României la victoria asupre fascismuli», Buc., 1965.
«Cum au fost jefuiţi ţăranii de antoneşţi, legionari şi nemţi», Buc., 1946.
«Dezbaterile primului Congres general liber de sindicatelor unite din Romînia», Buc., 1945.
«Dezvoltarea economică a Romîniei 1944—1964», Buc., 1964.
«Din lupta PCR pentru închegarea alianţei cluse muncitoare cu ţaranimea muncitoare în batalia pentru reforma agrara din 1944—1945», vol. I—III, Buc., 1955—1960.
«23 august 1944. Culegere de articole», Buc., 1964.
«20 de ani de la eliberarea. Romîniei», Buc., 1964.
Florescu M., Politica provocătoare de razboi a partidelor «istorice», Buc., 1946.
Gărneaţa A., Adevărată istorie a unei monarhii, Buc., 1948.
Groza P., In umbra celulei, Buc., 1945.
Groza P., Reconstrucţia Romîniei 1944—1946, Buc., 1946.
Groza P., In drum spre socialism, Buc., 1950.
«Industria Rominiei 1944—1964», Buc., 1964.
«Istoria economiei naţionale a Rominiei», vol. II, 1961.
Mihail I., Sova V., URSS ajută Romîniei democratice, Buc., 1946.
«Militarism german şi Romînia», Buc., 1963.
Murgescu C., Reforma agrară din 1945. Buc., 1956.
«Pentru o Romanie democrată», vol. I—II, Buc., 1945.

«Politica consecventa» de trădare a lui I. Maniu şi a partidului național — tărănesc, Buc., 1947.
Ravaş Gh., Pin istoria petrolului rominesc, Buc., 1955.
«Rezultatele «colaborării» economice cu Germania si ale participării noastre la războiul hitlerist», Buc., 1954.
Rădăceanu L., Temeliile politice de front unic muncitoresc, Buc., 1945.
Roman A., Din istoria luptelor revolutionare ale muncitorilor textilişti de la fabrica de postav «Buhuşi» (1917—1944), Buc., 1944.
Savin T., Economia rominească sub jugul imperialismului german, Buc., 1946.
Savin T., Istoria unei figuri «istorice» Juliu Maniu, Buc., 1946.
«Stefan Gheorghiu», Buc., 1954.
«Studii privind istoria economică a Rominiei», Buc., 1961.
«Studii şi articole de istorie», vol. I—IV, Buc., 1956—1962.
«Studii şi materiale de istoria contemporana», vol. I—II, Buc., 1956—1962.
Surpat Gh., Pauperizarea clasei muncitoare din Rominia burghezo-moşierească, Buc., 1962.
Ţuţui Gh., Popescu A., Zdrobiţi de popor (Falimentul partidelor burghezo — mosiereşti), Buc., 1959.
Ţuţui Gh.. Popa M., Hohenzollernii in Romînia, Buc., 1962.

* * *

Alifieri D., Dictators Face to Face, L., 1954.
Antonescu M., Pentru Basarabia si Bucovina, Buc., 1941.
Black C., Challenge in Eastern Europe, New Jersy, 1954.
Bolitho H., Rumanıe under King Carol, N. Y., 1940.
Braun A., Lupte şi jertfe pentru Ardeal, Braşov, 1944.
Byrnes J., Speaking Francly, N. Y., 1947.
Carp M., Cartea neagra. Legioneri şi rebeliunea, Buc., 1941.
Ciano G., Journal politique, vol. I—II, P., 1946.
Codrescu F., Capitalurile germane in Rominia, Buc., 1941.
Constantinescu V., Politica economica aplicata, vol. II, Buc., 1943.
Gretzianu A., The Lost Opportunity, L., 1958.
Dorul B., Revoluţia fascistă, Buc., 1940.
Dumitrescu S., Activitatea de război a organizaţiei clandestine din Rominia, Buc., Socec.
Easterman A., King Carol, Hitler and Lupescu, L., 1942.
Ene E., Spre statul ţăranesc, Buc., 1932.
«East — Central Europe under the Communists. Rumania» (Editor St. Fisher — Galati), N. Y., 1957.
H. Frissner, Verratene Schlacten. Die Tragödie der deutchen Wehrmacht in Rumanien und Ungarn, Hamburg, 1956.
Gafencu Gr., Les derniers jours de l'Europe, P., 1946.
Gafencu Gr., Prelude to the Russian Campaign, L., 1945.
Gafencu Gr., The Lost Opportunity, L., 1957.
Gheorghe J., Rumaniens weg zum satellitenstaat, W., 1952.
Gosset P., et R., La deuxième guerre mondiale. Les secrèts de la paix manquée, P., 1951.
Herseni I., Mişcarea legionară si muncitorimea», Buc., 1940.

Hillgruber A., Hitler, Konig Carol und Marschall Antonescu. Weisbaden, 1954.
«Hitler's secret conversations» N. Y., 1959.
«Hitler's Europe», L., 1954.
Hoven H., King Carol of Rumania, L., 1940.
Kamenetsky J., Secret nazi plans for Eastern Europe, N. Y., 1961.
Kertesz St. (Editor), The Fate of East Central Europe. «Hopes and Failures of Americain Foreign Policy», N. Y., 1956.
Kormos A., Rumania, Cambridge, 1944.
Lee A. G., Crown against the sickle. The story of King Michael of Rumania, L., 1946.
Lee A. G., Special Duties, L., 1947.
Laenen H., Marschall Antonescu, B., 1943.
«Les lettres secrètes échangées par Hitler et Mussolini», P., 1946.
Lukacs J., The Great Powers and Eastern Europe, L., 1953.
Maclean F., Eastern Approches, L., 1949.
Macrin G., Despre greutățiile războiului (Lămuriri), Buc., 1943.
Mezincescu A., Rumania over two years of german domination, Oxford, 1943.
Mourin M., Le drame des états satellites de l'Axe de 1939 a 1945, P., 1957.
Mourin M., Les tentatives de paix dans la deuxième guerre mondiale 1939—1945, P., 1949.
«Mémorial Antonescu. Le troisième homme de l'Axe», vol. I, P., 1950.
Parker R., Headquarters Budapest, N. Y., 1944.
Pavel P., Transyvania and Danubien Peace, L., 1943.
Pavel P., Why Rumania failed, L., 1943.
Paulus, Ich stehe hier auf Befehe, Fr./M., 1960.
Praguer W., Bukarest, B., 1943.
Prost H., Destin de la Roumanie 1918—1954, P., 1954.
Protopescu V., Marin G., Bozdag J., Ghidul pieții financiare, Buc., 1943.
Roberts H., Rumania: political problems of an agrarian state, New Haven, 1951.
Rousec J., Balkan politics, Stanford University Press, 1947.
Scoppa B., Colloqui con due dittatori, Roma, 1949.
Seton-Watson H., Eastern Europe between the Wars 1918—1941, Cambridge, 1946.
Seton-Watson H., The East-European Revolution, L., 1950.
Stavrianos L., The Balkans since 1453, N. Y., 1958.
Stavrianos L., Balkan Federation, Northampton, 1944.
Schellenberg W., The Labyrinth, N. Y., 1960.
«Trei ani de guvernare», Buc., 1943.
Ullien-Reviczky A., Guerre Allemande. Paix russe. Le drame hongrois, Neuschatel, 1947.
Waldeck A., Athenee Palace, L., 1943.
Western M., The Balkans: Europe's powder — key, Toronto, 1946.
Weizseiker E., Memoirs, L., 1951.
Wolf R., The Balkans in Our Time N. Y., 1955.
Woodhouse C., Apple of Discord, L., 1948.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

УСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ И ВКЛЮЧЕНИЕ РУМЫНИИ В ГИТЛЕРОВСКИЙ БЛОК

Часть вторая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРИЗИСА ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ АНТОНЕСКУ

Часть третья

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ 23 августа 1944 г.

Часть четвертая

УСТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ В РУМЫНИИ

Николай Иванович Лебедев

ПАДЕНИЕ ДИКТАТУРЫ АНТОНЕСКУ

Художественный редактор *Л. М. Воронцова*
Редактор *Б. Л. Цыбулевский*
Технический редактор *И. Г. Крейс*
Корректор *Л. Ф. Крылова*

А 11650. Сдано в набор 11/I-1966 г. Подписано в печать 27/IV-1966 г. Формат 84×108[1]/32. Физ. печ. л. 15. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 25,65. Тираж 4000 экз. Зак. 103. Цена 1 руб. 80 коп. Бум. тип. № 1.

Издательство «Международные отношения»
Москва, И-90, 4-я Мещанская, 7.

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Падение диктатуры Антонеску